

Куранов Николай Петрович

Крестьянское
ГНЕЗДО

Издательство ДАР / ВОДГЕО,
Москва 2019

Н.П. Куранов «Крестьянское гнездо». – М.: Изд. ДАР / ВОДГЕО, 2019. – 277 с.

В книге известного учёного, лауреата премии Правительства России, Почётного строителя России, профессора, доктора технических наук Куранова Н.П. приводятся сведения о жизни и судьбах одного крестьянского «гнезда», основатели которого родились в 19 веке, а их внуки, правнуки и праправнуки разлетелись по всей России и за её пределы. Проводится мысль о преемственности поколений, продолжению трудовых и нравственных традиций семьи. Особое место уделено уникальности этого крестьянского «гнезда», из которого в войну пятеро сыновей оказались в авиации. На их счету не только участие в Великой Отечественной войне, Финской и Японской компаниях, перегонка самолётов через океаны, но и сбитые самолёты противников, два воздушных тарана, высокие награды Родины и высокие офицерские звания. Не все заслуженные награды нашли своих героев, но на войне как на войне... Важное место в книге занимает описание мелочей жизни в довоенный, военный и послевоенный периоды, из которых и состоит, главным образом, наша жизнь. Из них, из мелочей хорошо просматривается время, нравственные послы, которыми руководствуются члены большой семьи.

© Н.П. Куранов, Изд. ДАР / ВОДГЕО, 2019

Содержание

1. Откуда ноги растут	4
2. Откуда корни идут.....	6
3. Крестьянское гнездо и его обитатели.....	16
4. Школа выживания и жизни.....	23
5. Забузанские соколы.....	64
6. Из жизни самого молодого сокола	123
6.1. Как учили летать.....	123
6.2. И служить надо, и жениться пора	141
6.3. Становление офицера и семьянина	146
6.4. Служба отечеству и семье.....	173
7. Разные судьбы.....	206
8. Вместо эпилога	275

1. Откуда ноги растут

В один обычный трудовой день раздался телефонный звонок. «Мне Николая Петровича, пожалуйста!» Не сразу, но все же довольно быстро до меня дошло, что я разговариваю с восхитительной женщиной, которую я видел однажды лет 60 назад. Это жена моего дяди Михина Германа Филипповича, которого уже давно нет в живых. Я толком и не знал жива ли его жена – Нина Николаевна. Несмотря на то, что Нину Николаевну я видел один раз в 12-15 летнем возрасте, я всегда, всю жизнь восхищался ее красотой и этой парой Герман и Нина, свадебная фотография которых всегда хранилась и хранится в семейном альбоме.

Нина Николаевна нашла меня потому, что ее беспокоило забвение одного из братьев мужа – Михина Якова Филипповича. Она знала о героических подвигах Якова, о его кончине еще в далеком 1958 году в Пензе, а сейчас в 2017 году она каким-то образом поняла, что могила этого блестящего незаурядного человека потеряна. Это ее так обеспокоило, что она поставила себе целью исправить эту несправедливость. Поиски решения этой проблемы привели к тому самому телефонному звонку и это теперь стало моей задачей. Я стал мучительно вспоминать, что же я знаю о моем дяде по материнской линии Михина Якове Филипповиче. Сам я его видел тоже один раз в жизни, по-моему, в 10 лет в 1956 году, когда он после демобилизации приехал в свое родное село, где жила и наша семья. Но этот его визит я запомнил на всю жизнь. Наверное, потому, что мой отец, оставшись в войну без руки был необычайно рад встрече с Яковым, с которым они в тридцатые годы были профессиональными рыбаками, рыбачили в одном звене, в одной бударке. Встретились фронтовики-родственники, которые в молодости «хлебали» вместе суровый рыбацкий быт.

Вряд ли Яков в тот визит говорил о своих подвигах, но помню, что жаловался на сердце, и что врачи советуют ему жить в Пензе, ближе к хвойному лесу. С такими познаниями о моем дяде я вряд ли мог надеяться на то, что отыщу его могилу и поэтому я запросил у Нины Николаевны хоть какую-нибудь информацию. Как же я был обрадован, когда Нина Николаевна с помощью своих детей переслала мне записи Германа Филипповича, в которых содержались кое-какие сведения о Якове и его судьбе. Радость моя была связана не только в связи с этими сведениями, но я, читая эти записи, заново взглянул на жизнь молодых фронтовиков и на уникальность семьи моего деда Филиппа Семеновича и бабушки Татьяны Алексеевны Михиных. Впрочем, об этом читатель лучше узнает из записок их сына Германа Филипповича, которые прислала мне его семья. Почему мне? Этот вопрос я задал Нине Николаевне еще во время

первого телефонного разговора. А ответ получил исчерпывающий. Оказывается, ей каким-то образом помогла моя книга, которую я написал к 100-летию со дня рождения моего отца Куранова Петра Ивановича еще в 2005 году. Она там прочла мою версию, составленную по памяти из далекого детства, в т.ч. о жизни семьи деда Филиппа и бабушки Тани. Сказала мне по телефону, что далеко не все в этой книге, что касается этой семьи, точно. Ей хотелось, чтобы я знал о Михиных больше, чем сохранилось в моей памяти. Но это не главное, что ее волновало, а та несправедливость, виновниками которой, в той или иной степени, были мы – родственники. Как все мы могли допустить, что могила Якова Филипповича Михина, совершившего двойной воздушный таран в военное время, участвовавшего в других известных геройских операциях Советских летчиков, оказалась беспризорной? Она несет в себе эту вину и прилагает оставшиеся в ее возрасте все усилия, чтобы устранить эту несправедливость. Ее надежды теперь связаны со мной. Все же доктор технических наук, профессор, автор множества научных статей, лауреат каких-то премии, Почетный строитель России, да еще и москвич. Так и сказала. И попала в точку, совсем не из-за регалий, которые сами собой появлялись в моей жизни и потому, что к моменту телефонного звонка я достиг того возраста, когда любые сведения о моей родословной мне были важнее и дороги, чем уже довольно посредственные трудовые достижения. Слабоумие еще не наступило, но и полет мысли серьезно пострадал. Мне в высшей степени показались интересными записки Германа Филипповича. Интересны прежде всего пронзительными некнижным рассказом о довоенных, военных и послевоенных буднях, рассказом о роли малой родины в своей судьбе, юности, семейных отношениях в многодетной крестьянской семье. Мне очень захотелось дать возможность желающим погрузиться в ежедневные заботы простого деревенского парня на пути к одной из самых престижных профессий того времени – летчика!

Именно поэтому я оставил выдержки из записок моего дяди без рецензирования, обличив их в некий книжный вариант. Есть еще, на мой взгляд, главное достоинство, почти дневниковых записок Михина Г.Ф. – любовь к жизни и людям, с которыми связала его судьба. А это всегда освещает душу читателя, даже при описании нелегкого военного быта летчиков-курсантов.

Выписки Г.Ф. Михина легли в основу этой книги. К ним добавились те материалы и события, которые происходили после неожиданного звонка прекрасной женщины, с которой я встречался около 60 лет назад. Кроме того, работая над этой книгой, мне помогли устные и письменные воспоминания некоторых «пёрышек» крестьянского гнезда деда Филиппа и бабушки Тани, а так же собственные воспоминания и жизненный опыт.

2. Откуда корни идут

Не перестаю удивляться стремительному изменению жизни и быта. Только в масштабах одного жизненного пути, я имею в виду свой жизненный путь. Помню первый трактор и полуторку в моем колхозе, помню, как пришельцев из космоса, появившихся откуда-то электромонтеров, которые поставили деревянные столбы, натянули провода, протянули их в каждый крестьянский дом, а потом провели их по всем комнатам. Недалеко от моего дома построили небольшой кирпичный домик, где установили огромный, казалось мне, двигатель. Электростанция!

Наш сосед – Василий Иванович Куранов по кличке «Хромой» – стал одним из самых загадочных и авторитетных людей нашего села. Он стал тем кудесником, который мог зажигать лампочки в каждом доме, а мог и погасить их. А сейчас я уже не только не удивляюсь, но уже и не представляю себе жизни без гаджетов, которые позволяют мне быть на связи с любой точкой земного шара. Я могу посмотреть, что делает сейчас семья моего сына в Калгари (Канада), куда сегодня потянулись тропы второго моего сына в Лангиере (Шпицберген) – на ледник, в океан на каяках или на вертолете в город-призрак Пирамиду. Да и не только эта реальность – реальность технического прогресса – заставляет удивляться, а по сути, восхищаться достижениями Человека. Ведь я помню, как в семье моего друга, один кусочек сахара делили на целый день на три человека, как подкармливала моя мама голодающих моих друзей завалявшейся воблой, картофельными очистками и всем тем, что можно было назвать съедобным. Сам я голода не знал, не пережил, потому что мой отец остался жив на войне, вернулся в родное село в низовьях Волги. Он, пусть безрукий, но живой (!) не только сделал необходимое, чтобы мне появиться на свет, но и обеспечил радостное, не голодное, ощущение жизни. Не только мне, конечно, но и всей большой семье.

А сейчас в вопросе питания изменения наступили такие, которые не идут в сравнение даже с техническим прогрессом. Сейчас главенствует принцип – ешь, чтобы похудеть! Не выжить, не быть здоровым, а похудеть(!). Мне почему-то кажется, что наши деды с трудом, но поверили бы техническому прогрессу, но феномену «похудеть» не поверили бы ни за что. Так ли это?

А что я знаю о моих «дедах»? Не так уж и много. По линии отца я их совсем не знаю, потому что отец сам остался сиротой в раннем детстве. А по линии мамы – я бабушку и дедушку помню хорошо! Сумели при такой огромной семье (девять оставшихся в живых, и с десятков умерших младенцами) оставить глубокий след в моей детской душе. Хотя наша семья, тоже была не мала (четыре + два умерших).

Помню я предков совсем не за их ласку, о которой говорят, вспоминая дедов. Скорее, наоборот. Они были некоей вершиной справедливости, а не нежности. Бабушка была трибун, борцом за справедливость не столько для своих ближних, сколько за всех других сельчан, к которым судьба была неблагосклонна. Ее трибуной служило обычное сельское крыльцо, на котором она сидела, занималась каким-нибудь рукоделием: пряла, вязала, штопала, перебирала, обрезаала и т.п. Дом расположен напротив магазина, так что на ее крыльце всегда было людно. Бабы, вырываясь в магазин от бесконечных текущих дел по дому, по хозяйству, не могли справиться с соблазном пять-десять минут поболтать о том, о сем, поделиться друг с другом новостями, сплетнями, обсудить общие положения в колхозе, стране и мире. Тут же как мухи крутились ребятишки. Мальчишки гоняли ногами что-то, похожее на мяч, девчонки прыгали со скакалкой.

Бабушкино крыльцо было для меня центром светской деревенской жизни, как колхозное крыльцо – центр производственной жизни села. Бабушка любила быть в центре такой жизни, от нее не ускользали никакие новости, как не ускользали и виновные в проступках от громкого осуждения и обсуждения совершившегося действия. Правду-матку она не то, что любила, а считала своей обязанностью «влепить» виновнику в глаза. Могла принародно осудить и пригвоздить лентяя, прощальгу, лизоблюда, бабника, мздоимца, пьяницу, «слабую на передок» женщину. Мало ли пороков у человека, чего только не случается на селе, и бабушка, нередко, эффективно очищала эти «Авдиевы конюшни». Казалось, что ей это было легко и просто. Считалось, что она на это имеет право – совать нос, куда другому нельзя, копать в грязном белье и никто не считал это зазорным. Это право она заслужила не только своим примером воспитания семьи, но и тем, что ее слова и действия были искренними, направленными на результат, а не на внешние эффекты. Она хорошо ориентировалась в ситуации, подбирая нужные слова для осуждения. И методы ее были точны, а именно: кому на ушко, кому громко и в лоб, кому со смешком, а кому с угрозой. Современная педагогика и психология подробно изучают различные подходы к тому, что называется «достучаться» до человека, до его разума, сердца, его души. Бабушка (а я и многие другие жители села звали ее бабанька) владела этими современными методами в совершенстве и не только владела, но и эффективно их использовала.

Дед был в этом деле – деле воспитания и искоренения людских недостатков – тоже, по-моему мнению, профессионал высочайшей квалификации. Но его методы разительно отличались от методов бабаньки. Молчаливый, лишнего слова не вытянешь, он сидел и работал руками не у всех на виду, а в довольном темном сарае, где шорничал, плотничал, пилил, строгал, выбивал стамеской, вырезал, клеивал, насаживал. К нему приходили за советом и визиты такого рода он ни с кем не обсуждал. Поэтому пользовался абсолютным доверием, его слово почти всегда было последним. При такой большой семье и трибуне-жене быть общепризнанным главой семьи – это абсолютный показатель его выдающихся способностей в деле воспитания. В колхозном деле он был эксклюзивным специалистом в нескольких делах: единственный шорник, профессиональный

рисосеятель, лучший точильщик ножниц для стрижки овец и т. д. и т. п. Один дедов методический прием в деле воспитания молодёжи у нас передавали от поколения к поколению. За столом расшумелась детвора, жена кричит то на одного, то на другого. Эффект противоположный. Дед резким движением деревянной ложки бьет по лбу наиболее резвого. За столом тут же зависает мертвая тишина, сразу все успокаиваются, и трапеза идет своим чередом.

Вот то небольшое, что могу я вспомнить о своих бабушке и дедушке. Думал о них, знал их быт и основные вехи развития их семьи, думал о маме, которая до конца их дней иногда сама, а чаще из-за нехватки времени, посылая меня отнести им, то рыбу, то мясо, то овощи (фрукты на селе были в дефиците).

Я всегда натыкался на вопрос: «Как так получилось, что многие из братьев мамы, те, что уехали из села, стали летчиками?!» На этот мой вопрос в детстве, наверное, были какие-то ответы, которые в то время меня устраивали, но потом свои жизненные дороги увели меня далеко от этого вопроса и вот сейчас, на моем восьмом десятке, этот вопрос вновь неожиданно встал передо мной. Встал он после того памятного звонка, о котором я упоминал вначале, и в результате, которого у меня оказались записки моего деда Михина Германа Филипповича. Они не только всколыхнули тот самый вопрос, но позволили другими глазами из глубины семьи, судьбы одного из маминых братьев взглянуть на прошлое, которое своим крылом касается и меня. В этой машине времени я переместился в прошлое. И вот что я встретил.

Мои воспоминания о прошлом.

Посвящаю детям и внукам. Расскажите и правнукам. Пусть они, эти воспоминания будут дорогой памятью для вас.

Писать о своей жизни мне напомнили обстоятельства, события, которые уже сейчас стали трудно припоминаться. А жаль оставлять их в небытие.

Жена – Нина Николаевна тоже согласна, что эти воспоминания были бы интересными для детей. С 1980 года я начал их писать, стараясь изложить в хронологической последовательности основные моменты своей и совместной жизни.

Мои предки

Родители мои Татьяна Алексеевна Жабина и Филипп Семенович Михин родились и проживали в с. Сокрутовка Владимирского района (уезда) Астраханской области (губернии). Сейчас районный центр называется Ахтубинск, т.к. расположен на берегу притока Волги-Ахтубе. Ни деда, ни бабушки я не помню. По рассказам дед по отцу Семен Васильевич был хозяйственным, добрым и рассудительным человеком. Он рано овдовел, когда моему отцу едва сравнялось три года. Старше его были два брата: Сергей и Степан, младше – сестра Анна. По линии отца в нашем роду шестого или седьмого поколения была женщина происхождением из народов Северного Кавказа. Видимо поэтому некоторые из нас имеют сходство с этими народами.

Дед по матери Алексей Васильевич смотрел на жизнь проще, за хозяйством особенно не переживал, любил выпить.

Мама была в семье старшей из детей. У нее были два брата (Андрей и Прохор) и две сестры (Екатерина и Кристина). Поэтому все хозяйственные заботы рано легли на ее плечи. Родилась она 31 декабря 1980 года, отец – 31 декабря 1981 года.

У дяди Сергея были три сына: Герасим, Афанасий и Михаил; у дяди Степана – дочь Мария и сын Тимофей. Тимофей погиб в 1941 году, а Мария (Барташева) проживает в Астрахани. У Михаила Сергеевича было тоже три сына: Василий, Леонид и Иван. Василий погиб в 1942 году, Леонид живет в родном селе, а Иван в г. Усть-Лабинске Краснодарского края. У него три дочери: Наташа, Жанна и Марина.

Родственники мамы. Брат Прохор до войны проживал в Астрахани, работал в прокуратуре, сменил фамилию Жабин на Вольный, а имя – на Валентин и стал Вольный Валентин Алексеевич. Сын его единственный Анатолий 1925 года погиб в 1942 году под Сталинградом.

Сестра Екатерина, желая облегчить положение в семье, с 14 лет ушла молиться в монастырь и всю свою жизнь посвятила монашеству. Она проживала в Астрахани. Будучи в этом городе, мы всегда у нее останавливались, она делилась всем, чем только могла. За это мама о ней всегда с благодарностью отзывалась. Кристина перед войной с семьей уехала на Дальний Восток, где вскоре умерла при родах.

Родители мои, проживая в Сокрутовке, жили, как и все крестьяне, своим трудом, держали скот, обрабатывали землю, нанимались на сезонную работу, главным образом весной, к владельцам рыбных промыслов в окрестностях г. Астрахани (Промысел – это примитивный завод по первичной обработке рыбы). Обширные заволжские степи позволяли держать скот (коров, овец) с небольшими затратами по его уходу. Весной угоняли скот в степь и там пасли его. Молоко перерабатывали на масло, брынзу и творог. Животных, собранных в стадо, называли гуртом, а пастуха – гуртоправом. Эти степные места назывались займищем. Отец мой пастухом стал в раннем детстве. Трудность заключалась в том, что нужно было хорошо знать и ориентироваться в степи и самое главное уберечь гурт от волков. К зиме скот перегоняли домой, излишки продавали, заготавливали себе на зиму тушами, подвешивая их на чердаке.

В зимнее время в селе было увлечение – кулачные бои. Одна сторона села на другую. Начинались бои (драки) обычно перед вечером с детей, на помощь к ним подходили ребята, затем взрослые и дело доходило до стариков и бились до темноты, пока не придут к обоюдному согласию – хватит. Это происходило вроде спортивной борьбы, никакой обиды на второй день. Молодежь свое время проводила на вечеринках, которые происходили в домах родителей или нанимали такие дома для посиделок. На посиделки девушки приходили с работой – вязанием, а ребята с тыквенными семечками в карманах. Так проходило время в разговорах, песнях, танцах, играх. Здесь создавались условия для сватовства. До свадьбы сын просил родителей сосватать такую-то де-

вушку, чаще родители сами выбирали невесту, учитывая ее происхождение, отношение ее к работе и другие хозяйственные качества.

Сваты (2-4 человека) за 1-2 месяца осенью или в конце лета шли к невестинным родным договариваться. При согласии заручались, а свадьба проводилась в начале зимы или чаще после крещения (19 января). После рождественских праздников (7 января) начинались гадания девушек в крещенские вечера. Вечерами бросали за ворота башмаки, снятые с ноги, куда носом ляжет обувь, там живет жених; или в темноте из курятника каждая себе выбирает курицу и вносят в дом и пускают. По поведению курицы предполагают, какая будет свекровь. Об этом обычае В.А. Жуковский написал: «Раз в крещенский вечерок, девушки гадали, за ворота башмачок, сняв с ноги, бросали...» Мама говорила, что ее гадания сбылись.

Вот так я подробнее узнал о прошлом близких мне людей. Можно сказать, заново познакомился с дедушкой и бабушкой. Причём, узнал кое-что о них, начиная с их младенческого возраста. Это было в XIX веке. Подумать только, мне, пишущему эти строки в конце первой четверти XXI века, знакомы, близки и любимы те, кто родился всего спустя 20 лет после отмены крепостного права в России. А ведь они уж точно имели дело с теми, кто при этом крепостном праве жил. Интересно под занавес своей жизни изучить историю развития своей страны не по учебнику, написанному с благословения Министерства просвещения и им же утвержденному. Появилась возможность узнать обо всём на примере отдельной семьи, близкой тебе, в которой судьба каждого из этой семьи дорога тебе и тебе легко пропустить эту судьбу через сердце и душу.

Пойду ка я по тому пути, куда ведут мои корни – в с. Сокрутовка Астраханской области. И вот что я почерпнул на этом пути.

Село Сокрутовка основано в 1822 году (по другим данным село основано раньше – в 1808 году), именно в это время на возвышенном месте у левого берега небольшой речки, носившей название «Кордон» (ныне река Песчанка, приток Ахтубы) поселился беглый крестьянин из Воронежской губернии Сокрутов со своей семьей. Первоначально они поселились на месте сегодняшнего Плодосовхоза-питомника. Позднее повзрослевшие дети Сокрутова с семьями переехали в низину, где земля была более плодородной. Сокрутов прославился тем, что развел сады и виноградники, невиданные здесь ранее. В 1934 году на этой базе было создано лесодекоративный питомник, который в 50-е годы преобразован в садово-питомнический совхоз. Совою продукцию совхоз представлял в т.ч. на ВДНХ в Москве.

Одним из первых переселенцев после Сокрутова был каторжник Левкин из Курской губернии, который поселился в восточной части села. С годами сюда переселялись крестьяне из Воронежской, Курской и Харьковской губерний. Места, где селились люди, назывались хуторами. По национальному составу среди первых жителей села были русские и украинцы, а также несколько семей казахов. Фамилия Михин несет свои корни с XV-XVI веков на Руси от святого Михаила, что значит – подобный Богу.

По сведениям издания «Списки населенных мест Российской империи» за 1861 год Сокрутовка значится как хутор казенный Сокрутовъ Черноярского уезда при реке Ахтубе «на восточной стороне Московского тракта в луговой стороне», расположен в 37 верстах от уездного города Черный Яр. Число дворов - 124, число жителей - 1048, из которых 488 мужского пола и 560 женского пола. В хуторе числится молитвенный православный дом.

В конце XIX века в Сокрутовке числилось 20 ветряных мельниц, работали две торговые лавки. Жители занимались животноводством, выращиванием зерновых и садоводством. Сокрутовские яблоки славились на всю округу. Кроме того, одним из занятий местных жителей была перевозка соли с озера Баскунчак. Соль доставляли на быках и верблюдах в город Царицын, а после постройки пристани и солемолок ее стали возить в Петропавловку.

Обучение детей в селе началось в церковной сторожке, где изучали закон божий. В 1910 году в селе была открыта двухклассная церковно-приходская школа, которая позднее была преобразована в четырехклассную, а в советский период стала общеобразовательной.

Управление селом осуществлялось избираемым сходом села старостой. Первым старостой был Иван Константинович Гончаров, писарем – Дементий Сокрутов. Здание волости находилось рядом со старой школой, а в нем была отдельная комната – «кутузка», где содержались нарушители порядка до приезда урядника из села Болхуны.

В середине 1918 года был образован Сокрутовский сельский Совет.

После раскулачивания у Саввы Маторина был изъят дом и по решению общего собрания передан под здание сельсовета, а здание волости – под школу.

В 1930 году в Сокрутовке основан колхоз имени Дзержинского. Первое время люди неохотно вступали в коллективное хозяйство, и долгое время в колхозе было лишь 12 человек. Первым председателем был Федор Дмитриевич Мостовой. Но постепенно хозяйство расширялось. За колхозом было закреплено 3000 га пахотных земель, 50 га садов, в хозяйстве числилось 1500 голов крупного рогатого скота, 250 голов лошадей, 50 голов верблюдов и 2500 голов овец. Занимались полеводством – выращивали ячмень, рожь, пшеницу, томаты, капусту, морковь, свеклу. Сажали бахчевые: арбузы, дыни, тыквы. В Болхунах был основан рыболовецкий колхоз «Красный Ахтубинец», который объединял села Сокрутовку, Болхуны, Николаевку и Батаевку. Из Сокрутовки в колхозе состояла бригада из 30 дворов.

С началом Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. многие жители Сокрутовки ушли на фронт и с честью выполнили свой воинский долг. С войны не вернулись 162 жителя села.

В 1967 году открыто новое здание Дома культуры, в 1977 году – детский сад на 50 мест. В 1981 году построено новое двухэтажное здание школы с библиотекой, спортзалом, мастерской и столовой. В школе введена кабинетная система обучения.

В 1993 году колхоз им. Дзержинского был реорганизован в коллективное сельскохозяйственное предприятие (КСП) им. Дзержинского. В настоящее время в Сокрутовке работают КСП им. Дзержинского, совхоз Сокрутовский и 5

фермерских хозяйств, специализирующихся на выращивании томатов, баклажан, перцев, бахчевых культур.

В селе проживают представители разных национальностей: русские, казахи, татары, чеченцы, марийцы. Село живет, развивается со своими типичными проблемами для России.

Семья Михина Филиппа жила в Сокрутовке, а потом переместилась в Красноярский район той же, Астраханской области. Жизнь в Сокрутовке идёт своим чередом. Судьба малой родины моих предков, как и множества других российских сёл, не благоухает розами. Колючки этих роз и сейчас «в строю». Но, из песни слово не выбросишь, «что выросло, то выросло». А что с людьми? Как складывались их судьбы?

Для начала изображу-ка я дерево с корнями прадедов. Оно, конечно и не дерево вовсе, но все же кое-какие плоды дает.

Главный «плод» – это исключительная продуктивность пары Михин Филипп Семенович и Жабина Татьяна Алексеевна. Их «дерево» растет и расцветает. Тем интереснее подробнее рассмотреть его поближе, более тщательно, глубже понять живительные корни и соки, питающие это плодovitое дерево. Кроме «продуктивности» не менее интересны вопросы качества «плодов», их «вкус». Тем более, что одной из веточек этого дерева являюсь я сам, а мои дети и внуки – листья того дерева.

И еще о дереве. Везучие оказались Филипп с Татьяной: похоронка обошла их избу. Но оборванных войной веток на дереве не мало. Погиб в 1941 году племянник дядя Филиппа – Тимофей Степанович Михин. Сам то я родился в 1945 году и не мог знать Тимофея. Но я хорошо помню его мать. Это была та самая женщина, которая коня на скаку остановит, в горящую избу войдет. Все на селе от мала до велика звали ее Егоровна. При ее имени все обычно как-то хитро улыбались, предчувствуя нечто необычное. И это необычное не заставляло себя долго ждать. Со взрослыми она сразу, без всяких вступительных слов в глаза говорила все, что она о них думала. Поэтому далеко не все хотели бы встретиться на ее пути. Мы, дети, ее обожали: она всегда затевала с нами какие-нибудь игры. Я всегда нетерпением поджидал Егоровну у нас дома, куда она частенько, по родственному заходила. И всегда это был для меня праздник. Я помню ее отъезд из села, когда ее уже безнадежно больную, забрала к себе какая-то ее родственница из другого, неизвестного мне тогда места. Собралось половина села, проводить ее, как все понимали в последний путь. До сих пор помню ее прикосновение, когда она из толпы поманила меня к себе и погладила по головке. Я ее вспоминаю довольно часто и это ощущение окружающего ее праздника. Наверно еще и потому, что на нашем сельском кладбище рядом с моим дедом, бабушкой и отцом лежит ее муж Степан Михин. Я только сейчас, работая над этой книгой, до конца ощутил, что это родной брат моего деда. А до этого Степан, которого я при жизни не помнил, был для меня мужем Егоровны.

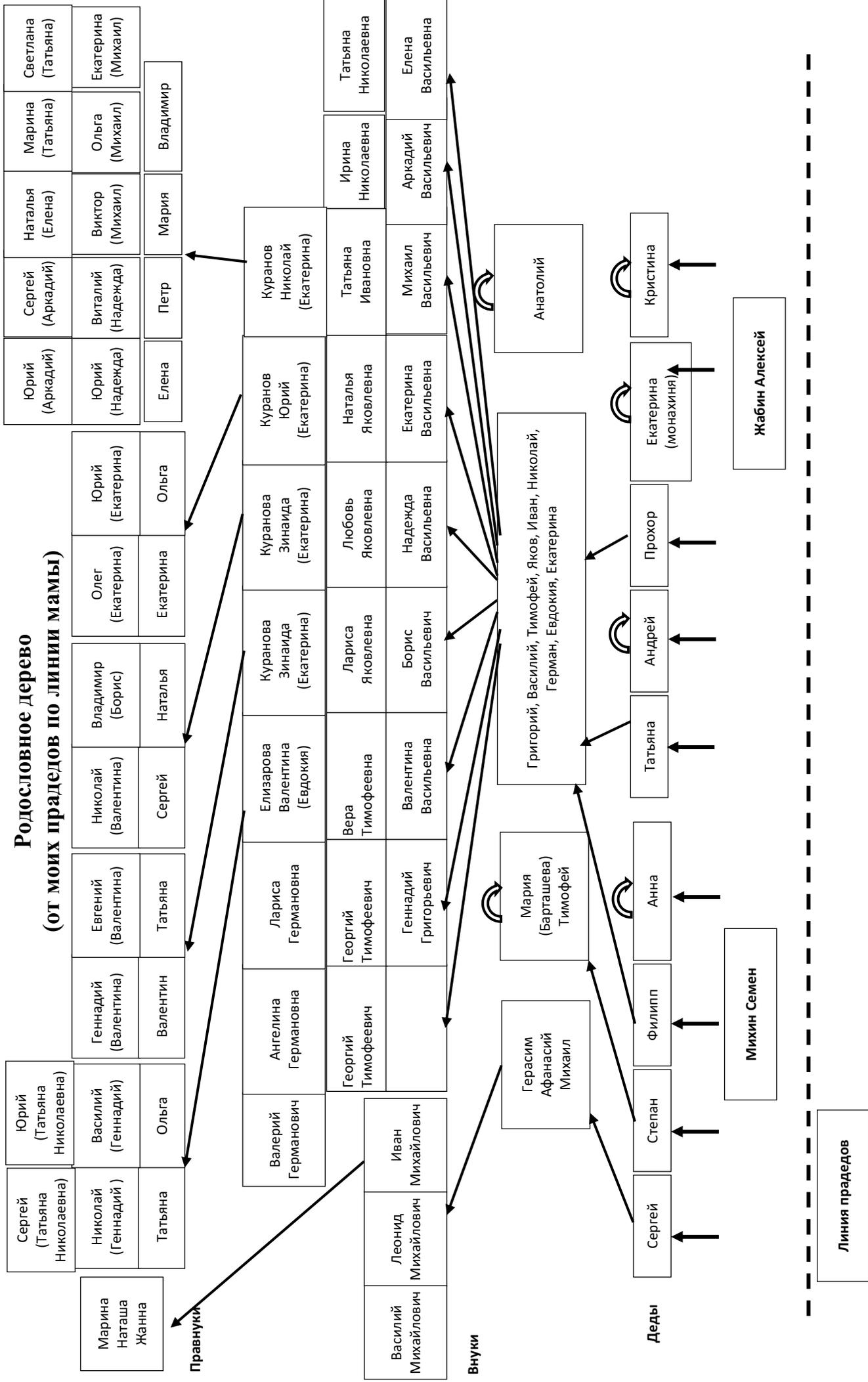
Погиб на фронте в 1942 году и внучатый племянник моего деда Филиппа. Василий Михайлович Михин, внук деда Сергея.

По линии бабушки Тани так же есть жертвы Великой Отечественной войны – племянник Анатолий Прохорович, которому от роду было всего 17 лет, и он

попал в мясорубку под Сталинградом. Война – главная причина «засохших» веток этого дерева.

В этом отношении судьба была благосклонна к деду Филиппу и бабушке Татьяне. Да, они не получали похоронки, но некоторые их дети – фронтовики – ушли из жизни раньше своих родителей. Им довелось «хлебнуть» из этой ужасной чаши. Но с этим я «забежал вперед». А сейчас продолжу свои наблюдения за жизнью семьи Михина Филиппа Семёновича, черпая необходимые сведения из записок Германа Филипповича.

Родословное дерево (от моих прадедов по линии мамы)

3. Крестьянское гнездо и его обитатели

(Семья)

В семье было девять детей: семь братьев и две сестры, пять детей умерли в раннем возрасте. Я – самый младший в семье.

Братья: Григорий – 1903 г.р., Василий – 1909 г.р., Тимофей – 1911 г.р., Яков – 1914 г.р., Иван – 1918 г.р., Николай – 1922 г.р.,

Сестры: Евдокия – 1905 г.р., Екатерина – 1907 г.р.

Это поколение Михиных не очень продолжило свой род.

Григорий женился на вдове с двумя детьми, усыновил одного – младшего, Геннадия Бородина 1922 года рождения. Своих детей не было. У Геннадия два сына, которые продолжают род Михиных, точнее, лже-Михиных.

Во время войны Григорий попал в плен в 1942 году под Харьковом. После войны прошел проверку в лагерях и в конце 1945 года неожиданно вернулся. Живет один в Астрахани. Когда от него не стали поступать вести, мама гадала и всегда предсказывали, что он жив, но находится очень далеко. А был он на шахтах Рура в Германии.

Василий женат был дважды. От первого брака было три дочери: Валентина, Надежда, Екатерина и сын Борис. Первая жена умерла в послевоенные годы на Дальнем Востоке, куда они уехали в 1940 году. Возвратился в с. Забузан, где проживали родители, и там женился второй раз. От второго брака были два сына: Михаил и Аркадий и дочь Елена. Василий погиб в 1963 году в результате трагического случая, дети от второго брака проживают в родном селе, а от первого Валентина и Екатерина с семьями и детьми в Ульяновске. Надежда в Ленинградской области. Фамилии Валентины – Бородина, Екатерины – Кольченко, Надежды – не знаю. Борис живет в Астрахани (Богдана Хмельницкого 35) есть сын Владимир и внук.

Тимофей с 1932 года находился на службе в Армии, в 1938 году приехал в отпуск и женился. Служил на Дальнем Востоке до 1949 года, затем в Австрии, под Одессой, закончил службу в 1958 году в Борисполе начальником связи авиачастоты. Там и остался жить после службы. Умер в 1969 году. Остались двое детей Георгий и Вера, проживают там же, семьи у обоих не получилось.

Яков. Ему очень нелегкая жизнь досталась. С 14 лет работал с рыбаками, затем уехал в город и стал пробивать себе другую жизнь. До призыва работал и учился, в Армию ушел добровольцем в 1933 году. В Армии приобрел специальность шофера и приехал работать в Астраханских аэроклуб. В один из осенних дней он приехал на полторке в Забузан – это была сенсация. Сбежалось все село, посмотреть на автомобиль, да и покататься. Работая в аэроклубе шофером, по-

ступил учиться на летчика. Году в 1936 я учился в 3-м классе и помню, как учебный самолёт У-2 пролетел низко над школой. Шел урок, все бросились к окну, а я почему-то выскочил на улицу. Самолет с двумя летчиками делал заходы на посадку у школы в центре села. Я понял, что это Яков летает. Людей все больше выбежало на площадь и конечно эта толпа не даст сесть самолету. Затем от самолета что-то отделилось и стремительно летело вниз, а через несколько минут мне подносит записку жена председателя Сельсовета. Из нее я узнал, что писал Яков перед вылетом и что было намерение сесть в центре села.

После окончания аэроклуба, в 1937 году, он был направлен в Борисоглебскую авиашколу. Выпустившись из нее лейтенантом, женился, был направлен в г. Псков. Вскоре родилась дочь Лариса, а года через два брак был расторгнут, т.к. жена и ее отец были посажены в тюрьму. От второго брака с Марией живут две дочери Люба и Наташа в Пензе. Яков воевал с белофинами в 1939-40 годах, где в одном из воздушных боев совершил таран и был награжден орденом боевого красного знамени. В мае 1941 года он с Марией приехал в отпуск в Забузан, привезли с собой патефон – это была диковина на все село. Первый орденосец после гражданской войны появился в районе, а может быть и в области, да еще летчик! К этому времени в авиации уже служили Тимофей, Иван и Николай, поэтому семья наша была известна по газетам. О боевых эпизодах рассказывал мало, больше о тревожной обстановке на западной границе, о близости войны с Германией. Он прибыл в часть за день до начала войны в г. Ригу.

В 1942 году под Идрейей он совершил второй таран, о котором я узнал от писателя Кузнецова, собиравшего материал для книги о летчиках, совершивших тараны. По его просьбе я написал, что его интересовало, т.е. о втором таране я знал, что он чудом остался живым. Приземлился он на парашюте без сознания, а когда пришел в него, санитары грузили его на повозку в одном нательном белье, без документов. Был направлен в общеевойсковой госпиталь, где долго занимались восстановлением личности. После – опять фронт и с 1944 года он перегонял самолеты Р-63 (Аэрокобра) из Аляски в Красноярск до окончания войны. Это была самая сложная трасса военных лет. После войны служил на лётных должностях, закончил службу в Румынии в 1956 году на должности командира авиаполка в звании полковник. Поселился в г. Пензе, где умер от сердечного приступа в 1958 году.

Иван учился в школе без желания, поэтому, наверное, и учёба давалась с большим трудом ему. Не окончив семи классов, он поступил в ФЗУ и после её окончания работал механиком на речных судах. В Армии служил по специальности авиамехаником, обслуживая самолёты ПЕ-2, и в этой должности прошел всю войну. После войны возвратился в Астрахань, работал на, холодильных установках, женился в 1948 году, одна дочь Таня. Она окончила рыбный институт, работала в Благовещенске, там вышла замуж имеет двух дочерей. Иван умер в 1975 году после кровоизлияния в мозг с последующей сложной пневмонией. Жена его – медсестра Ольга.

Николай. С ним росли мы вместе. Учебе он уделял серьезное внимание и учился хорошо, хозяйственная деятельность прививалась ему родителями с трудом. Увлекался спортом и добился всех высших (четырёх) значков того вре-

мени: ГТО, ГСО, ПВХО и ВС-Ворошиловский стрелок. По путёвке комсомола из 10 класса был направлен в 1939 году в Астраханский аэроклуб, а после его окончания направлен в авиаучилище г. Волчанок в 1940 году. Война учебе помешала. После эвакуации училища в Сибирь учился в Омском бомбардировочном авиаучилище, по окончании его оставлен для работы инструктором. Там женился на учительнице из Ростовской области по имени Нина Семеновна. У них две дочери. Счастливым случаем помог перевестись служить в Ленинград, после демобилизации в звании подполковник поселился в Пушкино под Ленинградом. Старшая дочь Ира живет в Ленинграде у неё тоже дочь, а младшая Таня замужем за военным моряком, живет в Севастополе, имеет двух сыновей.

Сестры. Евдокия, как и братья в детстве и юности работала на рыбных промыслах, помогала дома. От мамы научилась шить на машинке и работала в швейной мастерской. Вышла за муж за Елизарова, и жила с ним в Астрахани. Была одна дочь Валентина. Перед войной развелась с мужем и замуж больше не выходила. До смерти мамы, а потом и отца проживала с ними в Забузани. Продала родительский дом, перешедший к ней по наследству, и переехала жить к дочери в Астрахань. Валентина была замужем за военным Олейниковым Иваном, у них две дочери Таня и Оля.

В 1977 году Валентина внезапно умирает в возрасте 50 лет от сахарного диабета, про который она не знала. Ей сделали укол при гриппе, а это было несовместимо при диабете. Дуся проживает с внучками в Астрахани. Таня работает преподавателем в музыкальном училище, а Оля после окончания радиотехнического института работает на электронном заводе. Семьи у них пока не сложились.

Катя. Едва достигнув совершеннолетия, вышла замуж за потомственного рыбака Петра Ивановича Куранова. Деловой и активный работник, специалист своего дела, хороший семьянин выделялся среди других и поэтому его стали выдвигать на руководящие должности. Семья у них получилась хорошая, одна дочь Зинаида и три сына: Геннадий, Юрий и Николай. Зина, окончив финансово-экономический институт, уехала в г. Серафимович Сталинградской области. Там вышла за муж за инвалида войны Кумова Александра, у них двое детей и двое внуков

Геннадий пошел по стопам отца – хозяйственник, знания наук пришлось пополнять в работе. Был председателем колхоза в Забузани, а затем заместителем директора больницы по хозяйству в Астрахани. Жена у него – педагог Валентина Дмитриевна. Двое детей Сергей и Наташа. Сергей закончил рыбный институт работает в Астрахани, женат. Наташа закончила пед-институт в 1983 году и поехала работать в Новосибирск.

Юрий. Хотел прожить без особых забот, хозяйственная сторона его не привлекала и учебе особого внимания не уделял. После службы в Армии жизнь заставила навёрстывать упущенное, но с большими затратами времени и сил. В 1981 году заочно закончил институт и стал работать зам директора ПТУ, до этого – мастером. Имеет двоих дочерей.

Николай. Хозяйственный, трудолюбивый, успешно окончил 10 классов (с медалью), затем Саратовский университет, защитил диссертацию, будучи старшим преподавателем кафедры математики Астраханского рыбного ин-

ститута. По приглашению работает в НИИ под Москвой в г. Железнодорожный (ст. Кучино). Жена у него тоже математик Валентина Степановна, имеют двоих детей: дочь Елена и сын Пётр.

Петр Иванович муж Кати, во время войны стал инвалидом, потеряв левую руку под Севастополем в 1942 году, умер в Забужане в 1973 г. Катя живет в Астрахани недалеко от Дуси.

Эти скупые, точно выверенные строки моего дяди, ложась на мои детские скудные познания о семье моей мамы, вызвали у меня неподдельный интерес. Некоторые неизвестные мне факты уложились в те зияющие черные бреши познания моей родословной таким образом, что у меня наконец-то сложилась целостная картина жизни моих бабушки и деда. Я увидел, не полную, но довольно связанную картину жизни этого крестьянского гнезда. И это «крестьянское гнездо» мне показалось той самой молекулой из которого складывалась Россия, а судьбы «птенцов» этого гнезда составляли основные вехи развития моей родины в XX веке. Так ли это? Или мне это только показалось? Вновь обращаюсь к запискам моего дяди.

После женитьбы родителей в 1900 году, они жили в доме деда Семена Васильевича вместе с семьёй старшего брата отца Сергея. Поскольку свекрови (матери отца) не было, то хозяйкой в доме фактически была старшая сноха. Она вела все расходы двух семей, и это не могло так продолжаться. Поэтому родители перешли в новый дом, совместно выстроенный. Уже упоминалось, что весной приходилось уходить на заработки на рыбные промыслы к Астрахани. Этот путь в 200 с лишним км. был нелёгким испытанием, т.к. приходилось преодолевать его в основном пешком, а дети и вещи на телеге. Время затрачивалось на это около недели.

До революции крупными владельцами рыбных промыслов были Цветков, Орехов, Беззубиков, Смутин, Сапожников и др. Они принимали у рыбаков свежую рыбу, перерабатывали её. В виде вяленой или солёной продавали на внутреннем и внешнем рынках. Весной, когда хорошо ловится рыба, требуется много рабочих рук. Для них отводились бараки-общежития. Работали с рассвета и до темна, привлекались и дети на подсобные работы. После окончания сезона (1,5-1 месяц) рабочие получали расчет и возвращались домой, пополняя мизерную казну дома.

В окрестности Астрахани были обширные заливные луга с большим количеством рек, в которых была различная рыба в достаточном количестве. Плодородная земля, кроме хороших трав для скота, давала хороший урожай овощей, зерновых, бахчевых культур и фрукты. Эти места в то время называли «Золотым дном», но они принадлежали не народу.

Эти места нравились моим родителям и после сильного голода 1921-22 годов, спасаясь от голодной смерти, оставили Сокрутовку. Переезжали двумя эшелонами, один водным путём на лодке в составе старших детей под руководством Григория, второй на телеге ехали младшие дети и мать с отцом. Выбор нового места жительства пал на мыс, где из р. Бузан берёт начало р. Шмагино. Это примерно в 20 км северо-восточнее Астрахани и в 5 км вверх от Забужана. Недалеко от этого места располагались три рыбных промысла, а р. Шмагино – основное место рыбной ловли в течении года. Рядом лес вербо-

вый сохранился до сих пор. Земля была там свободная, и нужно было приложить руки к ней.

С жильём решалось просто, т.к. стройматериал (лес, камыш, песок, глина, хворост) был рядом. Также и топка для дома. При таком семействе жильё (мазанка) была построена быстро на высоком берегу.

По рассказам мамы, очень трудно пришлось ей впервые класть русскую печь в новом жильё, а затем она считалась мастерицей этого дела. Весной стали распахивать землю, сеять, сажать, ловить рыбу, работать на промыслах и трудности стали уходить. В мае 1922 года здесь родился Николай. Этот год был самым трудным в жизни нашей семьи, особенно ощущалась нехватка одежды. Одевали только взрослых, и очень пришлось трудно маме. Шила сама из мешковины одежду, которую приходилось носить без смены, а чтобы была чистая, нужно было за ночь выстирать, высушить. Конец года благотворно оказал влияние со всех сторон: урожай был хорошим и заработали неплохо. Всем стало ясно, что это место больше их не удовлетворяет. Ближайший населенный пункт был в 3-4 км, нужно было учиться, а до больницы вообще было далеко. Нужно было приблизиться к району – Красному Яру. Таким место был избран пос. Забузан, который находился против районного центра, на правом берегу р. Бузан. Услияния этой реки и речки Кочеганихи обосновали новое место жительства. Построили в начале землянку, а весной – большую мазанку, в которой я и родился в 1926 году.

В моей памяти осталось большой двор, огород на берегу Бузана, баня, коровник, конюшня, серая лошадь и рыжий Шарик. К этому времени труд вознаграждал нашу семью, оделись, обулись, стали лучше питаться у молодежи стали появляться знакомые. За общительность, трудолюбие и справедливость в селе стали уважать нашу семью, вскоре засватали обеих сестер, а затем Григорий ушел к вдове, женился Василий. Эту свадьбу я хорошо помню. Раньше до свадьбы еще несколько ритуалов (обычаев) нужно было выполнить и первое после сватовства – богомолье постель, а затем свадьба. Вскоре появился в нашем доме новый член семьи – жена Василия. На следующий год купили им домик в центре села. В детстве я боялся пароходных гудков, как загудит, так я с криком убегал с берега во двор и прятался, чтобы пароход «не взял меня». Весной в половодье (конец мая) иногда уровень воды настолько поднимался, что вода заходила в село на 1 м глубиной. Рыбацкие суда и лодки стояли у ворот, в них спали и ездили по селу, а мальчишки приспособивали свои плавсредства – бревна и двери, корыта. Материально жизнь все улучшалась, и было решено покупать настоящий деревянный дом. В 1930 году купили в центре села большой дом из 3-х секций за 1100 рублей. Он построен в 1902 году братьями Ворониными (надпись сохранилась эта до последних дней). В двух секциях дома был магазин (временно), а в третьей жили мы. Во дворе были два деревянных сарая, летняя кухня, баня, конюшня и баз для скота. В 1935 году дом перестроили, из 3-х секций сделали две, подняли его выше, обновили веранду и дом стал заметнее лучше. Таким он остался на фотографии.

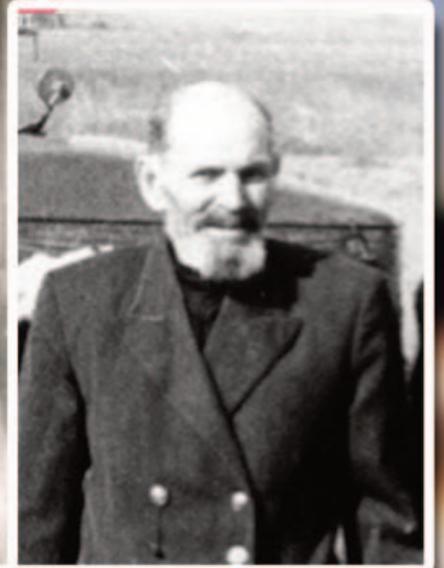
Осенью этого года заболела мама и на этот раз серьезно. Первый раз она заболела осенью в 32 года. Тогда ее повезли на операцию, а Тимофей вместе отправлялся служить в Армию. До 1938 года в Армии служили не все, а только дети преимущественно рабочих и крестьян, благонадежных Советской власти.

К этому времени Яков уже служил, и теперь наша семья стала дважды красноармейской, пользовалась льготами на уменьшение всех налогов (а их тогда было достаточно: и натуральными продуктами, и деньгами). Это ошутимо сказалося на материальном положении семьи, впервые появились излишки денег.

Вначале лечилась мама от простуды, затем ей стало хуже, пошла температура. Теперь уже обратились за помощью к врачам. В селе врачей не было, обращались в район. В одну из ночей разбудил меня отец и говорит: «Иди сынок, простись с матерью». Я увидел у кровати мамы всю почти свою родню, а мама бредила от высокой температуры. Сразу я не понял, что происходит, а потом сообразил, что может произойти ужасный для меня случай, мне ведь шел всего 11-й год. Подошел я к ногам мамы, а меня подвели к боку, т.к. нельзя в этом случае стоять в ногах. Минут через 15 мама пришла в сознание и сказала: «Теперь я не умру, жар прошел, я вспотела». Все облегченно вздохнули, вскоре послышался приближающийся гул только что окрепшего льда, по которому мчалась телега с районным доктором Ананьевым. Доктор высокий, стройный, вошел в дом и сразу стал слушать маму, а потом начала ставить банки. После этого стал говорить о болезни – воспаление легкого. Через день еще раз привезли врача. Появились у нас свои банки, лекарства, а мама не поднималась до самой весны. Затем ее увезли в областную больницу в Астрахань. У нее произошло осложнение на нервную систему. Лечение продолжалось и летом, и только в июне месяце она вернулась домой. Эта болезнь очень оказала влияние на ее работоспособность во все годы жизни. В этот период жила и вела хозяйство старшая сестра Дуся со своей дочкой, и моей племянницей Валентиной (на 2 года моложе меня). За это время я прочувствовал, что значит мама в жизни подростка, а всего ведь я был без нее полгода. В последующие годы никогда у меня не было с мамой грубых разговоров. Тяжёлого ей вообще нельзя было делать, и я стал ее первым помощником. Принести воды ведра 4-5, приготовить и принести топки для печи и голландки, а когда нет отца – очистить конюшни, накормить коров, коз, лошадей, свиней. Кур кормила мама сама.

С Валентиной росли мы вместе, и поскольку я ей доводился дядей, то она меня по наивности звала «дядя Гера». Меня это очень возмущало, и я ей отвечал: «Ни дядя я, Вальсин».

Несколько раз перечитывая записки Германа, сегодня, в первой четверти XXI века, я проникал огромным уважением к моим предкам. Конечно же, я не зная многих подробностей, описанных выше, любил и уважал их. Но это уважение было родственным, можно сказать – поверхностным. Пропустив же через свой жизненный путь, куда более благодостный, чем путь моих дедов и родителей, а также изложенные в записках детали выживания и жизни близких мне людей, я окунулся в еще неизведанные мне глубины этого уважения. Вот они животворящие корни земли русской. Это они умели выживать и быть счастливыми, невзирая на внешние обстоятельства. Не ныть, а преодолевать, не сдаваться, а бороться и быть счастливыми. Глубокое уважение к предкам продиктовано и глубиной связи, которое я почувствовал, читая строки о жизненном пути моих дедов. Это их соки помогали мне на моем пути. Корни их так глубоки и живительно, что питают и мою семью в XXI веке! И захотелось мне поглубже окунуться в прошлое. Еще раз пройти вместе с ними, пусть мысленно, по тем крестьянским тропам, по которым пришлось ходить моим дедам.

4. Школа выживания и жизни

Из Сокрутовки голод заставил семью мигрировать в низовье Волги. Семь детей, беременная жена, телега с клячей и лодка управляемая старшим 18-летним парнем. Двести с лишним километров пути к месту, где нет жилья, но можно найти пропитание. Такой шаг сделал мой дед, спасая семью, в т.ч. мою маму. Какая была телега – не знаю. Думаю, типа цыганской кибитки кочевой, а лодка, уверен, была рыбацкая, бударка. Там есть место для вёсел с уключинами, кольцо для закрепления бичевой, чтобы «бурлачить» по берегу груженую посудину, отверстие для мачты с парусом. Даже закрою, под которым есть место для ночлега вповалку, альялу – специальному отсеку для складирования пойманной рыбы, кормовой части, откуда ставятся или сбрасываются сети и куда они выбираются вместе с рыбой. Есть место и для рулевого приспособления. В это приспособление ставится специальная деревянная плоская штука – руль в виде профиля валенка, на который надевается румпальник – деревянный обрезок, длиной около одного метра с выемкой для связи с рулем. В обычном, вёсельном режиме при ловле рыбы руль и румпальник не используются. Они разбираются и складываются под закрой. Используются же они, когда лодка идет с бичевой (ее тащат бурлаки, в данном случае – взрослые дети). В этом случае руль необходим, как и в случае использования паруса. Иногда вместо руля используется обычное весло. Мачта паруса в нерабочем состоянии закрепляется вдоль бударки по какому-либо ее краю, а парус служит подстилкой или матрацем в закрое при ночлеге. Такая рыбацкая лодка и называется бударкой. В ней рыбаки могут работать, неделями не возвращаясь домой, а жить на воде в этой посудине.

Я подробно описываю бударку, потому что она для рыбака как корова для семьи, как пила и топор для плотника, как тетради, ручки и учебники для сельского учителя. Мама, конечно плыла в этой лодке. Ведь она была уже взрослой, почти 14 лет. На ней, вместе с сестрой Дусей, лежали обязанности по приготовлению пищи, стирки и других хозяйственных дел, которые в пути возникают в великом множестве.

И вот они, наконец, добрались до местечка Шмагино, находящегося на стрелке реки Бузан и протоки Шмагино между Бузаном и Ахтубой. Это место дед выбрал, рассчитывая здесь спасти семью от голода. Что собой представляло это «золотое дно», где и рыба, и плодородная земля, и обширные заливные луга – приглядимся внимательнее. По сути – это начало дельты Волги, которая разливается на эти и еще многие другие реки, и речушки. Прикаспийская изменчивость, а значит разливы рек в половодье, нерест рыбы в этот период и плодородная земля после спада воды. Весной активный ход рыбы к этим местам.

Кроме самих рек Бузан, Ахтуба и Шмагино, в которых круглый год водилась разная рыба, здесь размещались плавучие рыбные заводы – рыбопромыслы, где в страдную пору, называемую в рыбацком деле путиной, для всех хватало работы. Вне страдной поры, все занимались домашним хозяйством: пасли скот, заготавливали сено, выращивали фрукты, овощи, добывали корм птице, свиньям, доили коров, коз, перерабатывали молоко, стригли овец, обрабатывали шерсть, шкуры, пряли, вязали, что-то строили и т. д. Домашней работы хватало всем – была бы земля, трава, лесоматериалы. Правда, лес, о котором упоминалось выше, и лесом-то назвать нельзя. Вербка и только вербка росла там вдоль рек. А из вербки избу не построишь, разве что плохонький забор, да стропила, стойки. И на дрова ее хорошо использовать. Крышу же под головой и стены люди делали себе из камыша, песка и глины. Камыши связывались в пучки, пучок топором обрезался по длине, которая была необходима, и эти пучки камыша ставились перпендикулярно один к одному, образуя стены жилища. Потом эти стены обмазывались смесью песка с глиной, как с наружной, так и с внутренней стороны. Часто в эту смесь добавлялась сухая трава для большей связи. Таким же образом строилась крыша дома. Такое жилище называлось мазанкой или землянкой. Правда, тогда эти слова – «мазанка» и «землянка» означали разные «хоромы». Землянкой называли благоустроенную яму в земле, наподобие блиндажей, которые, конечно, «благоустраивались» не под мирную жизнь, а как временка для ведения военных действий. В послевоенные годы я в той местности землянок как таковых уже не встречал. Но в конце 1920-х годов XX века еще нередко молодожены начинали свою семейную жизнь в таких землянках, вырытых и благоустроенных на скорую руку. Во всяком случае так начинали свою семейную жизнь мои родители: Катя Михина из этого большого крестьянского гнезда и Петр Куранов из другого, не менее плодovitого рыбацкого гнезда. Если у мамы были живы-здоровы родители, то отец остался сиротой с 12 лет. Поэтому и не мудрено, что самостоятельная семейная жизнь такой пары могла начаться только с землянки. Родители не держали в секрете, что в первую их брачную ночь одна стена землянки завалилась на кровать молодоженов. Отец загоревал, мол, что же я за мужик такой, что не смог обеспечить условия даже для первой брачной ночи. А мама обняла его и тихо прошептала: «Не кручинься, сердцун мой, все у нас наладиться». Такие вот уроки в этой школе выживания! Со временем, когда из сельской жизни ушли землянки, то вместе с этим почти забылось и слово «мазанка», вытесненное словом «землянка». Эти сооружения до сих пор можно встретить в сёлах Астраханской области. Пол в них отсутствует как таковой, т.е. полом служит сама земля, не которой построена землянка. Дёшево и экологично. Денежных затрат на строительство жилья никаких. Только труд, в котором участвовала вся семья. Здесь дело найдется каждому, в любом возрасте. Кто косит камыш, кто связывает его в пучки, кто месит глину с песком и травой, кто подносит воду, кто обмазывает поставленный на место камыш, кто готовит еду строителям. Отопление такой землянки делалось, конечно, печное. Печку, как правило, делал мастер-печник. Они были наперечет. Все знали мастеров-печников, приглашали их и ждали своей очереди. Но во многих семьях женщины сами клали себе

печки, это умение передавалось из поколения к поколению. Поскольку им приходилось делать это редко, в отличии от мастера-печника, то процесс строительства печи в этом случае длился довольно долго, с мучениями, с сомнениями, с переделками. Этим искусством владела моя бабушка, владела и моя мама. Помню, что и мне в жизни пришлось дважды участвовать в этом деле. Я месил глину, обрабатывал и подносил кирпичи, а мама клала печь, все время сомневаясь, хороша ли она будет. Ведь надо, чтобы была нужная тяга. При большой тяге все тепло уйдет на улицу, а при малой тяге будет плохое горение. Эта важная функция печи – обеспечить оптимальную тягу – и являлась главным критерием мастерства печника. А русская печка, как известно, это и плита, и духовка, и отопительная батарея, и кровать с подогревом, и даже банька. Для большой семьи хорошая русская печь – важнейшее условие комфортной жизни в те годы, если, конечно было чем живот набить!

Думаю, что именно тогда, в 1921 году, в Шмагино, моя мама и получила навыки печника, которые она, в некотором роде передала и мне. Правда, я этими навыками воспользовался только один раз в жизни, когда мне самому пришлось класть печь в бане. Но это была уже не русская печь, а сооружение значительно проще. Преклоняюсь перед своей бабушкой-бабанькой. Все невзгоды переезда, строительства своего угла-мазанки, с семьёю детьми, она переносила, будучи беременной. При этом надо помнить, что они с дедом уже нескольких младенцев похоронили. Мама мне говорила, что у бабушки было две двойни и одна тройня, из которых никто не выжил. Но семеро-то выжили, и вот он – будет восьмой. И ради них надо жить. Надо шить из того, что есть. Главным образом, из мешковины хоть какую-никакую одежонку. Надо ее стирать, сушить. Хорошо, что двое из семи были девочки Дуня и Катя. Они помощницы матери, сыновья – отцу. Мне кажется, что старшая Дуся, была главной помощницей. Не потому, что она старше, а потому, что младшая Катя – моя мама, уже имела большой опыт работы, в том числе на рыбных промыслах. Сначала еще в Сокрутовке она с пяти лет подрабатывала нянькой в зажиточных семьях, а потом, с семи лет, ее уже увозили на работу на рыбные промыслы, где она занималась засолкой рыбы, ее нанизыванием на шпагат, промыванием от соли, вывешиванием рыбы на вешала для вяления. Все эти навыки я получил от нее в последствии, но не на рыбном промысле, а в домашнем хозяйстве, где этим делом до сих пор занимаются все местные пацаны.

Тем, кто везет, бывает, что и везет, приходят «радости скупые телеграммы». Выдался удачный год, хороший урожай, хорошо заработали на рыбных промыслах. Ведь они теперь рядом, под боком. Можно передохнуть, оглядеться вокруг. Только что избавились от голода и уже мысль – надо детей учить. Не тех, кто уже вымахал и не девчонок, а малявок. Каким-то десятым чувством бабушка и дед чувствовали время: детей надо учить. Девчонок не обязательно, им в хозяйстве да в родах науки мало чем помогут. Так и осталась моя мама неграмотной. Три раза по два свободных от работы у нее месяца ходила в один и тот же первый класс, научилась читать по слогам и, малость писать – вот и все ее обучение. А университеты жизни она проходила в хозяйстве и на промыслах. А ребят надо учить! Думаю, что это влияние пришло от советской вла-

сти. А где же их учить? В Шмагино школы нет. Надо снова трогаться в путь всем скарбом, пока есть такая возможность. Сила появилась, и путь лежал не за 200 км, а за 4 км, поближе к районному центру Красный Яр. Но Красный Яр на другом берегу реки, нелегко будет добираться до знакомых мест, где работа. Поэтому поселились напротив Красного Яра, что на реке Бузан. За этой рекой, за Бузном. А село так и называлось – Забузан. Там и осели, там и я появился на свет, но много позже. А в 1926 году родился уже в этом селе последний сын в семье Михиных Герман, записки которого и составляют основу этой книги. Германа бабушка родила, когда ей было уже почти 46 лет. Это я только сейчас обнаружил для себя. А по слухам, которые бродили в нашей семье, бабушке было за 50 лет, когда она родила последнего, приговаривая: «Никаких абортот. Для всех детей, которых всех даже и не упомяну, я была мама, а для этого, что бог дает, буду убийцей? Не бывать этому!». Не мудрено, что молва годы прибавила. Ведь тогда о пенсиях и не думали, и не очень-то знали-помнили свой год рождения!

Переезжали из Шмагино в Забузан спешно. Быстро поняли, что место для жития выбрали не очень удачное, один факт не учли, от голода-то спаслись, а как обучать детей – не додумали. А советская власть уже требовала, уже грозила. Отсюда и поспешность переезда: из мазанки в Шмагино в землянку в Забузани на стрелке рек Бузан и Кочеганихи. Совсем недавно я побывал на этом месте. Давно уже нет речки Кочеганихи. Эта речка в те годы была крайне важна для села. По этой реке водный путь до г. Астрахани сокращался почти на половину. А связь с городом была очень важна. Излишки домашней продукции сбывать можно было только в городе. Поэтому и существовало специальное пароходное сообщение, соединяющее целый ряд сел с городом. Это было важно и для села, и для города. Впоследствии, когда появилось автомобили, то исчезла необходимость и в водном пути в город, а вместе с этим исчезла и речка Кочеганиха, где когда-то впервые в Забузани поселились мои предки. На этот раз выбор места жительства, как показала жизнь, был сделан удачно. Во всяком случае, мои бабушка и дедушка, а также некоторые из их детей весь свой остаток жизни прожили в этом селе, и я никогда не слышал недоброго слова по этому поводу. Здесь они и похоронены среди сельчан, с которыми приходилось делить и радости, и горести.

После обоснования в рыбацком селе Забузан, стали оперяться старшие птенцы этого гнезда. «Улетел» к вдове Григорий. Мне не разу не пришлось видеть эту вдову. Но я о ней много слышал. Не уверен, что точно помню ее имя, но, по-моему, Лидия Васильевна Бородина. Но точно знаю, что это была волевая, старше Григория лет на десять женщина, имеющая определенный вес в селе. Она через первого мужа имела отношение к тому клану, который на селе называли колдовским. У них всех была кличка: «Молёк». Молёк – так называли у нас в селе мелкую рыбешку, только что вылупившуюся из икринок. Все рыбки-детки у нас назывались мальками. Среди «мальков» были те, которые активно поддерживали имидж колдунов. Мне кажется, что в те времена в каждой деревне находился свой колдун, свой отшельник. Отшельников устраивал имидж колдунов, их боялись и не докучали им дети, а те, которых тянуло к мистике, в нужной пропорции получали их от этих колдунов. Как правило, хоро-

шие психологи они обучили колдовскому ремеслу своих детей. Передавали из поколения в поколение некоторые приемы мистификации и этим кормились. Это им нравилось, это был их образ жизни. В Забузане колдунами считалось одно из крыльев, кланов семейства Бородиных – Павел Петрович и Иван Петрович, а главной колдуньей была жена Павла Петровича Бородина – Анастасия Петровна. В этот клан Бородиных вошёл старший из братьев Михиных – Григорий. Он усыновил сына Геннадия, который на селе вырос в последствие до председателя колхоза Михина Геннадия Григорьевича. По линии мамы, это оказывается мой самый старший двоюродный брат, о чем только сейчас, записывая эти строки, я, наконец, до конца понимаю.

Геннадий Григорьевич слыл на селе веселым и хитрым человеком. Из-за этого свойства «хитрости», а также по наследству от его родного отца из «колдовской» породы Бородиных его до конца жизни звали по кличке «Молёк». С ним много лет были близки по работе мой отец и мой старший брат Геннадий. На работе они легко находили общий язык. Помню период, когда Геннадий Григорьевич был председателем колхоза, а мой отец – его заместителем. Их на селе казахи звали «касқыр» – волк, это мой отец, а «куян» – лиса, это Геннадий Григорьевич, или «Геночка молёк» – по «улошному». Мне всегда чем-то нравился приемный сын Григория Филипповича. Хитрость, которую приписывали ему, для меня была умением идти на компромиссы. И отец, и мой старший брат Геннадий хорошо относились к Геннадию Григорьевичу и его семье. Но что-то мешало настоящей дружбе между нашими семьями и это что-то – было отношение моей мамы к старшему брату и Лидии Васильевне. Между ними лежала настоящая пропасть разрыва. Позднее я узнал, в чем дело. Когда отец без руки пришел с фронта, то ему доверили ««хлебное место». Он стал заведующим складом, где хранилась вся колхозная продукция и была у него на учете. Лидия Васильевна сама стремилась получить это место и поэтому задалась целью у этого безрукого фронтовика любыми путями отнять «хлебную» должность. Написала анонимку на отца. Пришли соответствующие органы с обыском в наш дом. Ничего не нашли. Но родители, конечно, натерпелись. Отец-то фронтовик, и не такое видел, а мама, зная больное сердце отца, и напугавшись за него, и за семью, не могла этого простить никому – ни Лидии Васильевне, ни, тем более, брату Григорию, ни совсем уж невинному Геннадию Григорьевичу. Эта пропасть разрыва не афишировалась в семье, но даже я, самый младший, не зная и не понимая глубину этой пропасти, ее чувствовал. За все время моей жизни Григорий дважды подходил к нашему дому, не заходя в него – мама не приглашала. Он стоял за забором, и они о чем-то говорили с мамой. Это уже в пятидесятые годы, когда все другие родные братья и сестра моей мамы всегда радушно принимались в нашем доме. В моей памяти Григорий Филиппович так и остался стоявший у нашего забора, высокий, с длинной бородой, хмурый дядька. Отец был более отходчив, он умел прощать, а мама нет, не могла. Особенно когда это касалось его, её «сердцуна»! Несмотря на то, что мама, конечно, видела и понимала роль своего старшего брата в спасении от голода семьи, но обида не проходила, поэтому и разрешала себе говорить с ним через заборную щель, но не более.

Меня удивило слово «лже» Михиных, когда Герман писал о семье Григория. В записках, да и в жизни всегда чувствовалось некое неодобрение поступка Григория. Взять в жёны женщину с двумя детьми почему-то считалось каким-то аморальным поступком. С высоты нашего времени этот поступок характеризует «не мальчика, а мужа». Я хорошо знаю семью Геннадия Григорьевича, и жену, и двух сыновей Николая и Василия, и дочь Елену, о которой, по-видимому, не знал Герман. Это очень достойные люди, для которых фамилия Михиных родная. Они с ней родились, они ею гордятся. Да и сам поступок Григория – жениться на вдове с двумя детьми и усыновление, как я уже говорил, говорит о многом. А то, что сама вдова никому из родственников, как говорят в народе, не показалась, так это вряд ли вина Григория – это его беда. Тем более, что женился Григорий не по собственной воле, не по любви, а по расчёту. Но не своему расчёту, а расчёту своей матери, которая сосватала сына за богатую вдову в надежде на светлое будущее, как сына, так и своей многочисленной семьи. Проследим дальше за наследием старшего сына из гнезда Михиных – Григория.

С его внуком Николаем мы вместе учились в Забужанской школе. Он немного младше меня. Мы с ним вместе ездили на районные олимпиады по математике. Очень толковый и скромный был парень. Теперь его уже нет в живых. А с Василием, который младше Николая на 2-3 года, мы по жизни пересекались чаще, когда и я и он в одно время работали в одном Красноярском районе Астраханской области. И тогда, когда его жена училась в Рыбвтузе в г. Астрахань, где я в то время преподавал, и когда его дочь, стараясь зацепиться в Москве, некоторое время работала в фирме, которую я когда-то создал. Да и его имидж мне хорошо известен. О нем всегда слышал только положительные отзывы. Так что фамилию Михиных они пронесли достойно. Елену Геннадиевну я знаю меньше. Она много младше меня, но молва о ней, которая доходит до меня, весьма положительна. Она осталась в селе, в родительском доме, который когда-то был на краю села, а сейчас это уже далеко не окраина. Вот, пожалуй, и всё, что я знаю о Григории, его семье. Но хочу добавить некоторыми соображениями о превратностях судьбы. Ведь Григорий взял в жёны женщину с двумя детьми, а вспомнили лишь об одном – Геннадии. Его сестра, вторая фактическая дочь Григория Наталия, была замужем за Лаврешкиным, бесменным садовником в колхозе. У них в семье были две дочери. Старшая Лидия, по-видимому, получившая имя в честь бабушки, жены Григория, была симпатией моего старшего брата Геннадия. Младшая Ольга училась со мной семь лет в одном классе и была мне далеко не безразлична. Продолжения не случилось, однако «некровосмешение» всё же произошло: Лидия, внучка Григория вышла замуж за сына брата Григория – Василия. Видимо, что-то магическое, колдовское для рода Михиных было в Бородиной Лидии, женившейся на себе одного из братьев и приворожившей другие поколения к своим внукам!

Пришла пора определяться и второму сыну крестьянского гнезда Василию. Он единственный из братьев мамы, с которым некоторое время в одной бригаде мне довелось поработать. Тем интереснее было мне погрузиться в историю его жизни и жизни его семьи.

Дом Василия был напротив бабушкиного дома. Вот ведь какая штука — пишу бабушкиного, а не дедушкиного дома. Хотя глава семьи и главная производственная сила — дед. Но какая-то притягательная сила, из того рода, что есть в слове мама, дом моих дедов мы называли бабушкиным домом! Не только потому, что женщина — мама, а потому, что личность была яркая. Скромность деда обеспечивала ему не публичность, чему он был очень рад, как и публичности своей жены. Раз дома рядом, то и младшие дети дедов, и старшие дети Василия были почти ровесниками, а значит и играли, и трудились вместе. И сейчас случается, что племянники старше своих дядьев. Откуда и идет детское: «Не дядя я тебе, Вальсин».

Вальсин — Валентина Васильевна Бородина (Михина) большую часть жизни прожила в этом же селе. Долгие годы, до старости была важным и нужным человеком на селе. Борис, достигнув возраста, ушел в профтехучилище, став мотористом-машинистом и не часто появлялся в селе. Жизнь сделала еще одну свою петлю. Он взял в жены Лаврешкину Лидию, родственницу новой семьи Григория. Любопытно, что в школьные годы я учился в одном классе со следующим поколением Лаврешкиных. Ольга была очень красивой девушкой и очень нравилась мне. Но в этот раз судьба не удалась завязать еще одну петлю на этом узоре, и узор приобрел другие оттенки. После появления второй жены у Василия, его дети Екатерина и Надежда, по сути, стали детьми бабушки с дедушкой, перейдя к ним жить. У новой семьи появились новые заботы, новые дети. Мачеха, как ни крути, редко бывает мамой, а бабушка с дедушкой такими остаются всегда. Вот и еще два ребенка появились у Филиппа Семеновича и Татьяны Алексеевны. Оттуда они и упорхнули из села в неведомую для сельчан городскую жизнь.

Первую из жён Василия Филипповича я не знал, она умерла ещё до моего рождения. Всё складывалось поначалу хорошо. Жёну привел в дом родителей, как положено. Вскоре, как и положено, его отделили, купив отдельное жильё. Появился первенец, дочка, та самая Валентина. Она до самого пенсионного возраста жила и работала в родном селе. Её муж, Бородин Николай Евгеньевич, инвалид Отечественной войны, без одной ноги, был прекрасным не унывающим человеком, из рода других Бородиных на селе. Их кличка была «скобцы». Такое переплетение родственных связей и деление на кланы в сёлах скорее является правилом, чем исключением. Николая Евгеньевича, как не многих на селе, чаще всего звали по имени и отчеству. Его называли любовно хозяином реки за его профессию бакенщика. Труд бакенщика простым не назовёшь, ведь при любой погоде, любых волнах, независимо от самочувствия бакены должны указывать путь судам. Речное судоходство без этого немыслимо. Но зато всегда с рыбой — всё-таки хозяин реки, да и какая-никакая твёрдая зарплата, а не колхозные трудодни. Не могу не подчеркнуть ещё одну особенность Николая Евгеньевича: он умел играть на гармошке! А гармонист на селе — это значимая фигура. Пара Николай и Валентина на многие праздники по-родственному бывали в гостях в нашем доме у моих родителей. Под гармонь «Коли маленького», такое прозвище (как же без этого!) на селе было у Николая Евгеньевича, песня лилась особенно душевно. Так было до тех пор, пока не под-

росло в моём лице новое поколение гармонистов. Валентина Васильевна была ещё более заметной на селе, была членом правления колхоза, рисоводом, агрономом. Она была не только уважаемым на селе специалистом и человеком, но и яркой, красивой женщиной. И ещё одну важную роль для гнезда Михиных пришлось играть Валентине Васильевне. Её бабанька назначила своим главным адъютантом, так что ей приходилось, не редко, выполнять различные её поручения. Главным образом, когда для решения проблемы нужно было куда-то выезжать. Разбиралась в людях бабанька. Валентина была для этих целей идеальной кандидатурой: разумная, общительная, равнодушная, умеющая расположить к себе. А проблем жизнь подкидывала не скупясь. Бабушка считала себя обязанной принимать участие в решении каждой из них. Так что у адъютанта хватало работы. Да и в своей семье у Валентины хватало забот: один за другим появились три сына Геннадий, Евгений и Николай. Крестьянское гнездо Михина Филиппа на этом этапе значительно расширилось под вывеской Бородиных (скобцов!).

Вторым ребёнком, бог дал Василию сына, помощника. Как и многие ребята из села в то время, Бориса ждала судьба крестьянина в рыболовецком колхозе. Мужчина должен уметь в путину быть рыбаком, в запретный период для ловли рыбы должен выполнять работу овощевода, животновода, заниматься сенокосом, т.е. он должен выполнять ту работу, на которую его направит руководство колхоза. Этим и занимался Борис вплоть до армии. После армии Борис не вернулся в село, а остался в Астрахани, долгое время работал механиком на различных судах. Когда появились в семье почти подряд ещё две девочки Надежда и Екатерина, то Василий, в характере которого были некоторые романтические, противоречащие крестьянскому укладу жизни, черты, поддавшись искушению, завербовавшись на Дальний Восток. Даже сейчас, в 21-ом веке, продолжают программы вербовки в те районы, предлагая гектары земли и миллионы рублей. Тогда программы вербовки были не менее соблазнительными, особенно для многодетных семей. Так семья Василия Филипповича в 1940г. оказалась на Дальнем Востоке. А вскоре – война, но к этому периоду вернёмся чуть позже. Я хорошо помню дом, где жила семья Василия Филипповича, когда он уже возвратился с Дальнего Востока. Жена умерла. Осталось четверо детей. С ними он и вернулся после войны. Бабанька по-быстрому нашла новую жену вдовцу с четырьмя детьми на руках, Анфису Захаровну, у которой был некоторый изъян во внешности: кривой рот. Во всём остальном новая жена была обычной женщиной, родила ещё троих прекрасных детей Василию, в полной мере проявила свойства мачехи для детей, доставшихся по наследству. Поэтому бабушка срочно выдала замуж за инвалида войны старшую, Валентину, а младших Надьку и Катьку забрала к себе в дом и этих внучек воспитывала как детей. Вот некоторые воспоминания младшей из них о том периоде времени.

В Забузани первые дни жизни многое казалось необычным. Я впервые увидела, как доят коров, а потом сливают эту белую пенистую жидкость через марлю в ведро. На Дальнем востоке коровы у нас не было. Впервые видела, как молоко перегоняют через сепаратор, отделяя сливки. Сепаратор был импортный, и вряд ли у кого был ещё такой, потому что к нам приходили с мо-

локом другие односельчане. Сливок нам, конечно, не давали, а из них потом пахтали масло сливочное на самодельной деревянной пахталке, где отделялось масло от сыворотки. Вот её-то мы и попивали вдоволь. В семье у бабушки Татьяны Алексеевны выращивали просо. Что бы получить просяную муку, мололи его на самодельной ручной мельнице, состоящей из двух отполированных круглых плит, прижатых плотно друг к другу. Внизу плита толще и неподвижная, а вторая сверху подвижная, с отверстием в центре и ручкой с краю. Зерно засыпалось в центр, плита вращалась человеком, а мука по желобкам в плитах сыпалась на подложенное вниз полотно. Думаю, что диаметр плит (камней) был около полуметра, толщина 20-10 мм, а приводить в движение жернова удобнее, расположив это сооружение между ног. Из такой муки пекли оладьи и варили кашу, добавляя шелуху, что очень способствовало прекрасной работе кишечника. Справедливости ради замечу, что основную массу шелухи всё-таки скармливали свиньям. А вот рис толкли в ступках. Ступки были деревянные, высокие с большим деревянным пестом. В таких ступках толкли рис юноши и взрослые, обычно для использования готовой продукции про запас. Были ступки и металлические, не большие, с коротким металлическим пестом. На них толкли рис и взрослые и дети, обычно для немедленного использования очищенного от шелухи риса. Эта монотонная работа считалась трудовой повинностью, поэтому изобретали разные ухищрения, например, считали удары, передавая пест из рук в руки. Хорошо, что сейчас ступки, песты сохранились в виде музейной редкости.

Почему-то приятным пятном врезались мне в память картины, когда я ребёнком натыкалась на подпольную, не санкционированную, как сейчас говорят, кладку яиц. Курица свой инстинкт размножения воплощала в жизнь, откладывая яйца в тайне, где-нибудь в укромном месте, а не в узаконенном хозяйкой гнезде, откуда ежедневно забирались все яйца, кроме одного – подкладыша. За такую находку обычно следовало моральное или материальное вознаграждение. А иногда, если не санкционированная кладь была большой и курица уже сидела на яйцах, то такую «беременность» бабанька узаконивала и внимательно следила, чтобы ничто не мешало процессу высидывания цыплят. Помню ещё, как бабушка приводила в чувство тех кур, которым надоело всё время нести яйца и они расслаблялись, «брали отпуск» от этой работы. Внешне это проявлялось в виде «распушистости», квохтания. Такую курицу ожидала шоковая терапия: распутницу бабушка окунала с головой в бочку с водой. Дурь мгновенно улетучивалась.

У бабушки был большой двор. Здесь было всё, что необходимо для ведения крестьянского хозяйства: деревянный амбар, катух, лабаз для овец, баня, два лабаза для скота и ещё один сарай. Такое хозяйство было только у зажиточных людей. Это всё построили не мы сами, а купили у купца, который бежал от раскулачивания, так рассказывала мне старшая сестра. Каждое строение имело своё назначение. В катухе резали скот, рубили головы курам. При этом, на детей не обращали внимание, разве что иногда звали в чём-то помочь. Считалось, что эти процессы не ранят, а закаляют детские души. Запомнился случай с мёртворождённым телком. Дед из шкуры этого телёнка

сделал чучело, корова приняла чучело за своего телёнка, и с молоком не было проблем. Очень любила наблюдать за ягнятами, такие хорошенькие, как малые детки, с шелковистой или кудрявой шёрсткой. Помню и страду со стрижкой овец, когда мне надо было выбирать колючки из шерсти. Так дети лучше понимали цену шерстяных носок, которые вязала всем бабанька.

Василий был вторым сыном в крестьянском гнезде Михиных, но не вторым, а четвёртым ребёнком. При этом, сколько умерших младенцами, неизвестно. Вторым ребёнком, дожившим до старости, была Евдокия.

Вот что вспоминает о своей бабушке Ольга Ивановна Олейникова, её внучка.

С датами у меня плохо, не думала, что надо их запоминать, что жизнь начинается по дате и заканчивается тоже датой. Меня всегда волновали события.

Бабушка жила в Забузане со своими родителями, у них же воспитывала свою дочь Валентину Константиновну от единственного брака. Значит, мой дедушка был Константин. Еще я знаю о нем, что был он ходок, и было у него три жены. Бабуся была второй женой.

Я знала его дочь от первого брака Клару и ее детей Валеру и Татьяну, они были старше меня. Мама с ними дружила, мы часто у них бывали в гостях. Жили они в Астрахани на Селении, у храма, в доме священника. Имел ли кто из родственников отношение к этому священнику – не знаю. Я многие годы думала, что Клара мамина двоюродная сестра.

Третья жена жила в селе, где жил Григорий Филлипович. Когда я короткое время гостила у них однажды, то встречала там мамину младшую сестру. Если я закончила 8 класс тогда, то она в этот год заканчивала школу. Мы с ней разговаривали об её планах на будущее. Она после школы думала идти или почтальоном, или в школу пионервожатой. Не знаю, как сложилась ее судьба, больше ее не видела. Помню, была красивая девушка с длинной косой. О ее матери ничего не знаю.

Кое-какие сведения дошли до меня от тётки Маруси Барташовой. Она воспитывалась в семье деда Филиппа, потому что была дочерью старшего брата деда от первого брака. Ее отдали в их семью потому, что брат не сразу женился второй раз, а мужчине с ребенком было трудно. У наших дедов было много детей и на одного больше не было большой разницы. Так вот, тётка Маруся рассказала, что Евдокия в молодости жила в Астрахани (с какой целью не знаю) и ее уговорил к близким отношениям Константин, но они тогда были не в браке. Бабушку беременную назад в Забузан не принимали, это было страшным грехом. Поэтому они на короткий срок женились, а после рождения Валентины развелись. И бабушка с дочкой переехали в село. Поэтому она всю жизнь прожила у дедов на их иждивении. Деньги на жизнь присылали сыны летчики. Да и все им помогали. Достоверна ли эта история, не знаю. Но деда Константина мы никогда не видели, не видели бабушкиных фото с ним. Да и его фото никогда не видела. Никто из всех родственников никогда об этом не рассказывал, даже не намекал. Правда маму отдали замуж не

очень то и по любви. У нее в деревне был ухажер, имя не помню, но мама вспоминала его, т.к. ее личная жизнь была кошмарной. А тут военный, фронтовик из Красного Яра захотел взять ее в жены. Бабанька сказала, что пока берут – иди. Она- то знала историю рождения мамы. А может быть и потому, что у нее по факту отца и не было, поэтому невеста вряд ли была в цене.

Знаю, что Константин умер от сердечного приступа в лодке, когда переплывал Бузан.

Могла ли тётя Маруся быть объективной, тоже не знаю. Она вспоминала свое детство с горечью. Ей приходилось одной оставаться на ночь в поле, чтобы караулить посев и это ей было обидно ещё и потому, что она в семье была не родной. Это с ее точки зрения. Но все дети тогда работали много, чтоб выжить семье, тем более, что Бабанька одно время сильно болела, еле выходили и хозяйство было на детях.

Мне эта история кажется правдивой, но для меня это не имело принципиального значения. Я всегда любила бабушку, а уж тем более об этом рассказала мне Татьяна, лет 20 назад, так что это вообще не имело значения. Я только очень ее пожалела, ошибок и грехов все по жизни наделали. А ей пришлось трудно. Не знаю надо ли вообще об этом вспоминать.

Тётю Марусю помню как добрейшей души человека. У нее были, кажется две дочери и двое сыновей, жили они на второй Астрахани. Я у них гостила не раз, мне всегда были рады. Катались с мальчишками со стога сена во дворе. Они для остроты ощущений подставляли мне вилы острием вверх, когда я уже катилась. Действительно ощущения острые остались от этого развлечения.

Тётя Маруся много помогала Татьяне, когда у нее родился сын. Мы обе мало, что понимали, что с детьми делать. А она была рядом, даже забирала Татьяну с малышом к себе пожить.

*Знаю ещё, что в Астрахани жил Иван Филиппович с женой Ольгой и дочерью Татьяной. Она ровесница моей родной сестры Татьяны. Татьяна закончила **рыбный** институт, и уехала на Дальний Восток. До этого мы очень тесно общались с их семьей.*

Сейчас Татьяна вернулась в Астрахань. Моя Татьяна с ней встречалась несколько раз, у нее дети и хорошая семья, живут в жилгородке.

Только работая над этой книгой, я узнал о «страшном грехе» моей единственной тёти по линии мамы. Если сейчас молодёжь скрепляет свои отношения печатью, как правило, при наличии беременности, то во времена моих дедов беременность без печати действительно считалось страшным грехом, позором, который преследует всю жизнь. Не мудрено, что сие держалось в тайне, и я, хорошо и много лет знающий свою тётю, был в полном неведении по такому пикантному делу. И это не смотря на то, что я в одной деревне, близко друг от друга прожил с ней в окружении большого числа родственников более 20 лет! В том, что сообщила внучка о своей бабусе, я увидел ещё одну важную грань в характере хозяйки крестьянского гнезда: она не только жестоко осудила свою дочь, выгнав её из дома, но и сделала всё возможное, чтобы спасти её. Она за-

ставила развестись Константина со своей женой, оформить брак с Евдокией Филипповной, разорвать этот брак, и заставить всех уважать свою дочь всех родственников, и даже завязать свой рот по этому поводу на всю жизнь. На себе испытал я эти действия. Всю свою жизнь я считал и считаю тётю Дусю скромной, красивой, спокойной и любящей всех женщиной.

Шагая дальше по крестьянскому гнезду, попадаем на судьбу моей мамы. Пройдусь по тем местам маминой судьбы, о которых я кое-что уже писал. И начну с личного.

Я чувствую себя частицей Вас!
Наверно, потому и не найду начала.
И мыслью, возвращаясь, каждый раз
Я в детстве черпаю лекарство от отчаянья!

Вот потому оно мне не грозит,
Вот потому и сам заматерелый...

Отец про дело строгий спрос творит,
А мать: «Красив ль в душе твоей свет белый?»

Я чувствую себя частицей Вас!
Наверно, потому и нет конца общенью.
И мыслью, возвращаясь, каждый раз
Я в детстве черпаю отдохновенье!

Я всегда говорил родителям «Вь»

И в детстве и в зрелые годы никогда не мог сказать ни отцу, ни матери: «Ть». Думаю, потому, что я их не только безмерно любил, но и безгранично уважал. Они никогда не были для меня друзьями. Всегда – обожаемыми родителями.

Отрывки из родословной отца и мамы

Как будто бы вчера:
Отец в арбу сажает
До Качеганихи садись, мол, прокачу
Сам в Картубы, наверно, отъезжает

Мать – в сумку хлеб и прочую еду
У Качеганихи ссадил меня
И я... дал драпу от гуся!

Правление колхоза:
Зычный бас отца
На всё село кого-то распекает
На лошадь посадил меня:
«Езжай и запряги – сынишка помогает»

Но конь шарахнулся, и я
Уже у ног того коня
Не подал виду, мол – в борьбе!
Отец пришёл, а конь в арбе!

Отец в бригаде. Верхний плав весной.
Уха, севрюга – на мостках с икрой.
С бударки мечут режаки
Провяленные солнцем рыбаки.

Приёмка. В прорезь осетров!
Взамен рулон на вермишель. Каков!
Я – молча возмущён, и покраснел, как рак!
Не выдержал и ляпнул: «Папа, ты – дурак!»

Отец не понял, что, мол, за дела?!
(Никто не смел ему перечить – никогда!)
Когда же понял чувства пацана,
Раскатный смех услышала весна!

Зима. Мороз. Поломанный забор
Отец с одной рукой, не подпуская мать, его латает.
А мне доверил гвоздь!
Его держу! Он по гвоздю и... пальцу ударяет!

Я виду не подал, почувствовал момент.
Что палец?! Души их рыдают!!
Скупой слезою захлебнулась мать...
Он, стиснув зубы, дал мне гвоздь опять!

Дороже не было награды у меня,
Чем в тот момент доверие отца!

Сейчас пишу, а по щеке слеза! Вот вам и «сам заматерелый»!

Это – самые первые мои осознанные события в жизни. По-видимому, это конец сороковых годов. А дальше – больше. Вот я, наверное, в выходной, юркнул в кровать к родителям и отец, уже в который раз, рассказывает мне в ролях «Капитанскую дочку» и «Два капитана». Это были мои первые серьёзные сериалы, а до этого, как мне кажется, всегда были сказки, в которых я и окружающие были действующими лицами.

Как же я любил эти сказки и эти сериалы! Как мне помнится, мама тоже любила всё это слушать по несколько раз. Во всяком случае, она пыталась не шуметь «ухватами», чтобы ей самой было слышно. Всем этим воспоминаниям нет конца. Всё это – моё детство, овеянное любовью к родителям и их любовью. Ну, а теперь, не о том, что помню, а о том, что слышал!

Мой дед – Куранов Иван Петрович, Астраханский казак, возможно, из рода стрельцов, что когда-то поселил здесь царь-батюшка для взимания податей с плывущего по Волге люду. Я слышал, что именно так образовалось село Красный Яр. Переженились стрельцы, научились выращивать овощи, ловить рыбу, а потом уж совсем превратились в профессиональных рыбаков. Откуда стрельцов сюда вербовали – кто знает. Наверное, из разных мест. Кого-то может с Кавказа, с реки Куры. Может отсюда и фамилия – Курановы. Однако, скорее всего фамилия пошла от имени Кир, произносимое тогда как Кур. Но об этом я от родителей ничего не слышал, это были мои домыслы. Но потом меня познакомила со своими исследованиями одна семья энтузиастов Курановых. Вот до чего они докопались, занимаясь историей возникновения этой фамилией в наших краях.

В числе первых переселенцев по указу царя в низовье Волги был некий Яков Куранов, а основателем древнейшего казачьего рода в Красном яру, т.е. в наших местах, был его сын – пушкарь Иван Яковлевич Куранов. Известно, что его внук Савелий жил в 1680 году. Поскольку год образования Астрахани 1558, а 1599 г. в Астрахани было всего 5000 человек, в основном, служивых, то получается, что Куранов Яков был один из тех, кто был среди основателей Астрахани. Поэтому к 20-му веку Курановых было много, и они были разные.

Мы были Белоконины – кличка такая. Будто бы один из наших предков гарцевал на белом коне, вот поэтому, так сказать, «по улошному», наш род был Белоконинным – тогда ведь по фамилии редко звали, всё больше «по улошному».

Правда, я слышал и другую версию, что Белоконинными звали Михиных. Что вроде бы у моего деда Филиппа был белый конь и их так прозвали. А затем мы уже стали Белоконинными. – «Петр Куранов, мол, каких Курановых?» – «Да Катюшки Белокониной». Но я в эту версию не верю, потому что у всех Курановых издавна кличка была. А вот Михины на селе – пришлые, но об этом позже.

О своём деде по отцу я мало что слышал. Может, потому, что умер он в 42 года в 1917-м году от детской болезни – дифтерии. Был здоровый мужик, как и все рыбаки в то время, любил бывать в кабаке, когда не было путины. А в путину – ясное дело, не вылезал из бударки. Ведь семью – 17 детей к 42-м годам (!) – надо было кормить. Отец вспоминал, что мать (моя бабушка) посылала

именно его в кабак за отцом, чтобы привёл домой. Других пошлёт – отец мог посланца и прогнать, а его – никогда. Вот потому-то это серьёзное дело ему и доверяли.

Помню рассказ, отца о последних днях деда. Как-то привёл он деда из кабака, а он пошёл туда по случаю большой удачи – поймал белугу более полтонны. Дома он вдруг пожаловался на горло. Наутро – стал задыхаться. Ему пытались помочь, ложками выдавить распухшие железы, но они становились всё больше и больше, он жутко хрипел, а к вечеру – всё горло перекрыло, и он задохнулся. За один день убрался здоровый мужик, оставив 17 сирот.

Кабак рыбацкий – редкая услада
В хмелю – душа распашкой, удаль через край
Порою, мужику нужно отдохновенье.
При мал-мала по лавкам, кабак – почти что рай!

Ведь завтра спозаранок опять невод метать,
Шершавою ладонью опять шугу сгребать,
Себя вялить на солнце, в моряну – устоять.
Рыбацкая планида – едрёна всё же мать.

Но жили и любили. Была и песня, смех
Детей любя родили, конечно, был и грех!..
И мал-мала по лавкам помехой не была
Для подлинного счастья – ведь бог давал тогда!

Отцу тогда было 11 лет, он уже умел управлять лодкой, и его охотно взяла в свою семью старшая сестра – Лидия Ивановна. Он жил в семье Лидии Ивановны до самой женитьбы – почти 10 лет. Все эти годы он был весельщиком, потом кормщиком – в общем, прошёл все стадии рыбацкой науки.

Бабушка моя – Куранова Зинаида Алексеевна (в девичестве – Тутаринова) была, говорят, писаной красавицей. Была весёлого и доброго нрава, маленького роста. Её всё время называли: Зиночка-картиночка. Она умерла в 1918 году во время эпидемии холеры.

Вот собственно и всё, что я знаю об отце до его женитьбы и о его родителях.

Разве можно с судьбою поспорить –
Молодого не стало отца,
А за ним, что же делать, холера –
Мать забрали к себе небеса

Но в душе их осталась закваска
Да и навык рыбацкий при нём.
Сирота – так ведь братьев навалом
И сестёр, как ни кинь – полон дом.

Как-то выжили, встали, окрепли,
Не сломались, не ныли – росли.
Их родителей – памяти светлой
Так по жизни всегда и несли!

Кое-что слышал я и о тех братьях отца, которых никогда не видел. Александр Иванович Куранов – по-моему, у него было две жены. От первой жены – дочь Муся, от второй – дочь Надежда и сын Борис. Борис, говорили, в отца – очень высокий, стройный, здоровяк – таким я себе представлял и Александра Ивановича. Другой брат – Вячеслав Иванович, с которым будто бы отец был особенно дружен. По-видимому, это так. Он умер рано – сердечник. Детей у него не было, а жену я хорошо помню. Мы с мамой к ней всегда заходили в Красном Яру, когда ходили на кладбище. Звал я её – тётя Дуся. И её всегда приглашали на семейные торжества.

О Григории Ивановиче знаю лишь то, что это был молодой, красивый, чернокудрый парень, хорошо играл на гармонии. В молодости (лет 17-18) заболел какой-то неизлечимой болезнью (может – рак). Чувствуя близкую смерть, часто на лодке выезжал на Волгу (точнее – один из рукавов Волги – Бузан), бросал вёсла, лодка плыла по течению, а он брал гармонию и пел. Помню по рассказам, что некоторые сельчане рыдали, когда слышали его песню: «Вы не вейтесь чёрные кудри, над моею больной головой...» и дальше: «скоро, скоро не будет меня!»

А вот одного из братьев отца я хорошо знал – Михаил Иванович. Его жена – Серафима Петровна, была старше его. Приёмную дочь тоже звали Серафима, а сына – Юрий. Помню хорошо и его, и его жену, и его дочерей. Он не смог пережить измену жены и хотел деликатно, без травмы для дочерей, уйти из жизни. Но не удалось. Ушёл из дома на работу, никому ничего не сказал, уехал куда-то на Кавказ, выбросил все документы и повесился в глухом лесу. Но нашли, установили личность, и был большой гул по этому поводу. Совсем недавно я узнал о судьбе одной из его дочерей Беловой Ирине, которая живёт в Костроме, жизнерадостная, улыбчивая женщина.

Сам Михаил Иванович с Серафимой Петровной прожили долгую, но несколько затворную жизнь. Может быть оттого, что Михаилу Ивановичу, как, по-моему, и Александру Ивановичу, пришлось парнишками воевать за белых, а это при большевиках было большим грехом.

Самая старшая из сестёр отца, которую я скорее ощущаю, чем помню, была Лидия Ивановна. Она с семьёй жила где-то недалеко от Забузана. По-моему, это было село, которое называли Володаровка. Когда она приезжала, то рассказывала мне сказки, брала меня с собою спать на печку. Но что-то мешало радости ощущений. Наверное, потому, что вела она себя у нас в доме не как все, а как бедная родственница, что ли. С её приездом атмосфера в доме как-то менялась. Это я сейчас понимаю, что, по-видимому, мешали какие-то имущественные разборки. Наверное, отец был вынужден платить какую-то дань за то, что вырос в семье Лидии Ивановны или что-то в этом роде. В общем, несмотря на внешнее «сюсюканье», что-то в их отношениях меня настораживало. Ничего подобного никогда не было с другими тётушками – там всегда взаимное радушие и гостеприимство.

По линии Лидии Ивановны знаю лишь об одной её дочери, которая жила в Красном Яру, рядом с бойней. Помню несколько случаев, когда мы с отцом привозили на лодке на бойню овец или пригоняли бычков. Стояли в очереди на бойню. Всегда навещали Ганюшкиных – это была фамилия дочери Лидии Ивановны по мужу. Потом сын её, т.е. внук Лидии Ивановны был учителем у меня в средней школе. Умный, тактичный, образованный, блестящий молодой человек – Всеволод Михайлович Ганюшкин. Он преподавал физику, а у нас астрономию. Всё, что я знаю о звёздном небе – от Цифея до Геркулеса – это его заслуга. Однажды он позвонил мне к себе, думаю, в 11-ом классе, и говорит: «А знаешь, что оказывается – ты мой дядюшка? Я об этом недавно узнал». А я говорю ему: «А я это знал всегда». Мы пригласили друг друга в гости, но продолжения не было. Он был человек очень яркий, но с некоторой «страннинкой», жил один, не женился долго. Дальше я его судьбу не знаю. Может так и работает учителем в Красном Яру. А может...

Следующая по возрасту тётушка – Кузовлёва Александра Ивановна, тётя Шура. Должен признаться – это была моя любимая тётушка. Мне нравилась её бесхитрость, простота, эмоциональность. Она могла и заразительно смеяться, и как-то, по-особенному, плакать. У неё была очень трудная судьба, были причины слёзы лить. Но она как-то так искренне и, одновременно, без тени упадничества плакала, что переживая вместе с ней, после слёз становилось не только легче, но и она и ты становились как-то сильнее, могли подняться над горем и ещё сильнее любить жизнь. А уж прибаутки, театрализованное пение, как «проел Дуне таракан сарафан», или уморительные воспоминания как она любила угощать «аппетитного» (так она называла моего друга Александра Коростелёва) или напоить калмыцким чаем, донского казака Кумова Александра Дмитриевича, не зная, что он его терпеть не может и т.д. и т.п. Всё это считалось в нашей семье бестселлерами. Конечно же, не занятостью сюжета, а потому, что во всём этом видна была беспредельная искренность и ощущение доброты тёти Шуры. И это изумительно дополнялось молчаливым, с лукавой усмешкой, одобрением всего, что делала тётя Шура, её постоянного спутника жизни Кузовлева Ильи Ивановича. Из рассказов моих родителей я знаю, что Илья Иванович был, как и Александра Ивановна, сирота. Но его усыновила бездетная пара Кузовлевых. Они имели реюшку–небольшое рыбацкое судно для ловли рыбы на море. Попали под раскулачивание и двое сирот с двумя или тремя малыми детьми оказались в ссылке, в Северном Казахстане. Во время войны Илью Ивановича «за примерное поведение» взяли добровольцем на фронт, где он «искупил». После войны им разрешили вернуться назад, домой, а там у них ничего не осталось. Они приехали в 1945-ом году к нам в дом, в нашу семью. В это время как раз я и надумал родиться. Мама и мой брат Геннадий часто рассказывали историю моего рожденья, когда у мамы начались схватки, отец запряг лошадь в сани, посадил в сани маму и тётю Шуру, дал вожжи 13-летнему сыну и приказал: «Вези в больницу!» А это в декабре, когда лёд только-только «встал». Больница – за две широкие реки, лёд трещит, мать кричит. В общем, страху натерпелись....

Когда я рассказываю этот случай, меня часто спрашивают: «А почему отец сам не повёз, а послал, можно сказать, на верную смерть сына?». Трудно объяснить это людям, далёким от тех лет, того образа жизни. Но мне абсолютно понятно, что отец, конечно, взвесил всё. Никакой «верной смерти»! Он знал, что лёд выдержит, иначе он, конечно бы, ни за что не отослал от себя такой бесценный груз. То, что в 13 лет в то время сын хорошо, лучше отца, управлялся с повозкой, лошастью, было не исключением, а правилом, тем более отец был без руки. Ну, и наконец, рожать детей – это дело бабское, т.е. в этом деле женщины разбираются лучше мужиков, гораздо полезнее мужиков при родах. Поэтому с мамой он едет не сам, а посылает свою сестру. А сам он полезнее дома, на хозяйстве, на добыче. Ведь в доме две семьи, их надо кормить, некогда расслабляться. Да и Сталин расслабляться не даёт.

Так что решение его было вполне логично, практично. На его месте я бы тоже так сделал. Отец не терпел, когда кто-то старался показать, проявить внешнюю заботу о ближних. Он ближних рассматривал как часть себя, поэтому он «поглаживал больную часть» только тогда, когда нечего было делать. А этого у него не было почти никогда. «Больные части» он всегда лечил. В этом он был всегда «хирургом». Ему не надо было делать вид, что он заботится, на это у него не хватало ни сил, ни времени. Он действовал, он решал проблемы, и, таким образом, заботился. Вот и весь ключ к разгадке, почему отец сам не повёз беременную мать в больницу.

У меня всегда вызывали усмешку намёки, что, мол, отец был трусоват. Я отца знал хорошо. Никогда отец не позволял себе спрятаться за других, тем более – за ближних. А вот учить детей жизни, не отстраняя их от трудных дел, с которыми они могли и должны были справляться – это была одна из сильнейших сторон отца. В этом он был гениальным педагогом!

Я хорошо помню, как однажды ночью отец поднял меня: «Беда, сынок, одевайся». Выбежал я их дома, звенит пожарный колокол по селу, отец где-то зычным голосом командует, снуют телеги, люди, лошади, лопатки, носилки. Мчимся во весь опор к валам-дамбам, которые удерживали воду, спасая возделанные поля от затопления. Почти засыпали землей всё, что прорвало. Остался узкий промежуток, в который что бы ни бросали – всё уносило со стремительной скоростью.

Я видел отчаянье сельчан, один отец только не махнул на всё это рукой. И тогда я бросился в этот прогал с охапкой веток, держал их, как мог, а сверху них бросали землю. Прогал был мгновенно ликвидирован. Как же отец благодарно посмотрел на меня! Мать причитала: «С ума сошёл – 10-летнего парнишку в холодную воду толкать. Своего собственного сына, мужиков, что ли, не было?». Отец молча погладил меня по голове, мы поняли друг друга, были горды собой и он, и я.

Я такого глубокого чувства не испытывал больше никогда, даже получая звание профессора, лауреата, почётного строителя. Главной моей наградой в жизни были моменты гордости отца за своего сына!

Не знаю, сколько жили у нас Кузовлёвы – наверное, до весны, а весной, думаю не без помощи отца, купили домик в Астрахани у реки Кутум и там –

осели. Этот домик – один из трех на маленьком дворе и сам низкий, маленький, до сих пор остаётся для меня храмом гостеприимства тёти Шуры и Ильи Ивановича. Он всю жизнь проработал где-то на железной дороге, а тётя Шура ходила по домам, выполняя чёрную работу: обстирывала, убиралась и т.п. Но всегда оставалась толстой, подвижной, весёлой – типичный представитель клана «толстых» Курановых.

Когда я говорил о тяжёлой доле тёти Шуры, я имел в виду смерть её дочери в период раскулачивания, жуткое самоубийство сына Кости – портного от бога, как говорили – из-за ревности. Вообще, в нашем роду самоубийцы – не редкость – эмоциональные мужики, получается! Кроме дочери (имя её не помню) и Кости, у Кузовлёвых – ещё двое сыновей: Борис и Владимир.

Толстуха тётя Шура, как обычно, перемежая смех и слёзы, говорила как-то моему отцу: «Вот умру я, а Илька-то мой женится ведь сразу, кобель такой!». Илья Иванович на это, молча, усмехался. «Вот и думаю, Петька. Поживу ка я ему назло подольше. По утрам, знаешь, как бы случайно коробок спичек рассыплю и собираю их – зарядку делаю. А просто так зарядку делать – духу не хватает – перед Илькой стыдно!».

Илья Иванович считался всегда абсолютно здоровым человеком и хоть он и был значительно старше тёти Шуры, никто не сомневался, что в словах её были искренние переживания. Она любила Илью Ивановича и не могла себе представить рядом с ним другую женщину, даже после своей смерти. Судьба, как обычно, распоряжается по-своему: за два дня убрался Илья Иванович – непреходимость. А тётя Шура пожила ещё долго. Попробовала жить с детьми – не получилось. Её сестра (ещё одна моя тётушка Зина) нашла ей старичка, с ним она и дожила свой век.

Последнюю свою ночь в качестве Астраханского жителя я провёл у гроба моей любимой тётушки Шуры. Наутро 1 июня 1980 года её понесли на кладбище, а я вместе со своей семьёй и всем багажом сел в поезд и стал москвичом.

Зинаида Ивановна Елизарова – ещё одна моя тётушка – та самая, что уговорила тётку Шуру на старичка. Тётя Шура всё приговорила ей: «Что ты, со стыда стору!».

Но как подтвердил и этот случай, от старичков со стыда не сторают: обычно, в жизни находятся эффективные «противопожарные средства».

Тётя Зина знала, что делала. Ей самой пришлось использовать этот метод. И вполне эффективно – по-моему, неплохо прожила долгие годы со своим старичком. А вышла замуж она совсем молоденькой девушкой, лет 17-ти. Об этом мне рассказывала мама. Её муж был много старше её. Как я понял, ему тогда было лет 40. Но у сироты выбор всегда небольшой. При этом муж был обеспеченным человеком, жизнелюбом.

Вскоре красавица Зинаида Ивановна с мужем уезжает в Азербайджан, в город Ленкорань. И первый раз увидел я тётю Зину, когда она оттуда уже вернулась «со старичком» в Астрахань – тянуло на родину, уже в пожилом возрасте. Тётя Зина относилась к другому клану – клану «чёрных» Курановых. «Чёрные» в отличие от «толстых» были стройными, более замкнутыми. Но тётя Зина, несмотря на смуглость кожи, обладала всеми свойствами «толстых» – гостеприимство, доброта, жизнелюбие. Может, генетика так распорядилась, а может Лен-

коранский образ жизни, а может и то и другое. Впоследствии и сын Геннадий, и дочь Светлана тоже оказались астраханцами.

Геннадия хочется вспоминать красавцем военным, потому что после демобилизации из армии запил, потерял себя. У Светланы прекрасная семья. Саму же Светлану, относящуюся к клану «черных» Курановых я видел только в глубоком детстве, когда она ещё девчонкой приезжала к нам в Забузан, а я тогда ещё совсем «под стол пешком ходил», да ещё на 100-летию со дня рождения моих родителей.

Тётя Зина дожила до глубокой старости (за 90 лет) – рекордсмен Курановский. Но долгожительство для «чёрных» Курановых – обычное дело, не то, что для «толстых».

Когда жил в Астрахани, я часто навещал свою тётушку, а когда уехал в Москву, то сначала я навещал её в каждый приезд, а потом всё реже, реже. Помню, пришёл однажды к ней. Она как обычно усадила, угостила, расспросила, а потом давай мне жаловаться на... меня... Мол, вот, знаешь ты такого – Николая Куранова. Он у нас большой учёный, а как уехал в Москву, такую же бороду отпустил как у тебя, зазнался, позабыл нас совсем и «нос сюда не кажет». Для неё я был в двух лицах – один астраханец, который сидит перед ней и другой – москвич, который «зазнался». Но я чувствовал, что она и того, и другого хоть и журила, но любила. Светлая память тебе, тётушка Зина.

Совсем не много эпизодов в моей памяти связано с Любимовой Фаиной Ивановной. Она была младшей из сестёр и как и тётя Зина, была младше моего отца, и относилась к клану «толстых». В моей памяти – очень красивая, неординарная женщина. Первый эпизод у меня связан с приездом к нам в гости тёти Фаи со своими дочерьми Светланой и Любой, а так же дочерью тёти Зины – Светланой. Думаю, что мне было тогда года три, потому что я ещё сосал палец, и меня стыдили присказкой «Атым-батым пальцы сосатым». Ещё помню, что мои кузины говорили мне, что я буду горным инженером. Для меня, долгое время «горный инженер» звучало примерно как потом появившееся слово «космонавт». Думаю, «горный инженер» возник потому, что они приехали с Дальнего востока, где жили семьёй, а там геологи, горные инженеры были в то время в большом почёте.

После смерти мужа, Фаина Ивановна переехала в Астрахань (снова зов родины!), но прожила здесь недолго – умерла (кажется, рак). Она несколько раз гостила у нас, приезжала к отцу за советом.

Вот и всё, что я помню о Фаине Ивановне. А откуда чувства неординарности женщины – объяснить не могу. Это ощущения.

Больше, по линии отца, никого не помню, в том числе и из рассказов. Насчитал – 5 братьев и 4 сестры. Значит, остальные 8 детей ушли из жизни ещё в младенчестве. 9:8 – обычная арифметика того времени.

Родные связи – от сестёр и братьев
До их семей, до их забот.
Умел он черпать в этом счастье
И той ж монетой отдавал народ

В дом гости праздник приносили,
Стремясь в далёкий Забузан,
Сердца и души здесь лечили,
И обсуждали жизни план.

Не помню зависти, корысти,
Но слёзы были – как без них.
Ведь все хлебали лиха в жизни
И здесь перетирали их.

Такие жернова – лекарство
И горе утопало тихо.
Отец целитель был и мельник
Мука рождалась из лиха!

Я видел: вот слеза сначала,
Потом улыбка, громкий смех,
А вот и песня зазвучала –
Никто не видел в этом грех.

Что б горе душу не ломало,
С слезою смешивался смех,
А чтобы вера укреплялась,
То – песня русская для всех!

Жених и невеста

Как повстречались отец с матерью – не знаю. Помню лишь рассказ его друга – рыбака Николая Осьминина, который был немного старше отца: «Петька, когда был молодой, с девками был не смелый, боялся к ним подойти. Ну, я как-то говорю ему – не бойся, как будет заканчиваться вечеринка, а мы тогда собирались у Макарихи, пригласи девку, какая тебе нравится, погулять с тобой, проводить её домой, а я со своей впереди пойду, а ты за мной держись, если боишься. А Петька говорит мне – а о чём я с ней буду разговаривать? Чудак человек, говорю, не знаешь о чём говорить – говори о луне. Вот заканчивается вечеринка, Петька подкатывается к самой красивой девушке – Катюшке Михиной. Смотрю – выходят. Петька оглядывается, ищет меня. Ну, я тут как тут со своей кралей, пошёл вперед. Они за нами. Идут, молчат. Тут я не выдержал, оглянулся и показываю ему на небо. Слышу, Петька говорит: посмотри, как звёзды на небе понатыканы и луна... – да как захохочет и бежать. Я его еле догнал. А то так бы и остался холостым!»

И ещё слышал рассказ отца, как он «Катюшку сватал»: «Ну, я намекнул, как, пойдёшь, мол, за меня замуж, а она зарделась вся, засмеялась и убежала. Я кричу ей – ну жди сватов. На другой день садимся мы с другом (отец назвал друга, да я забыл) в бударку и шестами, бичевой пошли из Картубов в Забузан.

Ну, дотолкались мы, приходим в дом. Николай Осьминин (по-моему это всё же был он) заходит в дом, я за ним. Он начал там что-то говорить про товар, про купца. Тут Татьяна Алексеевна отодвинула в сторону Николая и как передо мной рухнет на колени! Я аж перепугался. А она мне, сироте, парню без отца, без матери, у которого ни кола, ни двора нет, говорит: «Спасибо тебе, мил человек, что из всех девок выбрал мою, чести удостоил». «Я этих слов Татьяны Алексеевны до смерти не забуду» – говорил мой отец.

Вот так и поженились. О свадьбе ничего не знаю. Знаю лишь, что отец не повёл молодую жену в дом своей сестры, где жил, а взял лопату, вырыл землянку, накрыл её камышом и хворостом, невеста обмазала глиной крышу и внутри землянки, соорудили полати и стол, развели самовар, чай попили.

Так началась первая брачная ночь. А ночью на кровать завалилась земляная стена. Вот так стали жить-поживать и нас наживать – дорогие мои папа и мама.

Было это, как я это себе представляю, в 1926 году. Жениху 19 лет, невесте – 18.

Вот проверил вентера,
Заметал игличкой,
Бросил сеть на вешала,
Запрягает бричку.

У Макарихи народ
Должен бы собратся -
Вдруг зазнобушка придёт,
Взглянет, может статья.

А зазноба в промыслах,
Солит, вялит, нижет -
Голова в таких делах
В любовных нишах!

Может, вырвется, придёт
Мой сердцун на сходку,
И гулять, вдруг, позовёт.
Страшно, но в охотку!

Хорошо с ним помолчим,
За руки возьмёмся
«Ну, уж это слишком ты!»
Ладно, разберёмся

Может, в небо поглядим,
Звёзды посчитаем.
Может... лишь бы рядом с ним –
Сердце так и тает!

Вижу маму и отца -
 Чистых, и в смущеньи -
 И мигает им звезда
 В знак благословенья!

Несмотря на некоторое повторение того, о чём говорилось выше, привожу здесь отрывки из родословной мамы, которые были написаны к 100-летию со дня рождения родителей.

Куранова (в девичестве – Михина) Екатерина Филипповна, из семьи земледельцев, которых голод с «верховой» пригнал в «низы», т.е. мои дед Филипп и бабушка Татьяна пригнали скот из-за засухи, из-за неурожая из Харбалинских степей в Прикаспийскую низменность, в надежде как-то прокормить скотину, корову и, тем самым, спасти семью от голода. А детьми – то они переплюнули Курановых: не то их было 19, не то 24. Я, помню, мама при мне пыталась считать и всегда у неё получались разные цифры. Всех умерших младенцев и не упомнишь. Тем более бабушка имела обыкновение порой и двойню приносить, а один раз родила даже троих!

Я знаю то место, где дед Филипп вырыл землянку и решил зимовать со скотом здесь, в низовьях. Не было сил возвращаться в родные пенаты. Да так и остались здесь, зацепились. Потом и дом построили в центре села. Я хорошо помню этот дом. Он и сейчас стоит со знаменитым крыльцом. А знаменито оно было тем, что здесь, у крыльца, собиралась общественность, «профсоюзы», так сказать.

Бабушка Таня (её все близкие звали – бабанька, а прочие не иначе как Татьяна Алексеевна) была, как бы, рупором села, его совестью. Здесь формировалось общественное мнение по поводу той или иной личности, того или иного события. Этому способствовало два обстоятельства: внешнее – дом находился рядом с магазином, и внутреннее – бабушка была признанным авторитетом, всегда и всем, невзирая на чины, резала правду-матку в глаза. Да не от «балды», а продуманно, взвешенно, аргументировано. Помню свою последнюю встречу с бабанькой. Я уже учился в университете в Саратове. Уезжал на очередной семестр. Как положено, зашёл к бабке с дедом попрощаться. А им было уже где-то под 90 лет. Бабанька в то время уже в основном лежала, дед был ещё ничего. С ними до самой их смерти жила дочь – тётя Дуся, мамина сестра. Не смотря на мои протесты, меня усадили за стол и бабушка долго пыталась понять, на кого я учусь?! Дело оказалось нелёгким, потому что она вскоре поняла, что я и сам толком не знаю – на кого же я учусь. Я что-то пытался мямлить про механику, математику, но на прямые вопросы, чему я там научился, что я умею делать – по этим её вопросам я явно заработал «неуд». Тётя Дуся всё пыталась защитить меня, отстаньте, мол, от него, какая разница, на кого учиться, главное, чтобы диплом был. Но она и сама понимала тщетность своих потуг: дед с бабкой не собирались отпускать меня, не вникнув в сущность вещей. В результате на дорогу я получил такой наказ: раз до сих пор не знаешь, на кого учишься, а ты не дурак, значит – учишься на что-то умное, не сразу и не всем постижимое. Учись и дальше, слабых не обижай, сильных не бойся, а

старших почитай! Больше я бабушки не видел, похоронили её без меня, пока я познавал, на кого же я учусь.

А вот дед умер, когда я уже жил в Забузане, преподавал в школе! Дед Филипп был первый в моей жизни покойник, которого я сам, один, обмывал, одевал, укладывал в гроб. И было мне спокойно. Вспоминал я, как он учил меня, пацана, рис сеять – он был единственным в рыбацком селе человеком, который разбирался в этом деле, хлопок выращивать, как учил шорничать – делать хомуты и другую сбрую для лошадей. И в этом деле он был единственным на всё село мастером. В то время университетов не заканчивали – педагогом выступала сама жизнь! Любопытен факт, что мой сын Петр, переводя мои каракули в электронную версию, не мог поверить, что в Астрахани во времена моего детства выращивали хлопок. А было же!

Мои дедушка с бабушкой представляли собой классический вариант «единства противоположностей». Бабка говорливая, шумная, эмоциональная. Дед – молчаливый, сдержанный, голос тихий, с хрипотцой.

Но все их дети как один утверждали, что истинным хозяином в доме был дед, а не бабушка, как казалось многим. Бабушка – то «профсоюз», где-то даже и «правительство», а «президент» – дед!

Говорила всегда бабка, дед молчал, но уж если он сказал, то так тому и быть! Несмотря на бабкин громкий голос, дети боялись деда. Именно он определял, кто и когда позволял себе лишнего – сразу ложкой в лоб. Бабка давай заступаться, кричать на деда, а он опять молчит, дальше продолжает своё дело.

С домом моих прародителей связано много воспоминаний, обо всех не расскажешь, но об одном из них сохранилось документальное свидетельство. Грех этим не воспользоваться. Как я уже говорил, заметные общественные события, как правило, проходили перед бабушкиным крыльцом. Почему я его называю бабушкиным, а не дедушкиным, например? Да потому, что дед там почти никогда не показывался. Он не любил шумных сборищ, сидел у себя в сарае и занимался сбруей. На крыльце, как правило, с прялкой, сидела бабушка, а вокруг неё собирались люди и происходили события. В этот раз событие было неординарное: в село приехал фотограф! Надо ли говорить, что появление тогда любой фотографии в доме было редким, заметным и ярким – на всю жизнь! – событием? К крыльцу (а фотограф, конечно, расположился около крыльца – основы бизнеса понимали и тогда) стали подтягиваться люди. Выясняли возможности фотографа, а, главное, величины и формы оплаты. Денег тогда в семьях, практически не было: рыбакам заработка выдавали рулонами (т.е. талоны на тот или иной вид товаров), а земледельцам и животноводам – трудоднями, т.е. выращенной продукцией в конце года. Деньги у людей появлялись, главным образом, от продажи своей, личной продукции на рынке.

Поэтому каждая копейка была на учёте, но и соблазн велик: запечатлеть себя и своих близких на всю жизнь! Договорившись о цене (кто деньгами, кто салом, кто поросёнком или курицей), люди бежали домой, одевали всё самое лучшее, прибегали назад, готовые к «бессмертию». Потом долго усаживались перед фотографом, ждали «птички» из глазка фотоаппарата, на который показывал рукой, закрытый покрывалом, фотограф. Весь этот ритуал был сродни

магии, тем более что и продукт этих приготовлений был, можно сказать, волшебным.

Не помню, за какую цену отец (мать сама не могла принять такого важного решения – позвала отца!) договорился, чтобы сфотографировали меня (на большее отец не рискнул, а жаль, фотографий родителей того времени нет вообще). Однако, помню, как отец и фотограф ударили по рукам. Я уж хотел было под фотоаппарат, да мать на меня замахала рукой, не позволила запечатлеться в «натуральном», так сказать, виде, а послала домой одеваться, рассказав, где я что должен взять. Я помню тогда летел стрелой (у нас говорили – шепментом!), боялся как бы фотограф не уехал. И вот результат – стою на фото в матросском костюме, который мне совсем недавно (новый!) привёз мой брат Геннадий из Германии, когда приезжал в отпуск со службы. В руках у меня цветок, который дала мне одна девочка – она только что сфотографировалась передо мною (за этот цветок нас потом долго дразнили «жених и невеста»). Я был белый «как лунь», говорила мама (моя старшая дочь Елена была в детстве точно такой же, за что я её долго, а иногда и сейчас, звал «белый») и это заметно даже на фотографии того качества. Никто и не обратил внимания, что я был «при наряде и босой» – это было в порядке вещей. Только мама потом всю жизнь сокрушалась, что «у меня ведь были сандалии, и она мне говорила, чтобы я их обязательно надел, да с белыми носками».

А я забыл наказ матери – так боялся, что вдруг фотограф уедет. «Что теперь люди подумают», сокрушалась мама. «Скажут теперь, что у нас-то и надеть детям нечего». Дорогая, любимая моя мама, сколько неподдельной горечи было в твоих словах. Ведь сандалии специально берегли для такого вот случая. По улице просто так ходить в них никому и в голову не приходило. И вот такая осечка! Мать не досмотрела! Как я рад, мама, что ты «не досмотрела». Это первая моя в жизни фотография и она дорога мне как память. А я ведь до сих пор люблю ходить босиком, к чему, с переменным успехом, приучал и детей и внуков.

Объективным показателем неординарности деда с бабкой является тот факт, что многие из их сыновей стали образованными людьми, достигли высот в самой модной, почти недоступной тогда для сельского жителя, профессии лётчика. Помню, когда я заканчивал среднюю школу, меня несколько раз вызывали в военкомат и настойчиво предлагали пойти учиться в лётное училище. Я категорически отказывался, понимая, что военный из меня как из бабушки футболист. В военкомате не могли понять, как это я, представитель самой славной в районе династии военных лётчиков и вдруг отказываюсь от такого выгодного предложения. Даже организовали встречу в районном центре общественности с бабушкой и дедушкой, чтобы они рассказали о своих героях-сыновьях. Но встреча пошла совсем по незапланированному сценарию: дед, как всегда, молчал, только в конце сказал: «Да мы с бабкой ничего и не делали. Они сами учились, а мы им не мешали.» А бабка, с присущей ей прямоотой, не сказала ни слова об их достоинствах, а в основном говорила об их недостатках. Её речь, приблизительно была такой: «То, что они там выучились, хорошо воевали, летают хорошо – что об этом говорить? Это так и должно быть. Но вот Ти-

мошка-то (Тимофей Филиппович Михин, награждён Орденом Ленина), он ведь своего слова дома не имеет. Жена им управляет. Уже третий год к отцу с матерью носа не кажет. Торчит там в своём Киеве и письма-то лишний раз не пришлёт. А Колька-то из своего Ленинграда (Николай Филиппович Михин, боевой лётчик, остаток жизни после списания прожил в г.Пушкин Ленинградом) в прошлом месяце денег не дослал, а у Василия тут мал-мала меньше, разве он их здесь всех прокормит? »

Народ в Доме Культуры, где проходила встреча, катался со смеху, а военком всё пытался повернуть встречу в нужное русло. А бабка ему: «Постой, постой, мил человек, дойдёт очередь и до тебя. Ты думаешь, что если мне медальку дал (мать героиня, за заслуги перед отечеством), так и дрова можешь не вовремя завезти? Да и не дрова, а мусор какой-то привёз. Я тебе вот что скажу: ты болтать-то болтай, это тоже нужное дело, но главное-то работу не забывай, о людях-то надо делами, а не словами заботиться!».

Ещё из военных лётчиков был Яков Филиппович, которому воевать, по моему, больше всех пришлось и, знаю, что на его счету было несколько сбитых самолётов. Его приезд в Забузан отец с матерью всегда ждали с особым нетерпением. Они с отцом до войны рыбачили в одной бударке: отец – кормщик, дядя Яша – вёсельщик. Помню его последний приезд в Забузан в военной форме (а они все приезжали в военной форме и в орденах) по-моему, в звании полковника. Говорил, что его списывают. Что сердце совсем ни к чёрту и врачи настоятельно советуют перебраться в Пензу, к сосновым лесам. Там, может быть, проживёшь. Он туда перебрался, но уже вскоре, где-то в середине 50-х годов, умер молодым, оставив вдовой молодую жену с двумя дочерьми. Бабушка с дедом пережили многих своих детей. Помню, на поминках Тимофея Филипповича, бабушка попросила: «Запойте, что-нибудь, помяните его песней. Петь можно – только не пляшите». Пережили они и самоубийство (опять самоубийство!) Василия, который жил по соседству с ними. Дома были почти напротив.

У бабушки жили две дочери Василия Филипповича – Надежда и Катюша. Надежда жила в Великом Новгороде, а Екатерина Кольченко в Ульяновске, с мужем Виктором. У неё двое сыновей – Юрий в Ульяновске и Олег – сейчас в Москве. Там же в Ульяновске живёт старшая дочь Василия – Валентина Бородина (у неё сыновья Николай, Евгений и Геннадий). Она долгое время жила в Забузане с Николаем Евгеньевичем (его всю жизнь звали «Колька маленький» – вернулся с фронта без ноги, был бакеньщиком). Они были постоянными гостями в нашем доме на всех праздниках, застольях. Он играл на гармошке на этих застольях до тех пор, пока я не научился. Дальше это почётное право перешло мне (где-то с третьего класса). Младшая дочь Василия – Елена Куранова, живёт в Забузане. Эти Курановы из другой ветви, другого Петра Куранова. Его я не знал, а знал лишь его сыновей Василия Петровича (Васька-хромой) и Ивана Петровича (Ванька – рожок) и их детей. Один их них – Анатолий, стал мужем Елены. По линии Василия Филипповича я знаю ещё троих его сыновей: Бориса, Михаила и Аркадия – просто невозможно пересчитать, сколько у меня двоюродных братьев и сестёр!

Борис Васильевич женился на своей родственнице – Лидии Лаврешкиной. Но родственнице не по крови. Дело в том, что ещё один мой дядя, Григорий Фи-

липович, который, как и я, носил бороду (!) – он старший из братьев, взял в жёны Лидию Васильевну Бородину с двумя детьми: Геннадием и Натальей. Наталья вышла замуж за Лаврешкина, вот её дочь и стала женой Бориса. Геннадий же Бородин-Михин, взял фамилию приёмного отца – Григория. Он долгое время был председателем колхоза и с ним много вместе работали и мой отец – Пётр Иванович и мой брат – Геннадий Петрович.

С Геннадием Григорьевичем у нашей семьи были тёплые отношения, но с его отцом и матерью (Григорием и Лидией Васильевной) – очень неприязненные. По сути дела, моя мама, со своим братом Григорием не разговаривала, сторонилась его, избегала. Отец – тоже. Причину знаю понаслышке – отец и мать не любили затрагивать эту тему. Дело в том, что после войны отец пришёл без руки и ему определили должность завхоза. А эта должность считалась хлебной, что в голодные годы порождало многих завистников. Одним из них была Лидия Васильевна, которая организовала обыск в нашем доме (в Сталинские-то времена!) и была уверена, что упечёт отца за решётку. Но в доме ничего не нашли (по-моему, отцу стало известно о предстоящем обыске и он успел куда-то припрятать «колоски»). Отца оставили в покое, но он и сам ушёл с «хлебной» должности, как только научился управляться одной рукой и с лодкой, и с сетью – ведь он же потомственный рыбак, а не потомственный завхоз. Отец стал главным рыбаком на селе – бригадир рыбодобычи. Так отцу чудом удалось избежать тюрьмы, а Лидия Васильевна и Григорий Филиппович до конца дней своих несли презрение сельчан. Слава богу, следующие поколения не унаследовали этой вражды. Наоборот, благодаря отходчивости отца, он дружен был с Геннадием Григорьевичем Михиным, я был дружен с детьми Геннадия Григорьевича – Николаем и Василием, помогал, как мог, в устройстве дочери Василия – Елены Султанкиной в Москве.

Ещё один мамин брат – Иван Филиппович, так же имел отношение к лётному делу, только он не летал, а был классным механиком самолётов, готовил их к полёту. Он жил в Астрахани. У него была одна дочь – Татьяна, с которой мы пересекались в Рыбвтузе: она училась там, а я там преподавал.

Кажется, я упомянул всех братьев мамы, частично, об их семьях, насчитал их 7 человек. Подчеркну, что со всеми из них, за исключением Григория, наша семья поддерживала самые тёплые отношения. Все они и их семьи всегда были желанными гостями у нас. Я очень любил их приезды к бабушке, они всегда приходили к нам и «за рюмкой чая» велась долгая беседа о жизни во Фрунзе, Киеве, Астрахани. Я боялся пропустить в этих рассказах хоть слово, часто и не понимая его. В глазах и в ушах стоит одна звуковая картина, связанная с Василием Филипповичем. Его жена, Анфиса, почувствовала неладное и привела его к нам в дом, главным образом к отцу как к главному психотерапевту на селе, говоря современным языком. Василий вбил себе в голову, что у него неизлечимая болезнь и ему осталось жить считанные дни. Психика не выдержала, и он сделал несколько несостоявшихся попыток самоубийства. Я помню этот многочасовой, то мягкий, то жёсткий, то откровенно грубый разговор отца с Василием. И приговор отца, когда Василий с Анфисой ушли – не жилец. Вскоре Василий Филиппович перерезал себе горло бритвой! Молва винит в этом жену.

Особый статус был у единственной маминой сестры – Евдокии Филипповны – тёти Дуси. Она, сколько я себя помню, всегда жила с бабушкой и дедушкой, им посвятила свою жизнь. Из рассказов знаю, что её замужество было неудачным (не знаю, что случилось с мужем), но осталась дочь – Валентина, которая жила с семьёй долгое время в Германии – там служил муж, а затем они жили в Астрахани. К ним потом и переехала после смерти бабушки с дедушкой тётя Дуся и дожила свой век с внучками – Татьяной и Ольгой.

Тётя Дуся была, как бы, членом нашей семьи, была спокойной, уравновешенной женщиной, но не очень любила шумные компании, которые у нас часто устраивались. Она всегда приглашалась на эти сходки, но от них быстро уставала и стремилась уйти потихоньку, по-английски. Не помню ни одной ссоры между сёстрами. Отец мой пользовался безоговорочным авторитетом у всех родственников мамы. Он очень бережно, деликатно, относился к взаимоотношениям родственников по маминой линии, всегда советовался с мамой. Обсуждал намечавшиеся контакты, и мама была ему за это очень благодарна.

Жизнь мамы до замужества я знаю только по отдельным рассказам, но учитывая то время и историю семьи, вряд ли в моём представлении есть серьёзные отклонения от реальности. В школу, в первый класс, маму отдавали три раза: в семь лет – зимой на три месяца, в восемь и девять лет, на те же, три месяца зимы. Остальное время она работала нянкой и по хозяйству (бабушка с дедушкой девок учить не стремились). Они готовили из них хороших жён. Мама рассказывала мне: «Вот сезон заканчивается, приходит зима, бабушка Таня берёт курочку и идёт упрашивать учительницу, чтобы она взяла Катюку учиться. Приходила весна, все на работу и меня в няньки к Селивановым отдавали за их детьми присматривать. Ну а потом, в 9 лет я уже пошла на промысел рыбу солить, низать, ну, в общем – обычная работа».

Так до замужества, до 18 лет, она и работала на разных промыслах, которых тогда в наших краях было несколько штук.

Мама с трудом умела писать, а отец был грамотный для того времени – целых 4 класса церковно-приходской школы.

Молчун дед, бородатый шорник,
И рисосеятель и хлопковод.
Бабанька – та напротив, не затворник,
Оракул и трибун, и у крыльца народ

Загнал их голод на низовье
И здесь осели навсегда.
Здесь «соколов» взрастили на подворье,
И мою маму – как источника добра!

Они не знали интернета,
Мобильник жить им не мешал,
Но были счастливы при этом
Душой приняв, что бог послал.

Написал я эти строки и вспомнил (кто рассказывал, уже забыл), что когда бабушка, неожиданно для всех, забеременела в 50 лет, то ей предложили сделать аборт. Она возмутилась, мол, для этих была родной матерью, а кем я буду для него?

Так на свет появился красавец-мужчина, боевой лётчик и инструктор по полётам Герман Филиппович Михин, проживший счастливую жизнь, народивший с женой Ниной сына и двух дочерей. Последние годы его сразила болезнь Паркинсона – на всю жизнь запомнил я последнюю встречу с ним в Краснодаре в 2001 году.

Нет, ни лаской, ни заботой
Дед и бабушка моя
Нас не привечали вовсе –
Это мама нам дала.

Ни фундамент, ни основу –
Это дал нам всё отец.
Что же дали бабка с дедом?
Необъятность их сердец!

Что-то высшее такое
Из космических зыбей.
Да, наверно – искру божью,
Это, мол, всего важней!

Моё поколение семьи образовалось из четырёх фамилий: Курановы – Михины – Тутариновы – Жабины. Только сейчас обратил внимание, что два из них заканчиваются на «ов», а два на «ин». Какие фамилии образовывали предыдущие поколения – не знаю. Тогда история семьи передавалась из уст в уста. Что-то передавалось и мне, но многое забыл. В молодости мы устремлены в будущее, а не в прошлое. Сейчас же уже и спросить не у кого...

Через год после брачной ночи в обвалившейся землянке у молодой четы Курановых появился первенец – конечно, Иван. Дед был Иван Петрович, отец Петр Иванович, сын – молодой Иван Петрович. Но эта эстафета оборвалась – Иван умер, прожив всего несколько месяцев, а через год, в ноябре 1929 года родилась девочка. В это время родители строили дом в Забузане, а регистрировать ребёнка надо было в Красном Яру – за две реки! Всё некогда, да недосуг было родителям туда ехать, а тут кого-то из родственников или соседей нужда заставила ехать в Красный Яр. Ему и наказали зарегистрировать ребёнка, получить «митрику» – так говорили тогда. Свидетельство рождения в обиходе появилось гораздо позже. Мама, потеряв первого ребенка, боялась теперь называть не по святцам. Так и наказала, мол, как по святцам получается, так пусть и назовут, только не Зинаидой – так звали бабушку. Раз по имени деда получился прокол, то и именем бабушки нельзя называть – такова была логика. И так она просила соседа, чтобы, не приведи господь, не назвали Зинаидой, что когда у соседа

дошла очередь до «справления митрики» Курановым, то он забыл наказ. Помнил, что «Катя всё что-то про Зинаиду толковала». Вот и назвал её Зиной. Так и появилась на свете вторая Зиночка-картиночка.

Из всего нашего поколения Зинаида Петровна, пожалуй, больше всех любила отца с матерью, если только к понятию «любовь» можно применять знаки «больше» или «меньше». Она до конца своих дней восхищалась (и здесь нет никакого преувеличения или неправильно применённого слова) – именно восхищалась, парой Пётр-Екатерина. Она могла часами рассказывать какие-то эпизоды из жизни семьи и находить в них мудрость отца или деликатность матери, строгость и требовательность одного при нежности и покладистости другого. Но всегда в её рассказах главным была исключительная гармония этой пары во взаимоотношениях ли между собой, в воспитании ли детей или в совместной работе. Может быть, она из всех нас лучше всего знала родителей молодыми, может этого не хватало в её жизни. Я при этом вовсе не имею в виду, что жизнь отец с матерью прожили «как голубки». Совсем не это. В их жизни было всё – и слёзы и ревность, и другая любовь, измена, и отчаянье и всё другое, что сопутствует семейной жизни. Но в любой ситуации они не теряли ни уважения друг к другу, ни самоуважения! Их совместная жизнь никогда не принижала достоинства другого, вместе их достоинства умножались, а недостатки – мельчали. Недавно я из уст своего сына Петра услышал на свадьбе другого Петра – Кумова, внука Зинаиды Петровны (оба Петра, конечно, не случайно так названы!), пожелание молодым, чтобы они сумели полюбить недостатки друг друга! Так вот Петру Ивановичу и Екатерине Филипповне это удалось, вот почему в глазах Зинаиды Петровны они представляли собой идеал семейной пары!

Зина, закончив среднюю школу, тогда это была большая редкость для села!, поступила в медицинский институт, но вскоре заболела тифом. Чудом выжила, до следующего семестра работала на селе почтальоном, а потом не пошла больше в Мед. Закончила финансовый техникум и её распределили на Дон, в г. Серафимович, бывшая станица Усть-Медведецкая. Там она и прожила свою жизнь, выйдя замуж за Кумова Александра Дмитриевича, воспитав сына Валентина и дочь Татьяну. У тех, в свою очередь, тоже по сыну и дочке. Кумовы Пётр и Светлана и Белоусовы Александр и Елена.

Кумов Александр Дмитриевич был поистине незаурядной личностью. Жизнь Зинаиды Петровны нельзя представить, не поняв особенности её мужа. Мужественность этого человека поражала всех, кто его знал. С фронта он пришёл, когда ему не было и двадцати лет. Тяжёлое ранение, пришлось ампутировать ногу, протез. В результате он так овладел протезом, что не знающие его люди и не подозревали об этом. Ранение дало знать и позже. Лет в 40 он остался и без второй ноги. Второй протез. До конца своей жизни Александр Дмитриевич ни себе, ни другим не позволял думать, что он инвалид. Помню один из случаев, когда Петр Иванович, верный своему беспроязычному приёму – трудотерапии, устроил в честь первого приезда гостей с Дона сенокосный воскресник, где все мы, в том числе и Александр Дмитриевич, косили, огребали сено, метали стога. Для нас это было привычным долгом, для Александра Дмитриевича

– в новинку. Отец не любил бросать начатое дело, если оно не сделано до конца. Поэтому провозились мы до глубокой ночи, без отдыха, торопились сделать. И только по окончанию работы, когда трудовая горячка спала, мы осознали, что с нами работал человек без ноги. Потом, на другой день, я был свидетелем разговора Зины с отцом: «Ну что же ты, папа. Ведь он до крови разбил себе ногу». Он как-то по-особенному посмотрел на дочь, и она воскликнула: «Ох, отец, прости, ведь мы как-то уже привыкли, что ты сам-то без руки, а работаешь за двоих!».

Но с тех пор отец зауважал зятя (до этого витало мнение о неравном браке красавицы с калекой), никогда не позволял дочери жаловаться на него, мол, попивает, или тяжело с инвалидом. Отец видел в Александре Дмитриевиче личность, и это для него было главным! Он и был личностью. Про себя его мы звали вторым Маресьевым, а при нём мы старались этой темы не касаться вообще, как он и желал.

Александр Дмитриевич и Зинаида Петровна долгие годы в Серафимовиче были финансовыми боссами, прожили в почёте и уважении, но, тем не менее, Зина всегда стремилась душой в Забузан, в атмосферу и ауру Петра Ивановича и Екатерины Филипповны. Беда, которая имеет обыкновение приходить не одна, стремительно ворвалась в семью: сначала умирает молодой зять Василий, затем отравился каким-то зельем Александр Дмитриевич, а через год в больнице, в результате пожара погибает Зинаида Петровна. Да ещё на Валентина Александровича напала болезнь Паркинсона (опять болезнь Паркинсона – чья же это наследственность?). Но потомки «Маресьева», донские казаки и казачки молодцы, не унывают, поддерживают традиции родителей и дедов.

Тридцатые годы были годами становления семьи. Я помню, родители говорили, что где-то к 1936-1937 году они, наконец, нормально зажили, стали на ноги, появилась уверенность в завтрашнем дне. Растёт дочка, сын Геннадий, который появился в 1932 году, сын Анатолий – в 1936 году. Мама очень сокрушалась по поводу смерти Анатолия. Она говорила, что Ивана-то не успела ещё сердцем принять, а Анатолий умер, когда ему было года 2. Он был болезненным мальчиком. Мама с ним много занималась, берегла его как могла. Но не берегла: ушла на покос на день, оставив Анатолия на Зину, а та заигралась и мальшца «прохватило», как говорили тогда – воспаление лёгких, летальный исход для того времени.

Юрий появился в 1938 году и до 1941 года семья жила сыто и счастливо: отец рыбачил, мать занималась домашним хозяйством (дети, овцы, коровы, свиньи, козы, куры, гуси). Геннадий рассказывал мне, что он помнит и Анатолия, и как отец уходил на фронт и как возвращался с фронта. Я же Геннадия помню, пожалуй, с момента проводов его в армию. Это был, наверное, 1949 или 1950 год. В это время ещё слышны послевоенные отголоски – написал это и понял, что первые воспоминания, связанные с Геннадием, несколько раньше. «Послевоенные отголоски» помню в виде смотра боевой готовности колхоза им. Микояна к защите своего отечества. В деревню приехала какая-то комиссия проверять степень готовности колхоза дать отпор врагу. Проверяли степень го-

товности тачанок, наличие и форму готовности лошадей, сбруи. Отец, помню, был одним из руководителей, кому надо было «держат ответ». Ему председатель колхоза того периода – Елизаров Михаил Кузьмич (его кроме как Кузьмич по-другому никогда и не звали), как фронтовику, поручил «демонстрацию готовности».

Помню, Геннадий был в составе команды, которая по сигналу тревоги, бежала за своими лошадьми (они были в загоне, рядом), должны были продемонстрировать умение накидкой поймать лошадь, взнуздать её, запрячь в тачанку и на ней промчаться где-то с километр до финишной черты. Геннадий был вторым, я очень болел за него и это был превосходный результат, я им гордился. Первым был, конечно, Николай Макаров. С ним никто не мог достойно соперничать. Я его знал до старости и, сколько помню, у него всегда ярким светом загорались глаза при виде лошадей или разговорах о них. У него был талант, сродни таланту Дон Жуана или Пеле.

Комиссия признала готовность колхоза к поискам врага удовлетворительной, отметив отдельно блестящую форму лошадей Ласточки, Буланого и Аргамака, а так же хорошую подготовку призывников – Николая Макарова, Геннадия Куранова и Николая Тутаринова. Это были одни из последних осколков представлений Ворошилова и Будённого об армии. Больше о лошадях и тачанках в армии не помню. Дальше наступила эра «мелкашек». Но это уже больше по линии Юрия Петровича.

Кстати, смотр боевой готовности проходил при полном сборе села. В толпе были болельщики от мала до велика, и сцен, аналогичных показанным в фильме «Любовь и голуби», где Юрский обучал призывника основам ползания по-пластунски, было предостаточно. Конечно же, Меньшов, создатель этого фильма, видел в детстве такие сцены не раз. Кстати, он астраханец, но, я думаю, такое было по всему Союзу.

И провожали призывников в армию тоже всем селом. Когда провожали Геннадия, я был в центре внимания пацанского содружества. Ко мне подходили такие же шкеты. Спрашивали меня, могут ли убить в армии, трудно ли там и увидит ли брат живого немца. Это было моё первое интервью, я что-то отвечал важно, будто бы со знанием дела. Вечером в доме был большой сбор. Накрыли стол, пили брагу, бабы плакали, а мужики пели песни.

На другой день к балиндеру привязали что-то типа плота, на плоту разместились призывники с матерями да с малолетками. Я был среди них. Прибыло всё это хозяйство в Красный Яр, в военкомат. Слёз прибавилось. Но дали отбой, мол, приходите завтра. Балиндер постучал назад. А на завтра обрили Геннадия и попал он служить не куда-нибудь, а в Германию. Я много лет любил разглядывать фотографии Геннадия в армии.

Первым делом, когда Геннадий пришёл из армии, он стал, пока был отпуск и не впрягся в работу, «поправлять забор», соорудил новые тёсовые ворота, которые открывались, и лошадь с телегой могла въехать во двор. Долгое время ворота были лучшими на селе и были предметом гордости мамы.

А вообще-то в судьбе Геннадия было 5 классов образования и трудотерапия в рыбацком звене «по собственному желанию» – не захотел больше учиться –

иди поработай, пока жаренный петух в известное место не клюнет. «Петух клюнул» – пошёл Геннадий на курсы ветеринара, был некоторое время ветеринаром на селе – помню, брал меня с собой в помощь превращать любой животный мужской пол в евнухов. Затем курсы бухгалтеров и работа в бухгалтерии. Помню один эпизод в самом начале работы Геннадия в бухгалтерии. По-моему, это было непосредственно перед армией. Пришёл я в бухгалтерию к брату (главный бухгалтер – Мишка Бух, косою на один глаз), и увидел лежит на столе складной ножичек, блестит, красивый такой. Не выдержала моя душа и я его откровенно стырил, бросил в карман и сбежал. Вскоре пропажа была обнаружена. Подозрение пало на меня – больше некому. Предвидя это, я спрятал ножик где-то дома и при допросе всё отрицал: знать не знаю, видеть не видел. По моим ответам Геннадий, конечно, понял, что это я воришка. Беседа была внушительной, ощущение близкой и неминуемой тюрьмы пронзило всю мою плоть. Но страх позора был выше и я так и не признался. Когда Геннадий оставил меня в покое, я достал спрятанный нож, убежал за околицу села, где обычно по вечерам развлекалась молодежь, стреляя из мелкашки, и там часто бывали и Юрий и Геннадий, и выбросил этот нож. На другой день я услышал, что нож нашли и отдали его хозяину. Я успокоился, но понимал, что Геннадий просчитал мои действия. Ужас позора и неотвратимость тюрьмы на всю жизнь убили во мне вора, а судя по действиям с ножом, талант вора у меня был. Да вот Геннадий загубил его!

Женился Геннадий, как мне тогда казалось, уже солидным мужиком, в 25 лет. Невесту – Уфимцеву Валентину Дмитриевну я впервые увидел. Встречая автобус с женихом и невестой где-то на Бугрике – тогда там проходила дорога Астрахань–Красный Яр. Мне она показалась совсем девчонкой, милой, красивой, но девчонкой, которая не может быть невестой моего солидного брата. Когда же мы шли от автобуса до дома, беседуя с Геннадием, подошла ли трава, не прочернело ли сено и выяснилось, что невеста не знает элементарных вещей – как получается сено. Она, видите ли, считала, что сено – это высохшая на корню трава. Такое невежество меня вначале ввело в шок, а потом я понял, что в этом что-то есть, поскольку она искренне удивлялась нашим познаниям, и за время пути до дома я себя зауважал, ну и, конечно, принял Валентину Дмитриевну как достойную невесту моего старшего брата.

Всю свою жизнь Геннадий и Валентина, их дети Сергей и Наталья были тесно связаны с Петром Ивановичем и Екатериной Филипповной не только родственными связями, но и своей деятельностью. Родство, дело, близость душ – всё тут было переплетено. Из всех детей семья Геннадия ближе всех была к отцу с матерью, проживая по соседству. При таком положении, были, конечно, и трения по линии свекрови, но всё это без отрицательных последствий перемалывалось мужским началом.

Геннадий долгое время председательствовал, был видным человеком в районе, с его мнением считалось районное руководство, как это всегда было в отцовском доме. Но стало прихватывать сердце, что оказалось весомым аргументом для перебазирования в Астрахань. Здесь Геннадий решил держаться поближе к больнице, долгое время работал заместителем главного врача

Соловьёвской больницы в городе Астрахани, занимаясь её сложным хозяйством. Но сердце, сердце...

Последние годы Геннадий был под крылом у сына – директора акционерного общества. Сергей умело сочетал производственную нагрузку на отца, который не мог себя представить без работы, с его отдыхом, соизмерял всё это со здоровьем отца. И дочь Наталья Филиппева с мужем Эдуардом, внучки – две Ани и Елена – бережно относились к его здоровью, не говоря уже о жене, но сердце, сердце...

Геннадий вместе с нами планировал празднование 100-летия родителей, а вот судьба распорядилась по-другому – мгновение и Геннадия не стало. Из всех из нас Геннадий, в том числе своей судьбой, больше всех похож на отца. И ушли из жизни они очень похоже – мгновенно.

Последняя моя встреча с Геннадием была символична. Его зять – Филиппев Эдуард, отвёз нас троих братьев на кладбище к отцу. Мы долго ходили по кладбищу как по истории села. Сидели у отца, и Геннадий говорил, говорил, всё больше о своей юности, о своей работе в селе, об односельчанах, судьбы которых хорошо знал.

Последним дофронтовым ребёнком в семье Екатерины и Петра Курановых был Юрий. Юрий Петрович родился в счастливые довоенные годы, но всё его раннее детство – это война. Когда началась война, пошла первая волна призыва на фронт: отца не взяли, взяли молодёжь. Старикам (отцу было 35 лет) дали бронь – надо ловить рыбу, надо кормить фронт. Но дела на фронте развивались хуже – некуда, и пошла 2-ая и 3-я волна призыва. И здесь уже и бронь не сработала, не сработало и то, что отец не служил из-за плоскостопия (он говорил, что это врач придумал – жалко было сироту). Когда призвали на фронт третий призыв, по селу стоял невообразимый вой, вспоминали отец с матерью. Ведь первые два призыва к тому времени погибли полностью! Отцу повезло – его ранило. Отрезали руку и комиссовали, так что и Юрий, и я знаем отца лишь одноруким. Первое осознанное восприятие Юрия у меня такое: за окном ночь (наверное, была зима), мама хлопчет у печки и в который раз говорит: «Юрка, вставай!». Отца нет, он, видно, уже уехал рыбу ловить. На Юрьево: «сейчас», мать снова: «вставай, я тебе говорю, в школу опоздаешь!». И так далее, в течение длительного времени. Потом мама не выдерживает и бросает в Юрия кружку. Думаю, что это продолжалось изо дня в день, а запомнил этот день я потому, что Юрий взял эту кружку и бросил её назад в маму. Я весь похолодел от ужаса, а мама села и заплакала. Юрий нехотя вылез из-под одеяла. Все первые события, связанные с Юрием, носят у меня шкодливый характер: вот он заставляет меня вместо себя толочь рис в ступке, пест от которой я еле-еле поднимаю, вот он, не выдержав застольной перебранки, переворачивает стол – всё летит на пол, а он – в дверь. Надолго запомнили в семье, что он покурил на «подловке» (чердак), где сложили лучшее в мире сено – рженец, ведь пожара на селе боялись больше, чем наводнения. Однажды отец увидел дым и так крикнул, что всем стало жутко, в первую очередь – Юрию. Он кубарем свалился с крыши и, слава богу, остался цел и невредим! Часто вспоминали

случай, когда Юрий проделал дыру в кружке отца, чтобы его не посылали за этой кружкой во время его работы весельщиком. Впрочем, Юрий не признаёт этот проступок за собой, считая сие легендой, хорошо ложившуюся в общую канву поступков. А я хорошо помню случай, когда он со своим корешком «Кадекой» разучивает песню Джамбула Джабаева (звени же домбра по колхозным аулам, слушайте песню акына Джамбула), а потом они измываются над своей учительницей, изображая в лицах содержание этой песни. Своевольный в детстве полет его мысли, нередко приводил Юрия вместо уроков в тутовник, а значит и на второй год и т.д. и т.п. Вообще, в моём представлении вся юность Юрия до его учёбы в ремесленном училище была прожита под знаком протестности к сложившемуся мещанскому крестьянскому укладу жизни. Узость крестьянского мышления, отсутствие полёта фантазии у вросших в землю крестьян и рыбаков и отсутствие стремления к красивой жизни – вот против чего протестовал Юрий в молодости. Не оценил он в юности рыбацкий и крестьянский труд, вот почему сейчас, когда ему уже за 80 лет, он так любит и то и другое. Лучший рыбак и дачник Кучергановки. И всё же самый шкодливый из всех нас Юрий был самым любимым сыном у мамы! Я помню мрачное состояние родителей, когда они узнали о том, что Юрий свалился в трюм под Самарой, выбил все зубы, где-то там лежит в больнице без копейки, отстал от своей баржи, на которой он плавал после ремесленного училища по Волге. Мама сказала мне обо всём этом, когда я косил траву серпом, наверное, в паводок, чтобы кормить скотину. Я жутко испугался, порезал серпом себе палец до самой кости. Шрам у меня сохранился до сих пор, и он всегда напоминает мне об ужасе в глазах матери – что с Юркой, и в глазах отца – как быть? Юрий до сих пор отмечает день военно-морского флота. Не потому, что грохнулся в трюм этой долбаной баржи, а потому, что 4 года оттрубил водолазом на флоте в Северодвинске. После флота была попытка поработать на электронном заводе, но проблема – надо учиться – привела его в индустриальное училище в Саратове. Там в Саратове оказался и я, жили одно время – месяца два – в общежитии в одной комнате вместе с десятком других индустриков, ставших и моими друзьями: Бельтюков, Джамайка и др. Потом мне дали общагу в универе, а Юрий пожимал руку самому Гагарину после его полёта во время приезда Гагарина в свой родной индустриальный техникум, который он, как и Юрий, заканчивал. Никому из нас в жизни не выпадала такая честь. Мне как-то пожимал руку Кириенко, будучи премьер-министром и устроившим в России дефолт, за что его прозвали Киндер-сюрприз. Но Гагарин и Киндер-сюрприз, это как Пушкин и Доризо. В Саратове Юрий нашёл и Любовь Калиновну Карелину, женщину не только с благозвучным звучанием ФИО, но и ставшую преданным, заботливым и верным его спутником на всю жизнь. Вообще-то, женитьба Юрия Петровича заслуживает специального акцента ещё и потому, что он в семье у нас считался, и по праву, признанным ловеласом. С девушками он дружил с раннего детства, до женитьбы подруг у него было не счесть. Если у Геннадия их можно насчитать 2-3, то у Юрия тоже 2-3, но десятка. Свой выбор он сделал почти в 30 лет. Ему нелегко было остано-

виться. Помню, когда мы приехали во дворец бракосочетания, он сказал мне: «Ты знаешь что, будь ко мне поближе, а то я на себя не надеюсь – сбегу». Наказ я выполнил исправно, ходил за ним по пятам, ловил момент, когда он рванёт, но обошлось. Растут у Юрия с Любой – Екатерина (в честь бабушки!) Гордеева с дочкой Лерой, и Ольга с сыном Костей. После техникума Юрий бессленно работал старшим мастером в профтехучилище. Он получал истинное удовольствие от этой работы, обнаружился у Юрия настоящий педагогический дар при работе с трудными подростками. Приходилось ему быть у них и за папу, и за маму, спасать от тюрьмы и от сумы. Сейчас Юрий учится «созерцать» жизнь, вкалывая на даче, занимаясь, рыбалкой. Юрий очень трогательно, очень прочувственно несёт в себе память о родителях. Да и всеми поколениями Юрий воспринимается как душа семьи Курановых. При воспоминании вместе с Юрием проведённого времени у всех появляется перво-наперво улыбка, а это дорогого стоит. Дай тебе бог здоровья Юрий Петрович!

Пока писал всё это – многое уже написал и о своих чувствах к родителям. Я – послевоенный «поскрёбышек», как часто говорил отец. Единственный из этого поколения членов семьи, который был дважды женат. Дети от первого брака с Нуйкиной Валентиной Степановной Леонова Елена (муж Дмитрий Михайлович) и Петр (жена Токарева Анастасия Александровна) и от второго брака с Прокофьевой Еленой Владимировной – Маша (муж- Громов Владислав Евгеньевич) и Владимир (жена- Далберг Сигне). Являюсь заслуженным дедушкой, имея 6 внушек– Ксюша, Настя, Кира, Ульяна, Светлана, Аня! Поскольку я в семье Екатерины и Петра младший, то всегда был какой-то эстафетной палочкой между поколениями: разница в возрасте у нас с Юрием такая же, как и с Валентином – старшим из следующего поколения, если вести отсчёт от Петра Ивановича с Екатериной Филипповной. В качестве эстафеты я передал и преимущества бракоразводный процессов, чем не замедлило воспользоваться следующее поколение – поколение детей, внуков, а теперь уже и поколение правнуков. Ну что ж, Курановы всегда шли в ногу со временем! У нас не так много после войны в селе осталось семей, в которых был кормилец, как называли тогда мужей их жёны и дети. Голода в семье я не помню, но помню – приводил домой голодных друзей и мама их подкармливала. Хорошо помню период, когда отец был бригадиром рыбодобычи. В нашем доме собирался народ и под песни металы новые сети, режаки, чинили старые сети. В доме весь чердак был забит сетями: отец их получал где-то в районе и раздавал рыбакам в зависимости от их квалификации. А нужная сеть – это достаток в доме рыбака. Хорошо помню вечера, когда рыбаки приезжали с рыбной ловли (тогда слова «рыбалка» в нашем лексиконе не было), приходили к нам в дом, рассаживались на корточки вдоль стен и обменивались информацией об уловах. Потом отец принимал решение, кому, куда и на какое время ехать ловить какой сетью. Мне всегда нравилась аргументация: «Талала, плыви на Первенькую, у тебя лодка ходкая, дойдёшь быстро, там волокушей пройдёшься, а то Васька Гуд на прошлой неделе там крылом кидал, так с десятков сазанов только взял, да с полсотни сомов. А ты волокушей-то ещё и частичка наберёшь центнеров десять, видишь,

как моря на-то задула. А тебе, Шалманный, лучше плавными сетями поработать на Шмагино, они у тебя стенистые, там глубоко, в моряну-то самый раз», и т.д. и т.п. Не только за сетями, да разнарядкой ходили рыбаки к отцу. Часто – за советом: «Всю башку сломал себе, что с моим Геськой делать, не знаю. Всеми ночами шастает к вдовам. Да ладно бы к разным, а то вот приклеился к Марьяшке – та его мигом окрутит. Не успеешь и охнуть, как хомут на шее». «Да что ж ты раньше-то не сказал, давай его в бударку к Мартыну отдадим и пошлём на месяц на Раскаты. Пусть там покобелится. Да в лодку к ним дадим Вальку Чугуниху. Эта девка справная. Глядишь, приедут оттуда, набитые рулонами, да лодку чилима привезут, да тут же свадьбу-то и отгрохаем». Вот такого рода диалоги часто звучали в нашем доме. А проблем у всех много, то корова не дойная попалась, то свиней надо резать – корма закончились, а до весны уже рукой подать, то... Да, нет труднее на свете хлеба, чем хлеб сельчанина!

С возрастом отцу всё труднее стало на его любимом рыбацком поприще – без руки в лодке да ещё с его комплекцией. Ушёл он работать заместителем председателя – Геночки Михина. Помню, они составляли неразлучную пару. Геннадий Григорьевич знал сильные стороны отца и как опытный руководитель решения сложных проблем, задевающих людские интересы, часто «сваливал» на отца. А на него и сваливать-то ничего не надо было, народ и так к нему не только по личным, но и по колхозным делам валил. Нелёгкие были годы для руководителей села. То надо заставлять работать народ за трудовни, то в Хрущовские времена заставлять резать лишнюю скотину, да не ту лишнюю, которую ты считаешь, а ту, которая не вписывается в какие-то там, чёрт те кем, придуманные нормы. Отец пользовался большим доверием и уважением сельчан не только потому, что глубоко знал их проблемы и мог умело их решать, но он обладал даром сострадания, сочувствия, умением «входить в положение». Равнодушие – вот что напрочь отсутствовало в нём. И люди ему платили тем же. Отец умер, не занимая уже никаких постов в колхозе, но его проводить в последний путь пришла вся деревня – от мала, до велика. Столь многолюдным, каким был митинг по поводу похорон отца, я в деревне не видел никогда. И это помогло нам, его близким, пережить утрату. Но не всем. Мама не выдержала. Она не умела жить без отца, она была его неотъемлемой частью, она знала, что делать надо для него. Она не умела жить для себя. И для детей она жить не умела. Она, всю жизнь прожившая для детей, не могла жить для них без отца. Если не можешь жить для себя, для детей, то тогда для кого жить? С этим странным вопросом мама прожила ещё 16 лет после смерти отца. Идеальная пара могла существовать только в паре. Та, настоящая наша мама, умерла вместе с отцом. Все попытки детей вдохнуть новую жизнь в оставшуюся без отца маму не увенчались успехом. Похоронена мама в Подмосковье, в Кучино, где я жил в момент её смерти 5 января 1989 года.

Не случайно, конечно, о жизненном пути Екатерины Михиной выше дано более детальное описание. Мне, её сыну, известны многие детали, и такого рода описание я мог бы вести бесконечно, в отличие от других «птенцов» этого крестьянского гнезда.

Что дороже, ближе всех?
Может треск в голландке,
Может пышность пирога,
Святки спозаранку?

Может подвиги в труде,
Скирды на покосе.
Или кони в борозде,
Обмолоты проса?

Может – дерги в режаке,
Иль раздел белуги,
Иль уха, что в котелке,
Новые подпруги?

Аль зернистая икра,
Или все ж арбузы,
Может, мамина рука
Иль отцова мудрость?

Может отдых на бахче
После потогонки,
Может йод на саранче,
Прятки и догонки?

А в футбол в сплошной пыли,
А хоккей на Волге,
А балиндер на мели,
А в конюшне волки!?

Может галстук на груди,
Иль салют при урне,
Ленин, вечно впереди,
Трудовые будни?

Или первый поцелуй,
Пылкий, неумелый?
Чувство – я, мол, не холуй,
Я, мол, парень смелый?

Может битвы в «дурака»,
Или песни лихость?

Все же – мамина рука
И отцова мудрость!

Празднование 100-летия родителей для меня, например, представило еще одну возможность обращения к самым сокровенным уголкам души и сердца, к корням, к истокам, к бессмертию любви, к тому, что делает нас людьми.

В день столетия мамы 1 декабря 2007 г. я не выдержал и написал маме отдельное послание, которое, конечно, нигде не публиковал и никому не читал. Это как бы только маме, интимное, понятное только нам с ней. А вот сейчас, просмотрев еще раз «Зарисовки памяти», решился все же выдать нашу «тайну», надеясь, что став известной, она, эта тайна, никому не принесет вреда, а наши с мамой чувства будут поняты и приняты даже поколением XXI-го века.

Письмо к МАМЕ (в день ее 100-летия!)

Мама! Вот тебе уже 100 лет. Я знаю, что женщины не любят, когда называют их возраст. Ты была не исключением, а наоборот. Очень не любила обнародование этого факта. Но ведь сегодня – случай особый. Поэтому, уверен – простишь и с присущим тебе чувством момента – поймешь. Простишь и поймешь меня, грешного. Такого рода выражений я, мама, набрался от тебя. Понятно, конечно, что слово «набрался» я здесь использовал специально, чтобы возбудить тебя, дать тебе повод пожуричь меня. Я вообще не помню, чтобы ты меня когда-нибудь ругала. Даже по поводу отношения к богу. Ты хорошо понимала, что такого безбожника как я, невозможно сделать верующим в тех условиях жизни при Советской власти, которые были реально, которые в целом принимали все мы, все наше семейство и жили идеями Советов полной грудью, сами их пропагандировали, воплощали. Твои дети (я не исключение) – они и председатели совета дружины, и комсомольские вожаки, и партийные деятели. Я, правда, в партию так и не вступил. Не потому, что не хотел, а потому, что в молодости не считал себя достойным (хотя мне настойчиво предлагали), а уже потом – не принимали, потому что выбрал путь науки. А зачем ученому в СССР нужно быть членом партии? Не тем, конечно, которые, не будучи таковыми, рвутся в руководители наукой. Для таких ученых квоты были малы, хотя я, вроде бы, всегда совмещал научную деятельность с организаторской. Так вот, ты, мама, этого самого безбожника вела к богу, нет – не вела, пыталась не совсем уж далеко отпустить от бога интуитивно очень точно. Ты изредка лишь вступала в прямые переговоры о боге, неизменно их проигрывая (как же тебе совершенно безграмотной можно было выиграть дискуссию с подкованными не только марксизмом-ленинизмом, но и диалектическим, и историческим материализмом!). Но Вы с отцом привили нам уважение к традициям. Поэтому я с красным галстуком на груди и в сердце проникновенно исполнял и Рождество, и Ангел мирный, и Новую радость – славя Христа в его рождество, с упоением красил и катал яйца на Пасху в момент его воскресения, произносил «Господи, благослови!», когда принимал какие-либо важные решения в жизни.

Именно поэтому я никогда не был и, упаси меня господь, никогда не буду, воинствующим атеистом, оставаясь, надеюсь, до конца дней своих, атеистом – по сути. Поскольку речь как-то сама повернулась к религии, то помню иконы в

переднем углу, лампаду и иногда тебя, молящуюся по утрам. Никогда вечером и никогда отца. Но, конечно, никто и пикнуть, в насмешку по этому поводу, не смел. По-моему, только Юрий. Он один из всех нас был наиболее воинственный в этом отношении. Еще запомнилось, как ты первый раз ввела меня в церковь и предложила исповедоваться, что я и сделал в первый и последний, пока, раз. Была правда однажды у меня еще одна попытка исповедоваться и получить отпущение грехов. Но это уже было без тебя и неудачно. Грехи мне не отпустили.

Помнятся мне, конечно, многочисленные совместные хлопоты по домашнему хозяйству. Ведь я был младшим, и за мальчика, и за девочку. Поэтому я не только пахал, работал на сенокосе, на бахчах, браконьерничал, заготавливал дрова, плотничал по хозяйству. Это все под патронажем отца. Однако, загонял с поля скотину, кормил ее, иногда доил, перегонял через сепаратор молоко, сажал огород и перерабатывал выращенную продукцию, перебирал картошку, готовя ее к посадке, таскал из речки воду на домашние нужды и в баню, топил ее, особенно зимой, засаливал, нанизывал и развешивал воблу, чистил базы, делал кизяки и прочее, прочее – это уже мама полностью под твоим патронажем. Большинство из того, что я перечислил, делала ты, а я лишь помогал тебе. Помню монотонные работы по замесу глины и обмазыванию стен конюшни, крыши кухни, в процессе которых мы с тобой пели вдвоем. Да и все работы по хозяйству, которые не требовали перемещения, мы обычно делали с песней. Ты была в этом деле моим первым и главным учителем. Отец был не учителем, а руководителем, песенным руководителем семейных праздников. Нечего и говорить, что я очень любил тебя. Сыновья любовь – она ведь складывается не только из эпизодов, когда ты выводила мне «цыпки» или, стесняясь своей неграмотности, втихаря писала мне письма в несколько строк, на которые ты тратила несколько длинных, зимних вечеров. Или заботой о нужной одежде в нужное время. Сыновья любовь вырастает, прежде всего, из материнской любви. Всепоглощающей, бесспорной, беззаветной. И у меня ее было столько, что я никогда не знал границ этой любви.

Мама, моя любимая мама. Тебе 100 лет. Ты умерла 18 лет тому назад. Тебя отпевали в церкви на Рождество. Было торжественно и празднично. Последние годы жизни без отца, который ушел из жизни на 15 лет раньше тебя, дали тебе нелегко. С ним ты была счастлива, а без него лишь доживала. И дожила ты в кругу своих детей и внуков. А это тоже счастье. К 100-летию со дня рождения твоего «сердцуна», я написал свои воспоминания о Вас вдвоем, о Вашей судьбе. А этим я хочу дополнить свое краткое посвящение отдельно тебе, моя мудрая, любящая, умная, тактичная, моя, так и не закончившая первый класс, но все знающая и понимающая МАМА! Ты, конечно, обратила внимание на то, что я распоясался, обращаясь к тебе на «ты». Прости, мама! Я просто очень соскучился по тебе!

Родословная

Не надо часто – иногда!
Но как же то необходимо:
Взглянуть на прошлые года,
И почерпнуть оттуда силы!
Без этого так пусто жить
И вряд ли можно что родить!

Какая сладкая слеза
В воспоминаниях о маме,
А нежная ее рука
Творит волшебное! Что с нами?
Да это ж счастье разливается,
Когда родная улыбается!

Отец! Совсем он молодой
С войны пришел с одной рукой,
Но сделал в жизни мне дорогу,
Привив любовь к селу, к порогу!
Не проложил, а показал, как жить,
Труд и добро боготворить!
Кого и как по- настоящему любить.

На родословную смотрю –
Простые русские крестьяне.
Вот почему я хлеб ценю
И песни русские горланю.
В истоках чистота хранится,
А это в жизни так годиться!

Я родословной не горжусь-
Я чту ее спокойно и безмерно.
Не потому ли слово «Русь»
Как мать-отец звучит во мне примерно!
Назад, назад, к моим истокам
И пройденным когда-то тропам!

Еще испить из них хочу
Пока могу, пока могу!!!

5. Забузанские соколы

А дальше в крестьянском гнезде вырастали только мужчины, которые в войну составили славу своей малой Родине! Волею судеб все пятеро оказались в авиационных войсках. Это не осталось незамеченным в районе, так что героический шлейф семьи деда Филиппа я лично почувствовал спустя уже около 20 лет после окончания жестокой битвы. Мне показалось правильным судьбу этой пятёрки изложить в отдельной главе с акцентом на общее в их судьбе. Это общее – авиация. Забузанские соколы вылетели из крестьянского гнезда Мухомовых Филиппа и Татьяны.

Однако, всё по порядку.

Жизнь наладилась, старшие заводят свои семьи, средние, подрастая, начинают искать свое будущее, а младшие встают на ножки, живут в своем прекрасном, ни с чем несравнимом мире детства, которое у всех на земле, почти без исключения, самое лучшее.

Вот что пишет в зрелые годы о своем детстве народившийся в 1926 году в Забузане мальчуган.

Детство моё проходило в разнообразной, увлекательной обстановке. Не представляю его иным без широких обязанностей и привлечений к различному, интересному сельскому труду.

В школу мне не особенно хотелось идти учиться. До школы я уже знал кое-какие буквы по названиям известных пароходов и баркасов. Школа была в 150-200 метрах от дома. Для ориентации по времени учеников (часы в доме были большой редкостью) в школе техничка звонила в буфер от вагона, звон был слышен и на краю села. К третьему звонку нужно было прийти в школу, после этого дежурный извещал о начале урока звонком колокольчика. И перерывы делались по этому сигналу. В школе, деревянном большом здании, было два учебных помещения, в каждом из которых располагалось по два класса. Обычно группировали 1 и 4 классы, 2 с 3. Эти группы вела одна учительница. На большой перемене нас кормили в школе обычно кашей. Со мной учились в 3-м и 4-ом классах старше меня на 2-4 года парни. Учеба из-за лени и бесконтрольности со стороны родителей давалась им трудно, а за 4-й класс нужно было сдавать экзамен, т.к. было обязательное начальное обучение. Первой учительницей была молодая симпатичная Мария Михайловна Малофеева с небольшим физическим недостатком, слегка наклонена шея. В учебе мне легко далось чтение, и я с большим желанием читал все, и вскоре букварь знал наизусть, затем стал читать газеты родителям (они

выписывались у нас всегда). Это помогло прочно занять первое место в классе по скоростному чтению (было такое упражнение). Арифметика до 5 класса давалась мне труднее. География и история для меня были интересными предметами. Я сразу заинтересовался картой и часто проводил перерывы у карты. Это мне затем очень помогло не только хорошо представлять карту, но и не уделять особого времени этим предметам в средней школе, а иметь по ним оценки только 5.

После окончания начальной школы учебу продолжали большинство в средней школе в районном центре Красный Яр. Школа кирпичная. По соседству, был на бугре красивый белый собор. Ходить в школу летом было очень неудобно, т.к. нужно было переезжать реку Бузан на пароме, а зимой через две реки и остров, времени уходило около 30 минут. Иногда зимой ездили в школу на коньках, огибая остров, но заметного выигрыша во времени не получалось. Бывали случаи после ледостава и весной проваливались, но никто не утонул.

Весной 1944 года я с трудом перешел из школы Бузан, ниже села, и когда оглянулся, подходя к дому, река была свободная от льда – ветер разломал хрупкий весенний лед. Мне везло в том, хотя я первым переходил реку осенью и последним весной.

Осенью 1938 года в нашем хозяйстве была лошадь, две коровы, несколько свиней, коз и овец. Отец весной рыбачил, уезжая на несколько недель и так до июня месяца, когда наступала пора запрета на ловлю рыбы. Хозяйственные дела ложились на членов семьи, а их прибавлялось с наступлением весны и начала лета. Ранней весной нужно было наловить воблы и завялить, а поймать ее можно только во внешкольное время, вечером поставить сети и там же заночевать, а рано утром выбрать сети с рыбой, принести домой и успеть в школу. Мама солила рыбу, а я потом нанизанную по 15-20 вобл носил на чердак вялить (сушить). В середине мая река разливалась, выходя из берегов, и рыба шла на нерест. Это был преимущественно сазан, который на залитых полях глубиной 15-40 см, хорошо просматривался в стаях по 5-9 рыбин и становился легкой добычей для нас. Многие на мелях ловили даже руками. Основная трудность была в том, чтобы донести улов домой. Отлов рыбы в такое время запрещался.

В это время на гривах (высоких местах) спели очень хорошие травы и нужно было успеть скосить их до затопления водой. За травой ездили на лодках. Накосишь, соберешь траву в лодку, приедешь домой, перенесешь во двор для сушки, затем свяжешь в снопы и положишь на хранение в тень. Иногда в маленькой лодке приходилось ездить дважды. Все старались запастись этой очень питательной травой (ковыля) больше. В сильное половодье, когда для скота оставалось мало места для выпаса, приходилось его подкармливать, доставая где – траву, камыш и даже ветки. Этот период уже приходился на каникулы, и занимались этим ребята на своих куласах (небольшая плоская лодка). Обычно собирались по несколько лодок и в поисках травы преодолевали гривы волоком, с грив спугивали зайцев, а когда они бросались плыть, мы их свободно брали за уши в лодку. На ветках деревьев встречались лисы, крысы, ожидавшие отхода воды. Такие походы были интересны иногда с приключениями и всегда сопровождалась трудностями.

После схода воды сразу приступали к пахоте (в конце июня) своих участков земли, которые ежегодно выделялись в разных местах в 2-4 км от дома по 2-3 гектара на семью. До 1939 года разрешалось иметь в хозяйстве одну лошадь, две коровы, до 10 голов мелкого скота, а затем только одну корову и мелкий скот. Лошадей сдали в колхоз.

С наступлением вечера налетали тучи комаров, от которых люди спасались в пологих, а для скота разжигали курева, которые не горели, а сильно дымили, отгоняя комаров.

После окончания посевов картофеля, проса, тыквы, арбузов и т.д., основная работа переключалась на сенокос. Нужно было быстро за 2-3 дня скосить траву, а затем сложить в скирды, которые стоял в поле до глубокой осени. В этот период обычно стоит сильная жара, и работать приходилось в трудных условиях. Привлекались все члены семьи, а на бахчах, где посадили различные культуры, была благодать. Там оставались или старики, или чаще, мальчишки для охраны от птиц и скота. Сам себе варишь пищу, ловишь рыбу, в общем сам себе хозяин. За хлебом раз в неделю сходишь домой и все. В душные ночи мы часто ходили купаться в реку. После сенокоса наступала пауза, созревали огурцы, помидоры, а когда арбузы, то и совсем наступала хорошая пора. Дома обычно спали в пологих, на конюшнях, очень нравились августовские ночи при полной луне. Во время уборки урожая со своих бахчей, мне пришлось быть извозчиком, т.к. отец работал в колхозе, и нельзя было бросить артельный труд. Однажды на урок в 3-й класс заходит мама и после переговоров с учительницей уводит меня. Задача была поставлена кратко, запрягай лошадь и езджай на бахчу, там переночуешь, а с утра начнешь возить картошку, тыквы, арбузы и пр. В день делал по 2-3 поездки. Ночлег всегда была на бахче. Утром нужно было сходить за лошадью по росе и обратно в путь. Так я примерно неделю трудился.

Затем наступила пора заготовок топлива на зиму. Косили камыш или бурьян, рубили дрова и привозили во двор. Эта топка шла на обогрев печей, топили их обычно в ночь. Так было до 39 года, после колхоз, кроме рыбного хозяйства стал заниматься животноводством, выращиванием зерна, овощей. Земли выделяли уже до четверти гектара, а затем и того меньше, т.к. можно было заработать в колхозе все необходимое. На полях колхоза трудились и школьники сразу после каникул – так проходило время интересно и с пользой.

Как проводила время молодежь? Она веселила сама себя. В селе был клуб и изба-читальня. Зимой шли в клуб послушать патефон, потанцевать, играть в бильярд, шахматы, шашки, домино. Устраивались вечера танцев, игр. Кино привозили раза два в месяц. Летом собирались больше у клуба, танцевали, пели песни, частушки, прогуливались из конца в конец села под гармонь или балалайку. Этот инструмент в нашей семье появился давно, все братья владели им, затем появилась мандолина и гитара. Николай и я освоили и эти инструменты. Хотелось научиться владеть гармошкой, и как-то она оказалась в нашем доме, я стал учиться сам, на слух. На басах кое-что получалось, правая клавиатура не поддава-

лась. Требовался учитель, а его не было. А от этих звуков гармонии чужие собаки убежали как от волка, своя привыкла.

Были у нас собаки. Я их сам воспитывал, никогда не бил, а только забавлялся. Хорошо запомнился «Барон». Очень красивый и смелый пес с черной, мягкой, волнистой шерстью и белыми пятнышками на передних лапах и морде. Мама его шерсть добавляла в овечью, из которой вязала носки и варежки, шерсть сама пряла в нитку на пряхе. Однажды Барон увязался за отцом, который поехал в Астрахань на лошади. Там он долго держался, а потом потерялся. Вернулся отец через два дня, а Барона нет. У всех печаль – во дворе нет собаки – беда. Примерно через неделю, после ужина я вышел во двор выбросить остатки еды и вдруг из-под бака вышел исхудалый Барон. Об этом я с радостью сказал отцу и матери, взял еще кусочек хлеба и отнес Барону. Он прошел сам тридцати километровый путь зимой. В другой раз за мамой увязался в Красный Яр, где заходил с ней в магазины и на этот раз не вернулся. Наверное, был пойман собачниками.

Без собаки во дворе жить в деревне скучно, особенно детям. Ранней весной принесли мне мальчишки маленького кутенка, которого они нашли около большой лужи воды. Он был мокрый и вздрагивал от холода. Шерсть рыже-бурая с белыми пятнами на лапках, мордочка – темная. Мне его стало жаль, и я принес в дом, дал молока с крошками хлеба. После еды в тепле он сразу заснул. На следующий день он стал веселее, бегал по комнатам. Решили, что будет хороший пес, а поэтому ему нужно определить место во дворе и дать кличку. Под лестницей, что ведет на чердак, я соорудил ему конуру, которая хорошо была видна из окна, у которого часто сидела мама за пряжей. Через неделю он начал подавать голос, и мама нарекла ему имя «Волчок». Учил его простым обязанностям: дай лапу, ко мне, лежать и т.д. Все он выполнял через какой-то период. По выходным дням я брал его с собой, куда бы я ни уходил – в лес, в поле. Там он возбужденно вел себя, бегал, копал норы, нападал на змей и крыс. Научил плавать. Это ему понравилось, в жаркие дни он сам ходил охладиться на реку. Под коридором он избрал себе летнюю квартиру, куда собирал все, что плохо лежало.

Весной у нас была самая популярная игра в «лапту». Это увлекательная игра двух команд, требовала быстроты бега, меткости броска мяча и удара по нему палкой в воздухе, умения уйти от попадания в тебя мячом. Как-то при игре улетел мяч в наш двор. Мы всей командой обыскали весь двор, а мяча так и не нашли. После я несколько раз искал этот очень хороший мяч, но безуспешно. Однажды рано утром мама собралась на базар, приготовила туфли, оставив их на порошках крыльца. Вдруг один туфель внезапно исчез и как мы его не искали, так и не нашли.

Месяца через два как-то мама мне говорит: «Одна курица несет яйца под коридором (верандой), слазай, посмотри!» Одел на себя что похуже, и полез под веранду. Волчок следом за мной. Увидел я там яйца, их было штук 8-10, а Волчок, обогнав меня, занял угол и подозрительно на меня озирается. Я к нему – он рычит потихоньку, я ближе и тут я увидел его сокровища. В углу лежал мяч, туфля, рукавица отца, пропавшая также при странных обстоятельствах, кости и тряпки. Все сразу нашлось.

Волчок хорошо знал свой скот и даже кур, появиться чужая курица – выгонит; мирно жил с котом и даже играл с ним. Вечером перед заходом солнца возвращались с пастбища телята, овцы, козы и их приходилось загонять во двор до прихода коров. Когда я подходил к этому стаду, то Волчок бегом направлялся к нему, отыскивая своих. Они привыкли к этому и быстро за ним выделялись, собираясь вместе. Среди коз и овец был предводитель по кличке «Юрка». Они с Волчком быстро сдружились, но роль предводителя козел ему не уступал, во двор всегда заходил он во главе колонны. Когда я уходил в школу, Волчок не реагировал, но при возвращении, всегда меня встречал далеко от дома. Зимой иногда приходилось ходить в лес через Бузан по льду с санками, чтобы набрать сухих дров, обратно запрягал Волчка, и он тянул санки с дровами. Летом охотно сидел в лодку и сидел на корме спокойно пока не пристану к берегу.

Во время сенокоса 1943 года, когда я работал на конной сенокосилке, увязался за мной Волчок и я все время старался его не подпускать близко, так как коса может наделать беды. Но он сзади разбежался, перескочил косу и остановился. Я выключил косу, но в последнем движении порезало ему лапу и очень сильно. Он ушел от меня и не приходил домой три дня, думали, что пропал, а он лечился травами. Лапу я ему обработал и постепенно она зажила.

После моего ухода в Армию Волчок заскучал. Выходил меня встречать, а меня нет, начал выть и так продолжалось длительно. Уже хотели избавиться от него, но все обошлось без крайних мер. В июне 1946 года я приехал в первый отпуск. Подхожу к дому и вижу, у забора спит Волчок. Я его окликнул, он проснулся и сразу меня узнал. От радости прыгал так высоко, что даже доставал мое лицо. В отпуске мне пришлось опять много ездить на лодке за травой, и всегда был со мной Волчок. Он хорошо реагировал даже на своеобразный свист, которым я его звал.

Было у меня увлечение – голуби, водить которых помог один случай. В селе когда-то водили голубей, затем не стали, а в Красном Яру, куда ходил я в школу, многие имели. В один из пасмурных осенних дней появился в селе голубь, и мне удалось его поймать. Затем купил голубку под его масть. Недели через три опять появились в селе три голубя. Пол дня все мальчишки села гоняли этих голубей, а я подманивал их своей парой, к концу дня удалось поймать всех. Соорудил их голубятник рядом с курятником и вскоре к моей радости голуби летали и возвращались домой. Мне казалось, что голуби уже привыкли к нашему дому. Но вот в один из первых морозных декабрьских солнечных дней, когда Бузан покрылся льдом, и в школу нельзя было пройти, я решил запустить голубей. Они хорошо набирали высоту над домом, и затем отделилась тройка и направилась за реку в Красный Яр, а четвертый – первый мой голубь еще набрал высоту и направился в Астрахань. К оставшейся паре купил еще пару голубей, и на следующий год было 8 штук прекрасных голубей. Они летали по 6-8 часов и так высоко, что скрывались из наблюдения; заносил их километров за 10 и они свободно прилетали. В 1941 году в мае приехал в отпуск Яков с женой и маленьким сыном. Они развлекались голубями. Яков говорил, что война может начаться в скором времени, подготовка к ней идет по-настоящему.

Как мне кажется, здесь память Германа дала сбой. У Якова не было сыно-вей. Быть может Яков приезжал с дочкой Ларисой?

С каким же упоением я прочитал эти строки. Дело в том, что я свое детство провел в том же селе 20 лет спустя, и так же, как и мой дядя считаю, что самое лучшее детство то, которое прохидит в сочетании с полезным для семьи и по-сильным для ребенка трудом. Безусловно, посильный детский труд на благо семьи, общества (колхоза) сам по себе является блестящим воспитанием, и мои родители, и, как я вижу из записок Германа, мои деды, умело этим инструмен-том пользовались. Их научила жизнь, да и инструмент относительно простой, к тому же необходимый. Это для меня аксиома и поэтому не требует каких-либо пояснений. Современное общество не владело этим инструментом, утерало это умение и, главным образом, поэтому имеет массу проблем с воспитанием детей. Этот мощный инструмент воспитания утерян, а новый, простой и эффективный, которым бы легко овладели массы – не создан. Вот и «плавают» родители в этих проблемах, каждый отыскивая и часто не находя свой прием воспитания. В ре-зультате все об этом говорят. Друг с другом спорят, часто доказывая друг другу противоположное. И не мудрено, если нет универсального метода, то каждый ищет свой, индивидуальный. Кто имеет талант воспитателя, тот находит только такой метод, который подходит к его ребенку, а для других – бесполезен. А у кого такого таланта, таланта педагога, воспитателя нет, тот бедняга мучается всю жизнь и в лучшем случае родительская любовь к ребенку спасает ситуация. Меня в этих записках «задела» не эта сторона, а те эпитеты, которые использо-вались в записях: разнообразная, увлекательная, интересная. Да, да! У меня было такое же ощущение. Мое детство, очень похожее на описанное, было таким же интересным, увлекательным, разнообразным, а не тяжелым, мучительным, скучным. Я сейчас нередко слышу от 10-16-ти летних внуков: «Скучно, не ин-тересно, а что мне делать, чем заняться?» Этим хныканьем они закидывают своих родителей, как только у них отберут гаджеты. Виртуальные интересы – это главное отличие того и нынешнего времени. Но об этом писано-переписано!

Соблазны для ребят были, есть и будут. Адреналин в юности нужен. Отсюда сумасшедшие квесты, хождения по крышам, высоткам, езда на крышах по-ездов. Проблема, которую как оказалось, общество не знает, как решать. Раньше этой проблемы не было, ее до наступления решали объективные об-стоятельства, а не придуманные, субъективные измышления о препровожде-нии свободного времени. В записках прошлого нет поиска адреналина, но есть объективный страх на маршруте в школу через две реки. Я вспоминаю свои порции адреналина на этом пути. Тут и спасение утопающих, барахтающихся на середине полноводной реки Бузан, и жуткий страх, когда еле уносишь ноги из проваливающегося весеннего льда, и ночные кошмары в лесном острове при позднем возвращении из школы, и ранние походы в школу. Три из таких кош-маров до сих пор посещают меня и во сне, и наяву.

Один из них – черный исполин, беззвучно выросший у меня из-под ног, как джин из бутылки. От неожиданности я потерял дар речи, сердце ушло в пятки. «Конец» – только и успел подумать я, а в следующий момент я расхохотался и зарделся от стыда от своей трусости. Оказалось, что лошадь прилегла отдохнуть

на моем пути. Из-за темноты и мечтательности я ее не увидел, и она, не ожидая моего пришествия, вероятно, тоже напугалась, не меньше моего. Вот и вскочила, как ошпаренная. А я-то с лещадами уже много лет обращался на «ты», и вдруг – испугался. Отсюда и стыд, стыд перед ее величеством лошадью. Кстати, я хорошо знаю, что лошади ложатся крайне редко. Обычно они отдыхают стоя. Может еще и поэтому мой испуг запомнился на всю жизнь. На том же острове, в том же лесу, на той же дороге были у меня еще два случая, когда страх метался во мне от горла до пят и назад. В одном из них был повинен односельчанин, который в пьяном виде попал в полынью, чудом из нее выбрался. Его одежда вся обледенела, и при беге, а он бежал, чтобы не замерзнуть окончательно. Издавал какие-то шуршащие звуки. Эти звуки в ночном лесу были для меня явно неземного происхождения и неумолимо надвигались на меня. Космическое существо настигло меня и радостно крикнуло «Колька!» Тут сознание мое стало понемногу возвращаться, и я узнал соседа. Он прояснил ситуацию и на радостях, что он остался жив сам и встретил ночью в лесу знакомого, живого человека, вытащил из кармана и протянул мне комок слипшихся карамелек, приговаривая: «Детям несю после получки!»

Третий же случай, о котором упомянул я выше, был связан с самой злой собакой на селе, которую всегда хозяева держали на привязи. В этот раз, они ходили в районный центр к кому-то в гости, взяли с собой этого пса, а когда возвращались через ночной лес, то отпустили его с поводка, а сами не торопясь, под хмельком, шли спокойно по дороге. Собака, почуяв меня впереди, стремительно рванулась навстречу к приключениям, которые закончились печально для меня, только когда подбежали хозяева.

А сколько разных случаев было, когда не было льда и ходили в школу вокруг острова с использованием паромной переправы!

Сейчас мне, как и Герману Филипповичу, все это представляется как нормальные, объективные трудности, преодоление которых иногда граничит с приключениями. Ловлю себя на мысли, что и в детские годы эти и другие трудности быта не приводили к мрачным мыслям, тем более панике. Конечно. И не казались приключениями. Это были обычные жизненные трудности, невзгоды, которыми изобилуют человеческие судьбы, и которые надо преодолевать. Это и есть жизнь, изрекаю я с высоты своих лет, а в детстве так не думается. В детстве живут, принимая естественным все, что им выпадает. К этому они привыкают с молоком матери.

Читая воспоминания человека, который на 20 лет раньше провел свое детство и юность в тех же местах, что и ты, понимаешь преемственность поколений, консерватизм сельского быта. И только научно-технический прогресс серьезно вмешивается в неспешный ход развития общества. Появляются телевизоры, быстроходные лодки, стиральные машины, холодильники, строятся новые школы, компьютеры. Прогрессирует сельскохозяйственная техника. За одну жизнь меняется многое, а за 20 лет мирной жизни оказывается, что в селе меняется мало что.

В корне все меняет война.

Много рассказов очевидцев, фильмов, книг приходилось в жизни слушать, смотреть и читать о войне, в т.ч. о ее начале. И все же самое запоминающееся,

самое впечатляющее на меня было то, что я видел своими глазами. Это, конечно, не начало Великой Отечественной, но все же.

Проходили мы, студенты пятого курса университета, военные лагеря после окончания военной кафедры. Мы были приписаны в 1968 году к одной из воинских частей в Ивано-Франковске, где бодро маршировали, стреляли из боевого оружия, стажировались на радиолокационных станциях, отбывали наряды на кухне, стояли на постах и т.д и т.п.

Как-то ночью нас подняли по тревоге, приказали ставить палатки на плацу. Наутро мы узнали, что в городе проведен призыв солдат и офицеров запаса, которых и расселили в тех самых палатках, расставленных ночью. Все заборы по периметру воинской части были обвешены детьми и женщинами, которые голосили, пытались передать какие-то котомки своим мужья, отцам. Так продолжалось 2-3 дня. Потом заборы были преодолены. Образовался обширный пикник на траве. Самогон лился рекой. Вместо слез – песни. Так тоже продолжалось 2-3 дня. Потом офицеров вызвали на инструктаж, где подробно объяснили, как врываться в дом, квартиру. Инструктировал подполковник, ... позитивный опыт в Венгрии в 1956 году.

Теперь предстояла Чехословакия. В ночь ополченцев вместе с действующей армией отправили по назначению, а нас назад, на учебу. Этот отголосок войны в мирное время оставил свой след в моем сознании. А вот что пишет Герман Филиппович о том, как пришла война к нему.

У меня часто сбывались сны. В один из воскресных дней я заснул и мне приснился сон про войну на западе, ночью только я заснул, пошло его продолжение. Это было в 1938 или 1939 году. Под конец сказали мне, что война с немцами начнется через три года. Главное, что в этом сне, мы победили, хотя немцы дошли до Забузана.

Утром 22 июня я с братьями Олейниковыми Иваном и Григорием пошли в сад за Красный Яр, в Бароновку, где жила теща Тимофея. В саду мы были до полудня и, возвращаясь в Красный Яр, мне подозрительно показалось, очень быстрое движение на звонок дежурного по военкомату. Это было хорошо видно в открытую ставню окна. А когда подошли к реке, там шли авральные работы – несколько человек в грязи работали с кабелем. Это нам показалось подозрительным, а когда вошли в пивную попить квасу, услышали разговоры про войну: «Бомбят Киев, Севастополь». При выходе из пивной, день показался иным, сумрачным. Все наши мысли были обращены туда, где сейчас шли бои. Возвращаясь домой по берегу Бузана, мы думали, какой год закончит войну? Что мы победим – у нас сомнения не возникало. Я сказал, что закончит войну 1926 год, ошибся на год. Призывался в войну последним 1927 год и некоторые попали на фронт. Подходя к селу, мы слышали печальные песни – «Последний нынешний денечек гуляю с вами я друзья...» Некоторые уже были вызваны военкоматом, некоторые получили вывоз на завтра. Их отправляли на баркасах в Астрахань и на некоторых месяца через полтора пришли похоронки. Начались тревожные и печальные дни. Сводки «Совинформбюро» сообщало о тяжелых боях на фронте и повсеместном отступлении наших войск.

Вывешанная карта в Красном Яру, на которой флажками указывалась линия фронта, всегда привлекала большое количество людей, обсуждавших причины отступления наших войск и способы нанесения ударов по врагу. Пошли разные слухи о положении на фронтах. В один из дней, наблюдая за проходящим пассажирским пароходом, идущим из Астрахани в Красный Яр, мы удивились его маневру – он стал приставать к берегу, чего раньше никогда не бывало. Все наблюдающие бросились встречать, и мы увидели многих людей не нашей национальности, кого с небольшим чемоданом, портфелем, а многих без ничего. Это были первые вестники ужасной войны – эвакуированные из западных, приграничных областей. Их называли тогда – беженцы. И это действительное наименование, они спасались (по рассказам) бегством. Их сразу распределили по домам и работу предоставили в колхозе, но к такой работе они не были приспособлены – интеллигенты. Из них осталась только одна семья в селе.

Зима 1941 года наступила рано повсеместно, в ноябре уже начались морозы. В январе 1942 года уже призывались мои товарищи по школе 1923 года рождения, а летом – 1924 года. Летом 1942 года мы уже наблюдали первые признаки приближающегося фронта. В небе стали появляться фашистские разведчики, слышали первые выстрелы зенитных пушек, увидели лужи прожекторов и трассы снарядов в ночном небе Астрахани. Слышали и видели взрывы бомб, пожары в городе на нефтехранилищах, от которых столбы дыма хорошо видны были в Забузани. Военная обстановка нас 15-16 летних ребят сразу поставила в ряды взрослых. Мне доверили пароконную сенокосилку, на которой всегда работали мужчины, знатоки этого дела. Спешно выкашивали траву, освобождая землю под аэродром. Руководили нами военные.

В один из дней опять стали слышны выстрелы зениток, затем взрывы бомб, в воздухе стоял гул самолетов. Нас предупредили, что немцы обстреливают людей, ведущих работы на таких объектах. Слышу очень близкий гул, характерный для немецких самолетов, обернувшись назад, я увидел в небе самолет. Выключив машину, я резко направил лошадей в сторону и снова взглянув на небо, я увидел парящего орла, а над лесом метрах на 50-ти курсом на запад летел бело-голубой двухмоторный фашистский самолет и черными крестами на борту и на крыльях (Ю-88). Сзади и выше его в 3-4 км несколько наших тупоносых истребителей (И-16), не решавшихся преследовать этого врага. Бомбежки города и 12-и футового рейда (место перелива нефти с морских на речные танкеры) ниже Астрахани продолжались все лето днем и ночью.

Глядя со стороны на город, испытываешь одно чувство, а когда я оказался в городе во время воздушной тревоги, совсем иное. Я сразу вспомнил простор села и еще хуже, когда ночью отплыл на пароходе и началась бомбежка.

Осенью налеты почти прекратились. На выстроенном нами аэродроме, самолетов не было. Однажды перед вечером на него сел ПЕ-2 и недалеко от переправы, на краю летного поля остался ночевать. Утром, идя в школу, я видел, как экипаж одевал парашюты и через несколько минут сделал первый

взлет с этого аэродрома. На рассвете следующего дня я проснулся от сильного толчка носом о стенку, отец выскочил на улицу, я за ним. В небе слышен был гул самолета. Я предполагал, что был взрыв бомбы и, наверное, по ложному аэродрому. Когда шел в школу, то у переправы шли разговоры о только что прошедшей бомбежке. Бомбы упали в 300 метрах от переправы и почти рядом с местом, где ночевал прошлой ночью самолет.

В конце ноября 1942 года ушли на фронт комсомольцы 10 класса для защиты Сталинграда, а в январе 43 получили телеграмму-похоронку о том, что погибла смертью храбрых комсорг школы – Ананьева Зоя, дочь врача, которого несколько лет назад привозили ночью, когда мама была в критическом состоянии. Я учился в 9 классе, очень тяжелое время было. Учеников часто отрывали на работы по заготовке дров, весной на рыбозаводы, ну а летом это основная рабочая сила была.

25 ноября 1943 года меня вызвали в военкомат для прохождения призывной комиссии, а в январе 1944 года в Астрахань для поступления в ордена Ленина Краснознаменное Военно-морское авиационное училище (ВМАУ) им. Сталина. Комиссию не прошел, сказалося последствие болезни малярией, которой я болел три лета подряд. Я хотел служить в артиллерии, куда были направлены предыдущие призывники из школы. Дней через 10 я вернулся и пошел в школу. В 10 классе из мальчишек остался я один, и моих сверстников осталось очень мало.

25 марта 1944 года принесли повестку мне в школу и на этот раз последнюю. На второй день собрали нас, оставшихся, и направили в Астрахань пешком, откуда 2 апреля – эшеленом в Моздок. В Красный Яр меня проводил отец на лодке, а в Астрахани некому было провозжать. Жила там тетя Катя, с которой я простился накануне. На привокзальной площади было очень много народу, такого скопления людей я еще не видел в своей жизни. В вагоне нашел пустую бутылку, и мне захотелось ее наполнить водой. На обратном пути среди толпы встретил знакомую девушку Лиды, сестру учительницы в Забузане, которая первый год войны жила у нас на квартире. Она искала меня. Этой случайной встрече я был рад, наверное, потому, что это был единственный знакомый среди огромной толпы человек и еще потому, что она собиралась ехать к сестре в Забузан и есть что рассказать моей маме.

Итак, я впервые поехал не по своей воле поездом в товарном вагоне. На второй день, т.е. 3 апреля, пасмурным утром впервые увидел горы. Поезд прибыл на станцию «Червленая узловая». Видны были следы боев, сюда прорывались немецкие разведчики. Это станция, через которую поступала нефть из Баку через Астрахань в центр страны. Дорога от Кизляра до Астрахани была построена спешным порядком в 1942 году. Жители предлагали кислое молоко, кукурузные чуреки. Будущие солдаты нарасхват покупали эту еду, а продавцы уже стали возмущаться, т.к. некоторые «покупатели» не успевали с ними расплачиваться. Одна из женщин, прикинув выручку, всхлинула: «и половины денег не получила, и банки не вернули». Несший молоко в большой корзине пожилой мужчина заметил этот шустрый базар, остановился, хотел было вернуться, но было уже поздно. Его «попросили» продать и как

только опустил корзину на землю, понял безысходность этого торга. Взял пустую корзину, не возмущаясь, подошел к плакавшей женщине, успокоил ее, и при отходе поезда пожелал нам быстрой победы.

Такие вот воспоминания о том времени паренька, которому в 1941 году исполнилось 15 лет. У старших к этому времени уже был накоплен немалый жизненный багаж, в том числе, в виде детей. Больше всего детей к этому времени было в Василия – три дочери и сын. У Екатерины – дочь и четыре сына, два из которых Иван и Анатолий умерли еще в младенческом возрасте. Хоронить своих детей было обычным делом для того времени. Это ужасное событие для родителей во все времена несколько отступало под грузом ответственности за жизнь других детей.

На войте как на войне. Никто не знает, ни своей судьбы, ни своих дорог, ни участи друзей и близких. Я мало знаю деталей о пленении Григория под Харьковом и отбывание плена в Германии. Знаю только, что плен наложил большой отпечаток на его послевоенную жизнь. Помню, что несколько раз он подходил к нашему дому в селе, к своей родной сестре Екатерине, а она, моя мама, разговаривала с ним через щель забора, не приглашая его в дом. Я уже тогда знал, что этим она демонстрировала не отношение к плену брата, а отношение к его жене, которая в период сталинских репрессий написала анонимку на отца, вернувшегося с фронта без руки, за якобы украденный «колосок». А безрукий фронтовик Куранов Петр Иванович не держал зла на семью Григория. Ему пришлось хлебнуть и не такого.

г: Война (в изложении моего отца – Куранова Петра Ивановича: 22.01.1906 – 04.08.1973г.)

Подняли как-то нас ночью по тревоге, затолкали в теплушки и везли целые сутки. Запомнил, что кормили хорошо. До этого голодными были, мёрзлую картошку искали на поле и тут же грызли. Поезд остановили в каком-то поле, точнее даже сказать в лесу. Но лес не густой. Выдают нам винтовки. А до этого настоящего оружия мы в руках не держали. В учебном отряде где-то между Сталинградом и Ростовом у нас были только деревянные винтовки и автоматы. Там же меня, потомственного рыбака с самого детства, назначили командиром отделения – потому что другие были совсем молодые и ничего в жизни ещё не видели. А у меня за плечами семья, пять детей, двух из которых уже похоронил и сиротство, начиная с двенадцати лет.

Ну, так вот, дали нам винтовки, по пять патронов. Не всем, правда, через одного. Остальные так и остались с деревянными винтовками – оружие добудете в бою. У фрицев этого добра навалом. А дальше: «Равняйся! Смирно! Слушать боевую задачу! Видите сопку? Сапун-гора называется. Приказано её взять приступом через 2 часа. Вперёд! В атаку!» Хотел было уточнить, откуда лучше штурмовать, да какой там – все куда-то побежали. И я побежал.

А на гору с винтовкой долго не пробежишь. Вскоре уже выдохлись. Для немцев-то мы прекрасной мишенью были. Подождали они, пока мы выдохлись и

давай нас колошматить. Пули свистят, снаряды рвутся. Один взорвался рядом со мной. Больше ничего не помню – потерял сознание.

Пришёл в себя ранним утром. Знобит меня всего. Зуб на зуб не попадает. Вокруг кровавое месиво, кое-где слышу стоны. Попробовал пошевелиться – острая боль. Вижу, левая рука моя болтается, из неё кости торчат, вокруг кровью всё запеклось. Ну, думаю, если я тут ещё немного пролежу, то мне хана. Сил никаких нет. Полежал, полежал – делать нечего: надо куда-то ползти. Полз я через трупы, через раненых, умирающих всё утро, целый день и лишь к вечеру подполз к какой-то землянке – оказалась санчасть. Вокруг раненых – видимо, не видимо. Чувствую – всё, силы оставляют меня. Пополз к самым дверям землянки и уже, как во сне, помню, как пилили мне руку, как её перевязывали...

Отец не любил рассказывать и вообще говорить о войне. Он считал, что слишком много было «предательства» – так он называл всё то, что видел сам. Издевательство над собственным народом – вот что больше всего возмущало в войне. И до конца дней своих не терпел немцев. Ему очень трудно давались лобзанья наших правителей с немецким руководством. Это не трудно понять, если учесть, что на фронт он пошёл чернявым, а через четыре месяца вернулся «как лунь». Так говорила мама.

Сапун-гора сделала его не только безруким, но и седым. Таким я его и знал всю жизнь.

Комок в горле, и слёз не сдержать
 На этой горе поседел мой отец
 Сейчас диорама, геройская рать
 А я всё о том, что какой-то подлец
 Предал столько жизней – их бросил врагу,
 Лишь свечку поставить за них я могу
 И скупю сглотнуть клокотанье в груди.
 Прости мой отец, ты всё можешь, прости
 Не знаю за что, но ты всё же прости
 И всё, что есть у меня за душой
 Я знаю, твоё это всё. Ты с собою
 В могилу не взял для себя ничего...
 Стою на Сапуне и вижу... его!

Запомнил ещё рассказ о возвращении отца с фронта:

Это было поздней зимой или ранней весной. К этому времени закончился весь корм для скота. Нечем кормить корову – беда для деревенской семьи, горше которой только смерть. Под утро, до петухов, взяла мать детей, тётку Егоровну и повела их к колхозным стогам сено воровать. Вот повязали они вязанки сена, взвалили себе на спину и несут, торопяся, чтобы успеть до рассвета. Вдруг слышат – повозка едет, чьи-то голоса раздаются – а далеко слышно в предутренние часы. Залегли стяжатели колхозного сена, ни живи, ни мертвы. В те времена за такое дело Сталин извесно как поступал. У отца был громкий голос, смех раскатистый. Думаю, что очень похож на

мой.

«Катька» – говорит Егоровна – «да это Петькин голос!». «Да откуда ж ему взяться-то?» – шепчет мать. Но уж ноги сами поднялись и во весь дух к повозке. «Сердиун, сердиун, мы здесь!» – кричит она, забыв об опасности. А дети не могут сами скинуть вязанки и так с сеном и с криками: «Папа! Папа!» и бегут к повозке...

Мама плакала, убивалась, что отцу руку оторвало. «Дура ты, Катька! Вставай на колени и благодари бога, что вернулся с фронта, живой, здоровый, без руки только. Больше на фронт не возьмут» – так говорила моя бабушка Татьяна Алексеевна.

А и правда, на фронт больше не взяли, всех остальных мужиков из села перебили на войне. А здесь даже прибыль – я родился. Так что Сапун-гора может считаться местом моего рождения.

Молчал и думал на Горе –
Двух слов сказать невмочь.
Жена заботлива ко мне,
Во взгляде – чем помочь?

Мои родители рядком, как будто бы, сидят
И как ни в чём на Первый Май со мною говорят!

Вот такие разные пути-дороги на войне. Это понимали фронтовики и никогда перед другими фронтовиками орденами не кичились. Гордились – да, но не кичились.

Военные годы сильно потрепали семью Василия Филипповича. Завербовавшись на Дальний Восток, семья, включая четверых детей от одного до десяти лет, в теплушках добралась до Владивостока, а оттуда морем за 3 суток прибыли на остров Путятин. Там требовалась рабочая сила. Первое поселение там возникло только в 1891 года в лице купца Старцева А.Д., сына декабриста Бестужева. Уже через 5 лет на острове были табачная и шелковичная плантации, фруктовые сады, виноградники, фермы, конный завод и др. Так что в мае 1941года семью Михиных встретили с распростёртыми объятиями, предоставили жильё – отдельный большой дом на две семьи. Вторая семья была тоже из Забузана – Беянина Алексея Тимофеевича. Предоставили работу в порту. Вскоре забрали на фронт. Был ранен в боях с японцами. Перебрались с острова на материк, на станцию Кангауз (ныне – Анисовка). Жена устроилась военизированным проводником в Находке. Дети оставались со старшенькой, которой было уже больше 10 лет. После ранения Василий стал работать кочегаром, но случилась беда. Испугались нового пополнения семьи и решились на аборт, которые тогда были запрещены. Не захотели ребёнка – потеряли мать. Бабанька, узнав об этом, дала добро на возвращение. Так что война оставила жизнь фронтовику, но отняла жизнь у жены, оставив на чужбине вдовцом с четырьмя детьми. Из крестьянского гнезда немедленно пришла помощь и вот уже семья Василия в родном краю, в своём, купленным родителями, доме.

Война, для тех, у кого семья, дети, да ещё в большом количестве, носит особый смысл. Им надо не только победить врага, но и остаться живым ради того,

чтобы выжили их дети. А для молодёжи война тоже, конечно, не подарок, но нередко является своеобразным продолжением мирной жизни в экстремальной упаковке. Вернёмся к впечатлениям о военном времени младшего – Германа. Призвали Германа на фронт в 1944 году и в теплушке покатыл он на Кавказ в г. Моздок.

Моздок нас встретил теплым после дождя солнечным днем. Разместились на окраине этого маленького городка (по названию) меньше чем Красный Яр в бывших конюшнях, приспособленных под казармы. На три человека дали две кровати. Сразу получили винтовки и приступили к занятиям, не переодевшись в военную форму, в 7 учебном стрелковом полку 2-го батальона. К порядку воинскому привык быстро. Всюду требовалась быстрота и четкость в действиях, никаких рассуждений, выполнять так, как хочет командир отделения. Учить нас стали опытные командиры, прошедшие фронт. Армейская наука в пехоте оказалась не сложной, но требовала выносливости и физической закалки. В начале апреля выводили нас на физзарядку по пояс раздетыми, даже при морозящем дожде. Все ожидали, что начнем болеть, но никто этого не дождался. Основная трудность в переходе на новую жизнь испытывалась в питании, а затем привыкли к скромному пайку. Занятия проводились в поле, километрах в 4-х от городка. Ходили туда и обратно обязательно с песней, пол пути – бегом. Постепенно втянулись в этот режим, окрепли, скучать совершенно некогда было. После ужина разучивали строевые песни или пели народные песни. После обмундирования в числе немногих первым удостоился увольнения в город. В городе единственная асфальтированная улица. Дома, за исключением нескольких, одноэтажные, кирпичные. Улица упирается в Терек, рядом базар и парк маленький, в центре которого памятник А.С. Пушкину. Он в свое время его посещал. Непокойный в течении Терек и мутный не такой как наши реки спокойные и чистые. Немцы здесь в 1942 году форсировали Терек, и подошли к Терскому хребту у г. Малгобек в 25 км от Моздока, овладели несколькими нефтяными промыслами. Отсюда они готовились двинуться на Грозный, но не получилось. При подготовке к наступлению генерал Клейст объезжал позиции в танке стоя с открытым люком. Наш бронейщик, находясь в засаде, не упустил возможности покончить с ним. Первым выстрелом из ПТР убил генерала, атака была отменена. Поражение немцев под Сталинградом послужило сигналом для их отступления. Они бежали по Северному Кавказу на Запад.

Как видно из записей, фронт был рядом, но до передовой ещё далеко, как и до авиации. Судьба готовила в противотанковые войска. Но у судьбы много зигзагов. Вот и сейчас пришла очередь ещё одного.

Служба шла своим чередом, по-боевому расчету я готовился истребителем танков. В один из дождливых дней, когда занятия проводились в казарме, у проходной появились два офицера в авиационной форме. Майор был в реглане с фуражкой, а капитан в темно-синей пилотке. Минут через 15 объявили построение роты во дворе. Построили в две шеренги, по росту. Майор, осмотрев строй, повернул человек 40 правого фланга и отвел шагов на 10 от остальных. Всматриваясь в лица солдат, определял вывести из строя или оставить

для прохождения мандатной комиссии. Оставшихся после такого отбора, человек 30 стал опрашивать в соответствии с программой мандатной комиссии. Мне он почему-то уделил очень мало внимания, видимо была уже традиция – семья авиаторов; четыре брата уже служили в авиации. На третий день проходили медкомиссию в госпитале, а точнее углубленный осмотр. Никто из отобранных не был отстранен. Таким образом, я опять оказался кандидатом в авиацию. Нас свели в отдельный взвод батальона, занятия также продолжались, но в наряд и на работы мы привлекались чаще. Самым тяжелым был наряд по кухне (столовой), но зато там можно было хоть чуть отвести аппетит. При разгрузке вагонов не упускали возможности что-то приобрести с тем, чтобы потом перевести все на еду. Базар был рядом.

Подходили праздничные дни 1-го Мая, на нас обратили внимание и стали тренировать для прохождения торжественным маршем в городе. Накануне этих дней приняли присягу, а вечером пошли первый раз выполнять боевую задачу по охране складов (в караул).

Мне пришлось стоять на посту у продсклада в самое темное время ночи (с 23.00 до 1 часа). Два часа прошли тревожно и утомительно в ожидании смены, в городе слышались одиночные выстрелы, скрывались бандиты. Первое испытание осталось позади, появилась уверенность и решительность. Однажды перед ужином поступила вдруг команда: «Выходи строиться с оружием!» После построения группами по 4-5 человек разошлись по своим направления и участкам для проверки документов в домах и у встречных на улице. Мы проверяли район вокзала, где много проживало техников и летчиков Ейского училища бомбардировочного полка. Выходя из одного дома, в сенях, я левой рукой стал шарить и, вдруг почувствовал укол в кисть сверху. Во дворе, перед калиткой я сказал об этом сержанту. Он потребовал, чтобы хозяйка снова открыла дверь, и когда мы вошли в сени, осветили их, то увидел курицу, сидевшую на яйцах. Все заулыбались, а я застеснялся, но действия мои были правильно оценены.

Время летело, надежды на убытие в авиацию стали нас покидать. В августе должны закончить программу подготовки и отправиться на фронт. Совинформбюро передало об освобождении Крыма (9 Мая), бои шли в западной части Украины, готовились операции по освобождению Белоруссии, и стояли теплые солнечные дни. В такие дни хорошо просматривался Главный Кавказский хребет, г. Казбек.

Утром числа 22-23 Мая 1944 г. поступил долгожданный приказ отправить нас. Вывели нас к церкви, что стояла против городка, где часа 4 ожидали дальнейшей команды. Собралось нас человек 150 там, наконец, построились. Объявили, что едем в Краснодар в авиашколу. Радости не было предела, двинулись мы к вокзалу с песней, но она не так из-за волнения как обычно хорошо звучала. После непродолжительного ожидания, подошел пассажирский поезд, и мы его дружно заполнили, паровоз дал прощальный гудок и повез нас мимо учебного поля, где оставшиеся наши товарищи осваивали тактику ведения боя. На прощание с завистью они махали нам пилотками, а некоторые просто печально смотрели в след уходящему поезду. Они, как узнали мы после, попали в пекло войны – под Варшаву и Будапешт.

Вот так впервые Герман встал на дорогу в авиацию, точнее, на железную дорогу. В память врезаются любые мелочи военного времени.

На промежуточных станциях женщины предлагали покупать разную еду, но теперь у нас уже не было той возможности покупать, когда ехали в Армию. На одном из разъездов, не доезжая ст. Прохладная, я вышел из вагона на свежий воздух и удобно расположился на крыше его, где уже заняли места несколько моих попутчиков. Стоял тихий теплый день, отсюда хорошо просматривалась местность. Некоторые поля были засеяны, недалеко от станции валялась разбитая военная техника и просто груды металла, среди них пол фюзеляжа самолета ИЛ-2. Следы боев были свежими, станционные и другие здания без окон, перекрытия обрушены, видны следы пожаров. У вагона стояла женщина с ведром топленого молока с жирной поджаренной пенкой. Оно привлекало многих солдат, но никто не покупал, а только приценивались. Поезд тронулся, все бросились на подножку вагона и в последний момент один солдат схватил это ведро. Одной рукой держался он за дверную ручку, другой – ведро. Женщина от неожиданности вскрикнула: «Люды добри, ратуйте, лыхо мени!» Неожиданно на этой же подножке появился железнодорожник. Он схватил одной рукой ведро и стал отнимать. Между ними были не вошедшие в вагон солдаты. Никому не удавалось завладеть ведром, кто-то снизу задел его головой, молоко вылилось, солдат отпустил ведро, железнодорожник бросил его на землю метрах в 150 от хозяйки ведра, размахивающей руками и что-то приговаривающей в наш адрес.

Ночью прибыли на ст. Минеральные Воды, расположились в привокзальном парке в ожидании поезда на Краснодар. Утром увидели на юге пять хорошо просматривавших вершин гор. Сухой паек наш иссяк, а продпункт почему-то нас не кормил. Нужно было ожидать поезда примерно сутки. В поисках еды нам помогли предприимчивые люди, предлагая старые ботинки, гимнастерки, бушлаты на наши новые. Я приобрел выдавшие виды ботинки и к ним 250 рублей. Теперь можно было и покушать (5 рублей кукурузный чурек, 2 рубля пол литра кислого молока). Мне захотелось попробовать минеральной воды, поиски ее не увенчались успехом, т.к. ее не продавали здесь, а источники находятся в 25-30 км в Железноводске, Пятигорске.

Война войной, а голод не тётка. Кто-то на молоко позарился, кто-то башмаки променял, а кому-то минеральной воды захотелось.

На следующие сутки наш эшелон двинулся в путь, на разъездах нас обгоняли эшелоны с техникой для фронта. К вечеру прибыли в Армавир. Это был город, привокзальная часть его, по 3-4 квартала была в руинах. Здесь следы войны были уже значительными. В пути к Кропоткину кто-то из ребят сказал, что на подножке соседнего вагона едет немец. Это сообщение нас сильно удивило. Пошли смотреть немца. Это была первая встреча с врагом нашего народа, который принес нам много страданий и бед. Обыкновенный человек в форме без погон со знаком «пленный». Он ехал на подножке вагона, хотя по-

года после дождя была очень прохладной, по-видимому, он боялся заходить в вагон к солдатам.

Утром 26 мая 1944 года прибыли в Краснодар. Дома, прилегающие к при вокзальной площади, также представляли коробки без крыши, окон, дверей и перекрытий. Город не произвел впечатления, бросилось в глаза обилие деревьев на улицах. От вокзала пешком пошли в училище под мост мимо парка по ул. Тельмана к ее началу у затона.

Школа располагалась среди разрушенного квартала в пятиэтажном большом здании с колоннами. Два верхних этажа не были еще восстановлены, а три обжиганы. Нас определили на втором этаже, предстояло пройти месячный карантин, за время которого пройти отборочную комиссию и дождаться приказа о зачислении курсантом авиашколы. Здесь пришлось снова принимать присягу, поскольку не было записано в документах. В этом дворе-квартале все было для службы, кроме бани. Классы располагались на втором и третьем этажах, караульное помещение в подвале. Удивило здесь взаимоотношение между военнослужащими простой, непринужденностью по сравнению с пехотой и это сразу отразилось на нашей дисциплине. В город нас не пускали и видели его только тогда, когда ходили в баню (еженедельно). Разрушений было мало и только в центре. Кроме занятий привлекались на работы и по восстановлению города. Несколько ночей работали по расчистке завалов на месте нынешнего театра оперетты. Мусор вывозили на трамвае за парк им. Горького. Там был пустырь. Самым хорошим нарядом считался наряд – караул на аэродроме, где можно было покушать фрукты и отдохнуть. Аэродром, где располагались самолеты звена управления школы, находился за кладбищем, что на ул. Северной. Ездили туда трамваем по ул. Красной до Крестьянской (Хакурате), а затем пешком через кладбище. Это были окраины Краснодара. Службу в этом карауле несли по своему графику, который позволял отдохнуть, сходить в сад и даже пострелять из винтовки не меткость. Патронов у каждого из нас было в достатке. Здесь увидели самолеты И-16, УТИ-4, УТ-2, ЯК-1, ЯК-7. В начале июля были произведены в курсанты и поставлены на питание по курсантской норме – это был для нас праздник. Впервые повели нас в кино в дом офицеров (он и сейчас на том месте), показали музыкальную комедию «Джордж из динки-джаза». Стали знакомиться с азами авиации и узнали, что эта школа учит не новичков, а курсантов после окончания школ первоначального обучения. Вскоре приехала большая группа югославов не юношей, как мы, а уже с небольшим опытом. Расписание наших занятий сразу изменилось, добавились хозработы, наряды.

1-го сентября 1944 г. нас отправили в Армавир в 5-ую школу первоначального обучения (ВАШпо). Теперь мы заняли свое место. Город произвел иное впечатление. Центр и у вокзала до ст. Армавир 11 был в сплошных развалинах, груды кирпича и торчащие из-под них железные перекрученные балки напоминали о жестокости прошедших боёв. Условия жизни также изменились резко. После простыней, чистой постели и уюта в казарме, оказались в складском помещении во дворе мечети по ул. Ленина на краю города. А столовая, классы были в центре на ул. Кирова между ул. Осипенко и ул. Лермонтовская.

Нет порядка, не стало и дисциплины. Ходили на занятия, начали изучать самолет УТ-2 и все предметы для его освоения. В свободное от занятий время по городу ходили свободно. Ознакомились с окрестностью, т.е. узнали, где сады и что в них имеется. В один из дней поднялись на гору у Форт Штада, откуда весь город был хорошо виден и левобережная часть Кубани.

В октябре в город прибыл Свердловский театр оперетты. Случайно побывав на одном представлении, я заинтересовался опереттой. Мне нравилась музыка, и мне удалось посмотреть весь репертуар этого театра: Сильва, Марица, Баядерка, Розмари, Цыганский барон и др. Это оставило незабываемый след в моей жизни – любовь к музыке.

Студент, он всегда и везде студент. И в войну тоже – прижмут, так «пашет», не прижимают, так можно расслабиться, наведаться в соседние сады, сходить в оперетку. Я вполне понимаю Германа в его любви к оперетте. В селе он ничего, кроме гармошки никогда и не слышал, а здесь оркестр, шикарные мелодии, профессиональные голоса. Я помню и свои сильные впечатления, когда после деревенских застольных песен под гармонь, впервые попал в Оперный Театр на «Кармен»!

В конце этого месяца в город возвратилось из эвакуации Армавирская школа, ее передовая команда. Нам пришлось опять убираться на этот раз в лучшее место – в г. Майкоп. Этот город совершенно не разрушенный с ровными взаимно перпендикулярными улицами прижался к изгибу реки Белой, за которой начинались горы, покрытые лесом. Большинство центральных улиц были выложены булыжником. Штаб, УЛО и эскадрилья расположились у вокзала, а наша учебная рота – в городе, в центре на углу улиц Советской и Армянской в помещении, почти не приспособленном для жилья. Оно не отапливалось, поставили самодельную печь-бочку, ветер проникал в жилье. Теперь в свободное время мы могли ходить в кино, театр, стали посещать библиотеку, т.к. днем в казарме находиться было тягостно. Спали на нарах и матрацах из соломы без постели. Небыло ни табуреток, ни столов. Столовая работала из-за недостатка дров с перебоями, обед и ужин приходилось принимать вместе (зимой). Однажды, разгружая вагон, заметили начпрод с несколькими курсантами, двигавшимися в сторону пакгауза, где лежали несколько бревен. Минуты через три они уже несли бревно на плечах в сторону столовой. Впереди их торопил лейтенант Лозанов (начпрод). При подходе к железнодорожному полотну первый курсант спотыкнулся, и бревно по инерции пошло вперед, бьет по горбу начпрода и все падают. В это время сторож заметил кражу и поднял неистовый крик, направляясь вдогонку за ворами. Попытка достать дрова закончилась неудачно.

В декабре 1944 года прибыла с фронта большая группа авиамехаников и стрелков-радистов штурмовой и истребительной авиации для переучивания на летчиков. Он них мы узнали много о фронтовых делах и буднях техников и летчиков. Многие рассказы затем подтвердились в кино и книгах. Например, полеты на трофейном самолете МЕ-109 и его последствия (кино «В бой идут одни старики»), перелет на истребителе в одной кабине летчика-француза и нашего механика. Там в полете начался пожар, летчик не выбросился

на парашюте, а пытался посадить самолет, но у земли самолет взорвался. Рассказывали и о перелетах механиков в куполах шасси и др. Много узнали мы от них о наших прославленных героях: Покрышкине, Евстигнееве, Скомо-рохове, Лавриненко, Кожедубе и др. В это время сообщили по радио о гибели под Кенигсбергом (Калининградом) командующего 1-м Прибалтийским фрон-том дважды героя Советского Союза генерала армии Д.И. Черняховского. Од-нако, они все были уверены, что разгром фашистов неизбежен. Эту группу стали ускоренно готовить, а нам надо было опять ждать. Комендантская служба в городе бездействовала, такое понятие как увольнение отсутство-вало, и мы свободно ходили по городу. Новый 1945 год – первый Новый год службы в Армии встречал в наряде – патрулем по городу, но нести службу не пришлось. Старший патруль – фронтовик пригласил нас в дом знакомых, где встречали Новый год. Уже после стакана самогона без закуски и оставшись без ужина, мы не смогли ждать встречи начала победного года и к 12 (24) часам еле дошли до казармы.

Несколько позже, решили подтянуть дисциплину, и комендант города патрулям стал давать плановое задание – привести в комендатуру 2-3 кур-сантов, но как брать своих? Один сержант решил вывернуться, задержал на базаре с увольнительной запиской солдата из пехоты, пришел ему авиацион-ные погоны и привел в комендатуру, для плана. При регистрации солдат до-ложил, что он из снайперской школы. За это комендант посадил сержанта на 3-е суток гауптвахты.

Всю зиму важной проблемой нормального питания были дрова, их прихо-дилось воровать на станции и с трудом доставлять из лесу. Один раз и мне пришлось ехать за ними в лес в сторону Туансе км. 40. Во второй половине дня на «Форде» вчетвером поехали за дровами. Дорога от шоссе до места по-грузки дров была грязной с разбитой колеей, а у места, где лежали дрова – сплошные лужи. Было ясно, что груженому Форду не выбраться. С запада под-ходила темная туча. Только двинулся автомобиль, как стал буксовать и сразу налетел снежный заряд, такой, что за 10-15 минут снегу выпало сан-тиметров 20-25. Наступила ночь. Видимости никакой. Дрова выбросили в надежде выбраться без груза, но и это не помогло. Оставалось одно, ожидать помощи утром, когда приедут за дровами автомобили. Старший офицер го-ворит нам: «Идите в сторожку, а мы с шофером будем в кабине ждать утра!» Сторожка лесника находилась километрах в 3-х от нас, и в стороне от до-роги. Как идти, когда ничего не видно? Мы приняли единственно правильное решение – друг за другом по 2 человека стать в колею дороги и, щупая ее край, двинуться в путь. Шинели от мороза на нас стали колом, двигались мы мед-ленно и через некоторое время слева, как и должно быть, стал просматри-ваться спасительный огонек. Перед окном мы увидели себя – это были настоя-щие снеговики. Пока отряхивались от снега, наш шум услышали в доме. Хо-зяйка прильнула к окну и сразу отпрянула, окликнула нас. Мы рассказали всё и хозяин открыл нам дверь. Пригласив в дом. В сенях мы сняли верхние про-мокшие рабочие шинели и вошли в тепло-натопленный домик. Кроме хозяев там бы еще охотник. В разговоре мы рассказали о себе. Затем предложили

нам чаю, хозяин занес сена, и мы быстро заснули крепким сном. А утро было таким, как описал его А.С. Пушкин: «Вечор, ты помнишь, вьюга злилась? На мутном небе мгла носилась. А нынче посмотри в окно. Под голубыми небесами, великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит». По дороге к машине нас догнали «Шевроле», пришедшие за дровами. Они вытащили наш Форд, и мы поехали домой, довольные таким исходом приключения.

В феврале 1945 года при рубке дров во дворе у начальника школы генерал-майора авиации Багаева я простыл и заболел бронхитом. Попал первый раз в лазарет с температурой 38°, пролежал всего неделю. Кашель был до крови. Врач сказал, лекарств нужных нет, питание слабое, брось курить, настанет тепло, больше загорай. Советы я послушал, т.к. долго наминал мне левый бок. С апреля стал принимать солнечные ванны и через 2-3 месяца рентген ничего не обнаружил подозрительного. В это время мы переехали жить из города в эскадрилью и стали опять готовиться к полетам. Быт наш стал хорошим, т.е. лучше, чем был. С фронта ежедневно поступали приятные вести, предвещавшие скорую победу Советского Союза над фашистской Германией. 8 Мая, будучи с товарищами в городе, услышали голос диктора всесоюзного радио Ю. Левитана, о том, что в 2 часа ночи 9 Мая будет передано важное правительственное сообщение. Всем стало ясно, что войне пришел конец, приближается долгожданный час Победы. Никто не ложился спать. В 2 часа с лишним (10-15 минут) голос Ю. Левитана возвестил о радостном событии – ПОБЕДЕ, о нашей Победе над Германией. Все сразу закричали «Ура!» От радости стали друг друга обнимать. На улице уже слышны были первые салюты-выстрелы. Каждый взял свою винтовку, патроны и стали салютовать до полного израсходования боеприпасов. Позвонили в караул, и там началась стрельба. До утра первого мирного дня невозможно было заснуть. 1419 день выдался ясным и солнечным, настоящим, праздничным. Утром офицеры прибыли раньше обычного, стали поздравлять с Победой. После завтрака – общее построение. Пошли на демонстрацию в город с песнями, нас встречали восторженные жители с цветами, бросая их в строй. У площади по ул. Краснооктябрьский перестроились и после небольшой паузы пошли торжественным маршем. В это время пролетали над нами три УТ-2. В конце улицы, у парка начальник штаба школы подполковник Грачев объявил, чтобы в часть мы прибыли самостоятельно. Строй разошелся, перемешался с гражданскими людьми и превратился в толпу. Такой толпой мы подошли к базару, где шла бойкая торговля дефицитными товарами и даже водкой. По такому случаю, и мы купили пол литра и выпили там же за Победу, за всех погибших на войне. К обеду вернулись в часть. После такой ночи и спиртного, после обеда был первый мертвый час и не час, а кто сколько мог. Вечером опять пошли в город, в парке было массовое гуляние, горожане продолжали праздновать победу. Я оказался с товарищем-земляком (сосед по селу) Л. Кашиным. Он познакомил меня с девушкой, подругой его знакомой. Было 6 часов вечера после войны, ее звали Валя.

Вот так закончилась война для младшего из сыновей Филиппа и Татьяны. Герман был самым молодым из тех, кого называли: «Забузанские соколь». Очень символическая запись для молодого курсанта: «*Было 6 часов вечера после войны, ее звали Валя*». Как мы узнали из написанного выше, совсем по-иному встретили войну его старшие братья и сёстры: Григорий был в плену, Евдокия с маленькой дочкой дома, с родителями, Екатерина беременная шестым ребёнком и с безруким мужем, Василий вдовцом с четырьмя детьми на другом конце земли. Они, конечно, несли на себе всю тяжесть войны, как и большинство населения страны, но не имели отношения к авиации. В плеяду соколов вошли кроме Германа ещё Николай, Иван, Яков, и Тимофей. И не только за участие в войне в авиации, но и за то, что отдали авиации всю жизнь.

Николай по путёвке комсомола после окончания 10 классов был направлен в Астраханский аэроклуб, а оттуда – в 1940г.в лётное училище в г. Волчанск. Волчанское авиационное училище лётчиков готовило инструкторов-лётчиков, парашютистов. Война заставила эвакуироваться в Сибирь в г.Омск. Так Николай Филиппович оказался в Омском бомбардировочном авиационном училище. Омская военная авиационная школа пилотов была образована непосредственно перед войной. С учетом опыта боевых действий, накопленного в Испании, Китае, на Халхин-Голе, у озера Хасан необходимо было производить повышение качества обучения авиационных специалистов, в короткие сроки увеличить число летного и инженерно-технического состава Военно-воздушных сил (ВВС). В связи с этим в СССР стала активно расширяться сеть военно-учебных заведений по подготовке кадров. Приказом Сибирского военного округа (СибВО) № 061 от 17.05.40 г. на базе 52-й авиационной бригады образуется «Омская военная авиационная школа пилотов» (ОВАШП) в составе 2-х эскадрилий и дополнительным штатом школы стрелков-радистов. Командиру, 52 бригады полковнику Кондратюку было приказано принять переменный состав курсантов, прибывающих для формирования авиационной школы в количестве 320-ти человек, для подготовки военных пилотов и 250-ти человек для обучения на стрелков-радистов. Авиационный парк школы состоял из 47 бипланов-разведчиков Р-5, 32 бомбардировщика СБ и 47 У-2. Большинство самолетов требовали капитального ремонта, поэтому командованием ВВС было принято решение об организации передвижных авиационных ремонтных мастерских. Учебный курс школы состоял из двух эскадрилий летчиков, одной запасной роты, группы стрелков-радистов. Каждая эскадрилья включала по два отряда: первый – на бомбардировщиках СБ, второй – на разведчиках Р-5. После освоения Р-5 курсанты переводились в первый отряд для учебы на СБ. Запасная рота обеспечивала учебные эскадрильи пополнением, прошедшим общевоинскую подготовку. В конце 1940 года состоялся первый выпуск стрелков-радистов, которые были направлены в Ленинградский военный округ. Через несколько месяцев были выпущены две группы пилотов. До начала Великой Отечественной войны школа сделала еще два выпуска военных летчиков на самолетах СБ. В первые дни Великой Отечественной войны началась оперативная эвакуация военных авиационных школ из Европейской части СССР в глубокий советский тыл. Школы, передислоцированные на территорию Сибири, входили в состав

уже действующих авиационных школ и училищ. Так, в частности, в Омскую военную авиационную школу пилотов (ВАШП) вошло и Волчанское авиаучилище, и в частности его курсант Михин Николай Филиппович. В нашем распоряжении нет детальной информации, как проходил эвакуационный процесс Николая, но есть аналогичные воспоминания курсанта Борисоглебской авиашколы, которое даёт представление об эвакуации в Омскую авиационную школу «2 июня 1941 года я был зачислен курсантом в Борисовскую авиационную школу пилотов. Через 20 дней началась Великая Отечественная война. Мы были в лагере, пошли отдыхать на речку, воскресенье. В 8 часов утра прилетел По-2, стал кружиться над аэродромом, стреляет красными ракетами. Потом сирена загудела. Побежали бегом. Батальонный комиссар училища, две шпалы. Стоит, плачет. Говорит: «Началась война». Рассказал все, что произошло в это утро. Мы, конечно, еще ничему не научились, но были курсанты, которые летали на СБ и Р-5, разные группы были. Тут же нас стали учить, как стрелять из пулемета, ручного и станкового, на случай если будут нападать на аэродром. Учеба – смех один: «Заряжай, разряжай. Все понял? Молодец! Кто следующий?» А потом нас послали возить бомбы со склада. Да, наши инструктора стали выполнять боевые задачи. Вот для них и стали возить бомбы. Подвешивали их на самолеты Р-5 и СБ. Склады на окраине города Борисов. Приехали туда первый раз ночью на машине. Всего 5 машин, на каждой по 15 человек курсантов, потому что бомбы тяжелые. Начали грузить. И вдруг налет. САБы (Светящиеся авиабомбы) загорелись. Зенитки стреляют. А мы бомбы нагружаем на автомашины. Сотка нам показалась перышком, так мы их быстро грузили. И вот мы возили почти сутки без перерыва. А потом надо же и поесть. Привезли: «Давайте еще один рейс и в столовую, а то ребята, вы так с голоду упадете». На седьмой день команда: «Вечером построиться. Сейчас ужинаем. Ничего не брать. Ваши вещи привезут. С собой взять только противогаз». Лагерь был в Крупке, небольшом районном центре. Мы пошли пешком через Могилев, почти 300 км до Брянска. И пришли на аэродром Алсуфьево. Шли три дня. Идем ночью. Днем лежим. Потому что нельзя было показываться на открытом месте. Самолеты летали низко, и обстреливали. Идем же колонной. Ночью тяжело идти. Нам сказали, что в Сибирь перебазировемся. Инструктора, на оставшихся не сгоревших самолетах Р-5 и СБ улетели. А те самолеты, которые остались мы подожгли. Остались – 4 неисправных самолета СБ и два самолета Р-5. Сожгли эти самолеты, чтобы ничего не оставалось. Было и страшно, и не знали, что будет дальше. Когда пришли на аэродром Алсуфьево, сели ужинать. Немец налетел. Сирена. Видим, что бомбы близко от нас рвутся. Паника. Мы все из столовой бежать. Подошел поезд-товарняк. Эвакуировали скот в Подмосковье. Подогнали нам: «Садитесь в эти вагоны» – Вагоны грязные. – «Ломайте ветки, и берите траву в копнах». В основном ломали березы, устилали пол. И тут же гудок, поезд отошел километра на 2 от аэродрома и остановился. Потом уже спокойненько поехали. Спрашиваем у своего командира Сенкевича, очень хороший был командир: «Куда нас повезут?» – Он говорит: «В Сибирь». Подъехали к Москве. Трое суток были на

окраине Москвы, на окружной дороге. Правда, тут нас кормили заказами какой-то воинской части. Ходили завтракать, обедать и ужинать. Пока не получили распоряжение. Поезд повез нас дальше, и привезли нас в Омск. В Омскую авиационную школу пилотов. Стали летать на Р-5. Закончил в декабре месяце. И сразу перевели в Новосибирск в Бежскую (Бердскую?) авиационную школу пилотов летать на СБ. Весь 1942 год мы занимались сельским хозяйством. Полетов никаких. Горючего нет. Питание слабенькое. Все, что могли, мы отдали, даже свои шинели, хорошие из синего сукна и сапоги сдали. Дали нам обмотки. А это все отправили на фронт. Всю весну сажали, летом убрали, косили. 1942-й год закончился. В конце 1942-го года пришли инструктора. Пять инструкторов на каждого по 2 курсанта. Будем летать. Начали полеты. В течение 3 месяцев на СБ я закончил всю программу. 8 марта 1943 года я получаю звание младший лейтенант. Присвоили приказом командующего СибВО стал офицером». За счет прибывших школ по приказу командующего ВВС СибВО от 14.08.41 г школа перешла на штат семи эскадрильного состава. Возникли проблемы с размещением личного состава и техники прибывающих подразделений, налаживании учебного процесса. Были задействованы все имеющиеся возможности: часть курсантов разместили в готовых уже летних лагерях, часть изыскивала и оборудовала новые площадки, строили землянки и переводили подразделения в лагеря. Одним из первых был построен лагерь в Калачево, который начинал строиться 14 мая 1941 г. Приведу здесь ещё одну дневниковую запись другого курсанта из Лисичанского аэроклуба, которому пришлось бродить по тем же дорожкам, что и Николаю Филипповичу Михину. Из дневника Ведерникова Ивана Корнеевича: «В 1940 г. в школу № 2 г. Рубежного на Украине, приехали представители из Лисичанского аэроклуба и пригласили в него нас десятиклассников. В этот аэроклуб из школы поступило человек шесть. Туда ходил пригородный поезд, это примерно километров 25–30. Занятия начались в январе месяце, сначала изучали теорию, самолет, а в конце мая начали летать. Летали на учебном самолете По-2, он назывался тогда У-2. Был июнь 1941 года. О том, что началась война, узнали, когда возвращались на пригородном поезде с аэродрома домой. Зашли в вагон и увидели, что проводник убирает керосиновые светильники из вагонов. Удивились – зачем? Он отвечает: «Есть приказ о затемнении, война началась». Сразу же через аэроклуб подали заявление в военкомат. Их зачислили в Роганьскую летную школу, которая находилась недалеко от Днепропетровска. (Расстояние между поселком городского типа Рогань Харьковской области и городом Днепропетровск Днепропетровской области: напрямую – 190 км; расстояние автодорогами – 233 км.) Туда приехали в июле месяце, а в сентябре уже эвакуировались со школой в Омск. Начались долгие, томительные из-за горячего стремления скорей начать воевать, месяцы учебы, растянувшиеся аж до 1944 года. Нелегко далось это ожидание. Почему так затянулось обучение? Он объясняет: «Я мог окончить школу в октябре 1941 года. А получилось так. Перед тем как летать уже на самолете СБ – скоростном бомбардировщике – ударил мороз, масло замерзло и мы не могли начать летать. Пока научились, как его разогреть, пришел приказ – все самолеты, пригодные для боевых дей-

ствий, отправить на фронт. Всё. У нас даже забрали шинели на фронт, а нам выдали куртки. А мы продолжали заниматься теорией, через день ходили в караул, строили землянки. И учились, учились. Теории можно учиться без конца, но в военное время...». **1941 год** «22 сентября 1941 года. 7 дней уж прошло, как мы приехали в город Омск и находимся в лагере. Живем в палатках. Город Омск очень большой, но я видел только его окраины. 19 сентября был на реке Иртыш – я помыл свою гимнастерку и пр. Река сама – вроде Волги, только с абсолютно голыми берегами. Вода мутноватая. Судоходная. Полетов до этих пор нет, за отсутствием бензина. Нам ужасно хочется летать. Живем в лагере Черемушки южнее от Омска на 13 км. 26 сентября. Я вылетел самостоятельно на самолете Р-5. 25 октября я окончил программу летной практики на самолете Р-5. За отличное окончание получил благодарность от командира отряда. Живем в палатках. Нам выдали еще по палатке и в палатках мы построили печки. Если печку топить, то в палатке тепло. Заниматься теорией очень холодно. На лекциях мы делаем перерыв, чтобы постучать ногами, попрыгать-погреться. 2 ноября Погода стоит очень хорошая вот уже дней 10; тихо, солнце, тепло. Ожидаем переезда на зимние квартиры. 8 ноября. Живем по-прежнему в лагере. Сегодня я распрощался с Р-5 – сдал зачет по полетной практике.

9 ноября. Мы, наконец, ушли из лагеря в Кировск. Переправлялись через Иртыш на поезде, что сделать группой нелегко, потому что поезда очень перегружены. Сразу по прибытию нас, окончивших программу на Р-5, перевели на наземную подготовку на СБ. До этих пор мы не летаем, потому что мы не сдавали зачет по матчасти СБ. Ожидаем с нетерпением полетов, несмотря на холод. 17 ноября. Нахожусь в Омске – Кировске на зимних квартирах. 29 ноября. Жизнь моя сейчас слишком бесплодная и однообразная. Живем в тесном помещении, занимаемся теорией. Подъем в 6.30, потом завтрак, в 8.30 занятия и до 9 часов вечера с двухчасовым перерывом. Всего занимаемся 11 часов, но много лекций мы сидим без преподавателей, ввиду того, что многие из них уехали на фронт. Короче говоря: мы много сачкуем. Лень развивается. Сегодня, например, у нашей группы летный день, но я сачкую. 10 декабря. Жизнь прежняя. Много сачкуем. К нам в эскадрилью прислан командовать майор. Буквально все хочет перевернуть. Хочет наладить дисциплину, которая у нашей эскадрильи, да и в остальных, очень разболтана. Причина разболтанности – это мало внимания со стороны командования на нас и не очень хорошее материальное обеспечение. Все идет на фронт, все идут на фронт. Я тоже хотел идти на самолете У-2 добровольцем, но таких, как я, не берут. 22 декабря. Живу по-прежнему. Занимаемся теорией. Полетов и не предвидится, все время проводим в казарме или же в корпусе УЛО. **1942 год** 1 января. Сегодня мы встречаем Новый 1942 год. День сегодня не рабочий. Целый день болтаемся без дела по казарме. 9 января. С 8-го января у нашей 71 группы по расписанию полеты, но их нет. Сачкуем. Живем от завтрака к обеду, а от обеда к ужину. 19 января. 2-й отряд 6-й авиаэскадрильи, т.е. мы, переведены в запасной батальон. Жить перешли из здания в землянки. В землянке очень тесно. Летать будем не скоро, а летать так хочется! С сегодняшнего дня на-

чинаем заниматься теорией и ходить в караул. 10 и 14 января. Последний вечер в общежитии 6-й авиаэскадрильи. Прощальный. Хотя еще никто приказа о переформировке не зачитывал нам, но мы уже знали, что нас переселяют в землянки в запасной батальон. Но кому хочется покинуть эскадрилью! Кому хочется отдаляться от полетов, а, следовательно, и от фронта! И, наконец, кому хочется из светлого помещения переходить в землянки! 26 января. Живем в землянках. Очень, очень тесно спать. Курить нету, но мы миримся со всем. Нам бы только полеты! Занимаемся теорией по 6 часов в день. 3 часа самоподготовки, 2 часа культмассовая работа, 2 часа строевой подготовки. 28 февраля. Живем в землянках, продолжаем курс теоретической летной подготовки. Занимаемся по программе почти полной годичной школы. 11 марта. Жизнь прежняя. В воскресенье был на субботнике. Работали на кожевенном заводе; убрали кожи, привезенные из Аргентины. 8 марта у нас забрали шинели на фронт, а нам выдали легенькие фуфаячки. Погода очень холодная. Мороз градусов 18 и сильный ветер. 5 апреля. Днем под действием солнца снег растает, а ночью опять замерзает. Живем в землянках. Сдаем зачеты по мотору М-103, самолету СБ, топографии. Из дому письма получаю. С 1-го апреля у нас новый распорядок дня. В основном занимаемся почти 4 часа в день, а остальное время идет на строевую, самоподготовку и пр. 2 мая. Наконец-то пришел долгожданный день: мы перешли в эскадрилью №4. Живем в здании УЛО. Занимаемся уже с утра по 6 часов. 26 мая. Живем по-прежнему в зимних квартирах. Сегодня погода хорошая, но на днях было очень холодно и даже выпал снег в ночь с 21 на 22 мая. Половина нашего отряда иногда летает, одна группа уехала готовить лагеря, а мы, знаменитая 71 кл.о. занимаемся теорией. 15 июня. Живем в лагерях с 31-го мая. Лагерь Густафьево расположен восточнее Омска километрах в тридцати, Аэродром очень большой, окружен березовыми балками (колками?), в одной из которых помещается наш лагерь. Южнее от лагеря проходит железная дорога, а вокруг небольшие села. Лагерь мы хорошо почистили и комаров теперь гораздо меньше. Устроились очень хорошо. Имеем хорошо оборудованную спортплощадку, ленинскую комнату, открытый театр, умывальник, душ, хорошую столовую, ветряную водопомпу. В общем, все хорошо, плохо только, что нет полетов на Р-5 – нет горючего. Мы занимаемся теорией. Классы на открытом воздухе и частенько во время занятий разводим костры, спасаясь от комаров. В караул ходим через 5 дней на шестой. Питание, как и было, в натяжку, не хуаем, но и не наедаемся. Самочувствие неважное. Хочется поскорее окончить нашу школу, да уехать с этой школы. Некоторым моим товарищам не удалось стать летчиками. 300 человек со школы забрали в артиллерийское училище. От них получаю письма. Я уже окончательно потерял надежду на то, что когда-нибудь попаду на фронт летчиком. 2 сентября. Живем в лагере Каланчовка (Калачевка?) в 5 эскадрилье. Сюда мы были переведены 26 августа. 4 авиаэскадрилья расформирована и как таковая не существует. Славно мы пожили в лагере Густафьево. Последнее время жизни там мы частично занимались теорией, а по воскресеньям работали в колхозах. Сейчас меня окружает обстановка куда хуже. Живем в землянках, везде

грязно, столовая в землянке и там очень грязно и с потолка на столы сыплетя песок. В караул ходим через день, работаем по постройке дорог и оборудованию лагеря. Здесь будем жить и зимой. Полетов не предвидится, теорией не занимаемся. Настроение мое неважное. Конца пребыванию в школе не видно, а жизнь то не очень хорошая. 20 сентября. Живем там же в лагере Калачево. Работаем по оборудованию лагеря, через день ходим в наряд. Настроение неважное...» В то же время никто не отменял основной задачи училища – подготовки пилотов. Все шло своим чередом. Несмотря на трудности, в целом занятия не прекращались ни на день. Уже в сентябре были подготовлены и отправлены на фронт 310 пилотов, в октябре – 252. Выпуски проходили каждый месяц. За 1941 год она подготовила и послала на фронт 1162 пилота. Омская школа быстро стала мощным комбинатом по обучению курсантов и переподготовки летчиков фронтовых частей на новый самолет ПЕ-2. Курсантов сначала обучали на самолетах СБ и Р5, с конца 1942 г. перешли на обучение пилотированию на самолетах ПЕ-2.

Инструкция по технике пилотирования самолета ПЕ-2, ОВАШП, 1942 г. (Из семейного архива Скибо А.В.)

По этой методике обучал курсантов и Михин Николай Филиппович.

риальная доска в память о нём укреплена на здании колледжа. Для обучения в годы войны были задействованы 12 полевых аэродромов, многие из которых были построены в спешном порядке. Одними из первых вошли в работу полевые лагеря в Калачевке и Герасимовке. Весной 1942 г. был организован еще один филиал школы – гарнизон в Ново-Любино (Любино). Его основой стал

Славная страница истории Омского военного училища связана сотрудничеством с конструкторским бюро А.Н. Туполева и омским авиационным заводом № 166. На личный состав Омского училища была возложена задача – переучивать лётчиков, прибывающих с фронта, на новый самолёт Ту-2, создаваемый в городе Омске. Первые полки ТУ-2 формировались на территории школы, личный состав жил в школьных казармах, самолеты стояли на школьной линейке, на аэродроме была создана лётно-испытательная станция и КБ.

Лучшие пилоты-инструкторы стали испытателями самолётов А.Н. Туполева. Среди них А.Д. Перелет, который стал основным испытателем туполевских самолетов. За высокое лётное мастерство ему было присвоено звание Героя Советского Союза, мемо-

А.Н. Туполев и ТУ-2 1943 г. г.Омск

личный состав Коростеньской школы пилотов. ОВАШП в 1943 г состояла из одной эскадрильи ПЕ-2, двух эскадрилий СБ, двух смешанных эскадрилий, одной эскадрильи Р-5. Два запасных батальона обеспечивали потребности в курсантском пополнении и несении караульной службы.

Самолетный парк училища состоял из 93-х ПЕ-2, 83-х СБ и 54-х Р-5. С 1941-го по 1945 год школа подготовила 2338 пилотов для бомбардировочной авиации, примерно столько же боевых летчиков было переучено пилотированию на новых типах самолетов. Курсанты летали на самолетах СБ, ПЕ-2, РСБ, ТУ-2, а всего за годы войны подготовлено более 2500 летчиков на самолеты СБ, ПЕ-2 и ТУ-2. После войны школа была переименована в Омское авиационное училище летчиков в составе трех учебных полков. После сокращения развернутых в войну полевых баз училище приобрело более компактный вид: остались гарнизоны в Кировском округе Омска, райцентрах Марьяновка, Любино. На смену ПЕ-2 пришли более современные самолеты – сначала Як-18, а потом Ил-28. В начале 50-х в жизни училища наступили перемены. Произошел переход на новый штат численностью 4394 человек. Были сформированы три новых учебных авиаполка. – 717 полк на учебных самолетах с базой на аэродроме Омск – центральный (командир полка полковник Защеренский). – 719 учебный полк на боевых машинах в г. Купино Новосибирской области (командир – майор Бельцов). – 724 учебный полк боевого применения в расположении с. Марьяновка (командир полка полковник Андреев). Для технического обеспечения работы этих полков были созданы 873, 874, 875 батальоны технического обслу-

живания. В ходе реформы вооруженных сил в 1960 году училище было расформировано. 100 самолетов Ил-28 были разрезаны на металлолом, а 59 переданы в другие соединения. Учебное заведение было преобразовано в Омское авиационное училище спецслужб гражданского воздушного флота и стало заниматься подготовкой техников по радиооборудованию и электроприборам. В 1969 году в нем вновь появилась летная специальность. Здесь стали готовить пилотов на самолет Ан-2, а затем на вертолеты Ми-8. В 1991 году училище переименовали в Омский летно-технический колледж имени Анатолия Ляпидевского. Сегодня это единственное учебное заведение в стране, которое готовит пилотов вертолетов для гражданской авиации. Не имея конкретных сведений об учёбе и службе Николая Филипповича, я вполне представляю и учебные годы, и вклад подполковника Михина Н.Ф. в дело подготовки лётного состава в ряды вооружённых сил и гражданской авиации СССР. Он как раз и был в рядах тех, кто учил молодых курсантов лётному делу. Значит, был талантливым учеником, если оставили обучать других. О встречах с Николаем Филипповичем и впечатлениях о них мы поговорим на страницах этой книги несколько позже.

Иван Филиппович, ещё один сын из плеяды Михинских соколов, был ярким представителем той категории людей, которые звёзд с неба не хватают, но с ними ходят в разведку. С учёбой он не очень дружил, да и не интересно было ему решать проблемы синусов и биномов Ньютона. У него были золотые руки, и они у него, как говорят в народе, росли из нужного места. При этом спокойный, даже, застенчивый человек. Не умел и не любил рисоваться. Ему было комфортно в тени, не на виду. Всю жизнь он занимался любимым делом, работая до войны механиком, всю войну готовил к полёту самолёты, будучи авиамехаником, а после войны остался верен своей профессии механика на холодильном комбинате. Сосватали его только в 30 лет, что для того времени было большой редкостью, но таков уж был Иван Филиппович. В воспоминаниях о фронтовых годах его брата всегда подчёркивали авторитет Ивана среди лётного состава, с кем он служил. Не знаю, откуда у них была эта информация, но, думаю, не последнюю роль при этом играл их опыт в лётном деле и знание характера, умелых рук брата, а также ордена и медали на его груди.

Так уж получилось, что я, дитя победы, гордился своими родственниками из числа авиаторов, особенно, когда они приезжали к нам в Забузан в своей лётной форме, но их фронтовые судьбы меня совсем не занимали. Ведь тогда само время было пропитано недосыгаемым авторитетом профессии лётчика, а что было в войну – ушло в героическое прошлое. Для меня тогда все фронтовики были герои поневоле, обречённые на героизм, защищая свои жизни, жизни близких людей, свою родину. Все фронтовики были для меня героями со слезами на глазах. А лётчики тогда воспринимались мною, как герои, которым хочется и нужно подражать. Вокруг них всегда звучали бравурные марши, но уж никак не слезы на глазах. И только слухи о потерянной могиле, о чём говорилось в 1-ой главе, окунули меня в военные будни, среди которых случались и героические поступки.

Проследившая фронтовую судьбу Якова Филипповича, я написал небольшую книгу, отрывки из которой привожу ниже.

Я не очень-то верил в правдивость слухов о героических подвигах моего дяди, считая их оправданно преувеличенными. На мой взгляд, все фронтовики – герои. И тот же Герман Филиппович, молодой с 1926 года рождения хлебнул военного лиха, будучи курсантом военного авиационного училища с 1944 года. И мой отец с 1906 года рождения, глава семьи, в которой уже народил 5 детей, профессиональный рыбак, попал на фронт непосредственно из рыбацкой артели, которая заготавливала рыбу, отправляя ее на передовую. Под Севастополем, при взятии Сапун-Горы, в результате ранения ему оторвало руку, и я всю свою жизнь знал лишь безрукого отца. Он, безрукий, оказался в той же рыбацкой артели, из которой ушел на фронт.

А Василий с четырьмя детьми, только что завербовавшись на Дальний восток, оказался на японском фронте, и после ранения вернулся домой вдовцом.

Мне было неважно – герой мой дядя или не герой, но он прошел всю войну военным летчиком, а мы, его родственники, даже не знаем, где его могила. Это, по меньшей мере, должно быть стыдно, особенно перед лицом «бессмертного полка». И вот что я узнал о моём дяде.

Из всех Забузанских соколов Михиных наиболее насыщенной фронтовыми эпизодами оказалась служба в авиации Якова Филипповича.

В армию Яков ушел добровольцем в 1933 году, попал в Астраханский аэроклуб, а оттуда в Борисоглебскую авиашколу. В 1939-40 годах воевал с белофинами, где в одном из воздушных боев совершил таран и был награжден Орденом боевого Красного Знамени. Как будто бы был ещё один таран, но об этом никому доподлинно неизвестно. Известно лишь, что умер и захоронен Яков Филиппович в Пензе, но могилу его найти не могут. Попробовал сделать запрос в Пензу, завязалась переписка, и через некоторое время меня пригласили приехать в этот город. Мол, в такой-то час будьте, пожалуйста, по такому-то адресу в такой-то аудитории. Вхожу. Меня аплодисментами встречает, в основном, молодёжь. Предлагают сесть на почётное место. Сажусь, оглядываюсь и вижу на стене биографические сведения о Якове Филипповиче.

Краткая биография Михина Якова Филипповича

Родился в 1914 году в селе Сокрутовка, ныне Владимирского района Астраханской области в многодетной семье. В 1921 году семья переехала в с. Забузан Красноярского района. В 1932 году окончил школу ФЗУ в Астрахани. С сентября того же года оказался в рядах Красной Армии. Окончил 2-ю Борисоглебскую военную авиационную школу лётчиков имени В.П. Чкалова. Служил в строевых частях ВВС.

Участник Советско-Финляндской войны 1939-1940 гг. в должности пилота 5-й эскадрильи 49-го ИАП (ВВС Северного фронта), летал на И-16. В воздушных боях сбил лично 1 самолёт противника (по другим источникам победа оформлена как групповая). В 1941 году лейтенант Я.Ф. Михин окончил курсы командиров эскадрилий.

5 побед

(5 + 0)

С июня 1941 года старший лейтенант Я. Ф. Михин на фронтах Великой Отечественной войны в должности заместителя командира эскадрильи 49-го ИАП, летал на И-16. С марта 1942 года командовал эскадрильей в 293-м ИАП (1-я Ударная авиагруппа Ставки ВГК, Западный фронт), летал на Як-1. 9 мая 1942 года тяжело ранен в воздушном бою, отправлен в госпиталь и в боевых действиях более не участвовал. К тому времени совершил 110 боевых вылетов, провёл 25 воздушных боёв, в которых лично сбил 4 самолёта противника.

С июля 1942 года и до конца войны капитан Я. Ф. Михин командовал 3-й эскадрильей 5-го перегонного авиационного полка (1-я перегонная авиационная дивизия), осуществлявшего поставки импортной авиатехники по Красноярской воздушной трассе в рамках ленд-лиза. Лично перегнал более 40 истребителей, а его эскадрилья – более 300.

После окончания войны продолжал служить в ВВС (в Эстонии, затем в Румынии), был заместителем командира полка, а с 1951 года – командир полка. С 1957 года полковник Я. Ф. Михин – в запасе. Жил с семьёй в Пензе. Умер 20 декабря 1958 года.

Награждён орденами: Красного Знамени (... 03.1940, 29.06.1942), Красной Звезды (13.03.1944, ...); медалями.

**Список известных воздушных побед Я. Ф. Михина:
Советско-Финляндская война 1939-1940 гг.**

Дата	Противник	Место падения самолёта или проведения воздушного боя	Свой самолёт
13.02.1940	1 «Гладиатор» (сбит тараном)	Вяртсиля	И-16
Всего сбитых самолётов – 1 + 0.			

Великая Отечественная война 1941-1945 гг.

Дата	Противник	Место падения самолёта или проведения воздушного боя	Свой самолёт
25.06.1941	1 Хе-111	Дрысвяты	И-16
29.06.1941	1 Ю-88	станция Идрица	
19.03.1942	1 Ме-109	Подберезье	Як-1
28.03.1942	1 Ме-109	станция Г ряды – Большая Вишера	
Всего сбитых самолётов – 4 + 0; боевых вылетов – 110; воздушных боёв – 25.			

Председатель этого собрания Казакова Лариса Владимировна предоставляет слово скромной девушке. Она делает доклад на тему: «**Военная история**»

Тема:
«ПОДВИГ ЛЕТЧИКА МИХИНА»

Выполнила ученица 10 класса
МБОУ СОШ №37 г. Пензы
Бузеу Наталья
Научный руководитель:

Казакова Лариса Владимировна – учитель истории МБОУ СОШ № 37

Пенза
2018

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	95
ГЛАВА I. Биография	97
ГЛАВА II. Советско-Финская война	97
ГЛАВА III. Великая Отечественная война	105
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	107
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:	108

ВВЕДЕНИЕ

Древние говорили: «Когда о войне забывают, начинается новая война». Вот почему и по прошествии многих десятилетий, мы вновь и вновь обращаемся к истории Великой Отечественной войны. Важно не только помнить о тех великих годах, но и знать историю простого человека, солдата, вставшего в лихую годину на защиту своей страны, своего дома, своей семьи. Сколько их было? Десятки, сотни миллионов?

Темой своего исследования мы решили взять военную судьбу летчика Михина Якова Филипповича, который захоронен на Митрофановском кладбище города Пензы.

Итак, цель моей работы – изучение документов, связанных с именем летчика Михина Якова Филипповича. Выяснить обстоятельства его подвига, совершенного во время советско-финской войны.

Предмет исследования: подвиг Михина Якова Филипповича

Задачи исследования:

1. Изучить материалы, связанные с судьбой Михина Якова Филипповича.
2. Собрать материалы с доступных интернет-порталов в рамках проекта «Народная книга памяти Пензенской области». Создать народную энциклопедию, в которую каждый желающий может внести известную ему информацию об участниках Великой Отечественной войны и советско-финской войны.

3. Провести анализ полученных данных, обработать информацию по нашему земляку Михину Якову Филипповичу, чей подвиг был забыт.

Предмет исследования: жизненный путь Михина Якова Филипповича.

Гипотеза исследования – поисковая работа, и изучение архивных документов, документов, размещенных на доступных интернет-порталах, посвященных солдатам Великой Отечественной войны, может способствовать выявлению новых фактов о подвигах воинов, совершенных в период Великой Отечественной и советско-финской войн.

В современных условиях большую роль играет патриотическое воспитание. В условиях информационных войн, которые ведутся со стороны западных стран, когда совершаются попытки переписать историю нашей страны и обесценить подвиги и заслуги народа, очень важно помочь молодому поколению разобраться в ситуации и установить правильные моральные и нравственные ориентиры. Актуальность данной исследовательской работы подтверждается результатами деятельности поискового отряда «Поиск-вездеход». Вот уже два года я являюсь членом поискового отряда, но еще ни разу не была участницей полевых поисковых экспедиций, но работа в поисковом отряде дает возможность разнопланово заниматься поисковой работой. Мы участвуем в различных проектах поискового движения таких как «Дорога к обелиску», мы занимаемся облагораживанием братских и госпитальных захоронений, устанавливаем мемориальные и памятные знаки и доски. В рамках проекта «Судьба солдата» помогаем жителям Пензенской области установить судьбу их родственников погибших или пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, используя ресурсы Министерства обороны Российской Федерации.

Но есть еще одно направление нашей работы – мы отвечаем на запросы от жителей других регионов нашей страны и ближнего зарубежья в поиске могил их родственников, умерших в госпиталях на территории Пензенской области.

В октябре 2017 года к нам пришел необычный запрос. К нам обращался Куранов Николай Петрович. Он просил найти могилу его дяди военного летчика Михина Якова Филипповича, который умер в Пензе в 1958 году. В письме также содержалась информация, что его дядя совершил двойной таран во время войны. При этом не было известно во время какой войны и где это было. Мы сразу же принялись за работу и составили несколько запросов в учреждения, которые могли содержать информацию о захоронении Михина Якова Филипповича. Запросы были направлены в Областной военный комиссариат, Отдел по организации захоронений на муниципальных кладбищах города Пензы в департаменте ЖКХ, Государственный архив Пензенской области.

Через несколько недель нам пришел ответ из Военного комиссариата Первомайского и Ленинского районов города Пензы Пензенской области. В письме сообщалось, что полковник в отставке Михин Яков Филиппович, 1914 года рождения, умер 20 декабря 1958 года и похоронен в городе Пензе на Митрофановском кладбище, могила № 4456.

Информация сразу же была направлена племяннику Куранову Николаю Петровичу. Он благодарил за проделанную работу и выразил желание посетить

могилу своего дяди. Между нами завязалась дружественная переписка, из которой мы узнали, что племянник стал автором самиздатовской книги «Забузановские соколь», которую он посвятил своему деде Михину Якову Филипповичу. Встреча с Николаем Петровичем была намечена на 8 мая 2018 года. Мы решили подготовиться к встрече и провести исследование по боевому пути Михина Якова Филипповича, чтобы презентовать его на встрече.

ГЛАВА I. БИОГРАФИЯ

Яков Филиппович Михин (1914 — 20 декабря 1958) — советский лётчик, полковник ВВС; совершил первый и единственный воздушный таран в советско-финской войне, однако только недавние исследования финских архивов позволили установить подробные обстоятельства тарана.

Родился в 1914 году в селе Сокрутовка Черноярского уезда Астраханской губернии (ныне Ахтубинский район, Астраханская область). Из многодетной семьи. Объективным показателем неординарности его родителей Филиппа и Татьяны Алексеевны является тот факт, что многие из их сыновей стали образованными людьми, достигли высот в самой модной, почти недоступной тогда для сельского жителя, профессии летчика.

Окончил школу фабрично-заводского ученичества в Астрахани в 1932 году и 2-ю Борисоглебскую военную авиационную школу лётчиков имени В. П. Чкалова. Служил в строевых частях советских военно-воздушных сил (ВВС) с сентября 1932 года. Член ВКП(Б) с 1939 года.

В годы советско-финской войны служил в 49-м истребительном авиационном полку ВВС 13-й армии Северо-Западного фронта, имел звание старшего лейтенанта. Участник Советско-Финляндской войны 1939-1940 гг. в должности пилота 5-й эскадрильи 49-го ИАП (ВВС Северного фронта), летал на И-16. В воздушных боях сбил лично 1 самолёт противника (по другим источникам победа оформлена как групповая). Попробуем разобраться, как же было дело на самом деле.

ГЛАВА II. СОВЕТСКО-ФИНСКАЯ ВОЙНА

Советско-финская война 1939-1940 гг. была, пожалуй, первым конфликтом в истории СССР, в котором применение авиации было широкомасштабным и велось на огромной территории — от Балтийского до Баренцева моря. Всего с 30.11.1939 по 13.03.1940 советские ВВС совершили 84307 боевых вылета, 92 авиатора получили звание Героя Советского Союза, в том числе комбриг С.П. Денисов стал дважды Героем.

К сожалению, в когорту Героев Советского Союза не вошел пилот 49-го ИАП лейтенант Яков Филиппович Михин, который, несомненно, был достоин этого высокого звания — 13 февраля 1940 года он таранил финский самолет, причем таран подтверждается финскими источниками.

Страница журнала «Смена» за февраль 1941 г. со статьей про подвиг летчика Михина Увеличенное фото лейтенанта Михина на фоне хвостового оперения его И-16. Подпись гласит: «Летчик Михин вернулся после воздушного боя на полевой аэродром». Автор фото – фронтовой корреспондент Л. Коробов

В советском журнале «Смена» за февраль 1941 года была опубликована статья о воздушном бое, который провели 13 февраля 1940 года пилоты так называемой группы А.Г. Ткаченко (5-я эскадрилья 49-го ИАП и 2-я эскадрилья 72-го САП). Эта заметка была впервые напечатана 15 февраля 1940 года в красноармейской газете «Ленинский путь», так сказать, по горячим следам. В статье было описано, как в схватке лейтенант Михин столкнулся с финским самолетом, причем этот эпизод автор публикации описывает именно как воздушный таран, приводя неопровержимые данные:

Содержание статьи:

«Вчера в нашей газете сообщалось о воздушном бое, произошедшем между советскими и белофинскими истребителями, во время которого было сбито четыре белофинских самолета. Подробности боя на одном из участков, где было сбито два самолета, таковы. Нашим истребителям была поставлена задача – разведать и бомбить важный военный объект белофиннов. Группу истребителей вел летчик-орденоносец Кочмала.

На подходе к цели наши самолеты были встречены несколькими истребителями типа «Фоккер Д-21», которые пытались помешать выполнению боевой задачи. Тогда летчик Федотов и летчик Михин атаковали белофиннов, остальные, ведомые Кочмалой, настойчиво шли к своей цели. Летчик Михин

Подпись к снимку гласит: «Летчик Михин у своего моноплана после посадки на полевом аэродроме. Здесь собрались авиатехники и инженеры, изумленные необычайной поломкой крыла»

Реконструкция внешнего вида И-16 тип 5 лейтенанта Я.Ф. Михина.
Художник Александр Казаков

произвел несколько стремительных атак и ударом крыла отсек у финского истребителя хвостовое оперение. «Фоккер» перешел в штопор и врезался в землю. От сильного удара самолет Михина содрогнулся, часть крыла деформировалась, но, несмотря на это, смелый летчик благополучно посадил самолет на свой аэродром». Летчик Федотов своими атаками помешал белофинским истребителям нарушить полет наших самолетов, что позволило им дойти до цели, разведать ее и сбросить бомбы.

На помощь белофиннам поднялось еще несколько самолетов, и скоро в воздухе оказалось одиннадцать белофинских истребителей против восьми наших. По сигналу Кочмалы наши самолеты вступили в воздушный бой. Летчики Мурзин, Заниздра, Согин смело нападали на белофинских стервятников. Скоро еще один самолет типа «Глостер-Гладиатор» был сбит, и, объятый пламенем, врезался в землю. Остальные белофинские самолеты разбежались по принципу «спасайся кто может».¹

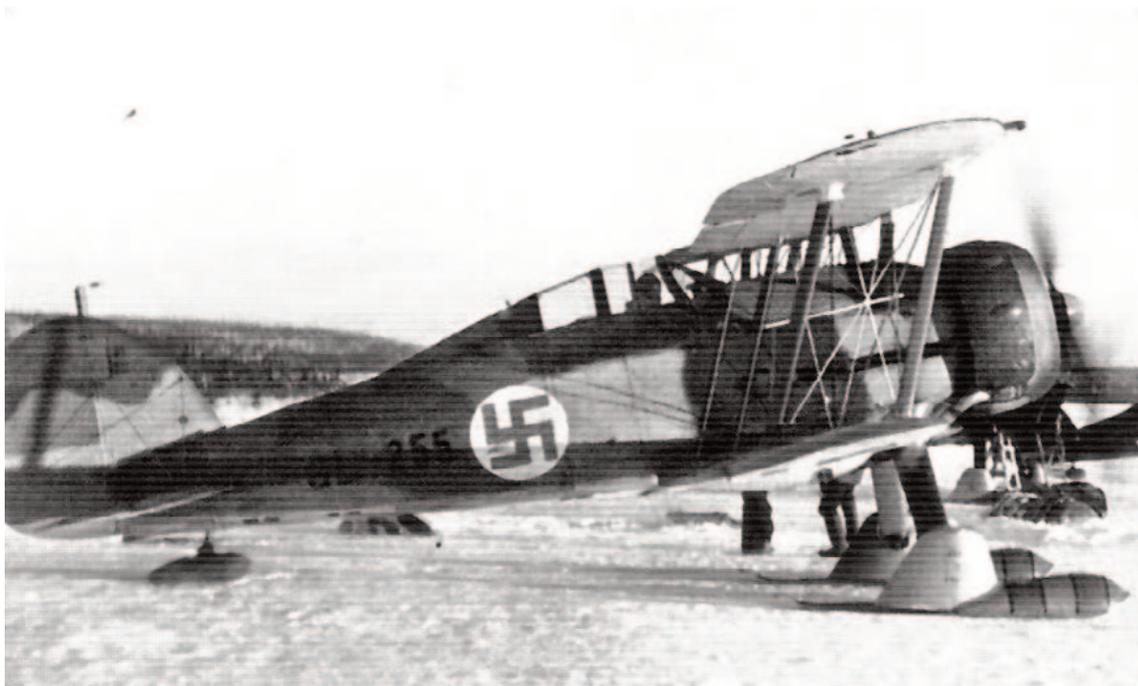
Почему в статье пишут, что участниками боя с советской группой были «Фоккеры Д-21», да и Михину по итогам боя тоже засчитали победу над «Фоккер Д-21», сказать сложно, – скорее всего, из-за банального отсутствия информации о наименованиях и типах самолетов противника. Довольно странно то, что Федотов не заявил победу в этом бою. Возможно, это произошло из-за того, что атака была выполнена в пикировании на высокой скорости, и будущий ас не был уверен в результатах стрельбы.

Тем не менее, в историческом формуляре 49-го ИАП этот эпизод трактуют довольно бесстрастно и именно как столкновение: «В воздушном бою с самолетом противника получил повреждение самолета от удара плоскостью. Произвел посадку на своем аэродроме благополучно». Судя по всему, сам автор тара-рана не счел нужным излишне раздувать свой героический поступок, кроме того, видимо, сыграло роль отдельное от штаба 49-го ИАП базирование группы Ткаченко, в результате чего нужного фона событию не мог обеспечить и политсостав полка. Отсутствие полноценного штаба группы Ткаченко послужило причиной того, что в российских архивах осталось минимальное количество документов о деятельности группы, в результате чего события 13 февраля освещены крайне скудно, однако из-за наличия статьи в журнале «Смена», а также отрывочных финских отчетов и воспоминаний хронику событий в целом можно попробовать восстановить.

В тот день шестерка бипланов И-15бис группы Ткаченко, ведущий старший политрук М.А. Кочмала (зам. командира 5-й эскадрильи 49-го ИАП), получила задание атаковать наземные цели в районе Вяртсиля, возможно, в том числе и аэродром финской эскадрильи 2./LLv 26. Прикрытие ударной группы осуществляла пара И-16 49-го ИАП (лейтенанты Я.Ф. Михин и А.А. Федотов).

Упомянутая выше 2./LLv 26 в составе 9 истребителей Глостер «Гладиатор» (летчики Ойва Туоминен, Лаури Лаутамяки, Илмари Йонсуу, Пентти Тевя, Ниило Артола, и датские добровольцы Карл-Кнут Калмберг и Йорн Ульрих)

¹ К. Keskinen, K. Stenman. «Suomen Ilmavoimat» II, 1941

Глостер «Гладиатор» Mk.II (GL-256) из состава 2./LLv 26, на котором 13.02.1940 летал Илмари Йонсуу

Глостер «Гладиатор» Mk.II (GL-255) из состава 2./LLv 26, на котором 13.02.1940 летал Ойва Туоминен (К. Keskinen, К. Stenman. «Suomen Ilmavoimat» II, 1941)

во главе с лейтенантом Эйно Кивиненом, буквально за пять дней до этого, 9 февраля, сменила в Вяртсиля истребители «Фоккер» D.XXI из состава LLv 24. В составе группы были обстрелянные пилоты, имевшие на своем счету победы над советскими самолетами, в том числе один из лучших асов финских ВВС Ойва Туоминен. Истребители Глостер «Гладиатор» также ни в чем не уступали советским И-15бис и И-16 тип 5, кроме того, все английские самолеты были оснащены радио, что, несомненно, давало определенное преимущество финским пилотам в воздушном бою.

Днем ранее, 12 февраля, пилоты 2./ LLv 26 отражали атаки советских бомбардировщиков, которые действовали по финским коммуникациям в районе северо-восточнее Сортовалы. 13 февраля финны ожидали продолжение налетов и держали самолеты в готовности к немедленному вылету, однако время шло, а сведений об обнаружении советских самолетов не поступало.

В 15:00 по московскому времени (финское время – 14:00) на взлет пошла пара «Гладиаторов», пилоты Туоминен и Лаутамяки были направлены для патрулирования в район ж/д станции Янисъярви. Далее, в 15:15 взлетел Йорн Ульрих. Напарник датчанина, к сожалению, не известен (возможно, он летел один), нет данных и о районе патрулирован

Туоминен и Лаутамяки находились в воздухе около 30 минут, когда их терпение было вознаграждено – примерно в 10 км восточнее Янисъярви над озером Суйстамо они заметили группу советских бомбардировщиков и сразу же напра-

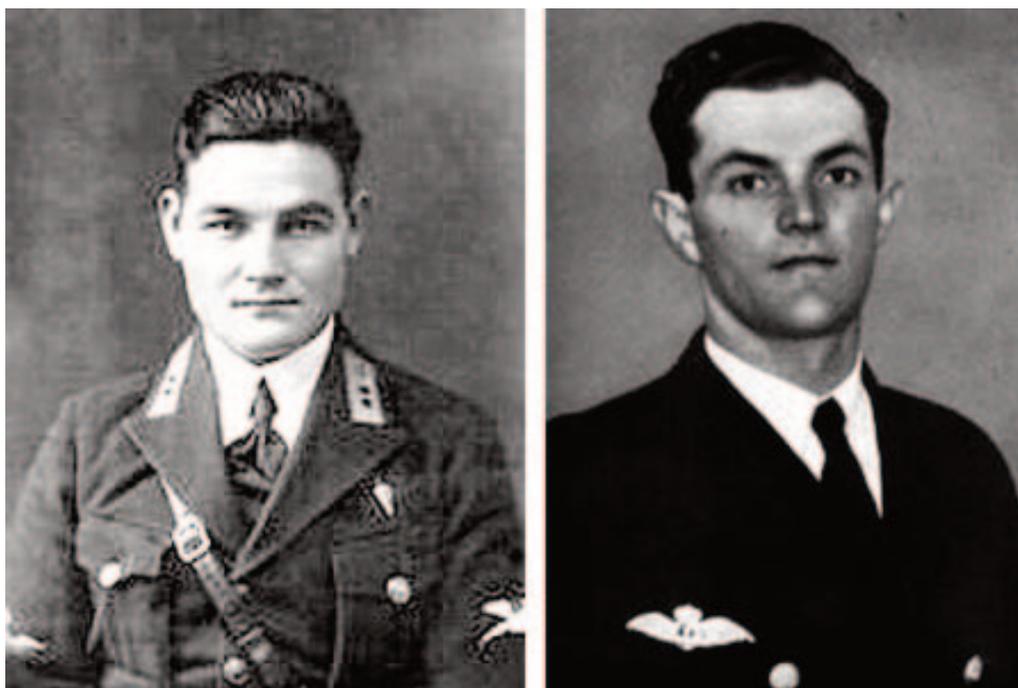

**Реконструкция внешнего вида «Гладиатора» Ойвы Туоминена с предыдущего снимка.
Художник Александр Казаков**

вились в сторону противника, предварительно сообщив об этом по радио на аэродром. Получив доклад, около 15:30 им на помощь начали взлетать дежурившие в самолетах с прогретыми двигателями Калмберг и Кивинен, а за ними стали запускать моторы остальные пилоты эскадрильи.

Однако заняться бомбардировщиками им не пришлось, так как практически сразу после взлета финны увидели подхажившую с севера большую группу советских истребителей. По докладу финских пилотов их противниками стали 9 И-15, по другим данным они насчитали даже 30 советских бипланов! Времени на анализ ситуации и принятие решения у финских пилотов, видимо, просто не было, так как советские самолеты заходили в атаку на их аэродром, поэтому Кивинен и Калмберг сразу же атаковали группу «бисов». Это было роковое решение, так как находившиеся в группе прикрытия Михин и Федотов тут же стремительно атаковали финскую пару.

Удар «ишачков» был абсолютно внезапным – финские пилоты так и не поняли, кто их атаковал, и сочли, что в составе советской группы были исключительно И-15. В итоге подбитый Федотовым Кивинен с трудом смог спланировать на свой аэродром и посадил поврежденный «Гладиатор» (бортовой GL-263), в котором позже насчитали 15 пробоин, а вот Калмбергу повезло гораздо меньше – его самолет был сбит, а сам датский доброволец погиб. Судя по описаниям, Михину сразу сбить противника не удалось. Финский пилот попытался схитрить и ввел свой самолет в пикирование, из которого вышел над самой землей, но Михин тоже был «стреляным воробьем», и уловка Калмберга не сработала. Когда он попытался набрать высоту, советский истребитель догнал его и ударил крылом.

Лейтенант Яков Филиппович Михин Лейтенант Карл-Кнут Калмберг (Carl Knut Kalmborg)

«Гладиатор» (бортовой GL-260), сорвался в штопор и упал в районе Хавуваары, в чем финские и советские описания совпадают.

К сожалению, дальнейшие события восстановить в хронологическом порядке довольно сложно. Финские источники не упоминают об атаке советскими истребителями своего аэродрома, а вот из описания советских действий следует, что самолеты ударной группы таки смогли *«дойти до цели, разведать ее и сбросить бомбы»*. После чего их якобы атаковали поднявшиеся с аэродрома финские истребители:

«На помощь белофиннам поднялось еще несколько самолетов, и скоро в воздухе оказалось одиннадцать белофинских истребителей против восьми наших. По сигналу Кочмалы, наши самолеты вступили в воздушный бой. Летчики Мурзин, Заниздра, Согин смело нападали на белофинских стервятников. Скоро еще один самолет типа «Глостер-Гладиатор», был сбит и, объятый пламенем, врезался в землю. Остальные белофинские самолеты разбежались по принципу «спасайся, кто может».

А вот как выглядел этот эпизод по воспоминаниям финнов (из статьи А. Андреева «Ойва Туоминен», журнал «История Авиации» № 5/2000:

«Шесть советских истребителей встали в «испанский круг», приняв оборонительную тактику, в то время как одно звено отошло немного в сторону и стало набирать высоту. Именно это звено напало на пару Кивинен – Калмберг, когда те атаковали шестерку И-15бис. «Гладиатор» Калмберга получил несколько попаданий, и его пилот попытаться уйти пикированием, но это не удалось – в какой-то момент Калмберг попытался выйти из пике, резко переведя истребитель в кабрирование, но советские летчики сработали четко – когда самолет «завис», то получил новую порцию пуль. Видимо на этот раз был по-

врежден двигатель или убит пилот, так как «Гладиатор» быстро вошел в неуправляемый штопор и упал. Самолет командира финского отряда тоже получил повреждения двигателя, но Кивинен, введя свой биплан в пологое пикирование, сумел оторваться от преследователей и благополучно приземлиться в Вяртсиля. К тому времени бой почти утратил всякую управляемость и превратился в настоящую свалку, где каждый был сам за себя...»

По итогам боя отметим, что ударная группа советских самолетов выполнила задание. К сожалению, ничего не известно об уроне, нанесенном финским наземным целям, и был ли он вообще. Пилоты 2./ЛЛв 26 не смогли помешать налету, и в этом несомненная заслуга принадлежит паре прикryтия И-16 Михин – Федотов, которая эффективно выполнила свою задачу. Вышедшая в атаку на ударную группу пара «Гладиаторов» Кивинен – Калмберг была нейтрализована, один самолет сбит, а второй совершил вынужденную посадку из-за боевых повреждений. Не совсем понятно, участвовала ли пара Михин – Федотов в воздушном бою над аэродромом. Если судить по статье, то получается, что Михин ушел на свой аэродром, а Федотов продолжил бой в составе общей группы, но вполне возможно, что в последующем воздушном бою пилоты И-16 вообще не принимали участия. Тем не менее, дело было сделано, численное превосходство теперь было у советской группы, и оставшиеся у финнов 2-3 истребителя не могли помешать их атаке. Единственное что им удалось – это сбить один из И-15бис. Причем, вполне вероятно, что это стало возможно только после прибытия к месту боя Ульриха, который мог, был не один, а в паре с тем же Йонсуу. Только в результате атаки этой свежей пары погиб Кочмала, тем не менее, преломить ход боя финнам не удалось, и сбитый «Гладиатор» Ульриха лучшее этому подтверждение. Конечно, вряд ли финны «разбежались по принципу «спасайся кто может», но и советским истребителям явно никто не мешал спокойно возвратиться на свой аэродром.

Наверняка, результат боя был бы другим, вернись вовремя к Вяртсиля пара Туоминен – Лаутамяки, но они предпочли продолжить атаковать беззащитные СБ, в чем, собственно, изрядно преуспели.

Что касается непосредственно тарана Михина – очевидно, что он вцепился в Калмберга мертвой хваткой и явно не собирался выпускать. После первой атаки советский пилот следовал за «сбитым» «Гладиатором», и при попытке датского добровольца выйти из пике вновь атаковал его и вогнал в землю. Сказать со стопроцентной уверенностью, что Яков Филиппович Михин совершил преднамеренный таран, наверное, не правильно, однако по факту получился именно таран, причем результативный. Видимо, в силу собственной скромности Михин не «трубил о героическом таране», а руководство авиагруппы не оценило его поступок по неизвестным причинам. В итоге к званию Героя Советского Союза Михин даже не представлялся, хотя не секрет, что зачастую это звание в тот период получали за гораздо менее значимые подвиги. Но Факт тарана Михина не оспаривался, и за это он официально был награжден орденом **Красного Знамени**. К сожалению, я не могу показать наградной лист на первый Орден Красного знамени, так как на порталах Министерства обороны РФ размещены награды, полученные в период Великой Отечественной войны, а сведения о наградах полученных ранее содержатся в Российском Государственном военном архиве, и предоставляются только родственникам.

ГЛАВА III. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

В дальнейшем фортуна вполне благоволила Якову Филипповичу Михину. Он участвовал в Великой Отечественной войне с 22 июня 1941 г. по 15 июля 1942 г., сначала в должности заместителя командира эскадрильи «родного» 49-го ИАП, затем командовал эскадрилей 293-го ИАП. Совершил 110 боевых вылетов, провел 25 воздушных боев, лично сбил 4 самолета, был награжден орденом Красного Знамени и Красной Звезды. 29 июня 1941 года, пилотируя свой самолёт, он вылетел для отражения налёта на станцию Идрица Псковской области. В воздушном бою он ввязался в бой против бомбардировщика Ju-88: израсходовав весь боекомплект, старший лейтенант Михин пошёл на таран и протаранил вражескую машину. Немецкий самолёт упал на землю и взорвался: сдетонировали не сброшенные из бомболока Ju-88 бомбы. Тяжело раненный Михин приземлился на парашюте, после чего был подобран пехотинцами и доставлен в госпиталь. За данный подвиг Михин был награжден вторым Орденом Красного знамени – Фронтовой приказ №: 56/н От: 29.06.1942

Издан: ВС Волховского фронта

Вот описание его подвига из Наградного листа.

С первых дней войны - 22.6.1942г. тов. МИХИН проявил себя как подлинный патриот Социалистической Родины, бесстрашный летчик-истребитель и умелый, требовательный командир руководитель эскадрильи. Участник боев в Финляндии, где за проявленную доблесть и героизм был награжден орденом "КРАСНОГО ЗНАМЕНИ".

За время Отечественной войны лично произвел 110 боевых вылетов. Провел 25 воздушных боев и лично сбил 4 самолета противника. Среди личного состава эскадрильи пользуется большим авторитетом. Летчики любят его и смело идут в бой за своим командиром, в воздушный бой вступает смело, активно навязывая его врагу. Обладая высоким чувством взаимной выручки тов. МИХИН неоднократно рискуя жизнью помогал другим летчикам и спасал их.

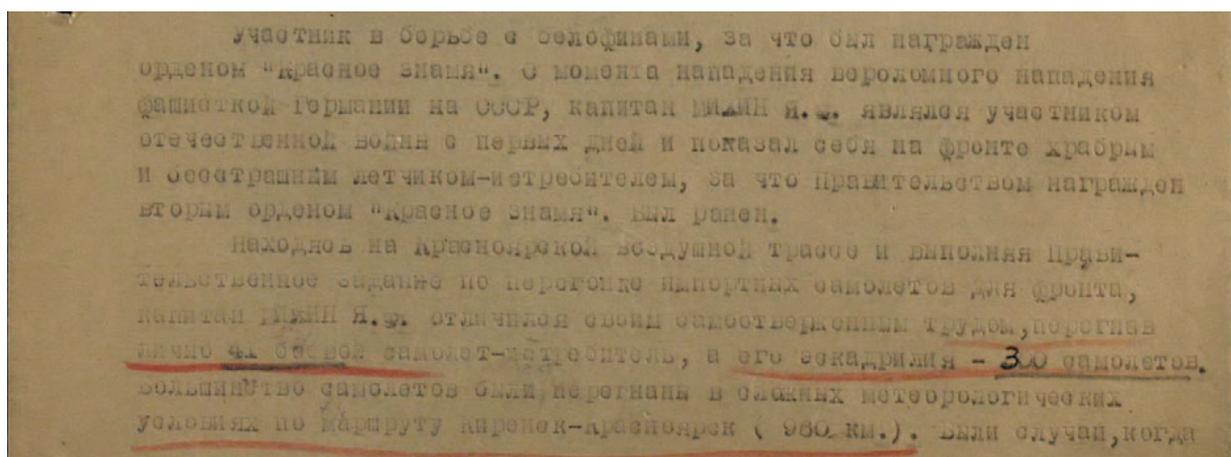
Так 28.3.42г. при выполнении боевого задания на штурмовку наземного врага один экипаж ведомой им пара подвергся атаке четырех Me-109 и двух Me-115 тов. МИХИН несмотря на тройное превосходство врага смело бросаясь на врага и сбил один самолет Me-109. В этом бою тов. МИХИН был ранен в руку, а самолет его подбит. Несмотря на это тов. Михин мастерски посадил самолет на болото.

9.5.42г. тов. МИХИН отбил атаку двух Me-115 наведомого им летчика и будучи подбитым и раненым в воздухе, выбросился на парашюте. В время операций УАГ-1 СВГК по содействию частям 51 А тов. МИХИН командуя эскадрилей проявил себя как требовательный и талантливый командир руководитель и бесстрашный воздушный боец.

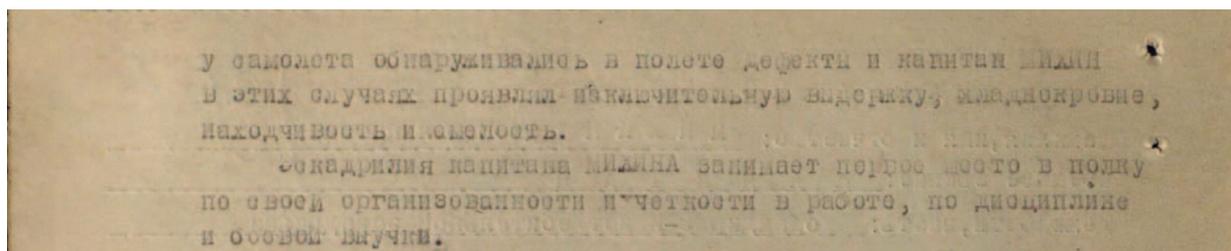
Эскадрилья руководимая тов. МИХИНЫМ бесстрашно штурмует наземного врага. В воздушных боях его эскадрилей сбито 16 самолетов противника.

ЗА ДОБЛЕСТЬ И ГЕРОИЗМ ПРОЯВЛЕННОЕ В БОЯХ С НЕМЕЦКИМИ ОККУПАНТАМИ ТОВ.МИХИН ДОСТОИН ВЫСШЕЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ НАГРАДЫ ОРДЕНА "КРАСНОЕ ЗНАМЯ".

В звании капитана Михин дальше воевал в составе 293-го истребительного авиаполка, командуя эскадрилей. Всего он совершил 110 боевых вылетов, в 25 воздушных боях одержал 4 победы.

После госпиталя и тяжелого ранения Яков Филиппович Михин с середины июля 1942 года — командир эскадрильи 6-го перегоночного полка. Служил в этой должности до конца войны и был награждён орденом Красной Звезды. 13 марта 1944 года, находясь на Красноярской воздушной трассе, выполняя правительственное задание по перегонке импортных самолетов для фронта, капитан Яков Михин отличился своим самотверженным трудом, перегнав 41 самолет-истребитель, а его эскадрилья — 300 самолетов, большинство из которых в сложных метеоусловиях по маршруту Киренек-Красноярск (общая протяженность пути составляла 980 км.). Эскадрилья капитана Михина занимает первое место в полку по своей организованности, по дисциплине и боевой выучке.²

Последний его приезд в село, где родился, запомнили в военной форме (а он всегда приезжал в военной форме с орденами) в звании полковника. Говорил, что его списывают, что сердце совсем ни к черту и врачи настоятельно советуют перебраться в Пензу, к сосновым лесам».

В 1957 году ушёл в запас. Жил с семьёй в Пензе. Скончался от инфаркта в возрасте 44 лет 20 декабря 1958 года, оставив вдовой молодую жену с двумя дочерьми.

Награждён дважды орденами Красного Знамени, трижды орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией», «30 лет Советской Армии и Военно-Морского Флота».

² <http://podvignaroda.ru/>

**Список известных воздушных побед Я. Ф. Михина
Советско-Финляндская война 1939-1940 гг.³**

Дата	Противник	Место падения самолёта или проведения воздушного боя	Свой самолёт
13.02.1940	1 «Гладиатор» (сбит тараном)	Вяртсиля	И-16
Всего сбитых самолётов – 1 + 0.			

Великая Отечественная война 1941-1945 гг.

Дата	Противник	Место падения самолёта или проведения воздушного боя	Свой самолёт
25.06.1941	1 Хе-111	Дрысвяты	И-16
29.06.1941	1 Ю-88	станция Идрица	
19.03.1942	1 Ме-109	Подберезье	Як-1
28.03.1942	1 Ме-109	станция Гряды – Большая Вишера	
Всего сбитых самолётов – 4 + 0; боевых вылетов – 110; воздушных боёв – 25.			

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К сожалению, в когорту Героев Советского Союза не вошел пилот 49-го ИАП лейтенант Яков Филиппович Михин, который, несомненно, был достоин этого высокого звания – 13 февраля 1940 года он таранил финский самолет, причем таран подтверждается финскими источниками. Наша гипотеза подтвердилась.

Поисковая работа и изучение архивных документов, документов размещенных на доступных интернет-порталах, посвященных солдатам Великой Отечественной войны, способствует выявлению новых фактов о подвигах воинов, совершенных в период Великой Отечественной и советско-финской войны.

Если бы не запрос Куранова Николая Петровича, мы бы никогда не узнали, что у нас в Пензе похоронен человек, который совершил единственный таран в годы советско-финской войны и практически был удостоен звания Героя Советского союза.

³ РГВА, фонд 34912, опись 3, дело 382. Исторический формуляр 49-го ИАП.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. РГВА, фонд 34912, опись 3, дело 382. Исторический формуляр 49-го ИАП.
2. K. Keskinen, K. Stenman. «Suomen Ilmavoimat» II, 1941.
3. А. Андреев «Ойва Туоминен», журнал «История Авиации», № 5/2000.
4. <http://podvignaroda.ru/>
5. <https://pamyat-naroda.ru/heroes/>
6. <https://obd-memorial.ru/html/>

Майор Я.Ф. Михин (четвёртый слева во втором ряду) с группой товарищей на Аляске. Лето 1943 года.

Слушал я доклад ученицы средней школы №37 г. Пензы о боевом пути моего дяди, и весь я наполнялся благодарностью, граничащей с благодатью.

Благодарностью к этой девочке, к её соратникам, к их учителю и командиру отряда «Поиск-вездеход» Казаковой Ларисе Владимировне, к ветерану войны Михиной Нине Николаевне. Они укрепили во мне веру в добро и бескорыстие, в неразрывную связь поколений, в необходимости не забывать, а почитать и уважать заслуги ушедших поколений, любить и помогать молодому поколению. И ещё – они наглядно показали мне бессмертие того самого бессмертного полка. Пока я думал об этом, то как-то и не заметил, что оказался на кладбище, перед той самой могилой Михина Якова Филипповича, которую все родственники считали затерянной. На меня, как живой, смотрел Яков Филиппович Михин. В его взгляде сквозила уверенность – уверенность в сегодняшнем и завтрашнем днях. Так может смотреть лишь человек, ко-

торый всю свою жизнь отдал служению людям, друзьям, родственникам, родине. Ни фотография, ни сам памятник, казалось, совсем не подвержены воздействию времени, дождя и ветра. Лишь ограда, да даты на памятнике указывали на долгожительность захоронения.

Не могу не сказать и о той боли, постигшей меня у могилы. Мне перед лицом героя было стыдно за тех, кто приложил свою руку к такой нехоти ранней смерти. Не о фашистах я подумал, а о тех, кто обещал предоставить квартиру не щадящему свою жизнь человеку ради победы, да каждый раз откладывал «обещалки». Не перенесло чистое сердце героя очередного отказа, ведь он умел честно работать и доблестно воевать. А просить и унижаться Яков Филиппович не умел и не хотел этому учиться.

Работая сейчас над этой книгой, я обратил внимание, что в тексте доклада пензенского поисковика говорится не только о таране в финскую войну, но и о таране в Великую Отечественную войну. Однако в заключении высказывается сожаление о том, что первый его таран не получил должного признания в виде присвоения звания Героя Советского Союза. А о втором таране автор предпочёл забыть, по-видимому, не твёрдо веря в этот факт. Тогда я сам продолжил поиск, и вот что я нашёл на сайте Борисоглебской авиашколы.

Михин Яков Филиппович

Родился в 1914 году в селе Сокрутовка ныне Владимирского района Астраханской области. Русский.

Окончил 2-ю Борисоглебскую военную авиационную школу лётчиков имени В. П. Чкалова.

Участник советско-финляндской войны 1939-1940 годов.

В одном из воздушных боёв на истребителе И-16 таранил финский самолёт. Свой самолёт с обломанной плоскостью довёл до аэродрома и совершил посадку.

Заместитель командира эскадрильи 49-го истребительного авиационного полка (Северный фронт) старший лейтенант Михин Я. Ф. 29 июня 1941 года вылетел для отражения налёта на станцию Идрица Псковской области. В воздушном бою, израсходовав все боеприпасы, таранил бомбардировщик Ju-88. Тот упал и взорвался на собственных бомбах. Тяжело раненый Михин, приземлился на парашюте. Был подобран пехотинцами и доставлен в госпиталь.

Позже был командиром эскадрильи.

После войны продолжал служить в ВВС.

С 1957 года полковник Михин – в запасе.

Награждён 3 орденами Красного Знамени.

Источник: <http://aeroram.narod.ru/win/taran.htm>

Об этом же писал в своих заметках Герман. Я нашёл документальное подтверждение второго тарана и могу утверждать, что Михин Я. Ф. единственный человек на земле, который участвуя в двух войнах, совершил два воздушных тарана и остался жив. Но остался вопрос, почему, в таком случае, он не герой Советского Союза?

Зная судьбу Якова, могу предположить, даже, утверждать, что дело в судьбе его довоенной жены, а не только в скромности Якова. Его молодая жена была осуждена вместе с её отцом как враги народа. Этот факт знаю, но не более. Думаю, что это случилось, пока он воевал с белофиннами. Какое уж тут звание Героя Советского Союза. Написав это, вспомнил один факт из своей биографии, когда меня, уже известного учёного и коммуниста по убеждениям не принимали в коммунистическую партию. При этом говорили, зачем, мол, тебе нужен партбилет, если ты и так коммунист по убеждению?! Вот и я сейчас говорю всем, кто читает эту книгу: «Какая разница, присвоили или нет звание Героя Советского Союза Якову по каким-то там не связанным с этим обстоятельством, если он на самом деле совершил эти геройские поступки?! Я лично считаю Якова

Филипповича дважды Героем Советского Союза!»

А что же старший из пятёрки Забузанских соколов Михин Тимофей Филиппович?

Он с 1932 года стал профессиональным военным в авиации, служил на Дальнем Востоке. Немудрено, что Тимофей попал в пекло военных действий на Халхин-Голе.

Бои на Халхин-Голе — необъявленный локальный вооружённый конфликт, продолжавшийся с весны по осень 1939 года у реки Халхин-Гол на территории Монголии (примерно 900 км на восток от Улан-Батора) у границы Маньчжоу-го с МНР. Заключительное сражение произошло в конце августа и завершилось полным разгромом 23-й пехотной дивизии 6-й отдельной армии Японии. Перемирие между СССР и Японией было заключено 15 сентября 1939 года.

В советской историографии эти события, как правило, называются «военным конфликтом». Часть японских историков считает, что это была настоящая локальная война, причём некоторые авторы называют её «*Второй русско-японской войной*» — по аналогии с войной 1904—1905 гг.

К 1930-м гг. в Японии, бедной природными ресурсами, сложилась экономика, имеющая экспортно-импортный характер. Страна импортировала сырьё и экспортировала готовую продукцию. Для этого необходимо было иметь контролируемые источники сырья и рынки сбыта. Как рынок сбыта готовой продукции использовался многомиллионный Китай, а в качестве источников сырья японским руководством рассматривались СССР или Юго-Восточная Азия и острова Тихого океана. После революции и гражданской войны в России возможность создания сырьевой базы на основе СССР казалась предпочтительнее. В 1932 году завершилась оккупация Маньчжурии японскими войсками. На оккупированной территории было создано марионеточное государство Маньчжоу-го, которое планировалось использовать как плацдарм для дальнейшей агрессии против Китая, Монголии и СССР. Для организации плацдарма необходимо было создать в Маньчжурии соответствующую инфраструктуру, а так как там не производилось ничего, то всю промышленную продукцию следовало завезти. Первоначально рассматривался вариант создания для этого морского порта в эстуарии реки Туманная, для чего было необходимо будущий порт обезопасить от возможного уничтожения Красной Армией. Сделать это Японии не удалось: летом 1938 года между советскими и японскими войсками у озера Хасан произошёл двухнедельный конфликт, закончившийся победой СССР. К 1939 году Япония завершила оккупацию Центрального Китая и немедленно приступила к строительству железной дороги от Калгана на Халун-Аршан с перспективой выхода в Маньчжурии на Ганьчжур. Цель прежняя — организация плацдарма для нападения на СССР.

По мнению советской стороны, начало конфликту положили требования японской стороны о признании реки Халхин-Гол границей между Маньчжоу-го и Монголией, хотя граница проходила на 20-25 км восточнее. Основной при-

чиной такого требования являлось желание обеспечить безопасность строящейся японцами в этом районе в обход Большого Хингана железной дороги *Халун-Аршан — Ганьчжур* к границе СССР в районе Иркутска и озера Байкал, так как местами расстояние от дороги до границы было всего два-три километра. Для обоснования своих претензий японскими картографами были сфабрикованы подложные карты с границей по Халхин-Голу и *«издан специальный приказ об уничтожении ряда авторитетных справочных японских изданий, на картах которых приводилась правильная граница в районе реки Халхин-Гол»*, В 1935 году начались столкновения на монголо-маньчжурской границе. Летом того же года начались переговоры между представителями Монголии и Маньчжоу-го о демаркации границы. К осени переговоры зашли в тупик.

12 марта 1936 года между СССР и МНР был подписан «Протокол о взаимопомощи». С 1937 года в соответствии с этим протоколом на территории Монголии были развёрнуты части Красной Армии в виде 57-го Особого корпуса, которым последовательно командовали комдивы И. С. Конев и Н. В. Фекленко. К маю 1939 года численность корпуса составила 5544 чел., в том числе 523 командира и 996 младших командиров.

В 1939 году после смены в январе японского правительства напряжённость на границе усилилась. Стал выдвигаться лозунг расширения японской империи «вплоть до Байкала». Участились нападения японских войск на монгольских пограничников. В то же время Япония обвиняла Монголию в преднамеренном нарушении границ Маньчжурии.

В период с 22 по 28 мая в районе конфликта сосредотачиваются значительные силы. В составе советско-монгольских войск было 668 штыков, 260 сабель, 58 пулемётов, 20 орудий и 39 бронемашин. Японские силы под командованием полковника Ямагата составляли 1680 штыков, 900 сабель, 75 пулемётов, 18 орудий, 6-8 бронемашин и 1 танк.

28 мая японские войска, обладая численным превосходством, перешли в наступление, имея целью окружить противника и отрезать его от переправы на западный берег Халхин-Гола. Советско-монгольские войска отступили, но план окружения сорвался во многом благодаря действиям батареи под командованием старшего лейтенанта Ю. Б. Вахтина.

На следующий день советско-монгольские войска провели контрнаступление, оттеснив японцев на исходные позиции.

Хотя на земле в июне не произошло ни одного столкновения, в небе с 22 мая развернулась воздушная война. Первые столкновения показали преимущество японских авиаторов. Так, за два дня боёв советский истребительный полк потерял 15 истребителей, в то время как японская сторона — всего одну машину¹.

Советское командование приняло радикальные меры. 29 мая из Москвы в район боевых действий вылетела группа лётчиков-асов во главе с заместителем начальника ВВС РККА Я. В. Смушкевичем. 17 из них были героями Советского Союза, многие имели боевой опыт войны в Испании и Китае. Они приступили к обучению пилотов, реорганизовали и укрепили систему воздушного наблюдения, оповещения и связи.

Фекленко был отозван в Москву, а на его место по предложению начальника оперативного отделения Генерального штаба М. В. Захарова был назначен Г. К. Жуков. Начальником штаба корпуса стал прибывший вместе с Жуковым комбриг М. А. Богданов. Вскоре после прибытия в июне в район военного конфликта начальником штаба советского командования был предложен новый план боевых действий: ведение активной обороны на плацдарме за Халхин-Голом и подготовка сильного контрудара по противостоящей группировке японской Квантунской армии. Наркомат обороны и Генеральный штаб РККА согласился с выдвинутыми предложениями Богданова. К району боевых действий стали стягиваться необходимые силы: войска подвозились по Транссибирской железнодорожной магистрали к Улан-Удэ, а далее по территории Монголии они следовали походным порядком на 1300—1400 км

Воздушные бои возобновились с новой силой с 20 июня. В сражениях 22, 24 и 26 июня японцы потеряли более 50 самолётов.

Ранним утром 27 июня японской авиации удалось нанести внезапный удар по советским аэродромам, что привело к уничтожению 19 машин (японцы потеряли 2 бомбардировщика и 3 истребителя).

Весь июнь советская сторона занималась обустройством обороны на восточном берегу Халхин-Гола и планированием решающего контрнаступления. Для обеспечения господства в воздухе сюда были переброшены новые советские модернизированные истребители И-16 и «Чайка», которыми впервые в мире были применены боевые неуправляемые ракеты «воздух-воздух», позднее использованные для создания систем залпового огня. Так, в результате боя 22 июня, который получил широкую известность в Японии (в этом бою сбит и взят в плен известный японский лётчик-ас Такэо Фукуда, прославившийся во время войны в Китае)^[8], было обеспечено превосходство советской авиации над японской и удалось захватить господство в воздухе. Всего в воздушных боях с 22 по 28 июня японские авиационные силы потеряли 90 самолётов. Потери советской авиации оказались гораздо меньшими — 38 машин.

В это же время, 26 июня, было сделано первое официальное заявление советского правительства по поводу событий на Халхин-Голе. По советскому радио прозвучали слова «ТАСС уполномочен заявить...». Новости с берегов Халхин-Гола появились на страницах советских газет. К концу июня штабом Квантунской армии был разработан план новой пограничной операции под наименованием «Второй период номонханского инцидента». В общих чертах он был идентичен майской операции японских войск, но на этот раз помимо задачи окружения и уничтожения советских войск на восточном берегу реки Халхин-Гол перед японскими войсками ставилась задача форсировать реку Халхин-Гол и прорвать оборону Красной Армии на оперативном участке фронта. Реализацией этого плана стало Баин-Цаганское сражение.

Вокруг горы Баян-Цаган развернулись ожесточённые бои. С обеих сторон в них участвовало до 400 танков и бронемашин, более 800 артиллерийских орудий и сотни самолётов. Советские артиллеристы вели огонь по противнику прямой наводкой, а в небе над горой в отдельные моменты находилось до 300 самолётов с обеих сторон. Особенно отличились в этих боях 149-й стрелковый полк

майора И. М. Ремизова и 24-й мотострелковый полк И. И. Федюнинского.

На восточном берегу Халхин-Гола к ночи 3 июля советские войска ввиду численного превосходства противника отошли к реке, сократив размер своего восточного плацдарма на её берегу, однако ударная группировка японцев под командованием генерал-лейтенанта Масаоми Ясуоки не выполнила поставленной перед нею задачи.

Группировка японских войск на горе Баян-Цаган оказалась в полуокружении. К вечеру 4 июля японские войска удерживали только вершину Баян-Цагана — узкую полосу местности в пять километров длиной и два километра шириной. 5 июля японские войска начали отступление в сторону реки. Для того, чтобы заставить своих солдат драться до последнего, по приказу японского командования был взорван единственный понтонный мост через Халхин-Гол, имевшийся в их распоряжении. В конце концов, японские войска у горы Баян-Цаган начали повальное отступление с занимаемых позиций к утру 5 июля. По оценке некоторых российских историков на склонах горы Баян-Цаган погибло более 10 тысяч японских солдат и офицеров, хотя по оценкам самих японцев их общие потери за весь период боевых действий составили 8632 чел. убитыми. Японской стороной были потеряны почти все танки и большая часть артиллерии. Эти события стали известны как «Баян-Цаганское побоище».

Результатом этих боёв явилось то, что в дальнейшем, как позже Жуков отмечал в своих мемуарах, японские войска «больше не рискнули переправляться на западный берег реки Халхин-Гол». Все дальнейшие события происходили на восточном берегу реки.

Однако японские войска продолжали оставаться на территории Монголии, и военное руководство Японии планировало новые наступательные операции. Таким образом, очаг конфликта в районе Халхин-Гола сохранялся. Обстановка диктовала необходимость восстановить государственную границу Монголии и кардинально разрешить этот пограничный конфликт. Поэтому Жуков стал планировать наступательную операцию с целью полного разгрома всей японской группировки, находившейся на территории Монголии.

Во время подготовки советским командованием наступательной операции советских и монгольских войск был тщательно разработан и неукоснительно соблюдался план оперативно-тактического обмана противника. Все передвижения войск в прифронтовой полосе производились только в тёмное время суток, категорически запрещалось вводить войска в исходные для наступления районы, рекогносцировки на местности командным составом проводились только на грузовых автомашинах и в форме рядовых красноармейцев^[8]. Для введения противника в заблуждение в ранний период подготовки к наступлению советская сторона по ночам с помощью звуковых установок имитировала шум движения танков и бронемашин, самолётов и инженерных работ. Вскоре японцам надоело реагировать на источники шумов, поэтому во время реальной перегруппировки советских войск их противодействие было минимальным. Также всё время подготовки к наступлению советской стороной велась активная радиоэлектронная борьба с противником. Зная, что японцы ведут активную радиоразведку и прослушивают телефонные переговоры, в целях дезинформа-

ции противника была разработана программа ложных радио- и телефонных сообщений. Переговоры велись только о строительстве оборонительных сооружений и подготовке к осенне-зимней кампании. Радиообмен в этих случаях строился на легко дешифруемом коде.

Несмотря на общее превосходство в силах японской стороны, к началу наступления Штерну удалось достичь почти трёхкратного превосходства в танках и в 1,7 раза в самолётах. Для проведения наступательной операции были созданы двухнедельные запасы боеприпасов, продовольствия и горюче-смазочных материалов. Для перевозки грузов на расстояние в 1300—1400 километров было задействовано более 4 тысяч грузовиков и 375 автоцистерн. Следует отметить, что один автомобильный рейс с грузом и обратно длился пять дней^[8].

Перед началом наступления, по состоянию на 20 августа 1939 года,

– общая численность советских и монгольских войск составляла 35 пехотных батальонов, 20 кавалерийских эскадронов, 216 полевых и 286 противотанковых орудий, 40 миномётов, 2255 станковых и ручных пулемётов, 498 танков, 346 бронемашин, 581 самолёт^[24];

– общая численность японских войск составляла 25 пехотных батальонов, 17 кавалерийских эскадронов, 135 полевых и 142 противотанковых орудий, 60 миномётов и бомбомётов, 1238 станковых и ручных пулемётов, 120 танков и бронемашин, 450 самолётов

Наступление советско-монгольских войск, начавшееся 20 августа, оказалось полной неожиданностью для японского командования.

В 6 часов 15 минут началась мощная артиллерийская подготовка и авиационный налёт на позиции противника. В воздух были подняты 153 бомбардировщика и около 100 истребителей. В 9 часов началось наступление сухопутных войск. В первый день наступления атакующие войска действовали в полном соответствии с планами, за исключением заминки, случившейся при переправе танков 6-й танковой бригады, так как при переправе через Халхин-Гол не выдержал тяжести танков наведённый сапёрами понтонный мост.

Наиболее упорное сопротивление противник оказывал на центральном участке фронта, где у японцев имелись хорошо оборудованные инженерные укрепления. Здесь наступающим удалось за день продвинуться всего на 500—1000 метров.

Хорошо действовала в это время и советская авиация. Только за 24 и 25 августа бомбардировщики СБ совершили 218 боевых групповых вылетов и сбросили на противника около 96 тонн бомб. Истребителями за эти два дня в воздушных боях было сбито около 70 японских самолётов.

В целом же следует отметить, что командование 6-й японской армии в первый день наступления не смогло определить направление главного удара наступающих войск и не предприняло попытки оказать поддержки своим войскам, оборонявшимся на флангах. Бронетанковые и механизированные войска Южной и Северной групп советско-монгольских войск к исходу 26 августа соединились и завершили полное окружение 6-й японской армии. После этого началось её дробление отсекающими ударами и уничтожение по частям.

В целом японские солдаты, в основном пехотинцы, как отмечал позднее

Жуков в своих мемуарах, дрались крайне ожесточённо и исключительно упорно, до последнего человека. Часто японские блиндажи и дзоты захватывались только тогда, когда там уже не было ни одного живого японского солдата. В результате упорного сопротивления японцев 23 августа на Центральном участке фронта советскому командованию пришлось даже ввести в бой свой последний резерв: 212-ю авиадесантную бригаду и две роты пограничников. При этом оно шло на немалый риск, так как ближайший резерв командующего — монгольская бронетанковая бригада — находилась в Тамцак-Булаке в 120 километрах от фронта.

Неоднократные попытки японского командования провести контратаки и деблокировать окружённую в районе Халхин-Гола группировку закончились неудачей. 24 августа полки 14-й пехотной бригады Квантунской армии, подошедшие из Хайлара к монгольской границе, вступили в бой с 80-м стрелковым полком, прикрывавшим границу, однако ни в этот день, ни на следующий пробиться не смогли и отошли на территорию Маньчжоу-Го. После боёв 24—26 августа командование Квантунской армии до самого конца операции на Халхин-Голе не пыталось больше деблокировать свои окружённые войска, смирившись с неизбежностью их гибели.

Политическая обстановка на Дальнем Востоке была в 1939 г. явно не в пользу СССР. Боевые действия на территории МНР совпали с переговорами японского министра иностранных дел Хатиры Ариты с английским послом в Токио Робертом Крейги. В июле 1939 года между Англией и Японией было заключено соглашение, по которому Великобритания признала японские захваты в Китае (тем самым, оказав дипломатическую поддержку агрессии против МНР и её союзника — СССР). В это же время правительство США продлило на шесть месяцев денонсированный 26 января торговый договор с Японией, а затем полностью восстановило его. В рамках соглашения Япония закупила грузовики для Квантунской армии, станки для авиазаводов на 3 млн долларов, стратегические материалы и др. Новое эмбарго было наложено только 26 июля 1941 года. Однако официальная позиция правительства США не означала полного прекращения торговли. Товары и даже стратегическое сырьё продолжали поступать в Японию вплоть до начала войны с США.

Победа СССР в конфликте на Халхин-голе имела кардинальные, далеко идущие геополитические последствия. В Японии поражение и одновременное (23 августа) подписание советско-германского договора о непадении привело к правительственному кризису и отставке кабинета Хиранумы Киитиро. Новое японское правительство 4 сентября заявило, что ни в какой форме не намерено вмешиваться в конфликт в Европе, а 15 сентября подписало соглашение о перемирии, приведшее 13 апреля 1941 года к заключению советско-японского пакта о нейтралитете. Так как в традиционном противостоянии японских армии и флота в 1939 г. победила «морская партия», отстаивавшая идею экспансии в Юго-Восточной Азии и на острова Тихого океана, японская военная промышленность стала больше производить морских вооружений, нежели сухопутных (корабельную артиллерию, а не полевую, не танки, а авианосцы и др.), иными словами — Япония стала перестраивать структуру военной промыш-

Д. А. Медведев вручает российские награды ветеранам Халхин-Гола (Улан-Батор, 2009)

ленности и вооружённых сил для войны на море и вскоре приступило к захвату источников сырья в Океании. В 1940 г. Япония оккупировала Северный Индокитай, в 1941 г. завершила его полную оккупацию, 7 декабря 1941 г. напала на США, начав военные действия на Тихом океане. В феврале 1942 г. Япония завершила оккупацию Малайи, в мае — Бирмы, Индонезии и

Филиппин. Японские вооружённые силы действовали решительно, энергично, последовательно, однако, направление экспансии Японии для СССР стало опасным. Более того — СССР, имея в 1939 г. только одного союзника, МНР, получил сильного потенциального союзника в лице США.

Победа СССР и МНР на Халхин-Голе стала одной из главных причин отказа от нападения Японии на СССР во время Великой Отечественной войны. Сразу после начала войны Генеральный штаб Японии, учитывая, в том числе, и опыт Халхин-Гола, принял решение вступить в войну против СССР только если Москва падёт до конца августа. В ответ на требование Гитлера в телеграмме от 30 июня немедленно выполнить свои союзнические обязательства и ударить по СССР с востока, на заседании Совета министров 2 июля было принято окончательное решение ждать, пока Германия не будет побеждать наверняка.

События на Халхин-Голе стали также важным элементом пропаганды в СССР. Её суть сводилась к идее непобедимости Красной Армии в будущей войне. Участники трагических событий лета 1941 года позднее много раз отмечали вред излишнего оптимизма в канун большой войны.

В докладе Жукова о результатах операции: «Итого общие потери японцев за два месяца нами определяются в 52-55 тысяч человек, из них убито не менее 23-25 тысяч». Это общая информация о событиях, в которых участвовал Тимофей Филиппович. Посмотрим на Халхин-Гол с точки зрения проблем нашей авиации в этой войне.

1938 год закончился неудачно для советской авиационной промышленности. Вследствие кризиса и стагнации при плане в 7425 боевых самолетов всех типов произведено было лишь 4885. Закончившаяся же весной 1939 г. гражданская война в Испании выявила отставание советской авиации от других стран, в первую очередь нацистской Германии. Не был исключением и авиазавод №21 имени Орджоникидзе — основной поставщик истребителей для ВВС РККА, выполнивший годовой план лишь на 76%. Казавшийся перспективным

в середине тридцатых, И-16 стремительно устаревал и уже не мог на равных тягаться с новыми машинами. Тем не менее, никакой реальной замены «ишаку» пока не было. Посему на 1939 г. предприятию был определен план в 1800 истребителей. Основной модификацией оставался И-16 тип 10 с четырьмя 7,6-мм пулеметами ШКАС, но с нового года он выпускался уже с модернизированным мотором М-25В. Тем временем в НИИ ВВС был испытан новый вариант лицензионного «Райт циклона» — М-62, который дал прирост скорости 4%. Следующая модификация мотора — М-63 давала увеличение еще на 9%, в результате чего И-16 мог разгоняться до 440 км/час. В дальнейшем предполагалась установка двигателя М-64 мощностью 900 л. с. Однако производственников, как и военных, в этот период волновала не столько модернизация истребителя, сколько проблема качества выпущенной техники, которая по-прежнему носила острый характер. Аварии и постоянные поломки происходили не только на испытаниях, но и в строевых частях. Характерный пример — катастрофа, произошедшая 16 августа в одной из частей, дислоцировавшихся в Пермской области. Летчик Михаил Загуляев выполнял полет на И-16. Согласно заданию самолет достигал высоты 6000 м, после чего выполнял пикирование. На высоте 2000 м он внезапно потерял управление и перешел в беспорядочный полет. При этом начали отваливаться крылья, детали и части фюзеляжа истребителя. Все эти обломки рухнули на землю в районе деревни Козубаево на поля местных колхозников. Летчик погиб. Прибывшая на место комиссия установила, что в эпицентре катастрофы лежал мотор с винтом и труп самого Загуляева. В радиусе 30 м валялись изувеченные обломки самолета и винто-моторной группы. Остальное было разбросано вокруг в радиусе 1,3 км. Причиной аварии была признана «недостаточная прочность конструкции при физиологически допустимых перегрузках». А судмедэкспертиза, в свою очередь, определила, что Загуляев «был жив до конца» и погиб от удара о землю. Акты и отзывы ВВС РККА за 1939 г. свидетельствуют о массовых отказах амортизаторов, обрывах хомутов, кронштейнов креплений, разрывах сварных швов, прогорании выхлопных патрубков, образовании трещин на моторах и т. п. Завод неоднократно получал письма из различных инстанций с указанием на низкое качество самолетов. Впрочем, «получал письма» не только «двадцать первый», но и многие другие предприятия авиастроительной отрасли. «Обо всех дефектах заводы неоднократно ставились в известность, однако ничего не сделано, — констатировалось в одной из таких многочисленных бумаг. — Сообщения о конструкционных и производственных дефектах поступают сплошным потоком, причем преобладающее количество является многократно повторяющимся, что свидетельствует об игнорировании актов о дефектах и призывов по борьбе за снижение аварийности». Поломки и аварии снижали темпы и качество боевой подготовки, сильно подрывали боеспособность истребительных частей. Иногда из 20 самолетов девятнадцать требовали капитального ремонта и простаивали. «Ишаки», выпущенные в 1936—1937 гг., имели десятки эксплуатационных дефектов и поломок. Так, согласно дефектной ведомости на И-16 тип 5 № 521341 (1936 г. выпуска), налетавший 52 часа и совершивший 293 посадки, самолет имел 30 дефектов в винтомоторной группе, 28 в центроплане, 30 в фюзеляже и

19 в шасси. УТИ-4 тип 15 № 1521173 (1936 г. выпуска), налетавший 209 часов и совершивший 218 посадок, имел 128 дефектов. И-16 тип 5 № 521241 (1937 г. выпуска), налетавший всего лишь 89 часов, уже проходил пять текущих и один средний ремонт и вновь имел 32 эксплуатационных дефекта. Причем абсолютное большинство их являлось не следствием неправильной эксплуатации, а именно преждевременного износа и выхода из строя деталей. Нужно ли было в таких условиях сражаться и умирать на монгольской земле? Но не дело солдата ставить так вопрос. Это вопрос для руководства вооружёнными силами страны. А ситуация была такова. В 1931—1932 гг. японские войска захватили Маньчжурию. На оккупированной территории было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го, которое планировалось использовать как плацдарм для дальнейшего расширения границ Великой Японии. Начало конфликту с Советским Союзом положили требования японской стороны о признании реки Халхин-Гол границей между Маньчжоу-Го и Монголией, хотя граница проходила на 20—25 км восточнее. Основной причиной такого требования являлось желание обеспечить безопасность строящейся японцами в этом районе в обход Большого Хингана железной дороги Халун-Аршан—Ганьчжур к границе СССР в районе Иркутска и озера Байкал. В 1935 г. начались столкновения на монголо-маньчжурской границе. Летом того же года начались переговоры между представителями Монголии и Маньчжоу-Го о демаркации границы, которые вскоре зашли в тупик. Между тем сталинское руководство также рассматривало Монголию как важный плацдарм для дальнейшего расширения советского влияния в Азии. 12 марта 1936 г. между СССР и Монгольской Народной Республикой (МНР) был подписан «Протокол о взаимопомощи». С 1937 г. в соответствии с этим протоколом на территории страны были развернуты части Красной армии. В 1938 г. между советскими и японскими войсками в районе озера Хасан произошел первый двухнедельный конфликт. Напряжение на границе между Монголией и Маньчжурией продолжало расти. Периодически происходили стычки и перестрелки, обе стороны обвиняли друг друга в нарушениях границы. Особенно обстановка накалилась весной 1939 г. Ночью 8 мая группа японцев с ручным пулеметом попыталась скрытно занять принадлежавший МНР остров посредине реки Халхин-Гол, но после короткой перестрелки с пограничниками отступила. Через три дня отряд уже японской кавалерии совершил рейд на глубину 15 км на монгольскую территорию и атаковал с тыла пограничную заставу на высоте Номон-Хан-Бурд-Обо. А 14 мая в воздухе впервые появилась уже японская авиация. Разведотряд 23-й пехотной дивизии атаковал 7-ю пограничную заставу МНР и занял высоту Дунгур-Обо. При этом пять самолетов с восходящим солнцем на фюзеляжах наносили по объекту штурмовые удары. 15 мая к занятой высоте японцами были переброшены резервы, в том числе 7 бронемашин и танк. Командование 57-го особого стрелкового корпуса комдива Н.В. Фекленко, по-видимому, получив директивы из Кремля, решило действовать. Утром 17 мая к Халхин-Голу была послана группа в составе трех мотострелковых рот, саперной роты и артиллерийской батареи РККА. Одновременно туда же направился и дивизион бронемашин монголов. 22 мая советские войска перешли Халхин-Гол и отбросили японцев

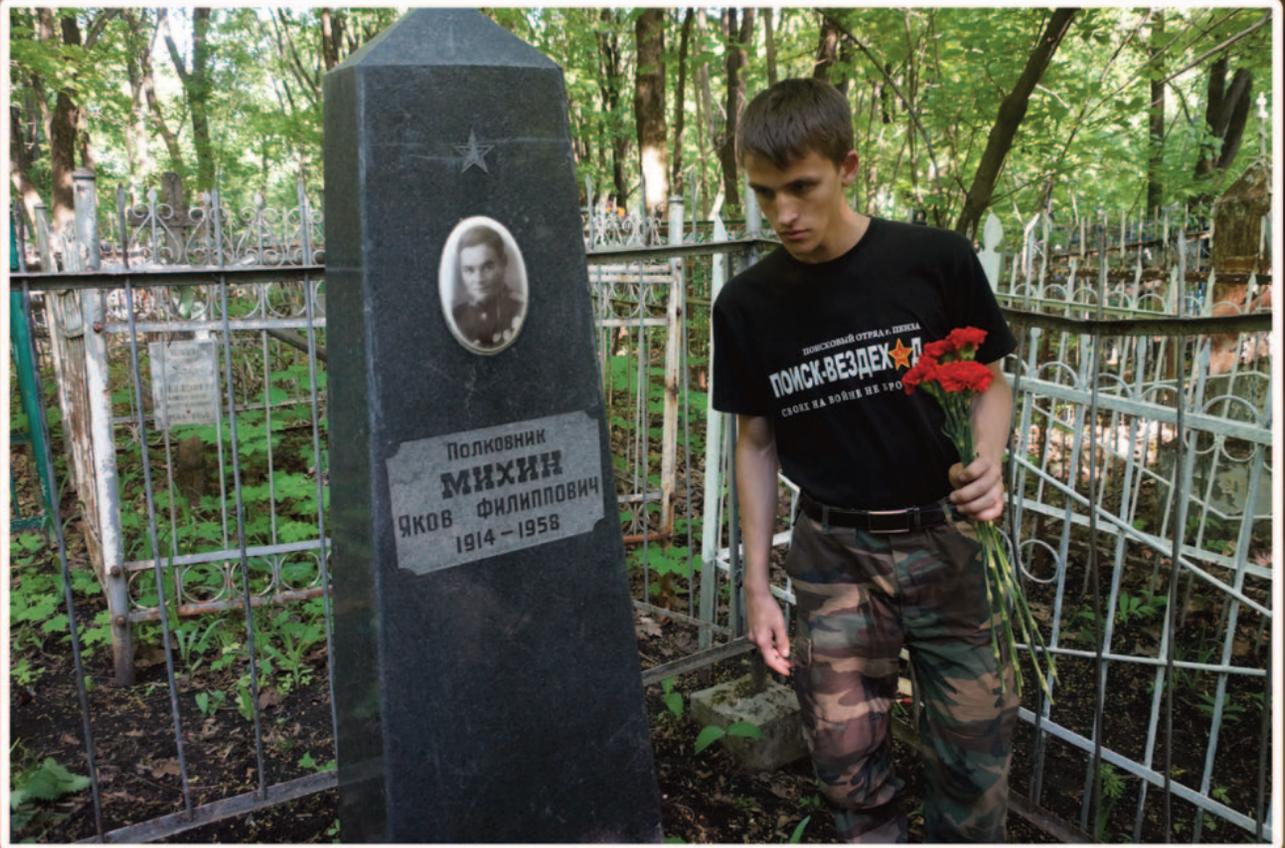
к границе. Так началась настоящая война. Собственно, война в воздухе здесь началась с того, что 21 мая японские истребители Ki-27 перехватили над границей и сбили связной самолет Р-5Ш, летевший в 6-ю монгольскую кавалерийскую дивизию.

В конце августа в воздушной войне, наконец, наступил перелом. 25 августа японцам при потере нескольких своих машин впервые не удалось сбить ни одного советского самолета. 29-го числа сбито четыре Ki-27 при потере одного И-16. Летчик Ивори Сакаи вспоминал: «Я совершал по четыре—шесть вылетов в день и под вечер уставал так, что, заходя на посадку, почти ничего не видел. Вражеские самолеты налетали на нас подобно огромной черной туче, и наши потери были очень, очень тяжелы... На сухопутном фронте императорские войска были окружены и 31 августа полностью разгромлены. Потери советской авиации за август составили 77 самолетов, в том числе 39 И-16. Причем шестнадцать из них были, согласно советским данным, утрачены из-за поломок.

Последние события имели место уже 14 и 15 сентября, когда в Европе уже вовсю шла война между нацистской Германией и Польшей. Напоследок, зная о скором перемирии, японцы решили нанести авиаудары по советским аэродромам. В первый день в атаке участвовали 10 бомбардировщиков в сопровождении 45 истребителей. Их пытались перехватить 75 И-16 и 15 И-153. Однако потерь с обеих сторон не было. 15 сентября сразу 200 истребителей и бомбардировщиков атаковали аэродром Тамсаг-Булак. Предчувствуя близкое окончание войны, советские летчики расслабились и оказались попросту не готовы к нападению. Только своевременное прибытие большой группы И-16 с другого аэродрома позволило выправить ситуацию. В итоге в результате этого последнего сражения императорская авиация лишилась девяти истребителей, ВВС РККА — шести (1 И-16 и 5 И-153). Этот эпизод показал, что японцы вовсе не разгромлены и, по-прежнему, в состоянии сражаться. Об участии Тимофея Филипповича во второй японской войне известно лишь то, что в одном из многочисленных боёв его самолёт был сбит, он сам тяжело ранен, а после выздоровления до самой победы над Японией он оставался в авиационных войсках на Дальнем Востоке. Известно также, что он был награждён Орденом Ленина, который красовался на наградной подушке во время похорон этого скромного, мужественного человека.

Так распорядилась судьба в тяжёлые военные годы с обитателями крестьянского гнезда Михиных из небольшого села Забузан, что раскинулось в дельте Волги в Красноярском районе Астраханской области. Забузанские соколы готовили боевые машины к бою, осваивали новые образцы самолётов, обучали молодых курсантов лётному делу, пополняя личный состав фронтовых авиационных бригад. Они сбивали и таранили вражеские самолёты в финской, германской и японской войнах. Наступила долгожданная победа, смертельная опасность отступила. Жизнь продолжается, а, значит, возникают новые проблемы, задачи, трудности. Надо с ними справляться уже не всем «колхозом», т.е. гнездом, а каждому в отдельности, ведь у каждого эти проблемы свои. Зато питающие соки этого самого гнезда, родительского дома для всех одинаковы. Проследим, как они помогают и питают, сказываются на разных судьбах.

6. Из жизни самого молодого сокола

У меня есть уникальная возможность проследить некоторые нюансы послевоенной жизни младшего сокола по его дневниковым записям.

6.1. Как учили летать

Мы расстались с дневниковыми записями, когда Герман радовался нашей победе и на радостях познакомился с девушкой.

Это было мое первое знакомство с девушкой в Армии. Жила она далеко от воинской части с мамой, я встречался с ней непродолжительное время. Однажды, находясь в карауле, я почувствовал сильную боль у стопы правой ноги. Днем я уже не мог опустить ногу и пролежал до смены в карауле. Затем была мучительная ночь и утром отвезли меня в больницу, где молодая врач, взглянув на мою всю опухшую, багровую ногу, с тревогой, сорвавшимся голосом, сказала, чтобы везли в госпиталь. Меня отвезли в свой лазарет, где через сутки-двое сделали операцию. Была флегмона – сильный нарыв. Лазарет располагался недалеко, где жила Валя и она приходили ко мне несколько раз. В это время в школу прибыла группа выпускников Одесской спецшколы ВВС, среди которых был Самгородецкий Александр Павлович.

Полеты были прекращены, поплыли разные слухи-утки. Страна переходила на мирный путь дальнейшего развития народного хозяйства, Армия сокращалась, победители возвращались с фронта. В один из дней Майкоп встречал своих фронтовиков. Наши курсанты помогали городским властям в обеспечении встречи машинами. Останавливали любой автомобиль и ехали на нем на вокзал. К поезду вышел весь город, привокзальная площадь не уместила всех встречающих. Как только остановился поезд, грянул марш «Прощание славынки», толпа загудела, вышли первые победители и сразу оказались в объятиях встречающих, гул перешел в крики и рыдания. Плакали от радости и от горя, держась и обнимая фронтовиков, некоторых из них несли на руках. Затем их вместе с встречавшими на автомашинах и бричках развозили по домам.

Обстановка подсказывала, что система подготовки летчиков будет меняться, программа обучения будет без сомнения увеличена и отбор летчиков будет более жестким.

Вскоре обстановка прояснилась, наша школа и Краснодарская ВАШП вливается в Армавирскую школу, в которой будет шесть полков, в т.ч. в Майкопе.

Рана после операции затянулась, но всех в лазарете продолжают держать, да они и не рвались. Вечерами мы пели на улице песни, они получались у нас хорошо, а днем, стоя на улице, ко мне часто подходили и обращались адыгейцы. Чем-то я им напоминал своего, но я к сожалению, не знал ни слова. Товарищи сообразили, все стали одевать халаты, а мне больную ногу подвязали и вид стал как будто без нее. Мне вручали подарки, главным образом съедобные, а товарищи их уносили. Один раз мы все лазаретом пошли на прогулку в сады. Проходя по саду, к нам выскочил запыхавшийся сторож, увидев необычных посетителей в госпитальных халатах, оторопел. Неподалеку слышен был вопрошающий настойчивый голос: «Кум, спиймав хоть одного?» Но кум молчал от неожиданности. А голос настойчиво требовал ответа. Наконец кум крикнул в ответ: «Та не герчи!» Потом он сочувственно нам сказал, чтобы мы хоть ветки не ломали. Мы набрали, в основном, виноград и спокойно вернулись в лазарет, усмехались, вспоминая забавный диалог кума с кумой. Вскоре нашим товарищам в полку нашли работу – заготовливать дрова недалеко от города, на хуторе Шунтук; нас пока не трогали. Как-то перед вечером к моему знакомому по пехоте – Кудинову Е.Ф. пришла белокурая девушка по имени Зина и передала ему сверток от уехавших товарищей в Шунтук. Она рассказала интересующие нас новости, затем приносила несколько раз нам фрукты из своего сада. Начало августа 1945 года ознаменовалось важным событием в международной жизни. Наши войска громили Квантунскую армию Японии, приближался мир на планете Земля. Затем было сообщение, что американцы сбросили на два Японских города по одной бомбе, которые их полностью разрушили. Верилось и не верилось тогда в силу нового оружия.

Вот она какая – жизнь. Отгремела страшная война, а на пороге уже новые угрозы. Да какие – атомные. Но пока не до угроз. Жизнь заставляет снова решать проблемы выживания. Война, особенно та, Вторая Мировая, не могла пройти, не оставив следа на многие годы. Огромные жертвы в виде погибших на фронте, умерших с голоду, ушедших раньше времени под грузом несчастий и ненастий. Все это шквалом обрушилось на российский народ, почти не каждую ее семью, в т.ч. и на то крестьянское «гнездо», о котором идет здесь речь. Время лечит. Без этого свойства человечество не могло бы пройти свой эволюционный путь. Точнее, мне кажется, говорить, что в результате эволюционного развития человека и общества, выработалась это, необходимое для выживания, свойство. Длительность «лечения» зависит от многих факторов, но самый минимальный срок, мне кажется, лежит в районе десяти лет. За это время вернулся из плена Григорий Филиппович и как-то адаптировался в мирной жизни, почти потеряв связь со своими родителями и родственниками, направив свою жизнь, как говорят в народе, «под дуду жены». Василий Филиппович без жены, с четырьмя детьми вернулся с Дальнего Востока. Дед с бабушкой ему купили дом недалеко от своего дома, забрали двух младшеньких Надежду и Екатерину жить к себе, давая возможность Василию построить новую семью. «Не было бы счастья, да несчастье помогло», образовалась новая семья, в которой почти под-

ряд один за другим появились ещё трое детей. Отец и старший сын – Василий и Борис – работали в колхозе на разных работах – на овощных плантациях, на сенокосе, в рыболовецкой бригаде, т.е. там, где требовались рабочие руки. К Екатерине вернулся с фронта муж, потеряв в бою руку. Вернулась в родительский дом Евдокия с маленькой дочкой. Перевелся на работу в Астраханский аэропорт Иван. Тимофей и Николай продолжали летную армейскую службу, будучи военными людьми. Детали их жизни в этот период не трудно представить во всем многообразии, если окунуться в детали службы их младшего брата – Германа. Вот как описывает свою дальнейшую жизнь Герман Филиппович.

Повезло мне, что ногу не отрезали, и все обошлось долгим лечением в лазарете. В сентябре 1945 года лазарет закрыли, и я поехал в Шунтук в часть. Там все проживали по хуторским квартирам, и поскольку приехал я последним, свободного жилья не было. К концу дня на краю хутора, у дороги к Тульской на Абадзехскую нашел жилье. Там уже жил наш фронтовик сержант Витя Полюхов. Хозяева оказались приветливыми: хозяин-фронтовик, хозяйка и дочка второклассница, средняя дочь-студентка медтехникума в Майкопе, старшая замужем живет в Шунтуке.

После длительного хождения в сапогах снова открылась рана. На второй день зашел в медпункт на перевязку, где санинструктор кое-как обработал и перевязал рану, а освобождение должен был дать начальник лагеря майор Кукарин. Освобождения я не стал добиваться, т.к. нужно было долго ждать майора, получил продукты и отдал их хозяйке. Питались мы у нее, столовой не было. На работу, пилить дрова, нужно было ходить далеко, а сапок я не мог одевать и так вроде сам себе больничных определил. Меня никто по этому поводу не беспокоил, лечиться продолжал сам и по совету хозяйки. Рана заживала медленно, и я не огорчался, что ни разу не попал на работу за два месяца пребывания в лагере. Трудиться я хотел, и хозяева предложили мне свои услуги по хозяйству. С хозяином – Хорошиловым Иваном Андреевичем распиливал дрова на доски, ездили за сеном, убрали огород; хозяйка, видя мою способность и трудолюбие, стала проявлять большее уважение, чем к Виктору и также поручала мне многие дела. В один из выходных дней по предложению хозяев мы с ними пошли в лес собирать груши, чтобы потом из них сварить самогон. Мука у нас была, хмель – на деревьях. Из них хозяйка делала вроде заварки к грушам. В лесу кроме груш были каштаны, орехи, чинары, яблоки. Здесь водились медведи, которые тоже заготавливали эти дары природы на зиму, каждый свою кучу закрывал листьями и зимой отрывал только свою по запаху. Груши содержали много сахара, поэтому получался из них самогон. Их необходимо было растереть до однородной массы, свалить в деревянную бочку и залить теплой водой с той закваской (опарой). В тепле в накрытой бочке через 5-7 дней начиналось брожение. Можно варить раку. В один из выходных дней мы варили самогон в 200 литровой трофейной бочке, уже на стекло почти четверть литра, и вдруг заходят во двор начальник лагеря майор Кукарин и его замполит капитан Бондаренко. Уставной встречи не произошло, они первыми, как культурные люди, сказали «здравствуйте». Хо-

зайка – Мария Ивановна вначале растерялась, даже изменилась в лице, а затем нашла правильный выход, предложив отведать свежего самогона по случаю праздника воскресенья и Покрова дня. Налила она им по кружке первача, а на закуску по яблоку и соленому огурцу. Для вида спросили они хозяйку, как ведем себя, не обижаем ли? Повеселевшие и свежие в лице ушли наши начальники. После варки выбросили из бочки отходы, на них набросились куры и свинья. Свинья почти сразу улеглась под плетнем спать и куры недалеко расселились, а вот петух стал веселиться. Ходить стал неустойчиво, несколько раз налетал на свинью, но та мирно хрюкала, стал чаще, но хуже глосить, пытался несколько раз взлететь на плетень, чтобы с высоты пропеть в свое удовольствие, но каждый раз падал и в свое оправдание что-то бормотал.

У каждого русского человека найдутся в жизни моменты, связанные с алкоголем, которые почему-то бережно хранятся в анналах его души. Я, например, хорошо помню, как впервые напился пьяным. Это было, приблизительно в 5-6 –летнем возрасте на радостях, что сделал большое дело, а именно: сел на лошадь, поехал в поле искать пропавшее стадо свиней, нашёл и загнал его домой в свинарник. Причём, родители уже почти смирились с потерей, считая, что это дело цыган. К этим годам я уже усвоил, что серьёзный успех нужно обязательно «обмыть», нашёл припрятанную мамой к случаю брагу, пригласил на пир своего закадычного друга. Дело закончилось тем, что меня, буйного, сняли с рыбацкого судна, стоявшего у берега, покрытого лёгким льдом, связали и уложили спать. Помню ещё, что меня за мои «художества» отец не ругал, а мама тихо плакала, приговаривая: «Колька, Колька! Что ж из тебя получится?!». Отец же успокаивал её, что, мол, настоящий мужик растёт – сделал дело, так и погулял смело! Ещё запомнился мне эпизод, связанный с самогоном и самоволкой. Это было на Западной Украине в Ивано-Франковске. Там мы, студенты университета, проходили службу в одной из воинской частей. Так требовал порядок получения звания младшего лейтенанта. Ходили в самоволку в ближайший населённый пункт. Я был удивлён незнанием русского языка местным населением и хотел выяснить причины этого. В ответ лишь слышал, что они так часто были то в составе одного, то в составе другого государства, что язык учить не успевали. На мой вопрос, чем же занимались, ответ был такой: «Да тем же самым: самогон гнали, самогон продавали!». Когда уже жил в Москве, то в эпоху «сухого закона» пришёл ко мне сосед и попросил пустить его к нам домой гнать самогон. Я признался, что к стыду своему никогда этим делом не занимался, и вряд ли достойно смогу выполнить его поручение. Он успокоил меня, что он сам всё сделает, а от меня только и нужно, что предоставить ему нашу кухню. Я искренне удивился, почему он не может воспользоваться своей кухней!? На что сосед сказал: «Петрович! Ты же учёный, профессор, на тебя никто не подумает, а меня дома захомутать могут». Так мне моё профессорское звание сослужило добрую услугу. Мы, под самогоночку, всю ночь занимались моим любимым делом – играли в шахматы. А пьяных животных в своей деревне уж я насмотрелся вдоволь и

от души. Дело в том, что у нас в семье было принято делать вишнёвую наливку. Когда она созревала, то наливку разливали по сосудам, а остатки вываливали на «зады». Там и происходил пир на весь мир.

Вскоре стали выдавать обмундирование по зимнему плану. Я пришел и стал в очередь, появился Кукарин. Всмотреваясь в мое лицо, спросил: «Что-то в лесу я Вас не встречал». Я ответил, что нога у меня болит. Он добавил похвально: «А самогонку ты хорошую умеешь варить!» Мне пришлось молчать, не отвечаю же «Службу Советскому Союзу!» или «Рад стараться!».

От курсантов Армавирской школы узнали, что есть там зам по строевой ст. лейтенант Чеботарь, очень жестокий к курсантам в наведении порядка. Про его выходы ходили легенды. И вдруг в один из пасмурных дней лагерь встревожился – всех собирает Чеботарь. Первый сбор за несколько месяцев? Весь наш вид, сбор и построение не нравились ему. Нескольким курсантам объявил за это по 15-30 суток гауптвахты, а где ее взять – придумал. В сушилке хуторской из плетня, напоминающей огромный кувшин. Она просматривалась и продувалась со всех сторон. До вечера он прививал любовь к службе нам. Хозяйки наши переживали за нас.

В конце октября хозяйка объявила, что в воскресенье будут отмечать крестины. Старшая дочь родила сына, будут крестить в Абадзехской. Пришли кумовья, и все решили. Рано утром будит меня хозяйка и говорит: «Крестный не пришел, а поезд вот-вот подойдет, иди с кумом к поезду, если не подойдет он, то помоги окрестить». Мне ужасно не нравилась эта затея и такая просьба. Лежу и думаю отказаться – невозможно, у людей своего рода проблема. Ведь первый внук и я согласился. Я быстро оделся, и мы пошли с кумой, несший младенца в темноте к поезду. В вагоне я забрался на верхнюю полку и продолжал спать, а внизу маялась кума с крестником. В Абадзехской зашли к их родственникам, и старушка повела нас в дом, приспособленный под церковь. Поп был средних лет в армейских брюках-галифе, выглядивавших из-под ризы, и в калошах на босую ногу. От этого я усмехнулся и сразу получил от попа замечание. Обрато мы шли пешком 6 км. Это неожиданное для меня становление крестным отцом обошлось потом большим несчастьем. Через 2 года умерла мать ребенка, а затем и он.

Накануне праздника 78-ой годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции наше войско покидало Шунтук. Провожать нас вышло все население хутора. На дороге хозяйка отварила мне курицу. Уезжали в Лабинскую, чтобы службу и учебу начать теперь по условиям мирного времени. Прямого поезда туда не было, предстояла пересадка в Курганной, где пришлось ожидать поезда всю ночь. Ночевали кто где. Мы с Иваном Рябоконе просились в дом, где нам предложили ночлег на полу, постелив на него соломы. Утром повез нас поезд в Лабинскую по рельсам, глубоко засыпанным первым снегом. Разместились в клубе на тюремной площади (бывшей) без отопления и кроватей, прямо на полу, ни тумбочек, ни столов. Начались ранние холода, а мы в пилотках, пошла вошь. Единственным местом, где можно было отогреться – это караул. Там топили печь украденными досками от заборов и калиток, прожигали свое белье со вшами. В этом же доме, через стенку жил

с семьей зам по строевой полка Чеботарь. Он нам иногда «давал тепла», раза по два-три тренировал делать «подъем», «отбой». В декабре уже пошли настоящие морозы. Однажды я стоял в такую погоду на посту. В сапогах быстро стали замерзать ноги, я стал быстро ходить, приседать, уже ног не чувствую и кажется мне, что большой палец попал под ступню. Я выстрелом стал звать смену – никого, выстрелил второй раз, опять никого. Время тянулось ужасно медленно, наконец, пришла смена. В караулке я разулся и с радостью увидел, что палец цел, чуть побелевший, прихвачен морозом был и нос. Несмотря на такие жуткие условия, ходили строем только с песней, в этом немного получали радость, а пели мы хорошо.

Вскоре нашим мукам пришел конец. Этот полк расформируют, оставляют 3 полка, и теперь будет называться не школа, а Армавирское училище летчиков. Всех курсантов, не имевших среднего образования, отправили в г. Вольск, в автошколу, а остальных – в теоретический батальон, в Армавир. Учиться снова по новой программе. Туда поехали мои знакомые: Рябоконт И.А., Самгородецкий А.П. Нас четверых с Лебедевым Н.К. направили почему-то в Кавказскую, в учебный полк. Опять была явная ошибка.

Был конец января 1946 года. Кавказская встретила нас морозом с ветром. Станицу, стоящую на высоком берегу Кубани, продували ветры со всех сторон. Бытовые условия оставались также плохими и самое главное – в казарме холод. Начался первый после войны мирный год, страна перешла на мирный путь развития народного хозяйства. Основной вопрос – продовольственный, стоял так же остро, как и в военные годы. Готовились к выборам в Верховный Совет ССР, на сессии которой должны принять пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства.

К 28-ой годовщине Красной Армии на торжественном собрании, посвященном этому дню, мне была вручена медаль «За Победу над фашистской Германией в 1941-1945 гг.». Это была моя первая награда.

Служба в 1-м полку 1-ой эскадрильи Армавирского училища опять не вошла в нужную колею, т.к. здесь собрались уже окончившие первоначальное летное обучение. Мы понимали эту ошибку, но пришлось долго ждать ее разрешения. Теорию учили вместе со всеми, а пришла пора летать, они пошли на аэродром, а нам опять ждать. В начале июня 1946 года нашу эскадрилью отпустили в отпуск. Радости не было предела. Предстояло теперь самому ехать поездом домой. Стояла жаркая погода, длительное время дул восточный ветер, который вызвал сильный неурожай. Это было тяжелое послевоенное время. Билетов в сторону г. Грозного на станции не оказалось, вокзал забит военными, ехавшими домой. Терять же время отпускное нельзя. Нужно было ехать. Мне удалось пробраться в тамбур вагона, а затем устроиться, то на крыше, то в вагоне, так доехал до Грозного. Там приобрел законное место в воинском вагоне и двинулся на Астрахань.

Во второй половине следующего дня на фоне песков показался Астраханский кремль (крепость). Остановился у тети Кати. На следующий день получил продукты на отпуск и пароходом поехал в Забузан. Было половодье, поля затоплены водой, по берегам рек зеленела верба.

Пароход прибыл в Красный Яр, откуда на попутной лодке с знакомыми я приехал в родное село. При подходе к дому, увидел Волчка, спящего на песочке у забора. Я подошел к нему так тихо, что он не проснулся, а затем окликнул его. Он встрепенулся, узнал меня и от радости стал необыкновенно визжать и прыгать, стараясь лизнуть меня. На шум вышли за ворота сестра Дуся, а затем и мама. В село возвращались фронтовики. Через три дня приехал брат Иван. Война не принесла нашей семье тяжелой утраты, все братья остались живыми, а о старшем Григории с 1942 года не было известий. Ивану нужно было определиться с работой и другими житейскими заботами, а я – отпуски. На меня легли все те же обязанности, что и до ухода в Армию, в это время – достать траву. Кулас есть, Волчок сопровождающий. Мне приятно было опять бороздить водную гладь, посещать знакомые места. Встретил одноклассниц, они были на каникулах и других знакомых. Всех беспокоил жизненных вопрос. У меня он не возникал, я знал, что меня ожидает длительная учеба по приобретению сложной профессии летчика и эта ясность никому не давала надежды на обещание ждать меня. Возвращались фронтовики и вот здесь есть выбор, а мне не время думать о семье, да и хорошего знакомства не было. Из дому уехал на два дня раньше, т.к. меня приглашал в Майкоп мой новый сослуживец. Этот городок опять меня привлек своей тишиной и зеленью, в нем мне было приятно находиться. По возвращению в часть, вскоре решился вопрос о дальнейшей службе. Как и следовало ожидать, направили нашу тройку в Армавир, в теоретический батальон в распоряжение знакомого мне командира Кукарина. Там я встретил Ивана Рябокоть, Сашу Самгородецкого, Максютובה, Поповского, Машкей, Азизова, с которыми, в последствии, подружился и учился до окончания учёбы. Был конец августа – начало сентября, сады манили нас своим урожаем, и мы уходили с занятий туда, за Кубань. В увольнение чаще всех ходил Самгородецкий. Рябокоть рассказал мне причину этого. Летом под предлогом поиска отстреленного конуса, они зашли в сад, где их угостили яблоками. Среди угощавших была приветливая девушка, она приглашала курсантов заходить. Чтобы установить связь Рябокоть на следующий раз пригласил Самгородецкого и познакомил его с этой девушкой. Ее звали Верой, а жила она недалеко от сада по ул. Набережной 13. Теперь у курсантов была причина заходить в сад, а у Саши – ходить почаще в увольнение.

Быстро пролетели два месяца и в октябре вернулся я в составе классного отделения из таких, как я, опять в Кавказскую на первый курс учебы. Зимой учили теорию, а в феврале предоставили положенный отпуск. Теперь я ехал с знатоком поездок по железной дороге, с попутчиком до Моздока Иваном Рябокоть. В Прохладной наши дороги должны были разойтись, но он меня настойчиво приглашал заехать к нему домой на пару дней. Ведь мы были уже друзья. Я согласился, т.к. это было тоже по пути, но другой дорогой, по которой редко ходили пассажирские поезда. Решили не ждать до утра поезда, всего отделяло нас от Моздока 60 км. Поехали мы в тамбуре грузового вагона, подпрыгивая на площадке от мороза.

Поезд в Моздоке не остановился, не остановился и на следующей станции. И только в Наурской мы вышли. Это почти пол пути до Гудермеса, откуда

я через несколько часов могу ехать в Астрахань. В Моздок же шел поезд утром. И так, мы согласились, что мне нужно ехать дальше. Вернулся я к своему товарняку и скоро он без остановки привез в Гудермес. В Астрахани я по традиции зашел к тете, а затем к Ивану. Он работал в авиакомендатуре недалеко от крепости, где получал продукты на отпуск, а жил тоже недалеко, в центре. С ним мы ходили в кино, театр и на танцы. В Забузани в эту зимнюю пору было скучно, раз в неделю привозили кино и в клубе бывали танцы. Там встретил одноклассницу, оказавшуюся каким-то образом в учителях начальных классов. Ее подруги учились в институтах. В школе она была тупица, но высокого мнения о себе. Она мне рассказала о всех одноклассниках, кто где учится, живет, работает. На обратном пути, в Астрахани зашел в общежитие мединститута, где учились М. Манкевич и Л. Серебрякова, а по соседству в пединституте Р. Трясоногова и З. Евсеева. Всех удалось увидеть и немного погулять по городу, расстались в хорошем настроении после вспоминания школьных лет.

По пути в часть, остановился в Грозном, где на курсах Высшей офицерской школы учился брат Николай. С ним я не виделся с 1940 года. Эту школу нашел я быстро и на проходной встретились, затем повел в общежитие, в столовую, где во время обеда играл оркестр, хотя был будничным днем. Обстановка мне понравилась. Затем пошли мы в город и зашли в кинотеатр «Челюскинцев», где смотрели кино «Первая перчатка». Вечером Николай проводил меня на поезд и на прощанье подарил свои часы. Это для меня было большой радостью. В часть я прибыл с такой редкой вещью, т.к. часы имели 3-4 курсанта в отделении.

Зима пошла на убыль, но в казарме было холодно. Спали на нарах, чтобы было теплее, спали по двое на одной постели, а второй укрывались. Я спал с Рябоконею. Отогревались только в карауле. К пайку там добавляли свеклу, кукурузу, которую доставали на вокзале. С наступлением теплых дней все становилось в предусмотренный порядок. Готовились к полетам. Теперь учеба шла по плану, занятия перенесли на аэродром. Наступил знаменательный день в моей жизни, да и в жизни моих сослуживцев. 25 марта 1947 года я первый раз взлетел с аэродрома Кропоткин на самолете УТ-2 с инструктором лейтенантом Мирошниченко Владимиром Романовичем. Был теплый, ясный день и приятное после полета впечатление от большого обзора и быстрого движения. Помню, как сейчас – перед взлетом инструктор перевел кран питания на верхний бензобак и спросил меня: «Готов?» При таком положении крана взлетать нельзя. Я взялся за кран, чтобы перевести его вниз и в спешке доложил: «Готов!», не переведя крана. За что получили первое замечание, оно было последним в действиях с оборудованием кабины. После полетов все друг друга поздравляли, были восторженные, делились своими впечатлениями. В летной группе нас было шестеро: Буланов В.И., Рябоконь, В. Сорокин, А. Тихонов, Ю. Лепехин и я. Полеты планировались ежедневно в 1-ю и 2-ю смены. В первую смену вставать приходилось рано (4 часа), на аэродром ходили пешком км 6. После полетов сразу готовили самолет, затем готовились сами с инструктором к полетам. Вот так проходил день, отбоя ждали

с нетерпением. Я выступал по гимнастике и легкой атлетике (бег 100 и 400 метров). В свободное время очень хотелось спать, спали под деревьями на земле, в казарме не было такой возможности. Полетов через 50-60 стали вылетать самостоятельно. На проверку я полетел с командиром Степановым А.Е. Полет я выполнил в общем хорошо, а расчет на посадку смазал. Вот этот день настал, когда я взлетел самостоятельно, во втором полете я от радости запел в воздухе, Рябоконь встречал для сопровождения самолет. Он ожидал своей очереди. Вскоре нас в группе осталось четверо. Отчислены были Тихонов и Лепехин, в общей группе отчисленных оказался и Самгородецкий А. Вскоре наш инструктор уехал на учебу, а прибыл Корниенко, он показался нам не серьезным и хорошо, что он был с нами не долго. К концу программы прибыл Черевко Калистрат Калинович. Он много приложил усилий, чтобы поправить нашу летную успеваемость и подготовить к зачетным полетам за 1-й курс. Его манера пилотирования привилась нам и положительно сказалась на совершенствовании полетов в дальнейшей летной биографии. Его лицо всегда мне казалось знакомым. Затем в разговоре выяснилось, что, когда я был курсантом в Краснодаре, он выпускался. Однажды он (тогда) попросил форму сходить в городской отпуск в ожидании приказа на выпуск, но она ему оказалась малой.

Жизнь в Кавказской нам не нравилась, и мы мечтали переехать в Майкоп. Вскоре пошли слухи, что из этой труппы должны уехать, т.к. комиссии были не раз здесь. В конце августа этот слух подтвердился, что мы перебазировемся в Майкоп. Радость охватила всех и особенно нас, которые уже служили там: Рябоконь, Лебедев, Гетманец и я.

В начале сентября во второй половине дня подали эшелон под погрузку. Работали с воодушевлением и перед вечером двинулись в путь, а утром были в Майкопе. После степной, открытой всем ветрам, станицы здесь все было иначе. Сразу за городом, где его окаймляла р. Белая, были горы, покрытые лесом. Эшелон разгрузили быстро, и теперь предстояло ознакомиться с главным, что нас интересовало – жильем. Оно оказалось очень удобным. Казарма, штаб и учебный корпус располагались рядом, по ул. Пушкина. Казарма особенно нам нравилась, там были все удобства и расположились теперь по классным отделениям, а не всей эскадрильей. За забором – драмтеатр и городской парк. Музыка с танцплощадки отчетливо прослушивалась.

Первые дни нам приходилось много работать по размещению и благоустройству. Вскоре была поставлена особая задача – найти тонну яблок для отправки в Москву, а за это будет резина для автомобилей, которых нам подбросили. Для решения этой задачи отобрали 7 человек. Получили сухой паек на 3 дня и под вечер двинулись на «Шевроле» в горы по дороге на Абадзехскую. Вскоре проехали Шунтук, где осенью 1945 года заготавливали дрова. Промелькнул дом-хата Хорошиловых, в который я жил, и к заходу солнца прибыли в Абадзехскую к какому-то проводнику. Ночь провели в кузове машины, куда для удобства набросали сена. Утром тем же составом поехали дальше по лесной дороге вглубь леса и гор. Ехали очень медленно, прорываясь через низко висевшие ветви деревьев. После этой операции я установил по

карте, что ехали мы через Волчьи ворота в направлении Швырева сада. Вытянувшийся плавной дугой, сад располагался в долине и с той возвышенности, на которой остановились, хорошо просматривался. Здесь нам стало ясно, что никакой выписки яблок не будет, а просто нужно украсть. Задание получено, и его нужно выполнять. Теперь наш старший Коля Лебедев полностью доверился мне, как действовать дальше. В саду паслись коровы под наблюдением пастуха, и плодов здесь было немного. Вправо же сад был более густым, где виднелись два домика. Нужно было ждать пока коровы с пастушком уйдут к домикам. Ждать этого нам долго не пришлось и как только они скрылись, мы двинулись с мешками собирать яблоки. К нашему огорчению яблоки хорошо держались на ветках, и на землю падало при тряске мало. Стало ясно, что этих яблок нам будет мало, нужно искать их у домов, куда я с Филатовым Василием направился. Картина нас обрадовала, недалеко от домов лежали две солидные кучи яблок. После двух ходок нужно было идти к этим кучам. Первый поход проходил уже в глубоких сумерках и прошел тихо. Когда подошли второй раз, собаки подняли лай.

Собаки лаяли продолжительно и уверенно, и вскоре мы услышали топот лошадей, нам пришлось залечь. Два всадника проехали метрах в 12-15, к нашему счастью собаки за ними не увязались. Всадники почему-то долго не возвращались, и мы решили продолжать набор яблок, а уходить не по дороге за всадниками, а по кратчайшей линии в лес и затем по его опушке подниматься в гору. Только вошли в лес, как раздался совсем близко ружейный выстрел, что заставило нас идти быстрее. Преследования не было слышно, и мы решили отдохнуть, с ориентироваться. Здесь оказалось, что двоих мы не досчитываемся. Установили, что они в лес вошли, а как отстали – никто не мог сказать. В лесу в темную ночь совершенно ничего не было видно и куда двигаться нам, мнения разделились. Все почему-то надеялись на меня и моя интуиция их не подвела. Вскоре нащупали тропинку, ведущую в гору и по ней, уверенно двинулись в сторону машины. Вдруг услышали тихий говор, а затем увидели две фигуры с мешками. Это были наши, шедшие параллельным курсом. У машины шофер и «экспедитор» слышали выстрел и поэтому с нетерпением ожидали нашего возвращения. Стало ясно, что больше нам яблок не взять, хотя до тонны не хватало. Небо стало сереть и нам оставалось одно – ложиться спать, а утром двигаться в обратный путь. После такого напряжения мы крепко спали и как по команде проснулись в седьмом часу. При подъезде к дороге, у развилки стояла бричка с запряженной лошадей, а рядом – двое мужчин, один из которых держал ружье. Машина прошла без остановки, но нам стало ясно, что мы попались. Ведь не просто так дежурили они у развилки дорог. Месяца через два предположение сбылось. Лебедева стали таскать и, наверное, хотели отыгаться, но у него чудом сохранилась квитанция на 700 кг, которую ему почти насильно отдал завскладом, принявший яблоки. Это сразу отвело все подозрения от нас.

Через несколько дней начали продолжать полеты с аэродрома «Ханский» в 13 км западнее Майкопа. Программу из-за погоды не закончили. Вскоре были отпущены официально в первое городское увольнение. Небольшая группа нас

направила к танцплощадке, где стояла группа девушек. Одна из них показала мне знакомой. Кто-то из них сказал вопросительно: «Какой же из них Герман?» Стало ясно, в знакомой я узнал Зину, приходившую в лазарет в августе 1945 года. Состоялось знакомство, вечер прошел в приятной дружеской атмосфере.

В конце октября 1947 года прекратили полеты на самолет УТ-2 по второму разделу обучения. Поступил приказ второй раздел начать с обучения на самолете ЯК-11, которые только начали получать с завода. Приступили к изучению этого самолета, чтобы с весны 1948 года начать его освоение.

В здании учебного отдела, на втором этаже, был клуб с хорошим залом для танцев, но музыки не было. Постепенно приобрели проигрыватель, пластинки и пошли хорошие вечера танцев раз в неделю. Девчата со всего города пошли к нам, вход им был бесплатный, но только с курсантом. Нам выдали выходную форму – шерстяную цвета хаки гимнастерку и такие же темносиние брюки. Вид наш стал совершенно другим, мы стали больше обращать внимания своему внешнему виду. В такой форме мы: Рябокоть, Максютков, Железнов, Силкин и я сфотографировались.

7 ноября 1947 года в день 30-летия Великой Октябрьской Социалистической революции мы выступили с небольшим концертом на сцене своего клуба. В ознаменование этого праздника тогдашний Министр Обороны Булганин Н.И. распорядился выдать всем военнослужащим по 100 гр. водки в столовой. Это было впервые в Армии. Дежурный по полку поздравлял каждую прибывшую смену и к концу обеда был уже хорош.

В этот вечер танцы, по сравнению с будничными днями, затянулись и мы думали, что вечерней проверки не будет. Мы с Железновым пошли провожать своих знакомых девушек. Они жили недалеко. Возвращаясь, мы не спешили. При входе в казарму нас встретил дежурный и объявил, что за опоздание на проверку нас он арестовывает, и поместил нас в подвал под штабом. Это не была гауптвахта, а просто комната. Мы в недоумении вошли в эту теплую приличную комнату и проспали до утра. Затем разбор и выговор. На гауптвахте я не сидел вообще.

Время летело быстро, выходные дни проходили интересно, кино, танцы, театр, выход в город. Выходные дни проходили в спортивных соревнованиях. В них мне давалась лучше гимнастика и спринтерские дистанции на 100 и 400 метров. На одних из соревнований я неожиданно завоевал звание чемпиона полка на 400 метров, и затем мне чаще приходилось отстаивать честь сборной на различных соревнованиях. В день Победы 1948 года наша сборная выиграла комбинированную эстафету в городских соревнованиях, отстаив на второе месте традиционного призера – «Буревестника». Эту победу мне пришлось «вытаскивать», получив эстафету вторым, а передал первым метров за 15.

Почти каждый выходной день встречался я с Зиной, между нами не возникало спорных вопросов. В одном из разговоров о жизни военных она выразила неудовлетворение такой жизнью и затем отстаивала свое мнение. Меня это почему-то тронуло, и я решил отношения между нами развиваться

не будут, а пока встречаемся для провозждения времени. Рябокоть и Железнов покинули эту компанию. Рябокоть и Буланов отстранены от обучения по болезни и направлены в Харьковское училище штурманов. В летной группе из прежнего состава осталось нас двое с Сорокиным В.И. и добавили двоих. Инструктором стал Шелякин – опытный, но очень худой от природы. Комэск – Даниличев Иван Иванович грубый, резкий, всегда недоволен был курсантами. Самолет мне понравился, и я его освоил неплохо, тем более все новенькое и чистое.

В середине лета 1948 года наша эскадрилья перебазировалась в Армавир. Летали там главным образом на Бароновском аэродроме. Там же выполнили первые прыжки с парашютом с самолета УТ-2. Вывозил мой бывший командир звена капитан Белых. Прохладным утром поднялись на высоту 800 метров, сбавил обороты и дал команду «Приготовиться!» Не спеша я занял позу, приподнявшись из кабины на левый борт и по команде «Пошел!» оттолкнулся от борта в направлении элерона. Глаза непроизвольно закрылись в свободном полете, отсчитав 3 секунды, рванул кольцо парашюта и через пару секунд от его раскрытия меня прилично встряхнуло. Осмотрев купол, меня охватило приятное, радостное ощущение. Снижения не чувствуешь, все хорошо видно и тихо, затем заметно становится приближение земли. Опять приходится напрягаться и быть особенно внимательным и сосредоточенным, т.е. удар о землю получается ощутимым и иногда приносит неприятности летчикам. Все произошло хорошо. Без царапин и ушибов. Теперь, глядя на своих товарищей при приземлении, как они кувьркаются и получают ссадины на лице, я мог улыбаться и посмеиваться. Тот, кто ожидал своей очереди для прыжка, у них улыбок не получалось, пока было не до этого. Примерно через месяц возвратились в Майкоп, здесь сдали зачеты и экзамены по теории и практике. Летную практику сдавал заместителю Начальника училища полковнику Мирошниченко. Мои успехи им были оценены на отлично с объявлением благодарности в приказе. Я не кичился, понимая свои ошибки, которые можно было бы не допускать, т.к. волновался перед полетом. К этому времени жилье наше опять изменилось и нам это не нравилось, хотя дни пребывания в Майкопе были сочтены. Жили теперь не в центре, а на окраине в Дубзавода, в бывших казармах Суворовского училища. Себя чувствовали выпускниками полка, и теперь нам предстоит до выпуска из училища более года обучаться в Армавире боевому применению. Об отъезде узнали во второй половине дня и вечером почти все ушли в город. Мы с Зиной пошли в последний раз в парк, это каждый из нас понимал. На прощанье она внесла ясность в наши отношения: как поступишь в дальнейшем, так и будет, на тебя не могу обижаться, а время прошло хорошо. При возвращении в часть я встретил Максютова, а затем Железнова. Не сговариваясь, все высказали хорошие впечатления о проведенном времени в этом тихом, уютном и зеленом городке.

8 августа 1948 года самолетом ЛИ-2 прибыли в Армавир и сразу начали летать на самолете ЯК-3. Инструктором был Сторожев, когда-то обучавшийся в Грозном вместе с братом Николаем. Самолет этот мне очень понравился, и я быстро освоил его и одним из первых переходил к новым упраж-

нениям. Это заставляло меня еще больше и серьезнее готовиться и особенно выполнять полеты, а результаты видны, главным образом, на посадке где проверяются все качества летчика.

В увольнение меня здесь почему-то не тянуло, наверное, потому, что город был далеко, да и Армавир выглядел очень непривлекательно по сравнению с Майкопом. Мои же товарищи: Максютов, Поповский, Григорьев каждый выходной уходили в город, где заходили к хорошим знакомым Самгородецкого А.П., обучавшимся в это время в г. Пушкино под Ленинградом. Он переписывался с Верой, дочкой хозяйки и, по их словам, дело идет к свадьбе.

В середине сентября 24 числа 1948 года меня назначили патрулем в город (это была суббота – день моего рождения). В парке у летнего кинотеатра «Победа» стояли мои товарищи и с ними три девушки. Мне с винтовкой и повязкой неудобно было подходить к ним, но деваться было некуда. Познакомились, но разговаривать долго не пришлось – спешили домой. Я обратил внимание на девушку в белой шляпе с большими глазами по имени Нина. Меньше ростом из всех была Вера, по словам Поповского недавно расписалась с Самгородецким вовремя его недавнего отпуска.

А вот что помнит о первой встрече Нина. Прошло немного времени, мне Поповский говорит: «Тобой на Набережной улице интересуются и хотят познакомиться. Оказывается, знакомство в парке не оставило следа, а фотография, оказавшаяся у них (групповая) напомнила, что этот курсант должен быть знакомым. Фото я увидела у Вани Рябокоть и попросила познакомиться с одним из 4-х – это был Гера. Знаковое фото.

29 октября 1948 года, в день 30-летия Комсомола закончили полеты на отработку техники пилотирования на боевом самолете. На следующий год предстояло отрабатывать боевое применение. Опять подходило время отпуска, мне давно хотелось побывать на Черноморском побережье Кавказа, посмотреть этот сказочный уголок с вечнозеленой растительностью и ласковым теплым морем. Получив отпуск, я сразу двинулся к морю. Билетов, как всегда не было. Мне удалось проникнуть в тамбур вагона, а затем и в вагон, но там даже негде было присесть, и было очень душно. Так я в тамбуре и поехал. После Белореченской пошла незнакомая мне местность, дорога проходила в тоннелях, и это мне было вновь. Ночь передремал, а проснувшись утром, увидел море рядом с дорогой, оно было действительно темным. Слева тянулись горы, покрытые зеленой растительностью и чем, дальше уходил поезд, тем было теплее и красивее. Конечным маршрутом я избрал Сухуми. В конце декабря здесь еще стояла середина осени, а в такой день – ближе к лету. Мне было все в диковинку: пальмы, кипарисы и другие незнакомые растения и кустарники, улицы чистые, морской порт и бульвар, громадные белоснежные пассажирские теплоходы. В море некоторые даже купались, в общем, я попал в сказочный мир, и я был очень доволен тем, что не испугался поехать одному в этот незнакомый город. За день нагулялся так, что к вечеру еле ноги волочил. На вокзале удалось немного отдохнуть перед поездом. В него я пробрался с другой стороны и сразу занял самую верхнюю полку плацкартного вагона. Утро я встретил при подъезде к Курганной. В казарме меня ожи-

дал Губайдулин Равиль, чтобы в отпуск ехать вместе до Грозного. На следующий день мы на законных основаниях заняли вторые полки вагона и двинулись в отпуск домой. Это время всегда было радостным и всегда хотелось быстрее попасть в приветливую домашнюю обстановку и отдохнуть в непринужденной атмосфере, пожить по своему плану. Был канун нового 1949 года. Зима была морозная и прежняя домашняя обстановка особенно мне была близка. Летом я этого не испытывал. Большую часть времени я проводил дома, рядом с мамой. Как всегда, посетил всех родственников. Это был последний отпуск в форме курсанта. В Астрахани учились мои одноклассницы, к ним я зашел на обратном пути. Они тоже учились на последнем курсе институтов и понимали, что скоро придется разъезжаться по разным городам и селам. У них шла зачетная сессия, но они уделили внимание мне. Всем бывшим классом пошли гулять в последний раз по вечернему городу. Расстались очень хорошо и желали, чтобы затем не забывать школьные и студенческие годы при возможности встречаться.

С двумя из них (Манкевич и Трясоноговой) я встречался позже, когда они вернулись работать домой в Красный Яр. Это уже были мамы, увлеченные работой и житейскими заботами, но встречались как друзья. В конце января 1949 года вернулся в часть. Опять пошли занятия и подготовка к последнему этапу обучения. Прибыли первые реактивные самолеты ЯК-17 и прошел слух, что нам придется на них полетать. После красавца ЯК-3 этот выглядел необыкновенно, с носовым (передним) колесом, под передней частью фюзеляжа – брюхо (с двигателем), а хвост как у самолета и самое главное, что придавало ему необыкновенность – это отсутствие винта. Вместо него была дыра – воздухопроводное отверстие к двигателю. Мы не пожалели, что нам не пришлось его осваивать.

Перед началом полетов, в конце марта 1949 года я решил сфотографироваться. При выходе из фотографии, на ул. Кирова, встретил Нину Кумейко. Разговор был отвлеченным, она попросила мою фотографию как будет готова. Я пообещал, но был уверен, что это просто так, к слову пришлось. Както перед субботой Анатолий Машкей поехал в Майкоп, где жила его знакомая девушка Нина. Вернулся он подавленным, огорченным. Она неожиданно вышла замуж за майкопчанина, капитана наземных войск и поедет с ним на Дальний Восток. Об этом поступке она потом не раз очень и очень сожалела.

Буквально перед началом полетов облетело тревожное сообщение. Необходимо 10 выпускников оставить инструкторами и троих сразу направить в учебные полки (Майкоп и Кореновскую), остальных направить в Грозный в школу инструкторов. Не закончить главную часть обучения для летчика – боевое применение, а лишь бы быстрее получить звание это вызвало у нас дилемму. Но выбор пал на наших троих: Машке, Азизов и Сорокин. В душе они сожалели. Вскоре они получили офицерскую форму и погоны с двумя звёздочками лейтенантов. Проводы состоялись в ресторане и прошли в хорошей атмосфере. Теперь из прежней летной группы я остался один.

В конце апреля, будучи дежурным по аэродрому, увидел на стоянке самолет ПО-2. Это был самолет из Майкопа, на котором знакомый мне капи-

тан Телегин собирался везти деньги (получку) в Майкоп. Сразу созрело решение лететь с ним для сопровождения, а обратно поездом. Так мне удалось пролететь на этом прославленном кукурузнике. Его верхнее крыло закрывало переднюю полусферу и казалось очень неудобным, да и нижнее крыло также ограничивало обзор вниз. Он мне показался очень простым самолетом, отживающим свой долгий век. Целью этой необычной поездки было посещение недавно убиавших наших товарищей. Полет проходил на малой высоте и маршрут я подробно знал, все станции и хутора были мне знакомы, сейчас я их мог хорошо разглядеть. Посадку произвели с ходу на аэродром, который мне с 1944 года известен. Вот я снова в городе, где прошли мои самые лучшие годы юности. Проезжая по его улицам, я уже не испытывал былого восхищения, и думал об обратной дороге. Поезд уходил вечером. Машкея и Азизова я нашел быстро, они жили недалеко от городка. После непродолжительных разговоров мы направились в город, в ресторан «Юг». В ресторане подошла официантка, которая в 1944-1945 годах работала у нас в столовой 5-ой ВАШПО, я ее узнал и в тактичной форме напомнил ей об этом. Время пролетело незаметно, наступал вечер. Когда вышли на улицу, моросил дождь. Неожиданно встретили бывшего механика с двумя девушками, одна из них была Зина. Их дом был всего в двух кварталах. Распроцавшись с друзьями, я невольно примкнул к новой компании, хотя удобнее было бы провести время на вокзале. Так я встретился последний раз с Зиной, нового между нами ничего не поднималось в разговоре. К вокзалу я быстро добрался благодаря попутной бортовой машине и без хлопот двинулся поездом в обратный путь. О своем визите рассказал товарищам.

Приближались майские праздники. 1-е Мая, как всегда до обеда был занят торжествами, а 2-е мая – спортивными мероприятиями, где мне приходилось участвовать. После обеда пошел в увольнение в город, куда ушли с утра Максютов, Поповский и Григорьев. Они должны были меня ожидать в роце – традиционном месте гуляния горожан. Прибыв туда, я впервые увидел городское гуляние такого масштаба. Всюду подвыпившие кампании, расположенные среди деревьев на траве, пели песни, танцевали, веселились. Я не знал, куда мне идти и было неудобно среди веселой этой карусели. Вдруг окликнул меня девичий голос, оглянувшись, увидел девушку в белом платье и белой шляпе с широкими полями. Она почти бежала ко мне. По выражению глаз и разговору было видно, она была довольна этой встрече. Моих товарищей здесь не оказалось, и это меня еще больше смутило. Нина познакомила меня со своей мамой, приветливой и видной женщиной. Кампания уже расходилась, и мы втроем пошли к городу. По пути Нина и ее мама пригласили зайти к ним домой, недалеко от главной дороги по ул. Набережной. Войдя во двор, а затем и в дом, во мне произошла какая-то перемена. Вся эта обстановка очень мне напомнила отчий дом, детство. В комнате было по-праздничному чисто и уютно. Разговор шел по линии интересующих вопросов, на которые я охотно отвечал. О другом я не мог говорить. Мне было предложено в честь праздника выпить домашнего вина, от которого я не думал отказываться в такой день. Поллитровую банку я выпил залпом, т.к. знал, если остановиться, то больше не

выпьешь, а заставлять и уговаривать будут. После этой дозы я чувствовал себя нормально. Время шло к вечеру, и Нина решила меня проводить. О ней я ничего не знал, но чувствовал по обсуждаемым вопросам, как будто мы уже давно знакомы были. Мне было приятно идти с ней по городу, и был уверен, что и она это тоже испытывает. В скверике по ул. Кирова, рядом с площадью мы сели на скамейку. Разговор очень ладился, и мы договорились, чтобы я вместе с ребятами приходил к ним в дом. Возможности такой в скором времени не было, т.к. начались интенсивные полеты. В увольнение, главным образом, ходили в парк, который стал местом нашей встречи. Из парка провозжать нужно было в противоположную сторону от части. Автобусов тогда не было. Один раз, имея запас времени, я с Ниной долго задержался у дома. Это свидание вызвало желание частым регулярным встречам, но они не всегда получались по той же причине.

Летное обучение шло хорошо и мне приходилось часто летать парой с другими начальниками. В одном из полетов с зам. комэском Беляевым В.Т. после взлета не убрались шасси, а при выпуске левая стойка не встала на замок, судя по световой сигнализации. При контрольном нажатии она горела, механический указатель показывал положение «выпущено». В основной системе воздух отсутствовал. По команде Беляева я включил аварийную систему выпуска шасси, но лампочка левой стойки не горела. По команде с земли и ведущего выполнил несколько бочек, результат оставался прежним. Ведущий просмотрел положение шасси снизу и сбоку, они имели одинаковое положение. Мне дали команду зайти на посадку и проверить надежность выпуска шасси «козлом», т.е. перед приземлением удариться колесами о землю и уйти на второй круг. Таких экспериментов на боевых самолетах не делалось, но я был уверен, что это у меня получится, на газу до посадочного знака Т, где стоял мой инструктор, я выполнил игривого «козла». Инструктор показал большой палец. Я понял, что нужно выполнять посадку спокойно, шасси исправны. Посадку выполнил нормально. После заруливания была установлена причина – неисправность выключателя. Полет был для всех напряженным, т.к. все наблюдали за мной.

Учеба нашего выпуска шла без потерь, без тяжелых исходов, но вскоре погиб у всех на виду мой инструктор – капитан Еременко Алексей. Это было наше первое знакомство с реальной службой в авиации. Все очень переживали эту утрату, он еще был холост и собирался осенью жениться.

Памятник ему поставили из черного гранита. Его мы взяли со двора горисполкома с плитой, а тумба с надписью какому-то вельможе осталась. Теперь летать мне приходилось с командиром звена – Коростом Иваном Емельяновичем и другими начальниками эскадрильи и полка. Однажды с разлета полетели на спарке с ним по маршруту и при отходе от Советской на Усть-Джегутинскую обнаружил неправильное показание компаса, и я повел самолет по хорошо видимым и точно опознаваемым ориентирам. Он спросил: «Почему курс не расчетный?» Я объяснил, и он согласился. Провел самолет по маршруту я точно, чем заслужил благодарность

Программа боевого применения была интересной. Одно из основных упражнений предусматривало вылет в зону поиска для обнаружения атаки и воз-

душного боя. Первым вылетал в зону командир (противник), а курсант через несколько минут. Как-то в середине полетов прилетел зам по летному училищу п-к Мирошниченко с задачей полетать на воздушный бой с курсантами. Выбор пал на меня первым. Первая, внезапная атака сверху у меня получилась (он ходил в вираже) и я ушел вверх, сохраняя преимущество, затем выполнил вторую атаку и опять ушел вверх. Он подал команду вести бой на виражах. После нескольких виражей преимущество его самолета стало сказываться. Вернулись на аэродром парой. За этот полет опять я получил благодарность. Последний полет по этому упражнению я полетел с начальником воздушно-огневой подготовки полка капитаном Воробец. Прибыл в зону, а его не вижу, доложил. Он отвечает: «В зоне» – опять не вижу, всматриваюсь до боли в глазах. И вдруг увидел входящий в зону самолет, сразу атаковал и завязался бой. Инициативы своей я не упустил, но я не был уверен, что это мой противник. Он подал сигнал эволюцией самолета – конец боя. Я пристроился к нему и по номеру самолета, и по лицу летчика убедился, что атаковал самолет командира очередной пары. На него летел и Лебедев. Он встретил моего противника, и завязались боем. Получилась неразбериха. После посадки разобрали мой бой с Шурчковым, а затем я пошел получать замечания к Воробцу. Трудно было поддакивать и вести разбор, когда сам не имеешь представления, как всё получилось. Этот случай по совету Шурčkова до конца выпуска остался тайной. Такой же казус произошел затем на экзаменах, только не проверяющие между собой, а курсанты между собой сцепились. Экзамены по воздушному бою, стрельбе по конусу и наземным целям сдал успешно с оценкой – отлично. Теперь предстояло сдать госэкзамены по 9 предметам в том числе и по физподготовке. Жить мы переехали в город во дворе дома офицеров. Оставалось сдать два предмета. Вдруг вызывает хорошо знакомый зам. по летной училища и объявляет: «Поедешь в Майкоп инструктором, там ждет тебя группа на самолете ЯК-18». От такого известия у меня перехватило горло, худшего самочувствия я не испытывал. Казалось безвыходное положение и вдруг я говорю: «Я болен, у меня болит желудок». Это была маленькая правда, желудок меня беспокоил изжогой, и зимой делали анализ сока – пониженная кислотность (28%). Живя в городе и выпивая ежедневно газированную воду, я чувствовал себя лучше. Мое заявление его удивило, выпускник – летчик и жалует на желудок. Он позвонил в санчасть, чтобы меня быстро обследовали. Там меня уже ожидал подполковник Трушин, гроза всех курсантов. У большинства из них находил шумы, учащенный пульс, т.е. при виде его волновались. Я ему все объяснил и сказал, что инструктором не хочу быть. По результатам анализа он доложил, что у меня есть основания для такого заявления и желательно не оставлять его инструктором. Я был рад и безмерно был ему благодарен. На второй день вызвали: Абрамова, Монахова, Малькова, Усова, Макушкина. Петров пошел сам проситься.

После сдачи экзаменов мы четверкой: Максютов, Поповский, Григорьев и я пошли на Набережную 13, где хозяйка устроила по этому случаю прием. Там мы узнали, что скоро приедет в отпуск Самгородецкий и будет свадьба. Свадьба дело очень хлопотное, тем более в то время. Нужна была подготовка,

если продукты были, то водку было трудно заготовить в таком количестве – очень дорого. Вошло в практику делать ее из сахара. Поскольку у меня была небольшая практика по Шунтуку и к водке не имею пристрастия, мне доверили оказывать помощь в варении раки. Для скрытного проведения этой операции отводилось только темное время. Первую пробу снимали Поповский с Григорьевым. Затем удалялись на отдых, а мы с Ниной продолжали варить. Мне она помогала своим присутствием. Она училась в 10 классе вечерней школы, потому что во время оккупации школы не работали. Время у нас пролетало быстро, и мы чувствовали, что в своих отношениях мы идем на сближение.

Подошел день свадьбы. Мы привели в готовность свои наряды: подшили свежие воротники, почистили сапоги и к назначенному времени, к 12 часам, прибыли первыми. Перед выходом я убеждал товарищей, что есть прямой смысл пообедать в 13 часов в столовой, т.к. гости раньше вечера не придут. Военные люди пунктуальные и мы прибыли, но по выражению хозяев точность на сей раз была не к месту. На нас никто не обращал внимания, т.к. все были заняты своими делами по подготовке к свадебному торжеству. Мимо нас во флигель носили закуски, слюна обильно заполняла рот, и так мучительно тянулось время до вечера. Часам к 16 стали появляться приглашенные. Пришел фотограф и здесь во дворе запечатлел этот исторический факт. За столом нам отвели почетное место. Максютков сел за друга. Он и был другом жениха. Из-за томительного ожидания аппетит уже пропал. Не успели закусить после первого тоста, как настойчиво предлагают выпить второй бокал, опять, почти что, полный водки. Я понял, что ударная доза вносится преднамеренно и предупредил ребят, чтобы закусывали хорошо. Вскоре запели песни, и я подсел к немолодой компании. Песни ладилась, я вписался в этот хор. Признаться, давно я так не пел. Запомнилась среди них запевала – Коваленко Рая, сестра хозяина дома Кумейко Николая Федосеевича. Свадьба шла к концу, пора и уходить. Поповский сник, Максютков с кем-то громко выяснял отношения, Григорьев исчез. В поисках его, я вышел в глубину двора, где лежали бодылья из-под кукурузы, и почувствовал под ногами твердое. В тот же миг это твердое шевельнулось и произнесло: «Ну, кто там остановился?». Это был Виктор Григорьев под кукурузой.

На другой день сбор прошел быстро. Ко мне подходили, вступали в разговор незнакомые мне гости. Один из них сказал, что я им понравился. Это меня тронуло до неудобства.

Вскоре Саша поехал в Одессу домой. Теперь мы стали чаще заходить в этот дом, иногда помогали по хозяйству. Это получалось у меня особенно хорошо. 17 сентября 1949 года получили приглашение на день рождения Нины. Мне предстояло быть на таких торжествах впервые. Купили мы большой букет цветов, но нести его по городу никто не решался, и мне пришлось его нести, от стеснения, не глядя на прохожих. Букет и невнятное поздравление от имени всех пришлось мне вручать. В душе я был доволен, что именно я это сделал. Среди приглашенных, были подруги Нины: Долгова, Нина Старикова, Лида Мамонтова, а позже пришел одноклассник по вечерней школе младший

лейтенант Семенцов. Этой компанией (без Мамонтовой и Семенцова) мы часто встречались в парке, ходили за Кубань. Время шло очень хорошо.

В один из дней я был с Ниной дома, и вдруг приходят ребята и говорят, что наш долгожданный приказ получен. Поповский с Григорьевым получили назначение в Румынию, Максютов – в Польшу, а меня инструктором в Кореновскую вместо Усова, которого его папа постарался устроить в Прибалтику, куда и Губайдулин едет. Железнов – в Читту. От такой неожиданности я был сильно удивлен. Вот как судьба нас раскидала. На следующий день зачитали нам приказ, стали получать офицерское обмундирование по только что введенной новой форме одежды. Вместо кителя и гимнастерки получили двубортный френч и брюки на выпуск под ботинки. Это выходная форма, рабочая френч суконный и брюки в сапоги. Я смирился с своим назначением и, кажется, был уже довольным, т.к. это и Нине было по душе. Проводил своих друзей и товарищей в отпуск, кто ехал за границу, а кто уезжал во внутренние гарнизоны – с теми распрощался. Они после отпуска поехали по назначению, а кто за границу – собирались здесь для оформления документов.

6.2. И служить надо, и жениться пора

В конце октября 1949 года поехал я в Кореновскую, провожала меня Нина. При пересадке в Тихорецкой встретил Усова вместо которого я ехал. Кореновская встретила морозящим дождем, на улицах стояла такая грязь, какую мне не приходилось видеть.

Штаб полка находился на окраине станицы, рядом с больницей на центральной улице Красной, а сейчас рядом горисполком. Встретил меня начальник штаба майор Лавдор, а к концу дня представился командиру полка подполковнику Шипулину. Здесь встретил Сорокина Виталия, он прибыл сюда весной 1949 года, с ним мы начинали летать в одной летной группе. Он пригласил жить с собой, и я охотно согласился. Квартира из двух комнат, одна с окном на улицу отводилась нам. Стол, шкаф, два стула и кровать одна на двоих; вся обстановка.

Мне предстояло освоить новый для меня самолет, вышедший на смену УТ-2 – ЯК-18. По форме он был таким же, но с убирающимися основаниями стойками шасси с фонарем кабины и радиостанцией на борту. В этой же эскадрилье трудились Макушин и Петров, Мальков с Сорокиным – в другой. Полеты с курсантами шли к концу. Я успел сдать все зачеты и освоить полеты из кабины курсанта-передней, получил контрольные полеты из кабины инструктора и на этом полеты по погоде прекратились. Подошла пора отпусков. И я его получил на 45 суток, поехал в Армавир, куда съехались выпускники для отправки за границу. С ними я провел дня три, проводил и оставшееся время посвятил Нине. В Армавир приехал и Макушкин Николай к своей невесте – Люсе Бондаренко. Они вскоре поженились. Я познакомил Нину с Люсей и Николаем. Петров поехал домой в Краснодар, где тоже женился на Галине Николаевой. Мальков пока не думал о женитьбе. Несколько дней провел я от-

пуск в постоянном кругу лиц: Нина, ее сестра Вера, их родители и иногда заходили супруги Макушкины. Нина мне нравилась, я понял, что пришла любовь. Семья ее питала ко мне уважение. Она была по обычаям и всему хозяйственному укладу мне понятна и такой, в которой я вырос. Время это проходило в непринужденной благоприятной обстановке. Нину я провожал и встречал из школы, ходили в кино, театр, брали с собой иногда Веру. В успеваемости, конечно, я ей немного мешал.

В начале декабря поехал я домой, в первый офицерский отпуск. Трёх офицеров нашей семьи уже видели дома, теперь очередь за мной. Мой приезд был удачным, т.к. в это время приехал домой Яков после окончания Липецких курсов командиров полков. Он был подполковником. В Астрахани, как всегда, остановился у тети Кати, рядом жил брат Иван, а недалеко Яков с Марией у тещи. У Ивана с Лелей родилась дочь Таня и меня уговорили быть крестным отцом. В церковь пришлось нести дитя в форме, и я не смущался. В Забузан мы приехали с Яковым вместе, обошли, как всегда, родственников, отметили наш приезд и мое становление в офицеры-летчики. Я был пятым авиатором в семье из них четвёртым (!) летчиком. Моя необычная форма привлекала внимание большинства и даже военных. Почти всех интересовал вопрос: «Не женился?». «Нет!» – был ответ. Перед отъездом я поделился с родителями своими сокровенными чувствами и намерениями. Рассказал про Нину и ее родителей. В день отъезда мама и отец у иконы благословили меня и высказали напутственные слова. Это меня очень разволновало, по обычаю так раньше делалось, т.е. благословение или разрешение родителей было основой для вступления в супружескую жизнь.

В Армавир я вернулся во второй половине декабря, не хотелось возвращаться в часть, да еще под Новый год, но служба есть служба. Конец декабря 1949 года в Кореновке был очень морозным со снегом. Новый год по инициативе супругов Петровых решено встречать у них лейтенантской кампанией. Всеволод Петров (Севка) начала заниматься фотографией и эту встречу ему удалось запечатлеть.

Основное увеселительное место было кинотеатр и рядом не отапливаемый клуб, в котором иногда устраивались танцы. Мы этой группой держались вместе, днем на занятиях по командирской подготовке, а вечером, как правило, по домам, где увлекались картами, игрой на гитаре. В начале февраля пришел приказ: всех выпускников 1949 года направить в г. Грозный в Высшую офицерскую школу инструкторов.

Сборы были недолгими, т.е. основной расчет и оформление предстоял в Армавире. В такую морозную зиму одели на себя меховые брюки, куртки, остальное – в узлы и чемодан. Провожал нас Сорокин. Прибыл на Армавир-2 глубокой ночью, транспорта никакого, решили идти пешком по шпалам на Армавир-1. Там нашли человека с санками, который и отвез наши вещи за 3 рубля. Пошел 5-й час, мне не хотелось беспокоить людей, и минут через 20 я решился. После стука в окно залаяла сразу собака, и раздался вопросительный голос, я ответил. Мой приезд был неожиданным. Из Майкопа тоже приехали четверо: Машкей, Азизов, Абрамов и Монахов. Отношения у нас с Ниной

еще больше упрочились. Перед убытием в Грозный я уговорил Нину сфотографироваться. Фотография получилась хорошая. Купил я ей подарок, которой с трудом вручил – чулки с контурной пяткой. В это время отношения наши были кульминационными, уже не было сомнения в чувствах.

Вера часто получала письмо от Саши и в такие минуты заводила патефонную пластинку с песней о родном городе Саши – Одессе: «В Одессу я больше не приеду, забудет Одесса про меня». Она была беременна. Из всех отъезжающих нас в Грозный, половина была женатых. Грозный встретил нас пасмурной погодой, чувствовался дым. В эту школу прибыли молодые летчики-выпускники 1949 года из всех училищ: Армавирского, Качинского, Батайского, Борисоглебского, Чугуевского, Сталинградского (Новосибирск), Фрунзенского, Ворошиловоградского. Оренбургского. Омского и Энгельского. Школа располагалась на западной окраине города рядом с пригородным вокзалом «Грознефтяная». От проходной тянулась центральная улица проспект Революции, упиравшаяся в берег Сунжи с сквером Лермонтова. Расположились в казарме, и весь режим наш определялся казарменным положением. Опять вспомнилась курсантская жизнь. Программа учебы рассчитана на 10 месяцев. Среди теоретических дисциплин были специальные: педагогика, методика обучения, психология, авиационная медицина. Летная практика предусматривала кроме совершенствования техники пилотирования днем и ночью, специальные методические полеты из кабины инструктора для обучения различным элементам полета. Молодые офицеры оказались в поле зрения женской части молодежи города. Многие из холостяков завелись знакомством и месяцев через шесть пошли свадьбы. Женился Коломенский, а затем Азизов. Я ждал свою судьбу, и никто меня не интересовал. На майские праздники 1950 года к Макушкину собиралась приехать его жена, подруга Нины. Я пригласил ее. Эти дни действительно были праздничными, не хотелось расставаться, но мы верили, разлука нам не страшна, и скоро мы будем вместе. Нине нужно было окончить 10-й класс и учиться дальше.

Летом приехали жены Петрова и Макушкина. Теперь в выходные дни мы собирались своей компанией, гуляли по городу, отмечали праздники. В конце лета Нина еще раз посетила Грозный. Встречи наши проходили в хорошей дружеской атмосфере, дающей надежду на осуществление нашего желания быть вместе.

Во второй половине 1950 года обстановка на Дальнем Востоке резко обострилась. В Корее шла война между северной и южной частями страны. Наша страна и Китай были на стороне северной, США – южной. В октябре сдали госэкзамены по летной практике, а затем теорию, начали сдавать. Тут поступило неожиданное распоряжение: «Основную часть выпускников-истребителей направить на Восток, где разворачивались школы, в том числе и для подготовки летчиков Кореи (КНДР). Экзамены сдали по ускоренному расписанию, и началась мандатная комиссия. Приказом по школе вдруг меня оставляют инструктором ВОИШ в г. Грозном. Этого я не ожидал, т.к. здесь были опытные инструкторы и все старше меня. Азизов и Петров получили назначение в Армавир, остальные на Восток. Такой оборот дела меня не огор-

чил. Я в тоже время понимал, предстоит трудная, кропотливая работа в таком коллективе. Сразу возникли житейские проблемы: искать жилье после отпуска, пришла пора определиться в жизни. Я и так засиделся с перездами и учебой. Родителям я написал, что решил жениться на Нине и что в отпуск в этом году к ним не приеду. На это я получил одобрение. В отпуск в Армавир поехал вместе с Азизовыми. Они к месту службы – в Майкоп, а я просить руки и сердца Нины Николаевны Кумейко. Поезд в Армавир пришел вечером, меня встречала Нина с дядей – майором Жирновым И.Г., который через пару дней уехал к месту службы в г. Липецк. Шла вторая половина декабря, приехал в отпуск Самгородецкий, окончивший радиотехническое училище и получивший назначение служить в Крыму (Камышбурун, южнее Керчи). У них с Верой уже семья, сыну Владимиру – полгода. После нового года им предстояло уезжать из родного дома и начинать жить самостоятельно в армейских нелегких условиях.

Нина училась на 1-м курсе Армавирского учительского института на филологическом факультете. Выходить замуж вроде не подходящее время. После непродолжительных переговоров было достигнуто единодушное соглашение на женитьбу. Пошла подготовка к свадьбе и регистрации. Мне нужно было купить невесте на платье белого крепдешина, но его в городе не оказалось, и я поехал в Новокубанскую и там такого материала не было. Там уговорили меня взять шелк, так и я поступил. Затем, когда Нина ушла на занятия, я понес документы в ЗАГС недалеко от института. 31 декабря 1950 года в сопровождении Веры и Саши и благословления родителей Нины мы пошли регистрироваться. Был хороший, тихий и солнечный день. ЗАГС размещался в небольшой комнате, ничем не напоминающий своим назначением. Сейчас на том месте выстроен дворец бракосочетания. Регистрация прошла настолько буднично, как будто оформлялась купля-продажа. Колец у нас не было, мы даже не одевались, цветов – не помню. Как только вышел на улицу, держа за руку теперь уже жену, все вокруг мне показалось иным, почувствовал большую ответственность за любимого мне человека, за ее судьбу и всю ее жизнь. Из ЗАГСа мы совершили прогулку через базар, где в магазине купили первую семейную покупку – ткань на выходное платье Нине, а Саша – Вере, одинаковые (на белом фоне голубые листочки). Дома отметили регистрацию, а затем и новый 1951 год. Свадьба была назначена на 19 января. По-обычаю в этот период такие торжества не проводятся. Нужно было подготовиться. Через несколько дней состоялись трогательные проводы Самгородецких. Дом опустел наполовину. Несколько дней плакала бабушка за первым внуком и за дочкой, ушедшей в другую, семейную, самостоятельную жизнь. Нина училась, я ее встречал, провожал, помогал выполнять учебные задания, готовиться к свадьбе.

19 января я должен был во второй половине дня приехать за невестой. Нанял для этой цели «Победу» и подкатил к воротам, а там мне преградили путь человека четыре, требуя от меня входного выкупа. Такого обычая я не знал и почти начал возмущаться, а мне один мужчина объяснил. Пришлось через забор получить бутылку, угостить стражу и получить право на вход к невесте. Войдя в дом, опять я встретил заслон из детей и молодых женщин,

с которыми откупился конфетами. По обычаю, нужно было с невестой ехать в дом жениха, к месту свадьбы, но т.к. дом и место свадьбы были в одном месте, а мы были уже зарегистрированы, то поехали в фотографию. Сопровождали нас в машине Нина Старикова со своим знакомым, а за нами шла грузовая машина с гостями, которую вел Рыбальченко (кум). Погода была теплой, но не солнечной. При выходе из фотографии первым встретился Шурчков Олег – инструктор звена, с которым случайно пришлось летать парой. По приметам это хорошее предзнаменование на нашу семейную жизнь. Осталось выполнить наказ, чтобы не разделили нас до свадебного стола, и чтобы не перешла дорогу женщина. У ворот дома ожидали нас гости и много зрителей. Входили мы в раскрытые ворота, мать обсыпала нас из решета смесью хмеля, конфет, денег и орехов – символ веселья, сладости, достатка и крепости семейных уз. Как только была брошена первая и вторая горсти этой смеси, не удержались от соблазна даже пожилые женщины, бросившись под ноги нам собирать дары, загородив нам дальнейший путь. Останавливаться было нельзя, и я помог Нине преодолеть этот барьер – через них пошли. У порога дома нас встретили родители Нины с иконой, на полу была постелена шуба, на которую мы с Ниной встали на колени для благословления. Таким образом, я теперь стал членом еще одной семьи. К концу веселья мы с Ниной танцевали наш любимый танец – вальс. На второй день после небольшого угощения, вся свадьба двинулась для продолжения гулянья к бабушке Нины – Анисии Ивановне. На третий день гуляли с нарядами, в этот день пришел мой однокашник по училищу и земляк Сергей Чустов, возвращавшийся из отпуска. Чего не придумают полупьяные и где только берут причудливые наряды? Нашли гитару и так на ней «играли», что вскоре от нее остался один гриф. Затем вывели полуторогодовалого бычка и стали с ним забавляться. Он был не из ретивых, смирный, и после того, как влили ему спиртного, он преобразился. Он начал взбрыкивать и бодать, укротители бросились врассыпную. Бык бросился во двор, где стояла беременная молодая женщина. Увидев его, она бросилась бежать, надеясь скрыться в ближайшем совсем не подходящем месте – туалете. Все обошлось хорошо, только ее через 2-3 часа отправили в роддом, где она родила девочку. Дирижёром этих выступлений была жена брата Николая Федосеевича Кумейко – Татьяна. В заключение дня один из малышей гостей зажег солому во дворе. Хорошо, что сразу заметили и не дали возникнуть пожару. В это время мать лежала на диване с сильной головной болью, и когда крикнули: «Пожар!», она вскочила и выбежала во двор, где только шел легкий дымок, и все оживленно разговаривали. Эта встряска сняла головную боль, и гулянье снова продолжалось.

Нина сдала зачеты за первый семестр и вскоре меня провожала в Грозный. Там такого института не было. Тяжело было расставаться, но так требовала обстановка и было решение закончить институт, а потом будем вместе. Опять перед нами встали трудности разлуки, к таким испытаниям мы были готовы и не раз их с честью переносили, и это укрепляло наши чувства и доверие друг к другу, которые очень необходимы в жизни военного, особенно летчика. Этим я всегда гордился.

6.3. Становление офицера и семьянина

Я вошел в новую семью и приобрел многочисленных ее родственников, с которыми нужно познакомиться.

Отец – Николай Федосеевич Кумейко рождения 1898 года, выходец из Запорожских казаков Полтавской области. По специальности ветфельдшер, а затем совершенствовался по учету труда, участвовал в Отечественной войне. На вид тщедушный, избегал физического труда, любил шутки, веселье, но пил мало. На жизнь смотрел легко и спокойно.

Мать – Александра Гавриловна Жирнова, рождения 1909 года. Ведет свой род от Наумовны по имени своего мужа Наума Жирнового, владельца кабака в Армавире. Крупная и видная, чернявая мать всегда обращала на себя внимание, разговорчивая, легко входила в контакт с людьми, добрая и внимательная, всегда пользовалась уважением. В работе горела и всегда стремилась заработать как можно больше.

У Наума был сын Гавриил, дочери: Матрена, Анна и Марина.

Матрена – мать Стоякина Александра Степановича и Анны Степановны Долговой. У Стоякина – одна дочь Светлана, у Анны – две дочери Галина и Нелли и сын Александр.

Анна – мать Анатолия Павловича Гаража 1925 года рождения, живет в г. Новочеркасске.

Гавриил женился на Анисии Ивановне, у них было трое детей: Александра, Иван и Валентина. Сын Володя – умер от простуды.

Иван Гаврилович 1917 года рождения – кадровый военный, бывший летчик, женился на Александре Ивановне Садовой. Их дети: Галина, Анатолий и Лариса. У Галины Мхитарян дочь Марина и сын Тигран. У Анатолия – две дочери, у Ларисы – сын Сергей.

Валентина Гавриловна Кривошлык (1920 года рождения). Ее дети – Людмила 1949 года рождения – врач-стоматолог, живет в Армавире, имеет сына Дмитрия (Строкач). Светлана 1955 г.р. – счетный работник имеет дочь Оксану.

По линии отца Нины очень много родственников, его брат Федор, сестры: Анна Гаранатая, Раиса Коваленко, (Татьяна Кумейко – это жена Федора). Счастливая на детей оказалась семья Коваленко Матвея – 4 дочери и 2 сына: Тоня, Люба, Алла, Валя, Василий и Анатолий.

Став семейным человеком, я почувствовал ответственность перед Ниной за ее будущее и перед ее родителями, я беспокоюсь и думаю как построить жизнь, чтобы она была счастливой для обоих. На жизнь я стал смотреть по-иному, более серьезно и осмотрительно.

Отпуск мой подходил к концу. Все с большей тревогой я чувствовал боль предстоящей разлуки с любимой.

Нина училась на первом курсе учительского института, на филологическом факультете. Было решено учебу продлить, а летом вовремя каникулы будем вместе в Грозном. Трудность разлуки я почувствовал в первые же дни пребывания в этом городе. Не было большого желания, чем увидеть свою лю-

бимую жену. Часто вызывал ее на переговорный пункт. Так началась первая разлука, длившаяся почти 3 месяца.

Жил я в Грозном на частной квартире и чувствовал себя хуже, чем в казарме. Месяца через три я нашел другую, более удобную квартиру, на которой около года назад проживал Макушкин Н.И. с Людмилой, подругой Нины.

На майские дни я приехал в Армавил, как в родной дом. Все здесь мне было по душе, а пребывание прошло как во сне. Второго мая, как всегда, мы посетили рошу и хорошо провели там время.

Я узнал, что у нас будет дитя, в октябре мы должны быть родителями. Глядя на Нину, трудно было поверить, что такая молоденькая девушка скоро будет мамой. Все это естественно и воспринимается как событие радостное и большой важности. Радости было мало, т.к. мне нужно было учиться. Уйти в академический отпуск не было речи.

В июле 1951 года я с нетерпением ожидал приезда Нины и вот – долгожданная встреча. Она привезла неприятную вест, ее подруга Люся Макушкина внезапно умерла, оставив трехмесячного сына.

Времени у меня было свободного достаточно, чтобы быть вместе, потому, что шла переформировка высшей офицерской школы в полки, т.е. в службе было затишье. Все свободное время мы гуляли с Ниной по городу, обсуждали свои предстоящие родительские заботы. В то время был в городе на гастролях Днепрпетровский театр оперетты, и мы с удовольствием посещали его репертуар в летнем театре.

После переформирования служба проходила в полку с тем же почти составом эскадрильи. Мы получили новейшие реактивные истребители МИГ-15 бис и приступили к его освоению. Это был необычный самолет, без винта, спереди и сзади отверстие большого размера, стоит на 3-х колесах горизонтально, а не наклонно, как поршневые. Хвостовое оперение высоко поднято над фюзеляжем. В кабине сидеть принято и все видно, обзор прекрасный, мы увидели свет. Возможности этого самолета значительно большие и летать приятнее. Вместе с переучиванием летали и на поршневых самолетах больше ночью на совершенствование техники пилотирования, это нас радовало, и большая нагрузка не так ощущалась, тем более, когда знаешь, что ждет тебя любимый человек и время будет проходить приятно.

Быстро пролетело время летних каникул, и к сентябрю Нине нужно было возвращаться на учебу в институт. Я ее сопровождал в Армавир.

Нина месяц посещала институт. 17 сентября 1951 года на день рождение сфотографировалась в белом пальто, а 3-го родила сына. Имя ему было давно уже определен, и поэтому ответную телеграмму я дал такого содержания: «Поздравляю с сыном и внуком Валерием». Меня охватило какое-то радостное настроение, и вместе с тем чувствовалась еще большая ответственность и возмужалость. Теперь уже образовалась семья Михина. Мне хотелось увидеть сына, каков он, на кого похож и т.д. На эти все вопросы Нина написала в письме. Они теперь стали приходить реже, т.к. забот прибавилось и многие из них легли на бабушку.

В 1951 году вышел приказ, которым предлагалось офицерам, не имевшим аттестата о среднем образовании, поступить в вечернюю среднюю школу при доме офицеров и закончить ее. Я относился к этому числу среди многих. Были созданы два 10 класса, основной и выпускной. Этот приказ я воспринял с радостью, т.к. чувствовал необходимость пополнения знаний и думал об учебе в высшем военному учебном заведении. Трудно сочетать работу и учебу, каждую минуту приходилось использовать по назначению. Пришлось самому повторить материал по физике, математике с 8-го класса. Освоение материала шло не так, как в школьные годы, более вдумчиво, и не ограничивался только тем заданием, которое было дано преподавателем. Это способствовало приобретению прочных знаний и навыков в решении задач. Занятия проходили по 5 дней в неделю до 23 часов. Трудно было, но очень, очень нужно было получить знания и аттестат. Зимнее время способствовало такой учебе, но на командирских занятиях задачи средней школы не афишировались и решались тайком.

В отпуск в авиации в то время ходили только в зимнее время, и я в декабре поехал к семье, полностью подключившись на помощь по уходу за сыном. Рос он беспокойным, мало спал и много кричал неизвестно почему. Нине нужно было подготовиться к сессии. Мои основные обязанности были нянчить сына и помогать в хозяйстве. Больше всего в этих заботах все мы испытывали недосыпание. Чтобы Валерик не кричал, а больше спал, к кому только не обращались. Врачей оставили, т.к. они ничем не могли помочь, обратились к бабкам. Каких только странных явлений не пришлось увидеть и услышать. Сглаз, например. Как-то раз я развлекал сына в его кровати, было тихо, хорошо. Пришла какая-то армянка и стала тоже развлекать. Валерик был спокоен. Как только эта женщина закрыла дверь – он закричал и стал плакать. Вскоре пришла бабушка и спросила причину слез, я объяснил. Она взяла чашку воды, бросила в нее горящую спичку и сбрызнула дитя. Он вздрогнул, несколько раз прерывисто вздохнул, успокоился и заснул. Такое часто бывало, если кто-либо из посторонних посмотрит на него с удивлением. Иногда крик нас выводил из равновесия, неясна была причина такого состояния и опять мы слушали различные советы опытных женщин. Один из них мне пришлось выполнять. Яйцо, проколотое иглой и опустошенное через это отверстие, привязать к веревке и до завтрака опустить в трубу дома, конец веревки привязать к трубе. Как только веревка перегорит, боли прекратятся. В общем, втроем мы уставали, и так продолжалось до 3-4-х месяцев.

К концу моего отпуска было решено окрестить сына, может быть это по-может. В церковь понесла внука бабушка и крестная мать – Светлана Стоякина, которой в то время шел 14-й год. Пошел 1952 год – последний года учебы в институте. Учеба и ребенок это почти несовместимое. Приходилось изыскивать возможности и преодолевать трудности. Почему-то об академическом отпуске не заходил разговор, возможно в этом институте не полагалось такового. Чтобы покормить сына между занятиями, Нине приходилось нести его в дом к подруге, к Гале Коломийцевой, жившей рядом с институтом. Это расстояние в один конец занимало примерно минут 15 и притом зимой.

Возвращался из отпуска я с нехорошим настроением, т.к. хотелось больше заботы взять на себя, быть вместе, но обстановка пока не позволяла и это меня угнетало. На майские дни я приехал к семье. Сыну было уже 7 месяцев, он стал более спокойный, начинал стоять у спинки дивана. Все радовались росту и развитию ребенка.

В июне месяце я сдал экзамены за 10 классов и получил аттестат. Это была программа минимум, а впереди – желание учиться в Академии. Для этого нужно было много и много трудиться для совершенствования своих знаний как общих, так и специальных по службе. Вскоре мне неожиданно дали отпуск, первый отпуск летом за 8 лет службы, и он был очень ко времени. Проездные документы выписал в Евпаторию, где жили Самгородецкие, и мне хотелось побывать у них и в тех краях.

Нина закончила институт. Предстояла разлука ей с родным домом и родителями. Нужно было полностью самим начинать семейную жизнь. После небольшого пребывания в Армавире я выехал в Евпаторию с пересадкой в Синельниково. С билетами в это время было очень трудно. В Евпатории после непродолжительных поисков нашел Майнаки, севернее города, за соленым заливом был пост, где жили Самгородецкие. Я был первым гостем у них. Жили они в домике отдельном, Саша был в командировке в Севастополе, приехал через два дня. Володе шел третий год, забавный малыш и с ним часто развлекались солдаты поста. Здесь я впервые искупался в Черном море и увидел, как люди отдыхают, лежа на песке под палящими лучами солнца. Это было для меня странно. Вера старалась создать условия для моего отдыха на море, но я не привык лежать под солнцем – искупался и домой.

В обратный путь отправился без билета, его можно ждать весь отпуск. Не оказалось билетов и на станции пересадки Синельниково, но я решил двигаться вперед даже пригородными поездами, а пассажирские шли забитыми, и на станции не было возможности войти в вагон. На станции Чаплино я уговорил кассира выдать мне билет до Армавира, хотя мест не давали. Подошел поезд, а в вагонах свободных мест нет, но оставаться было нельзя, и я смог войти в другой вагон. В нем я положил чемодан и нашел место, чтобы спокойно стоять. Узнал у проводника, что до Яссиноватой мест не будет, а дальше освобождается верхняя полка в моем купированном вагоне, но за это с меня бутылку горилки запросили. В Яссиноватой купил горилку и сразу лег спать на законном основании, отказавшись от распития.

Вторая половина отпуска в Армавире шла с подготовкой к отъезду в Грозный. Мать провожала вторую дочь с внуком и теперь приходится оставаться вдвоем. Она потихоньку и явно, не скрывая слез, плакала, приговаривая, как мы останемся с бабушкой одни, одолеет скука и наказывала писать письма чаще. В августе, когда Валерику было 11 месяцев, буквально перед отъездом он сделал первые шаги во флигеле (пристройке к дому). Переезд поездом был не из легких, перед выездом у Валерика расстроился живот, но он уже хорошо знал, что лучше проситься на горшок.

В Грозном пошла нормальная семейная жизнь, меня провожали на полеты и ожидали с них жена и сын, и так на протяжении последующих 15 лет. Нина

получила направление из ОблОНО работать в школе, расположенной поблизости от дома. За Валериком ухаживала хозяйка квартиры, когда нас не было дома. С большим желанием и интересом взялась Нина за работу. Она вскоре сблизилась с завучем школы – Жуковой Валентиной Зиновьевной, женой военнослужащего. Теперь стали заходить к нам знакомые в гости, и мы к ним, пошла настоящая семейная жизнь. Обстановка в комнате была самая простая, а если в буквальном смысле, то никакой. Железную кровать дала хозяйка из сарая, диван и шифоньер с тараканами просились в печь, но они были хозяйские. Из трех чемоданов сделали столик, на который поставили зеркало, получился туалетный столик. Обстановка нас не беспокоила, и мы не отчаивались, т.к. все было впереди. Затем купили этажерку, радиоприемник «Кама» и вся комната сделалась заставленной. Выделили уголок для игрушек Валерику, где он мог с ними играть. Вечерами мы обычно ходили в скверы над р. Сунжей, посещали, как правило, «подкову», где продавали сливочное мороженое с минеральной водой. Это время мы всегда с удовольствием вспоминаем. Детских колясок тогда не было, сына приходилось носить на руках, на плечах.

Так прошло лето. Перед ноябрьскими праздниками в гости к нам приехали Вера и Саша. В память об этой встрече сфотографировались (мы с Сашей впереди, между нами Валерик, а позади Вера с Ниной). Зимой 1953 года я в составе сборной полка участвовал в соревнованиях по офицерскому многоборью, и вдруг в тир пришла взволнованная Нина. Я очень встревожился этому визиту. Нина сказала, что у хозяйской внучки Жанны обнаружили «свинку» и что заболевание Валерика неизбежно. Я старался ее успокоить, т.е. можно уже заранее принять меры и знать, что ждет нас впереди. Хотя мы старались изолировать детей, Валерик заболел, но всё прошло в сравнительно легкой форме. Однако Нина очень волновалась за сына.

В конце зимы 1953 года я написал рапорт с просьбой направить меня на учебу в Краснознаменную Военно-Воздушную Академию.

После учебы школьников Нина с Валериком поехали в Армавир, а я остался один и потихоньку стал повторять материал школьной программы для подготовки к отборочным экзаменам в конце года. Лето пролетело быстро, т.к. работы у меня было очень много – пришлось переучиваться на реактивные самолеты. К началу работы школ вернулась моя семья и все пошло хорошо. Где-то в конце ноября неожиданно появился на пороге мой брат Николай, перегнавший ТУ-2 в Ленинград, и здесь в Грозном сделал посадку. Одну ночь он ночевал у нас, а с ним мы не виделись с 1947 года. Тогда встретились тоже в Грозном, когда он был на курсах, а я возвращался из отпуска курсантом.

Предварительные экзамены сдавал я в Пятигорске. Этот город, описанный М.Ю. Лермонтовым, вызвал большой интерес. Здесь я увидел исторические места, связанные с пребыванием известных поэтов и других знаменитых людей России. Большое впечатление произвело посещение музея М.Ю. Лермонтова и могилы, где он был захоронен после гибели. Предполагаемое место дуэли тогда не было обозначено. Жили в казарме кавполка, где сейчас расположен санаторий МО. Экзамены сдавали в старейшей школе города № 1 по ул. Кирова.

На медкомиссии здесь мне врачи рекомендовали удалить рубцы после выжигания гланд, т.к. в них заметили гнойнички. Я это чувствовал иногда, и теперь причина известна, ее нужно убрать. После возвращения в Грозный вскоре получил направление в Краснодар на операцию. Госпиталь, в котором я встретил новый 1954 год, располагался в том здании, где я начинал службу в авиации в 1944 году, по ул. Тельмана. После возвращения в Грозный, я поделился впечатлениями с Ниной. Краснодар очень медленно ликвидировал последствия войны, правда, руин уже не было, трамвайную линию с улицы Красной перенесли на Коммунаров, на привокзальной площади восстановили здания.

Поскольку образовался у меня отпуск небольшой после операции, мы решили осуществить давнишнюю мечту – поехать к моим родителям семьей, на мою родину, в Забузан. Нина тоже была свободной, шли зимние каникулы. Стояла очень холодная зима 1953-54 года, и мы двинулись поездом в Астрахань. Нина волновалась, т.к. предстояла встреча с моими родителями и многочисленной новой для неё родней. В Астрахани остановились у брата Ивана и тете Кати (они жили рядом). У Ивана и его жене Оли была дочь, на года два старше Валерика. Для поездки в Забузан, это 30 км от города, я нанял такси с оплатой туда и обратно, т.к. тогда автобусного сообщения не было, да и стояла очень холодная зима. Не доезжая три километра, решили ехать старой ближней дорогой, но вскоре застряли в сугробе. Еле выбрались и поехали окружной, где нас догнала колхозная полуторка. Мы пересели на нее и подъехали к дому на исходе дня. Нас встретила сестра Дуся и мой отец, мама была в комнате. На следующий день я показал хозяйство и двор, коров, барашек, коз, кур, слазили на чердак и с высоты осмотрели все село. Сходили с Ниной в районный центр через лед двух речек и островов, то есть по той дороге, по которой я ходил зимой шесть лет в школу и иногда в кино. Валерик остался дома с бабушкой Таней и дедушкой Филиппом. Что удивило моих родителей, когда мы с Ниной уходили – это спокойное поведение их внука. Он не плакал, как обычно плачут дети за родителями. Через несколько дней была устроена встреча – вечер со всеми моими родственниками и хорошими знакомыми. Вечер прошел хорошо, Нина даже пустилась в пляску к моему удивлению. Впечатление осталось хорошее. В обратный путь за нами приехал тот же водитель такси. В Астрахани Оля нам сказала, что их дочь Таня болеет корью. Нина с Валериком разместилась у тети Кати, Оля сделала укол Валерику для профилактики. Настроение наше упало. После возвращения в Грозный он заболел, правда, перенес эту болезнь в легкой форме.

В три года Валерик знал очень много стихов и таких больших, как «Мой-додыр», «Дядя Степа», запоминал сильно рисунки, названия птиц, бережно относился к своим игрушкам и вещам, свой уголок содержал всегда в порядке, знал место, где можно было играть без ограничений.

Весной 1954 года нам предстояло решать впервые задачу по обучению, а точнее по переучиванию курсантов. Раньше была одна задача – усовершенствование подготовки инструкторского состава летних училищ. Прибыли из школ востока курсанты, которые летали там на устаревшей поршневой

технике. Их нужно было переучить на МИГ-15, дать небольшую практику и выпустить офицерами. Среди этих курсантов был будущий космонавт П.Р. Попович. Ко мне он, почему-то, больше обращался со своими житейскими вопросами, хотя он был не у меня в звене. Рассказывал про свою курсантскую неудачную жизнь, о том, как познакомился на танцах в Новосибирске с Мариной, увлекшейся парашютным спортом и т.д.

Семейная жизнь шла своим чередом, все шло хорошо. Примерно в середине марта наша хозяйка вдруг заявила, что больше не хочет ухаживать за Валериком, т.к. он не слушается, быстро бегают и т.д. Детских садиков тогда не было. Оставалось одно – просить бабушку Саню, чтобы взяла внука месяца на 2-3, т.к. я надеялся уехать на учебу, а Нина здесь одна не останется. Бабушка есть бабушка. Приехала и увезла внука в Армавир. Мы сразу заскучали, опустела наша комната от увлекательного детского говора и шумных игр с ним. С нетерпением ждали майских дней, чтобы поехать на эти праздники увидеть сына, бабушку и дедушку, которым внук принес веселье и радость в доме.

В конце апреля пришел приказ, по которому из 4-х кандидатов на учебу допустили только двоих, меня и Петрова Р.А. Мне предоставили отпуск для подготовки – это нас обрадовало. Я составил себе режим работы, которому придерживался, и Нина помогала мне его выполнять. Когда она была на работе – я занимался в части, а вечером, если не было работы над тетрадами учеников, уходили в город.

Накануне 1 Мая, после уроков в школе, мы выехали в Армавир и утром были дома. Сын нас не узнал. Нина хотела его взять на руки, а он не шел, не уходил от бабушки. Это вызвало удивление и даже смех для бабушки, а для матери – обиду. Вскоре все стало на свое место. 2-го мая по традиции в Армавире устраивали массовые гуляния в роце, 2-го праздновали у родственников. Как всегда, в этот день собирались у бабушки Анисии. В этот же день нам с Ниной нужно было уезжать в Грозный. По дороге от бабушки домой у кого-то возникла мысль: зайти к знакомому врачу-хирургу (Н.И.) и взять справку – освобождение для Нины. Я был против, т.к. знал, что в такие дни этим не занимаются, да и кому нужна справка, если завтра ее ждет там класс. Убедить мне не удалось двух охмелевших женщин. Пошли мы к врачу. Николай Иванович пригласил нас в комнату, где был накрыт праздничный стол, за которым сидели повеселевшие гости. Нас усадили за стол, пришлось выпить, а о справке спросить постеснялись, проявив здесь благоразумие. От добавленной выпивки я захмелел прилично и когда пришли домой, я оказался нетранспортабельным. Улегся я на диван и отключился от всех забот – я в отпуске, а Нине завтра быть на работе, да еще какой. Она пыталась меня привести в нормальное состояние, но это быстро не происходит. Я ей предлагал ехать одной, а мне в таком виде нельзя появляться. Нина не решилась сама ехать, и получилось, что освобождение я ей предоставил. Выехали на второй день. На работе у Нины состоялся неприятный разговор с завучем, ее хорошо знакомой Валентиной Зиновьевой Жуковой.

Наступили летние каникулы, бабушка привезла нам сына и все пошло, как и раньше. Я готовился по графику, не допускал никаких послаблений.

Домой приходил вечером, и семьей направлялись на отдых в город. Подходило время отъезда на учебу. Сослуживцы провожали меня окончательно, а я – сомневался, т.к. кроме знаний учитывался возраст и опыт работы. То и другое было минимальным.

Как-то после прогулки Нина сказала мне, что у нас будет второй ребенок. Воспринял я это с радостью и волнением. Мы все обговорили, вроде все складывалось по-хорошему. В начале июля 1954 года поехал я в Москву сдавать экзамены для поступления в Краснознаменную Военно-Воздушную Академию. Она располагалась в Монино среди соснового бора. Москву я видел впервые, но осматривать ее достопримечательности было некогда. Главное нужно было выдержать конкурс, а он был небольшим, и я успешно прошел по главным дисциплинам. Кроме дисциплин средней школы сдавали и специальные военные предметы. Поступил я на штурманский факультет. На этот факультет третий год набирали одно отделение летчиков-истребителей. Это было необходимо в качественной подготовке руководящего летного состава ВВС, т.к. значение бомбардировочной авиации перед ракетами уменьшилось, а возможность преодоления ПВО увеличилась. В 1953-54 годах было несколько случаев нарушения воздушных рубежей нашей страны иностранными самолетами. Стояла задача готовить специалистов по наведению наших истребителей на воздушного противника с большой надежностью. Программа этого факультета была намного интереснее командного, и мы этим гордились. Так я стал слушателем Академии, я был очень рад. Об этом радостном событии я сообщил Нине, своим родителям и сослуживцам в часть. До начала занятий (1 сентября) оставалось дней восемь, у кого часть была недалеко, поехали за семьями, предварительно сняв квартиру в поселке. Я не успевал поездом это сделать и это меня сильно беспокоило. Нине нужно было переехать с сыном в Армавир самой. Помог решить эту трудную задачу случай. В это время Саша приехал в отпуск в Армавир, и он приехал в Грозный, собрал и увез мою семью в Армавир. Так мы, сменив место службы, оказались в разлуке месяцев на шесть. В оставшееся время до начала занятий я посвятил знакомству с Москвой. Посетил мавзолей В.И. Ленина и И.В. Сталина. Сталин тогда лежал рядом с Лениным. Осмотрел выставку, музей В.И. Ленина, только что построенный МГУ, парк культуры им. Горького. Закупил тетради, оформил их и пропуск. Так пролетело время. Жил я, как и многие слушатели, в общежитии-гостинице, а точнее – в казарме, т.е. в одной большой комнате человек на 25.

Учеба сразу пошла напряженно. Сразу стали давать высшую математику, физику, радиотехнику. Много времени занимало конспектирование первоисточников марксизма-ленинизма. Времени не хватало, но ложился спать не позже 23.00 часов, так было установлено. Пришлось больше уделить внимания подробному записыванию в сокращенных словах лекций, чтобы не пользоваться дополнительной литературой, хотя это требовали. Преподаватели физкультуры требовали выполнения утренней зарядки, т.к. были на казарменном положении. Кроме плановых занятий по физкультуре, нужно было еще один раз в неделю заниматься в секции. Это нас возмущало здорово,

но вскоре убедились, как это стало помогать нам в усвоении трудного материала. Оказывается, при большой умственной нагрузке требуется увеличение и физической нагрузки. Очень важно правильно сочетать последовательность или очередность изучения предметов с физическими нагрузками между ними. Эти рекомендации помогли войти в режим и все выполнять в установленные сроки. На учебу уходил и выходной день, кроме вечера. Вечером, как правило, ходили в дом офицеров, где смотрели кино или новинку того времени – телевизионные передачи. Телевизор КВН имел экран размером чуть меньше стандартного листа бумаги: иногда посещали представления московских артистов, они приезжали часто. В Москву ездил очень редко. Удалось послушать оперу «Евгений Онегин» в большом театре и посмотреть спектакль в Малом театре. На этом же факультете, курсом старше, учился Азизов А.О. Он делился опытом учебы, жил с семьей на станции Валентиновка по дороге на Москву – это минут 20 езды электричкой.

Сразу же после ноябрьских праздников наступила зима со снегом и морозами. В сосновом бору снег придает особую красоту. Мне – южанину многое было в диковинку, например – лыжи. Их я увидел впервые, и пришлось осваивать их, т.к. нужно сдавать дистанцию 5 и 10 км по времени. От этого спорта я остался не в восторге, даже и просто прогулка на лыжах не оставила хорошего впечатления. Благодаря общей физической подготовке, которую дала мне гимнастика, я успешно преодолел эти дистанции, оставив позади северян. На занятиях спортом, мне, к великому сожалению, не приходилось заниматься в секции, всегда занимался самостоятельно, глядя на других, более опытных. Здесь же представилась такая возможность, и я записался в гимнастическую секцию. Вскоре на соревнованиях меня зачислили в сборную факультета и два года мы держали первенство Академии. Эти занятия мне нравились еще и тем, что после их всегда можно было помыться в душе, а это большая экономия времени.

Шел четвертый месяц учебы (декабрь), я ожидал сообщение о рождении второго ребенка, сыну пошел четвертый годик, теперь нужно дочурку, если сын родится – не огорчимся. 22 декабря вечером получаю телеграмму: «родилась дочь». Нужно было дать телеграмму жене, бабушке и дедушке, т.к. это первая внучка и дочка в новой семье. Я почему-то сразу не сообразил, а на следующий день пришла дублирующая, и я дал такую телеграмму. В письмах к Нине я интересовался дочуркой: как она себя чувствует, на кого похожа и как мама думает назвать дочку? Девочка была спокойной и росла нормально.

В конце января закончился 1-й семестр, как у всех студентов. Сдал всечеты и экзамены, поехал на зимние каникулы к семье в Армавир. Дома встретила меня теперь уже большая семья, ведь нас стало четверо, а в доме – шесть. Дочка маленькая, но видно, что будет смуглянка. Мне сразу была вменена обязанность: ходить, гулять с ней, т.е. носить на руках. Шел второй месяц дочери, а среди мамы, бабушки и прабабушки не находится общего мнения в выборе имени новорожденной. С такой неопределенностью пошли мы с Ниной регистрировать дочку. Когда спросили: «Как хотите назвать?», Нина неуверенно ответила: «Ангелиной». От неожиданности мне послышалось

Алевтина, я переспросил, волнуясь. Это имя я услышал впервые в своей жизни, и остался им доволен. Когда мы пришли домой, бабушка и дедушка Николай были удивлены редкому имени внучки. У нее была одна особенность, которая всегда привлекала внимание – очень темная косичка на шее. Это вызывало различные предположения в разговорах. Каникулы мои подходили к концу, и мы с Ниной решили сфотографироваться. Я решил, чтобы снимок был для меня в профиль, и я ему удивился. Оказывается, нос мой чуть загнут к низу, о чем мне никто не говорил, и я не видел. Фотография получилась хорошей. Перед отъездом я заявил, что в августе поедем в Москву всей семьей, а пока придется ехать одному. Бабушку это встревожило. Не хотелось оставаться им вдвоем.

Приехал я опять в казарму с нехорошим настроением. Длительные холода и пасмурная зима очень надоедают. Нужно было настраиваться на учебу. До летних каникул оставалось немногим более четырех месяцев. После этого опять мы будем вместе жить под Москвой.

Вскоре прошел слух, что в нашей Академии прошел смотр трех образцов новой формы одежды и утвердили традиционную темно-синюю форму парадной с белой рубашкой. На фуражке, петлицы и на рукавах располагались вензеля. Форма была броская и нарядная, а повседневная форма брюк цвета хаки была заменена на темно синюю. В феврале 1955 года я вступил в члены КПСС, билет вручал замначальника политотдела Академии полковник Мягков, который в 1947 года в Кавказской был замполитом полка. Во второй половине марта нас построили по росту, сделали расчет по шеренгам и приступили к тренировкам для участия в первомайском параде на Красной площади. Я оказался в четвертой шеренге (по 20 человек). Началась строевая подготовка сразу после занятий по 1,5 часа ежедневно. Это большая нагрузка и создавало еще больший дефицит времени. Пришлось переносить и эту необыкновенную трудность. Для целенаправленной тренировки и проверки за ее ходом раза 4-5 возили в Москву на аэродром им. Фрунзе (где сейчас аэровокзал), где по 3-4 раза проходили все колонны участвующие в параде, получали замечания и снова. Генеральная репетиция проводилась за день до парада на Красной площади с 22 часов. Во время таких выездов я увидел всех прославленных маршалов в Великой Отечественной войне: Жукова Г.К., Малиновского Р.Я., Конева И.С. Форму шили в московских ателье, куда мы ездили на примерки и за две недели все участники ее получили. В этой форме еще раз провели аранжировку и тренировку, а за 3-4 дня выдали на парад кортики, которые затем остались у нас навсегда. Солидные люди, а как на их настроение влияет приятная новинка – все довольные. Веселье, да и жены и дети были в восторге. Строй выглядел очень эффектно.

Первое майское утро 1955 года выдалось по-настоящему праздничным, солнечным и теплым. Гражданские высказывали очень лестные слова в наш адрес по поводу такой формы, а мы были горды от таких отзывов. Этим парадом командовал маршал Москаленко, принимал маршал Жуков. На память об этих днях я сфотографировался 2-го мая во весь рост. После этих праздников, т.е. 5 мая, всегда приходила подписка на очередной заём, т. е. на по-

купку облигаций на развитие народного хозяйства. Эта церемония начиналась всегда с митинга, и, как всегда, мы подписывались на сумму, превышающую полтора оклада, а через 10 месяцев получали облигации. Подписка прошла без восторга, этому способствовала обстановка. Слушатели жили с семьями на частных квартирах, за которые платили по 350-500 руб. в месяц. Примерно через неделю было объявлено, что с 1955 года, к нашему всеобщему одобрению, подписка отменяется. Уместно напомнить, что в то время семьи офицеров жили очень скромно, наверное, потому, что не имели своих квартир. Заканчивался второй семестр учебы. Нужно было сдать зачеты, экзамены, затем предстояла летняя практика и экскурсии на флот и войска (на показательные учения), потом – долгожданный отпуск.

Во время проживания в гостинице-общежитии один слушатель занимался фотографиями. Я давно хотел освоить это занятие и теперь окончательно решил купить фотоаппарат и фотографировать – это хорошая память. Экзамены я сдал очень хорошо, ровно.

Для знакомства с флотом нам повезло, место определили Ленинград и Кронштадт. Я сразу это представил как встречу с историческими и революционными местами, кроме того, в Ленинграде жил брат Николай. В Ленинград мы приехали поездом. Ленинград сразу выделился стройностью зданий, чистой улиц. Все желали быстрее увидеть исторические места: Зимний дворец, Дворцовую площадь, Смольный, Адмиралтейство, Петропавловскую крепость и, конечно, Неву. Времени до отъезда в Кронштадт было мало (часов 6). Нам повезло, мы попали в Зимний дворец, где все свободное время посвятили осмотру этой сокровищницы русских мастеров. После осмотра Зимнего сфотографировались у дворца, и перешли по мосту им. Лейтенанта Шмидта на противоположный берег Невы. У причала, против памятника Петру (Медный всадник), нас ожидал теплоход. После проверки документов вышли в Финский залив, где на горизонте из воды выступал купол Кронштадтского собора. Во время езды мы делились своими впечатлениями, восхищались настойчивостью и целеустремленностью Петра Первого, искусством мастеров архитектуры, тем колоссальным трудом, который вложил здесь русский народ.

В Кронштадте опять проверили документы, и мы сразу оказались в центре этой военно-морской крепости, на якорной площади у собора, откуда на север и на юг хорошо просматривались берега этого острова. Здесь же располагались торговые ряды – универмаг.

Расположились мы в казарме специалистов минно-торпедной школы. На завтра предстояло знакомство с кораблями различных классов. Первое знакомство проходило на борту линейного крейсера «Орджоникидзе». Он стоял на профилактике и готовился к походу в Англию. Осенью на этом корабле наш Генсек и пред Совмином Н.С. Хрущев ездил с официальным визитом в Англию. Почти пол дня ушло на знакомство с его службами боевых частей, затем осмотрели подводные лодки, катера, эсминцы, сторожевые корабли. Вечером пригласили нас в дом офицеров на концерт малоизвестных артистов эстрады. Здание это очень красивое снаружи и аккуратное внутри, это

бывшее собрание офицеров. Для матросов – клуб тоже очень красивый с летним садом-парком. К исходу второго дня запланирован выход в море на эскадренном миноносце «Не поверженном». Часов в 20 эсминец взял курс на запад. Нас ознакомили с правилами поведения на корабле: плевать и окурки в море бросать нельзя, облакачиваться на леера (ограждения вдоль борта) тоже нельзя и многое другое. В разговоре с офицерами и матросами нам показалось странным то, что, когда корабль стоит у пирса или даже во льдах зимой – команда должна находиться на нем. Может сойти только командир или старпом. Возникали вопросы о семьях, о жизни и службе морской. И все мы убедились в том, что для офицера нет лучше службы в авиации. Морская служба нас разочаровала, и мы искренне сочувствовали офицерам и их семьям.

Через несколько часов хода, когда стемнел, и за горизонтом скрылись берега, начались учебные атаки корабля торпедными катерами. Вначале один катер атаковал – торпеда прошла под кораблем, потом – второй, затем атака с обеих сторон одновременно по два катера. Корабль часто менял курс, маневрируя и отстреливаясь от нападающих катеров. Кругом вода и тьма. От такой картины стало жутко. Около двух часов ночи не захотелось больше смотреть ужасы, решили спуститься вниз. Нашел там свободную матросскую койку (без постели), как в вагоне, прилег там. Утром разбудил меня матрос, сказав, что все уже ваши вышли на берег. В этот же день переехали на южный берег Финского залива в г. Ломоносов и направились к форту «Красная горка». Здесь мы увидели береговые батареи, охранявшие проход залива. Это были самые большие орудия, калибром примерно 300 мм. Им не пришлось стрелять по кораблям противника за две мировых и гражданскую войну, никто не решался испытать силу этих орудий. На берегу по немцам они работали хорошо, и они ближе выстрела к ним так и не подошли.

На следующий день была назначена экскурсия на Балтийский кораблестроительный завод. Я отпросился и поехал в Гатчину, где жил и служил мой брат Николай. В ожидании электрички, зашел в магазин, где встретил подругу Нины – Нину Старикову. Она была дружкой у Нины на нашей свадьбе. Гатчина – историческое место, здесь расположен Павловский дворец, где провел детские годы царь-самодур. Он не отличался роскошью архитектуры, но прилегающий парк с прудами, островками, арочными мостиками и различными скульптурами придавал сказочный облик. Квартирu я нашел без труда, дома была жена – Нина Семеновна, которую я увидел первый раз и дочери: Ира и Таня. Из окон квартиры был виден аэродром, где проходила служба Николая. Он подошел примерно через час, переночевал я у них ночь и поехал в Ленинград. Электричка задерживалась, и я очень беспокоился, чтобы не опоздать на поезд, который нас повезет в Москву. Мне повезло, поезд с отправкой задержался на 2 минуты, и я на последних секундах успел войти в вагон.

Один день нам отвели для отдыха в Москве и снова сбор на Белорусском вокзале для отъезда в г. Дорогобуж (км 400 от Москвы). В нем начинал службу в артиллерии брат Иван. Было интересно посмотреть. Это не город, а скорее районная деревня на Днепре, за которым располагался воинский ла-

герь. Там нам предстояло ознакомиться с техникой и вооружением наземных войск, с организацией и ведением боя. В общем, посмотрели, как люди мучаются в пехоте, солдаты 2 года, а офицеры – всю жизнь. Целевую же установку я гораздо позднее осознал, когда сам принимал участие в различных учениях с войсками. В начале июля 1955 года выехал на летную практику в г. Каменск-Шахтинский, где стоял лагерем полк Академии, занимающийся обучением слушателей на практике. Лагерь был км в 8 севернее города, на аэродроме «Погорелое», где были 3 домика летного типа. В одном мы – слушатели разместились. Стояло жаркое лето, и мы так соскучились о лучах солнца, что сразу решили загорать как можно больше. Результат сказался сразу на следующий день – все сгорели так, что с большой болью одевали парашют. Загар пришлось оставить до выходного дня. Город расположен на р. Северский Донец, а его маленький безымянный приток, заросший камышом, проходил недалеко от нашего жилья и это мы использовали в полной мере, чтобы после полетов и просто так хорошо выкупаться. Инструкторами у нас оказались выпускники Армавирского училища 1954 года, которые только что освоили этот самолет (МИГ-15), а опыта обучения не имели. Командиром звена у них был Н. Лебедев – мой однокашник по курсантской службе. Перерыв в полетах был ликвидирован, но хотелось закрепить практику прочнее. Налет в 8 часов был мал. После практики вернулся в Монино.

Теперь на очереди был отпуск, встреча с семьей и теперь уже возвращение всей семьей в Подмосковье. Снял квартиру в пос. Стахановском, рядом с Монино, в частом доме-даче. Купил фотоаппарат «Зорский-Зс» и поехал, а точнее полетел в парадной форме самолетом в Астрахань. Самолет сделал посадку в Волгограде. Я внимательно осмотрел город сверху и в аэропорту – не произвел он впечатления, а точнее – не понравился. Кругом степь, зелени никакой, ни в городе, ни за его границей. Пребывание дома, т.е. в Астрахани и в Забузане было непродолжительным, я спешил к семье. Жена, сын и дочь, которую я не видел, ждали меня очень. По дороге в Армавир остановился в Грозном, откуда год назад я уехал. Зашел в полк, встретил сослуживцев. Всех удивляла новая парадная форма. Встречу отметили, и я вечером поехал дальше. Утром я был в Армавире. Встречала меня Нина одна, а затем подошла незнакомая молодая женщина с ребенком. Нина представила ее мне и сказала, что она живет по соседству и взяла у неё ребёнка как бы помочь ей. Я немного был удивлен, зачем Нине нужно было «помогать» нести ребенка? Это показалось мне подозрительным. И пока мы шли к дому, эта мысль меня не покидала. У калитки Нина сказала: «Ну, а теперь ты понеси свою дочку». Это был своего рода сюрприз.

Обстановка в Армавире была хорошей. В эту пору отпусков приехали Галя Полтавшева с мужем и Нина Старикова с мужем. Этой компанией мы провели несколько вечеров в городском парке. Время проходило незаметно, начинали думать о предстоящем отъезде. Опять остаются в одиночестве бабушка Саня и дедушка Коля. Предчувствуя разлуку, бабушка уже не скрывает своих чувств – горюют. Ведь у нее на руках выросли и Валерик и Инна. Хлопотно с ними, но в то же время радостного бывает много, когда видишь, как

со временем происходят новые и новые шаги и достижения в своем взрослении. Дед Николай любил ходить на прогулку с Валериком, особенно ему нравилось посещать пивную с внуком. Его усаживал на пустую бочку, а сам выпивал кружку пива, угощая внука вяленой Астраханской воблой.

Вещей на нас было мало. Основную их часть составляли – одежда и постельные принадлежности. Но все же пришлось заказать контейнер, в который положили старинный резной, легко разбирающийся вместительный шкаф, различные хозяйственные необходимые принадлежности и немного овощей и фруктов. Иночке шел восьмой месяц, а Валерику шел четвертый год. Переезд до Москвы прошел нормально, сложнее было переходить с Казанского на Ярославский вокзал и садиться в электричку семьей с вещами. Самым трудным участком оказался последний – от станции Монино до нашей дачной квартиры. Нина с Иночкой на руках, а я в нескольких приемах носил вещи со станции в лес, где охранял их Валерик. Так мы преодолели все дорожные трудности.

Квартира состояла из двух маленьких комнат в половине деревянного дома с общей кухней. Вторую половину снял так же слушатель с командного факультета с двумя девочками. Вода доставалась из колодца, который был рядом с калиткой. Во дворе – сарай для дров, которых нужно было запастись по 5 куб.м., чтобы топить общую печь с конца сентября и до конца апреля. Хозяева-пенсионеры, жили в Москве, приезжали на дачу отдохнуть и потрудиться. Для отдыха они зарезервировали за собой веранду. Все это удовольствие стоило нам по 450 руб. в месяц. Нине квартира понравилась с окнами на восток и на юг, детям было привольно в новой деревне. В один из теплых дней решили сходить искупаться на речку Клязму. Дорога была не дальняя, но через болотистый луг, залитый водой. Вода в речке была чистой и теплой, и мы хорошо провели время. До начала занятий еще было время, стояла хорошая погода и мы решили посетить Москву и Кремль, только что открывшийся для свободного доступа. Много посмотревшие и хорошо уставшие, мы вернулись домой, отбив надолго желание посещать Москву. Нужно было устраиваться для нормальной жизни. Необходимо было приобрести кровати, стол, стулья, и т.д. Все это было в московских магазинах. Из одной поездки я вернулся на «Победу», чем удивил семью, а затем стали выгружать из багажника кровати и не одну, а три. Они удачно вписались в спальную комнату по ее периметру. Втора комната пока была пуста. В следующей поездке за контейнером в Москву, я купил письменный стол и два стула, еще два были хозяйские. Теперь все наши принадлежности были на месте. Поставили шкаф, стол перед окном на восток, развесили два ковра, занавески и квартира ожила, благодаря хозяйской инициативе Нины. Теперь нужно было приобрести хозяйские принадлежности, а за этим не обязательно ехать в Москву. Нужно было ознакомиться и с другими близь лежащими городами. Решили ехать в Ногинск, куда можно было добраться только на попутной машине. Посмотрели этот городишко, купили необходимое и также вернулись домой. Только мы устроились и к нам неожиданно приехали гости: Иван Гаврилович с Галей и Анатолием. Они самостоятельно совершали экскурсию

по городам и заехали к нам по пути в Ленинград. В память об этом есть фотография у колодца. Это мне очень понравилось, сохранять память о прошедшем, и я заинтересовался фотографией.

Дни шли однообразно, даже радио не было. Нужно было покупать что-то для развлечения. В то время начинали входить в быт телевизоры. Это была новинка и очень интересная, чтобы можно было слушать и видеть. В один из выходных дней мне удалось купить телевизор КВН с размером экрана 18 см. Для увеличения изображения к нему продавали полую линзу на направляющих перед экраном. Во внутрь линзы заливалась дистиллированная вода, и получалась линза, которая увеличивала изображение. Установку антенны делал сам на крыше дома. Сколько было радости, когда засветился экран, и было видно и слышно, как говорит человек. Вскоре Нина стала испытывать необходимость в швейной машине, и я это видел. Их тогда было мало, а машина в тумбочке – это редкость, они только-только стали появляться. Нужно было брать перспективную вещь. Решая продовольственные вопросы в Москве, я стал наводить справки и на машинку, и вскоре мне удалось нащупать возможность приобрести с рук машинку в тумбочке Подольской фабрики. Посоветовались с Ниной (нужно было отдать 500 руб.), а сколько она стоила уже и не помнится. Решили брать, и я на следующий день поехал по выданному адресу в Москву, думая, что это будет хорошим подарком к дню рождения Нины, двадцатипятилетию. Без особого труда нашел квартиру, показали мне тумбочку, расплатился я и меня проводили до трамвая. Меня беспокоило одно: как я буду ее нести – ни ручек, ни крышки, за которую можно было бы взять. Мне помогли услужливые люди, заодно интересовавшиеся тумбочкой, и когда узнавали, что там швейная машинка, приходили в удивление. Так я доехал до конечной остановки – Монино. Здесь попутчиков не оказалось и пришлось новинку взвалить на спину и так нести до дому. (Лариса, сохрани машинку, память об отце).

Нине машинка понравилась. Теперь у нее время будет проходить интереснее и с удовлетворением. Вскоре еще купили развлечение для Валерика – трехколесный велосипед. Осваивал он его осторожно, т.к. при попадании кочки под колесо он переворачивался. Инна к этому времени начинала ходить, она была очень подвижной и смышлёной. Чтобы забраться на стол, где оставались лакомства, она подползала к стулу, его двигала к столу, держась за ножку, поднималась, затем грудью ложилась на стул, опять поднималась и теперь забиралась на стол.

В октябре опять начались тренировки к параду и выезды на репетицию в Москву. Эти поездки сочетались для закупки продуктов. Наступила зима, и нужно было запастись капусту, картофель и другие овощи. Под полом кухни был маленький погреб, там мы все и заложили. Первая капуста, приготовленная Ниной, оказалась очень вкусной и с жареной картошкой очень хорошо воспринималась желудком. Заготовил дров, подготовили теплые вещи, в общем, приготовились к встрече настоящей зимы. Большое неудобство было с баней, для детей особенно. Она была в городке, далековато. Иногда детей купали дома перед горячей печью, непрерывно обливая спину. С началом зимы

купили санки, которые использовали возить детей в баню. Около бани порой скапливалось так много одинаковых санок, что бывало очень трудно отыскать свои. Постепенно Нина осваивалась с обстановкой, узнала, что при доме офицеров есть курсы машинной вышивки и шитья. Она стала посещать их. Теперь время у Нины стало совсем загруженным. Учеба ее завлекла, и мне было интересно смотреть ее работы дома и на выставке. До сих пор сохранился один экземпляр, очень тонкая работа – цветок.

В это время учились в академии хорошо знакомые мне бывшие курсанты, теперь офицеры с семьями: Азизов, Максютков и сослуживцы по Грозному: Шлянин, Бессольнов. Хотя семьи наши были знакомы, но вместе почему-то не собирались. Наверное, тому причина – квартирные условия и каждый был занят своими заботами и главной из них – учебой. Много, очень много времени занимала учёба. Этому отводилась и часть выходного дня. Хорошо, что кроме марксистско-ленинской подготовки и иностранного языка, остальные предметы были секретными. Заниматься приходилось в корпусе до 20.00, а в воскресенье был выходной. Зима 1956 года выдалась суровой и снежной. Морозы достигали 42°, под утро на кухне в вёдрах замерзала вода, даже в колодце вода замёрзла, и мне приходилось туда опускаться, чтобы прорубить лёд. А в лесу было очень красиво. Сосны и ели выглядели сказочно, и нам, южанам, это особенно нравилось. Под Новый год нам не повезло с телевизором, поломался, и только исправил мастер дня через 3-4. Мы оказались оторванными от мира и убедились, что эта вещь необходима.

Во время зимних каникул к нам приехала бабушка Саня с Володей. Встречал я их в Москве поздно вечером, как всегда с большим грузом. В спешке вошли в другую электричку и вынуждены были ожидать в Мытищах последнюю электричку. Домой мы добрались во второй половине ночи. Это было первое её посещение Москвы, и я с ней посетил разные достопримечательности: Кремль, мавзолей, музей В.И. Ленина, а затем она с Ниной ездила в магазины и другие подобные места. В мавзолее в то время лежал рядом с Лениным и Сталин в форме генералиссимуса. Приезд бабушки Сани способствовал встрече с семьями Азизова и Максюткова. Азизов учился на третьем курсе, а Максютков – на первом, у них были сыновья: Азизов Марат, Максютков Оскар. Так прошли зимние каникулы, проводили гостей в Армавир. Жизнь шла своим чередом, начался 4-й семестр. Закончилась высшая математика и физика, радиотехника, так много отнимавшие времени, пошли специальные предметы. Учёба пошла легче. Я стал заниматься больше в секции по гимнастике. Нравился мне этот вид спорта с детства, и жаль, что мне не представилась возможность им заниматься по серьёзному. А здесь были все условия, кроме времени. Поэтому это еженедельное занятие проходило с увлечением, а после принимался настоящий душ. Инночка, начав ходить, простудилась. Как тяжело переносится болезнь детей. Это особенно заметно у матери. Нина в это время хуже выглядит и чувствует себя хуже, чем, когда сама болеет. Назначили уколы, и медсестра приходила делать укол через каждые 4 часа, а затем стала поправляться наша доченька, и всё стало лучше.

Вот и прошёл очередной парад на Красной площади 1-го Мая, сданы зачёты и экзамены за четвёртый семестр. Предстояла лётная практика и стажировка в частях. В этом году практика должна проходить в своих частях, т.е. там, где служил до поступления в академию, а кто приехал из-за границы – в Таганрог. В эту группу и мы двое попали из Грозного. Обстановка складывалась так, что в начале давали отпуск, а затем на практику при курсах подготовки командиров эскадрилий. На третьем курсе всем слушателям представлялась однокомнатная квартира в общежитии. Поэтому мы решили на лето отказаться от квартиры, а вещи перенесли к Азизовым (они уже жили в общежитии), часть их оставить у хозяев. Такой план устраивал обе стороны, так как они могли сдать квартиру вновь прибывшим. Они сдали Химанину Ю.С., с которым затем познакомились в Гиссарах, в полку. Ехать решили по такому маршруту: Астрахань, Армавир, а затем я еду в Таганрог, потом в Москву, получаю комнату и тогда Нина с семьёй приедет. В отпуск поехали поездом с Павелецкого вокзала, взяли фотоаппарат «Зоркий-Зс».

В Астрахани остановились на несколько дней у брата Ивана. Стояла сильная жара. Во дворе поставили ванную, в которой Инна с удовольствием купалась, и каждый ей завидовал. В Забузан поехали теплоходом в ночь, где встретили односельчан. Кроме чемоданов везли с собой и детскую спортивную коляску, которая удобно складывалась по форме чемодана – это для Инночки. Когда наступила ночь, она с удовольствием улеглась спать на виду у всех пассажиров, чем вызвала улыбки и зависть, так как нам ещё предстояло сидеть часа два.

На пристани, в Красном Яру, нас встречала Катя с подругой в лодке. В лодку сели все прибывшие в Забузан (человек 8), она оказалась очень загруженной. Соблюдая осторожность, мы в темноте переехали на противоположный берег и далее вверх, против течения потянули по берегу лодку бечевой. Минут через 20 нас встречали в темноте мама, отец и Дуся. Была середина ночи, и мы сразу легли спать в пологе посреди зала. На следующий день ознакомились с двором, с хозяйством. Валерику понравилось всё: и чердак, и сараи, и близость реки, по которой часто проходили суда. На следующий день пришли родственники: брат Василий, сестра Катя, их дети навестили раньше. Детям здесь нравилось, наверное, потому, что было больше свободы. Валерик быстро познакомился с мальчишками, братьями, Мишей и Аркадием (сыновьями Василия). В один из вечеров мы семьёй прошли по селу. Я показал место, где мы жили до 1930 г.

Отдых в селе проходил нормально, и вот неожиданность – заболела Инна. Был прохладный день, увидев посреди двора корыто с водой, она забралась в него и давай плескаться. Когда увидели, она уже была вся мокрой. На второй день у неё поднялась температура. Валерик объелся тутовника. Настроение у нас упало. Инночке была оказана медпомощь, и на второй день температура спала – была ангина. Я старался запечатлеть на плёнку всё интересное, но как затем выяснилось, к сожалению, плёнка получилась неудачной. Вечером во двор возвращались с поля овцы, козы и коровы. Мама начинала доить корову, а для этого предварительно сосал молоко телёнок, затем телёнка ли-

шают этого удовольствия и начинают доить молоко в ведро, а потом остатки молока снова высасывает телёнок. Такая процедура доения коров сложилась. Это очень странным показалось Нине, тем более, что телёнок был довольно крупным. На Кубани коров доят без телят, получают больше молока, но больше страдают телята.

В обратный путь мы выехали рано утром на колхозном катере, чтобы успеть к приходу теплохода в Красный Яр. В Астрахани переночевали и двинулись на Армавир, где в это время проводила отпуск семья Самгородцев. Пошло городское время препровождения – вечерами в парк ходили семьями, днём – домашние хлопоты и разные дела. На Кубань почему-то выходили с большими трудностями, боялись её. Я продолжал фотографировать, и мне удалось сделать хорошие снимки: малыши наши у корыта с водой, из которого рядом курица пьёт воду; семейная фотография, где дед Николай, бабушка Саня с детьми и внуками. Этот снимок с дедом Николаем был последним. Отпуск мой заканчивался, и выехал в Таганрог на практику, где служил брат тётки – Иван Гаврилович Жирнов начальником цикла тактики. Мы расположились на лагерном аэродроме «Поляковка» в 20 километрах западнее города. Инструкторами на этот раз были мои сослуживцы по Грозному, там школу ликвидировали. Лагерь наш располагался в 15-20 минутах ходьбы от берега залива, куда ходили мы купаться. Самолёты здесь были новые, т.е. уже МИГ-17. Полёты проходили с хорошей нагрузкой ежедневно, и это нас радовало. Дня через 2-3 на аэродром приехал командир полка Ясанис с Иваном Гавриловичем координировать действия эскадрильи, которая проводила учения с основного аэродрома. Я был дежурным по полётам и здесь встретил Ивана Гавриловича. В ближайший выходной день я зашёл к нему на квартиру, познакомился с его женой Шурой. Квартира из трёх комнат на 5-м этаже недалеко от порта, в конце улицы Ленина. Из детей была Галя и Лариса дома, Анатолий был у деда в Дагомысе. С помощью Ивана Гавриловича я проявил первые фотоплёнки и отпечатал снимки. Он мне дал начальные уроки этой мудрости. Был у нас организованный выход в кино, а затем в театр имени Чехова. Телевизоров тогда там ещё не было. Одним словом, для меня была очень хорошая обстановка сочетать службу с посещением родственников и проведением с пользой времени. Лётная практика подходила к концу, и здесь же дальше предусматривалась стажировка в должности штурмана полка с выполнением курсовой задачи. Прибыл очередной курс для практики, и условия для стажировки были благоприятными. Получив необходимые документы о практике и стажировке, заехал в Армавир за семьёй, поехали в Москву. В Монино нас ожидала однокомнатная квартира в общежитии. Их давали только офицерам, имеющим двух детей. Теперь отпала забота заготавливать дрова, топить печь, доставать воду из колодца и, самое главное, не платить ежемесячно 450 рублей. Это почти четвертая часть нашего бюджета. Нужно отдать должную оценку экономической смекалке Нины. Она вела все расходы так, что никогда мы не ощущали острого недостатка в деньгах, никогда мы не влезали в долги, а всё нужное у нас всегда было. Это замечательное качество её, как хозяйки, я всегда ценил и ставил в пример. Ком-

ната нам досталась на пятом этаже, против лестничной площадки с одним окном на север. Туалет и общая кухня были далеко в конце коридора. В общем коридоре располагалось квартир 40, и все дети играли в нём. Болезни среди них не прекращались. В одном конце коридора начиналась новая болезнь, в другом – другая заканчивалась, и так далее. Инночка вскоре опять простудилась на сквозняке, а затем заболела ветрянкой, Валерик её перенёс в лёгкой форме. Конец сентября под Москвой – это уже настоящая осень, когда пора сбора грибов прошла. В один из выходных дней пошли с сыном собирать грибы. Они уже с мальчишками ходили за ними в лес, который был рядом с нашим домом. Грибов настоящих я ещё не видел в своей жизни. Прошли мы через аэродром, и на опушке леса я увидел грибы. Хотел уже брать их, но Валерик крикнул:

– Это мухомор! Он ядовитый.

Пришлось послушаться. Часа два мы ходили по лесу, грибов собрали немного, хорошо прогулялись. В дальнейшем мы стали чаще ходить семьёй на прогулку в лес – это был очень хороший отдых. Теперь всё стало рядом, можно было сходить в кино, оставив детей на присмотр соседям и даже выехать в Москву вдвоём. Азизовы жили от нас через одну комнату. Ахмет заканчивал учёбу, выпуск в феврале 1957 года.

Как-то вечером неожиданно появился у нас брат Яков. Он приехал из Румынии, где служил командиром авиаполка, в ЦНИАГ (центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь), чтобы пройти комиссию для увольнения в запас. Ему шёл 43-й год. Встречу отметили, а утром он, встретившись с бывшими своими комэсками, поехал в госпиталь, оставив на память двустороннюю шерстяную безрукавку Валерику и складную игрушку-джунгли.

После выпуска стали освобождаться комнаты. Пользуясь случаем, я попросил начальника курса заменить комнату на другую, так как маленькая дочь часто простуживается на сквозняках. Полковник Гордеев пошёл мне навстречу и даже дал возможность выбрать комнату на южной стороне, в середине коридора. Нужно было её привести в порядок. Я купил обои, и теперь самим предстояло их наклеить. С такой работой мы никогда не встречались, взялись, не побоялись и сделали очень хорошо. Большая задача была у нас – вывести клопов, а их было много в каждой комнате. С этим мы не могли мириться, хотя большинство говорили, что их не переведёшь. В дальнейшем я убедился, что так относятся неряшливые беспечные люди. Потрудились мы хорошо, и затем эта гадость нас не беспокоила до конца учёбы. Теперь из окна комнаты Нина наблюдала за детьми, как они играли во дворе, иногда давались указания им. Инночке шёл 3-й годик, она сама спускалась и поднималась по лестнице. Часто получалось так, что только проводит её мама гулять, минут через 10 появляется – захотела в туалет.

Новый 1957 год встречали в очень необыкновенном кругу друзей. Приехали к нам Саша с Верой, пригласили Азизовых и Максютowych. Бывшие курсанты встретились через семь лет, теперь семьями. Встреча прошла восторженно, жаль только снимки получились бледными, но память осталась.

Вскоре Азизов уехал в Польшу, а Нина с Маратом осталась ждать вызова.

В комнату мы приобрели диван, круглый стол, кухонный стол привезла Нина из Ногинска, а затем – новинку, стиральную машину. Правда, она была без выключателя. Включать и выключать нужно было вилкой в розетку. Этим она Нине не нравилась, и её купила у нас Нина Азизова. А мы себе вскоре купили другую, ЗВИ (завод В.И. Ленина), которая нам надёжно служит вот уже 28 лет без ремонта: с 1952 г. по 2011 г.

Нина ходила на курсы, в мае у них состоялся выпуск с показом образцов на выставке, в том числе двух работ Нины. В общем, жизнь шла интересно. Дети росли, болезни их теперь особенно не беспокоили. Справедливости ради необходимо отметить, что очень большие трудности переносили наши жёны. Нелёгкий труд был их в этих условиях – общая кухня на 10 хозяек, каждая со своим керогазом, холодильников не было; кормить семью, следить за детьми, ухаживать за мужем, вести хозяйство. Наша же основная задача – учёба, с утра и до вечера в корпусе.

Наблюдая за Валериком, мы заметили, что он стал иногда заикаться из-за неправильного дыхания при разговоре. Обратились к врачу, от него к другому, затем – к специалисту в Москве. Там, разговаривая с врачом, Валерик сказал, что боится волка. Это для меня было неожиданно.

Оказывается, примерно год тому назад, после сказки перед сном про волка он заснул и вскоре проснулся с криком – приснился волк, и он сильно напугался. Затем такое несколько раз повторялось, а потом всё прекратилось, но след остался – речь с дефектом. По рекомендации врача мы с ним занимались, отработывая правильное дыхание при разговоре. Поделились этим с бабушкой Саней, она сказала:

– Летом приезжайте, и мы ему выльем «испуг».

В начале шестого семестра (последнего) получил тему дипломной работы, и теперь один раз в неделю выделялся день для работы над дипломом. Тема попалась интересной и я долго думал, с чего начать. Начинать рекомендовали с составления плана написания диплома, а это очень сложным оказалось, если смутно представляешь, о чём писать. Руководитель мой оказался не осведомлённым в этом вопросе и отделялся общими научными фразами. У меня сложилось нехорошее мнение о нём и, как затем выяснилось, я в этом не ошибся.

Сразу после окончания последнего семестра нужно было пройти штурманскую практику на учебной лётной лаборатории (УЧШЛИ-2). Нужно было сделать два вылета по 4 часа с выполнением программы штурманской подготовки. Эта практика дала мне такую базу, что я затем свободно приобрёл знания для совершенствования своей квалификации, для контроля лётчиков, а затем и преподавателей. Первый вылет состоялся в 10 часов и первые 1,5-2 часа, пока не началась болтанка, шёл нормально, по плану. Потом у всех внимание стало снижаться, работы пошли с ошибками и с нежеланием её выполнять, появилась тошнота и даже рвота. Время тянулось медленно, самолёт швыряло во все стороны, и было одно желание – быстрее его покинуть даже без парашюта. Сказался годичный перерыв в полётах. Второй полёт по нашей просьбе перенесён был на 6 утра, прошёл в приятной атмосфере и с

хорошим результатом.

Нина в это время была с детьми в Армавире, а я опять поехал в Таганрог, на практику; опять у Жирновых был желанным гостем. В один из выходных дней, будучи у них, принесли телеграмму с извещением о смерти Николая Федосеевича (отца Нины). На второй день мы с Иваном Гавриловичем выехали в Армавир. Детей я нашёл у Стоякиных, где Валерик сказал, что бабушка умер. В этот же день, в ночь, мы возвращались в Таганрог. Здесь в конце августа (28 число) отмечали в ресторане «Волна» 50-летие Ивана Гавриловича. Шура была с Ларисой в Дагомысе у отца. Вскоре к ней выехала и Нина из Армавира с детьми. Это было первое посещение побережья. Об этом сохранилась фотография.

Практика проходила интенсивно, я был назначен ведущим пары, а ведомым – Петров Р.А. С ним мы хорошо отлетали. В последний день полётов погиб по глупости Агарышев. С ним мы учились в училище, а служил и учился он вместе с Максютовым. В свободное время занимался над дипломом и за этот месяц я почти закончил черновую работу. После возвращения в Монино мне было присвоено звание «Майор». По этому поводу я пригласил однокурсников в комнату, где и отметили это событие. Мне шёл 31 год, и многие однокурсники, особенно из строевых частей, завидовали мне.

В этот 1957 год в Москве проходил VIII международный съезд молодёжи. В это время неожиданно приехала Галя Жирнова, окончившая школу с золотой медалью. Она поступала в I-й Московский медицинский институт. Ей необходимо было сдать первый экзамен (химию) на 5. Родители её не советовали ехать в Москву, потому что рядом Ростов, но она хотела так. У меня ей понравилось, и она осталась проживать на время экзаменов. Первый экзамен, как и ожидалось для иногородних, сдала на 4 и последующие так же, не прошла по конкурсу и вернулась домой. В Ростове по этим оценкам она была принята в педагогический институт на факультет иностранных языков.

Учёба шла к концу, и теперь интересовал всех вопрос: куда пошлют? Уже запросили наше желание. Я записался на юг европейской части. За годы учёбы я не прижился под Москвой. Особенно тягостно проходило время зимой, солнца не видно месяца 4, а длительность её – с половины сентября до половины апреля.

Яков демобилизовался весной 57 года и в ожидании квартиры по рекомендации Министерства обороны, поселился в Пензе. В конце сентября моя семья возвращалась. Я уже соскучился за ними. Поехал я их встречать в штатском. Это Нину удивило, ведь было совсем не жарко. Она всё задавала этот вопрос. Я ей не сообщал, что мне присвоено очередное звание, и когда на второй день я оделся, она приятно удивилась. Это был сюрприз. Из штатской одежды были у меня два приличных костюма, пальто демисезонное и несколько сорочек, брюки, т.е. вполне достаточный гардероб для военного в то время.

Перед защитой диплома нужно было сдать один госэкзамен – Марксизм-Ленинизм. Сдал его на 4. К защите диплома написал доклад, изготовил необходимые схемы, получил отзыв от двух оппонентов, так что был готов. Представителем госкомиссии был генерал-лейтенант авиации Пушкин Зам

Главкома по БП, а председателем подкомиссии – главный штурман ВВС генерал-майор авиации Лавский. Вот я перед ним и отчитывался. После доклада комиссия вынесла 18 вопросов, на которые отводилось 45 минут. Это было основным в защите диплома. На все вопросы я ответил уверенно, и на следующий день мне объявили оценку «хорошо», а отличных почти не было. Дома меня Нина поздравила, а я – её с окончанием этой жизни под Москвой. Теперь оставалось неизвестным и волнующим новое место службы. В это время из управления кадров уже работали над нашим распределением.

Они принимали во внимание требование только что вышедшей директивы МО СССР о повышении методической подготовки в строевых частях и предыдущее место службы. По этой директиве было ясно, что мы из училищ теперь поедем на усиление в строевые части. Это хорошо, но куда? Ответ на этот вопрос ждать недолго пришлось.

На беседе мне предложили Приморский край, посёлок Новопокровка штурманом полка истребителей – бомбардировщиков. Всего ожидал, но только не такого отдалённого места и профиль не истребительный. Мне объяснили, что сейчас нужно усиливать этот род авиации. Мне не хотелось ехать на Восток. Настроение моё было отвратительным, я просил другое, но кадровик настаивал на своём, и было решено посоветоваться с семьёй. Ясно было и так, что с назначением не повезло. Всех нас, лётчиков штурманского факультета, направили к границам по периферии страны, от Камчатки до Мурманска. С горечью в душе я поделился с Ниной такой вестью, она в слёзы.

Через три дня я поехал в Главный штаб, там таких, как я, с нерешённой судьбой было много. Пришлось ждать весь день, и только вечером принял меня направлонец. Он настаивал на своём, расхваливая те места, что там только и продвигаться по службе, а потом буду переведён обязательно в центр. Все эти обещания меня не прельщали и в то же время я понимал, что выбора нет. В общем мы не нашли общего языка. Я его просил, и он мне сказал, чтобы я через 2 дня позвонил. После звонка он опять пригласил меня в штаб ВВС и теперь ставил перед фактом, что мест больше нет. Я не знал, что предпринимать. В это время вошёл другой полковник, и после ознакомления с моим назначением попросили меня выйти на 1-2 минуты. Эти минуты показались мне ужасно длинными. Я ждал приговора, и вдруг мой направлонец объявляет:

– Восток отпадает, поедешь в Сталинабад на ту же должность в местечко Гиссар, километров 15 от города. Это решение окончательное и выбора нет.

Средняя Азия не люкс, но всё же я почувствовал облегчение. Это на половину ближе к центру, а эти места я знал понаслышке от своих однокурсников, и Гиссар был лучшим из них. Нине объявил новость, но она была от неё не в восторге. Потом, служившие там, расхвалили так, что она успокоилась, и теперь ждали выпуска и приказа.

В конце ноября 57-го года наступил долгожданный день – выпуск. В торжественной обстановке начальник Академии генерал-лейтенант авиации Пестов вручил диплом и значок об окончании Краснознаменной Военно-Воз-

душной Академии. Общего банкета не получилось. Отмечали группами вместе с нашими боевыми подругами, нашими верными помощницами – жёнами.

Теперь предстоял отпуск. Нам объявили, что ожидается приём нас в Кремле. Поэтому далеко и надолго не выезжать. Я решил поехать в Борисполь (под Киевом), где служил брат Тимофей. С ним я не виделся с 38-го года, т.е. 19 лет. Теперь нужно обязательно использовать возможность.

В Киев приехал утром. Мне повезло – я попал на обзорную экскурсию по городу автобусом. Так началось знакомство с древним городом. Стояла пасмурная погода и особого впечатления город не произвёл. Было очень много разрушенных зданий – следов войны. В конце экскурсии подвезли к Киево-Печорской лавре – знаменитому памятнику. Для осмотра этой исторической сокровищницы нужно было самим просить монахов показать святые места подземелья. Тогда лавра ещё находилась под управлением монастыря и работала по своему назначению. Разрушенные здания не восстанавливались. Об этих местах в детстве слышал очень много, к этому святому месту в старину шли люди пешком с различных мест России, чтобы поклониться святым мощам в надежде на получение исцеления от недугов и других жизненных неприятностей. Любопытных и настойчивых, желающих осмотреть эти знаменитые места, оказалось немного, и нам удалось уговорить монаха. Он провёл нас к входу, где старший служитель нам сказал, что это место не для интереса, а для православных, жаждущих успокоения души своей путём молитвы Господу Богу и подаваний. Затем мы, придерживаясь установленного обычая, купили свечи, а во время обхода пещер ещё бросили монеты на алтарь. Из всего краткого пояснения монаха мне запомнилось одно – там лежал Нестор-просветитель, написавший летопись Руси на церковно-славянском языке (древне-русском). В общем, Великий Киев не оставил яркого впечатления.

К вечеру я был в Борисполе у брата. Квартира из двух комнат в половине сборно-щитового дома с пристройкой и небольшим клочком земли с несколькими фруктовыми деревьями и грядками. Дома была его жена Мария Степановна и дочка Вера, учившаяся в четвёртом классе. Позже подошёл Тимофей с сыном Георгием. Он учился в 10-м классе. За 19 лет многое и долго приходилось вспоминать, тем более Тимофею с семьёй, прожившим на Дальнем Востоке, на Курильских островах 15 лет. Последние годы побывал за границей года два, и теперь служба подходит к концу. Он служил в авиации и прошёл путь от стрелка радиста до начальника связи разведывательного авиаполка. В гостях я пробыл ещё день и вернулся в Москву.

Теперь необходимо было заняться покупками, направляясь в жаркие места, обязательно нужен холодильник, нужен шифоньер с зеркалом, тогда он был в моде. Холодильник первого выпуска ЗИЛ удалось купить сразу. Многие потом ездили за ними, но их уже не было. Я ежедневно ездил в Москву, выполняя заказ Нины. Попутно купил трельяж настольный и швейную машину «Веритас», а шифоньера всё не было. объехал все мебельные магазины, узнал закулисных махинаторов и теперь они направляли меня к своим знакомым, чтобы приобрести нужную вещь. Теперь передо мной открывалась возмож-

ность более быстрого приобретения различных вещей, но для этого не было денег. К концу отпуска мне рекомендовали обратиться в магазин на Заставе Ильича. Там я продежурился два дня, а на третий – в конце, перед закрытием купил Рижский шифоньер с зеркалом внутри, т.е. то, что и требовалось. Вместе со мной купил эту же вещь однокурсник, и мы с ним наняли машину в Монино и привезли, занесли на 5-й этаж. Поскольку нам нужно было уезжать, то мы не решались его распаковать, а своему напарнику я помог его собрать. Всем понравился этот шифоньер. Приобрели мы ещё одну нужную и необходимую вещь – приёмник с проигрывателем «Веф Аккорд». Купили мы его на проценты, которые получились от срочного вклада. Тогда за срочный вклад платили 5%, а за простой – 3%. Таким образом, приёмник нам достался бесплатно. Мне как-то один из однокурсников сказал:

– Вы приобрели очень нужные для жизни вещи, а у меня для этого нет денег.

Он получал столько же, сколько и я. Я ему ответил:

-- Судить тебя нужно вместе с твоей женой за это.

Причина проста – жена не может, а может быть и не хочет жить экономно, т.е. хорошо думать перед тем, как что-то купить или использовать вещь, бывшую в ходу. Одежда у нас носилась бережливо и хранилась с большим вниманием. Многие вещи детям Нина перешивала, и всё выглядело прилично. Как-то понравился мне материал василькового цвета – креп-жоржет. Я видел подобное платье на одной женщине и подумал, нужно купить. И вот тот материал купил ко дню рождения – прекрасная вещь. Нина была удивлена, смотрела на него несколько раз, клала и снова примеряла, и так не решилась сшить себе шикарное платье.

Прошёл отпуск, а время приёма в Кремле всё ещё не было определено. Ежедневно мы приходили на службу, строились и расходились по домам, затем такая процедура повторялась два раза в неделю и так до второй половины декабря. Во второй половине декабря этот долгожданный день наступил. Нам вручили пригласительные билеты от ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Прошли инструктаж и, как обычно, на парад, к вечеру приехали на машинах на Болотную площадь у Кремля. Примерно через час прошли через Боровицкие ворота к Большому Кремлёвскому дворцу (так сейчас называется новое здание), а раньше назывался дворец, где расположен Георгиевский зал. Входили мы по парадной лестнице в зал. До войны такие приёмы выпускников были традицией, и вот сейчас эта традиция восстановлена, и все мы были рады, что началась она с нашего выпуска. Здесь были собраны выпускники всех Академий Москвы. Среди приглашённых я увидел прославленного героя воздушных боёв генерала Покрышкина. Из выпускников Академии Генерального штаба узнал генерала Кутахова П.С. (будущего Главкома ВВС) и генерала ННА ГДР Гофмана (будущего Министра Обороны ГДР). Из зала ожидания пригласили в зал заседаний Верховного Совета СССР, где Министр Обороны СССР маршал Малиновский (с октября 1957 года) открыл торжественную часть приёма. Выступил с речью Генсек ЦК КПСС Н.С. Хрущёв. Затем с ответным словом выступили два слушателя: Гофман от ино-

странцев и из ВПА им. Ленина. В заключение Н.С. Хрущёв бросил реплику: «Сейчас перейдём в другой зал, где продолжим разговор, но уже на другой основе». Вошли в Георгиевский зал, где на стенах высечены имена Георгиевских кавалеров всех времён России. Это самый большой зал Кремля – т.е. Большой кремлёвский дворец, отделанный белым мрамором с позолотой. Рядом – Грановитая палата, где обсуждались и оформлялись важнейшие государственные дела. Она отделана в голубо-зелёный цвет с перламутровыми покрытиями. Далее Владимирский зал – для особых торжеств и приёмов, отделан в бело-голубые тона с позолотой. На втором этаже – жильё царской семьи и их слуг, столовые и их спальни с деревянными резными кроватями с потолком. Место для нашей группы было отведено за столиками Георгиевского зала, без стульев, по четыре человека. Стол был накрыт необыкновенными по форме бутылками с красивыми этикетками различных, неизвестных нам вин; закуска была скромной.

На сцене расположилось политбюро, ниже – генералитет, рядом – руководители Академий. Эту часть открыл Хрущёв с первым тостом, затем – Малиновский, Ворошилов – Председатель президиума Верховного Совета СССР. Вскоре Хрущёв взял маленькую рюмку, положил её в карман, и сказал Булганину (пред. Совмина):

– Пошли в народ (т.е. к нам).

Его сопровождали часть членов политбюро. Запомнились его слова в отношении сокращения численности тяжёлых бомбардировщиков и увеличения ракет, так как они не «боятся» преодолеть ПВО противника по сравнению с человеком в самолёте. У одной из групп, при тосте за здоровье лётчиков, Хрущёв всплакнул. Один из его сыновей был лётчиком и погиб на фронте. Затем перед нами выступили лучшие артисты Московских театров, их выступления прошли, почти, без нашего внимания. В заключение на десерт подали чёрный кофе в очень маленьких чашечках и пломбир грамм по 150. Кофе я раньше, да и большинство моих однокашников, не пробовали. После употребления этого напитка и порции мороженого мы окончательно трезвели, и вроде никаких не осталось следов от посещения Кремля. В таком состоянии мы и оставили его, на вокзале добавили, и последней электричкой вернулись в Монино. Дома обо всём виденном поделился с семьёй.

Шли последние дни уходящего 1957 года. Со второго дня Нового года мы должны убыть на лётную практику, на этот раз в Краснодар. Такая практика перед убытием в строевые части давалась впервые для того, чтобы на месте не вводиться в строй, а сходу двигаться вперёд в боевой подготовке и других учить. В Краснодаре расположились при ЦКЛУШС (центральные курсы лётного усовершенствования штурманского состава) в «коробочке» – так получило название почти замкнутое четырёхэтажное здание. В нём размещалось всё: гостиница для слушателей, столовая, штабы, клуб и учебные классы. В то время учились группа сирийцев и два афганских лётчика-пилота королевской авиации. В этом городе я не был с 1952 года, а в 44 году здесь начинал службу в авиации. Была возможность лучше посмотреть этот город, какие произошли изменения в нём. Город расстроился на север, в сто-

рону авиагородка. В том направлении проложен троллейбусный маршрут с конечной остановкой у школы №33. В городе было изобилие различных продуктов в магазинах, рынок был очень богат с невысокими ценами. Полёты начались без раскочки, этому способствовала погода, а затем, как и требовалась, пошла облачная погода. В общем, за 2,5 месяца мы получили солидную практику, необходимую для успешного продвижения в строевой части.

На день Советской Армии я решил поехать в Армавир, куда начали ходить автобусы по только что построенной дороге. Тёща жила одна, приезду обрадовалась. Гостил я всего один день. Во второй половине марта мы возвращались в Момино. Нужно было разъезжаться по местам назначения и обязательно с семьями, кроме тех, кто был направлен за границу. Я узнал, что Валерик находится в санатории в Костино, недалеко от станции Болшево, и будет там полгода, т.е. до июля месяца. Путёвку предложила участковый врач Федорченко. О ней осталась замечательная память, как о чутком, внимательном враче и хорошем человеке. Это была настоящая врач по призванию. Нам предстояло уезжать далеко, очень далеко от сына и надолго. С этим было очень трудно смириться, но нужно было использовать это лечение. Путёвка очень редкая и досталась она нам по назначению врача. Мы надеялись на лечение, так как болезнь была не в сильной форме. Чтобы Валерику не было скучно, мы попросили наших знакомых, которых он знал – Максютовых – иногда его навещать. Получил проездные документы, заказал контейнер, полностью рассчитался с Академией; оставалось до отъезда дня 3. Пришла врач Федорченко за тем, чтобы осмотреть Инну и закрыть её карту. Я сейчас хорошо помню, как врач внимательно слушала и рассматривала ногти пальчиков рук Инночки, и вдруг спросила:

– Вы куда уезжаете?

Я ответил. Она далее говорит:

– Вам нужно её обследовать и желательно ехать в среднюю полосу страны.

И далее:

– Я подозреваю, у неё порок сердца, наверное, как последствие после ангины.

Мы с Ниной от такой новости ужаснулись и пришли в замешательство, что же делать? Врач выписала направление на обследование в областную поликлинику. На следующий день я с Инночкой поехал в Москву. Большими усилиями удалось пройти обследование и комиссию за один день. Обследование и комиссия подтвердила диагноз с рекомендацией жить в средней полосе страны. Из Москвы я позвонил в Главный штаб об этом. Мне ответили, что все документы и дела закрыты, и что я уже числюсь в полку, и что сейчас никто не может изменить приказ Главкома. Другого ответа я не ожидал. Легче всего отказать, чем заниматься переназначением, т.е. было проявлено в противоположность врачу – бездушие. Я успокаивал Нину, как только мог. Врачи неопределённо говорили, что может быть сухой воздух и устойчивый климат не усугубят состояние девочки. Внешне Инна не выдавала пока признаков болезни, была подвижной и выглядела хорошо. И это нас радовало и успокаивало, но тревога за её здоровье постоянно не покидала нас.

Убывая в те дальние края, мы решили не все вещи брать с собой и в первую очередь, телевизор. Его охотно купили слушатели нового набора. Старинный резной шифоньер из Армавира отправили назад вместе с ненужными нам вещами. Тревожно подходил день отъезда. Отправили контейнер на 2,5 тонны, в который кое-как уложили свои вещи и новую мебель. В этот же день съездили к Валерику в гости. Встреча была на расстоянии – таков порядок там, чтобы не занести инфекции. Мы стояли внизу, а Валерик – с доктором на площадке полуэтажа. Он нам произнёс заученные фразы. Доктор поправляла его каждый раз, когда происходила заминка в словах. Инна, не понимая, в чём дело, просилась и тянулась к Валерику. Ему мы сказали, что уезжаем и скоро приедем за ним, что его будет навещать Ахмет Максюттов. Так мы расстались с сыном с комом у горла и болью в груди, но не показав виду сыну, как обещали врачу.

На следующий день, 2-го апреля, рано утром положили часть своих вещей на санки, часть в руки, двинулись к электричке. Были уже большие проталины, и санях было трудно тянуть по асфальту. Несколькими приёмами мы преодолели этот путь, и Момино осталось в нашей жизни, как прошлое. Мелькали ели, сосны и берёзы, провожая нас в далёкий путь на южную окраину страны. Проехали Большево, где недалеко отсюда остался наш сын. В Москве была ещё зима, и только первые признаки весны едва давали о себе знать. Тёплые солнечные дни вызвали таяние накопившегося снега, под крышами образовались длинные сосульки. В такой день мы отправились с Казанского вокзала поездом Москва-Сталинабад через Казахстан, Узбекистан и Туркмению.

Я ещё из Краснодара написал письмо-телеграмму командиру полка о том, что приеду семьёй, чтобы подготовили комнату или квартиру, так как на частных квартирах там негде было жить. В одном купе с нами ехал таджик из Сталинабада, который охотно нам рассказывал о всех сторонах интересующих нас вопросах жизни, природы, климата и обычаях.

К концу дня пересекли Волгу у Сызрани. Здесь уже чувствовалось дыхание весны. Над берегами распустилась верба, а земля была покрыта яркой зеленью травы. Утром были в Актюбинске. Это уже началась степь Казахстана с однообразным ландшафтом – ровная местность до самого горизонта. Казахи на вокзалах встречались чаще, чем русские, они предлагали свои продукты, которые мы не решались покупать по санитарным соображениям. Аральское море проезжали вечером, а утро встретили в Самарканде. Это настоящая Средняя Азия. Много было для нас новым, о чём раньше узнавали из книг. Было здесь тепло, сады отцвели, продавали свежие огурцы. Кругом видны были аккуратно обработанные поля под хлопок. Вдоль дорог зелени пирамидальные тополя, чинары. Деревьев было здесь достаточно. Нас удивило то, что тутовник был обрезан до ствола. Оказывается, здесь широко применяется кормление тутового шелкопряда. В каждом населённом пункте проходит сеть арыков (неглубоких канав), вода в которых подходит к каждому двору для полива и бытовых нужд. На необрабатываемой земле бурого цвета почти не было травы. Вечером подъехали к границе с Афганистаном, она про-

ходит здесь по реке Аму-Дарья. Мы все смотрели на противоположную сторону реки, но никого и ничего интересного не увидели. Вошли пограничники, проверили, что им следовало. В темноте уходящий поезд часто освещали прожекторами.

6.4. Служба отечеству и семье

Примерно в середине ночи прибыли в Термез, отсюда дорога идёт на северо-восток к конечному пункту, Сталинабаду. Я вышел из вагона и увидел пограничников, оцепивших поезд, оставив выход в город через вокзал, в котором был КПП (контрольно-пропускной пункт). Утром мы были в Гиссарской долине, у подножья одноимённого хребта высотой до 5000 метров со снежными вершинами на севере. Южнее окаймляли долину горы высотой до 1500 метров. Здесь картина была более привлекательной, всюду зеленели заботливо обработанные поля, окаймлённые пирамидальными тополями. Кишлаки так же были густо засаженные деревьями, виноградником. Местность напоминала кубанские места, не хватало только побеленных хат. Жильё здесь сделано из глины, без кладки, в монолите, не побелено, без окон на улицу. Подъезжали к городу, в стороне я увидел рулящий МИГ-15. Сердце забилось учащённо. Я сказал Нине:

– Вон там наш гарнизон.

Было очень тепло. Уезжали зимой из Москвы, а приехали летом. Меня встретил начальник строевого отделения полка. Заехали в штаб дивизии, где представился начальнику политотдела и начальнику штаба дивизии. Командира и штурмана дивизии не было. А потом поехали в полк, где нас встретил начальник штаба подполковник Аристов. Пока я с ним вёл разговор, Нина сидела в тени на улице, а Инночка с удовольствием бегала по траве, собирая цветы.

Для временного жилья выделили одну комнату нам на втором этаже, а квартира из двух комнат на 1-м этаже ремонтировалась. Кухни в этих домах были общими. Перед домом колонка с водой, летний душ, построенный офицерами. Деревья закрывали окна, и жары не чувствовалось. С другой стороны дома был парк из тополей со спортивной и детскими площадками. Аэродром был рядом, метров 600-800.

После полётов представился командиру полка. Он выпускник Академии 1956 года, герой Советского Союза подполковник Фесенко М.И. Его заместители тоже выпускники, только что прибывшие с Востока, где расформировали тот полк, в который меня чуть было не направили. Городок, где размещался полк с батальоном, ремзавод самолётов и жилые дома, назывался по названию аэродрома – Гиссар. Коллектив принял нас нормально, доброжелательно, и мы быстро вошли в него. Соседи по кухне – недавно демобилизованные офицеры с приветливыми жёнами, Хальпуковы и Чекушкины.

Через три дня я вышел на полёты и прошёл проверочные полёты с командиром дивизии героем Советского Союза полковником Пьянковым, а затем и

штурманом дивизии героем Советского Союза подполковником Есиповым. С ним летал на бомбометание и стрельбу. По результатам этих полётов я понял, что мне доверяют, и сложилось сразу такое впечатление, что в лётном деле на меня можно надеяться. Это меня заставляло очень тщательно готовиться к полётам и также хорошо их выполнять. Ко мне потянулись командиры и лётчики с различными вопросами по службе. Чувствовалось, что у них о новой технике были слабые знания. Вскоре меня стали планировать как инструктора на сложный пилотаж, так как лётчики этого полка год назад переучились с самолёта Ил-2 и сложным пилотажем не занимались никогда на боевом самолёте. Основной состав – это фронтовики, старше меня и для освоения этого самолёта их нужно было учить владению этим самолётом, т.е. пилотажу. Мне пришлось много заниматься не только своей службой, но делиться опытом пилотирования и опытом обучения.

Обеспечение здесь было хорошим, цены на рынке низкие. Таджикки приносили к подъездам фрукты, овощи. Детям было привольно. Акклиматизация наша прошла незаметно. Инна чувствовала себя хорошо. Врач Черкасова Т.Н. не подтверждала порока, но шум в работе сердца прослушивался из-за нечёткой работы митрального клапана. Нина медленно входила в обстановку временного жилья, но хотелось быстрее обосноваться. Неожиданно быстро пришёл наш контейнер, а квартира всё ещё ремонтировалась. Вещей оказалось много – полная машина МАЗ. Жёны офицеров ахнули, когда увидели, что у нас столько вещей. Их пришлось сложить в свободную комнату в другом доме. Через несколько дней мы вошли в свою квартиру: две отдельные комнаты, а на кухне – три семьи. Одна комната большая, два окна выходят в парк, вторая, метров 14 кв. с одним окном – в противоположную сторону. Потолки высотой метра 4. В большую комнату поместили две кровати, шифоньер, диван, круглый стол. В другую – кровать, холодильник, письменный стол, швейную машинку. Эта комната стала рабочим кабинетом и для Нины (она была светлой) и для меня. Развесили ковры, двойные шторы на окна (это была новинка) и стало очень уютно и хорошо. Пошли к нам любопытные жёны посмотреть, как у нас убрано, и что есть.

Теперь жизнь пошла своим чередом, и лето с каждым днём давало о себе знать. Вода здесь была без ограничения: и питьевая, и для полива, которая стекала с гор. Температура максимально поднимается до 38-39° днём, а ночью не более 20. Ночи прохладные. Есть клуб, летняя киноплощадка и танцплощадка. В кино ходили обязательно с пиджаком или кофтой. В город ходил рейсовый автобус, на поездку туда затрачивалось минут 20-25. Это место в народе называют жемчужиной Средней Азии. О других гарнизонах рассказывали ужасные истории, связанные с недостатком воды, высокой температурой днём и ночью, наличием опасных насекомых и змей, а также недостатком продуктов и овощей. В общем, нам повезло. Говорили, что Азию вы не увидели. Слышали, что здесь бывают часто землетрясения. Как-то вечером сидим в большой комнате, и вдруг закачалась электро-лампочка под абажуром, и одновременно скрипнул дом, почувствовался толчок. Мы тотчас же услышали частый топот по лестнице и возбуждённые голоса на улице.

Через минуту-полторы мы тоже вышли. Наши соседи удивились, что мы так медленно покидаем квартиру. Мы испытали первое землетрясение в своей жизни. Поговорили, посмеялись и пошли в квартиры с небольшой тревогой за возможный внезапный исход.

Вскоре в полк прибыли молодые лётчики, выпускники училищ, работы прибавилось. Их нужно было учить и учить многому, чтобы из них получились лётчики. Вот здесь и пригодилась моя методическая подготовка, которую я получил в Высшей офицерской школе инструкторов. Среди этих лётчиков были такие, которые могли рисовать, красиво писать буквы на ватмане. Так начали создавать и оборудовать классы для качественной подготовки лётчиков к полётам. По итогам смотра – конкурса учебная база нашего полка заняла первое место в Армии. Большую часть премии за это решили отдать лётчикам, которые рисовали, чертили, делали макеты и т.д. Это подняло активность всего коллектива. Мне пришлось освоить самолёт связи Як-12, на котором летали на полигон для руководства там полётами и в другие ближние гарнизоны. Служба в истребительном бомбардировочном полку проходит значительно интереснее, чем в истребительном. Она более разнообразная по лётным упражнениям. Много уделялось боевому применению: бомбометанию, стрельбе, поиску малоразмерных целей и атаке по ним. Эти полёты вызывали большой интерес и соревнования. Лётчики, особенно молодые, всегда ждали у входа в столовую руководителя с полигона, чтобы быстрее узнать точнее результат попадания в цель. Летали через день. После обеда всегда был отдых до 17 часов, т.е. в самую жару. Руководящий состав готовил материал к разбору проведённых полётов и составлял план их проведения, а лётчики играли в волейбол до ужина. Жёны с детьми болели за команды. Нину избрали в женсовет и при её настойчивости построили хорошую детскую игровую площадку. Времени свободного было достаточно, но уехать для отдыха было невозможно. Да, служить в строевой части намного легче, чем в училище и намного интереснее. Всё вроде было хорошо, но сына с нами не было, о нём мы очень скучали. Инночка росла и выглядела хорошо. Её одежда была – трусики. Требовалось, чтобы она днём обязательно отдыхала, а заставить её было очень трудно, и это нас очень беспокоило. После обеда я приходил, и мы с ней ложились на диване. В комнате всегда было прохладно и отдыхать было приятно. Чтобы как-то завлечь её, я всегда предлагал соревнование – кто быстрее заснёт. Но получалось так, что я всегда оказывался победителем, проснусь, а Инночки нет. Иногда, засыпая, я чувствовал, что она потихоньку поднимается, останавливаю её, а она уже недовольная.

В июле месяце дали отпуск. Нужно было заехать к Валерику в Костино, а затем ехать домой. Решили в отпуск лететь самолётом. За билетом меня накануне подвезли на «Москвиче» командир звена с замкомэском. Билеты на завтра взял без труда и думал возвращаться домой городским транспортом, но они предложили свои услуги, выполнить всё по пути. Заехали в шашлычную на Комсомольском озере, затем ещё. Меня насторожило, что водитель пьёт без ограничения. Поздно вечером в состоянии приличного опьянения воз-

вращались в гарнизон. Я лёг на заднем сиденье, а они, помогая друг другу, повели «Москвич» и вдруг – удар. Я свалился с сиденья на пол и сильно ударился о что-то ребром. Дыхание перехватило. С трудом перевёл я его и слышу, они что-то пытаются делать. Потом остановилась попутная машина, взяла нас на буксир и притянула нас в гарнизон, где с тревогой ожидала Нина. Мне было не по себе, вот влип в историю. Я уже был в отпуске, а им нужно было утром идти на полёты. Этот урок остался в памяти на всю жизнь и, к моему удивлению, всё обошлось благополучно. К вечеру следующего дня мы вылетели на Ил-14 в Москву. В Пензе, где жил Яков, были часа в 2 ночи, он не дежурил в этот день. В Москву мы прилетели часов в 9-10 сильно уставшие. Поехали к Валерику. Его нужно было взять на месячные каникулы, а затем снова привезти. Пошли мы к двору и увидели Валерика среди гуляющих по группам. Он нас заметил, но не выразил заметного удивления или восторга. После роспуска группы, он подошёл радостный к нам. Нина угостила его. Он говорил лучше. Потом его взяли и всей семьёй поехали в Монино к Максютовым, где заночевали. На следующий день поездом отправились в Армавир, где нас ожидала бабушка, мать и тёща. Она всё ещё жила одна, гостила в это время Вера с семьёй. Отпуска у нас совпадали с Самгородецкими, и мы хорошо проводили время. Забавой мальчишек были собаки: взрослый Руслан и кутёнок Дозор. Их они привлекали, чтобы загнать кур или цыплят, выскочивших из сарая, называя диверсантами и шпионами. Бывали случаи, когда «диверсант» попадал в зубы агрессивного Дозора, и тогда быстро убирали следы, чтобы не влетело от бабушки. Девчонки откуда-то узнали стишок про кутьку и на детском ломаном языке повторяли его громко по нескольку раз, пока не пугнут их мальчишки или взрослые. Вот этот стишок:

Кутька дуляк, полез на цильдак.

Цильдак пльвалился, кутька убился.

Цельти звонят, культку халёнят и т.д.

Вскоре Вера уехала, а мы остались и стали убирать лук. Мать брала участок по выращиванию лука, и вот пришла пора его сдать. Собирали его дня 3-4, а потом на бричке отвезли на склад килограмм 800. Мать говорила, что надоело одной жить. Прошло более года, как умер её муж – дед Николай. Ей пошёл 50-й год. Она говорила, что находится хороший человек. Мы все были против, но она была уверена, что этот человек не будет её обижать, и что с ним ей будет лучше. Отпуск наш подходил к концу, нужно было возвращаться и завезти Валерика в Костино. Оказывается, за время его пребывания в санатории, заболел один мальчик, и всю группу распустили за месяц до срока. Заведующая санаторием знала положение и взяла Валерика к себе, не извещая нас об этом. Было решено её отблагодарить. Для этого я отправился в Астрахань, а встреча с семьёй должна быть в установленное время в Москве. Дома я достал икры, балыка и выехал в Москву с заездом к Якову в Пензу. Нашёл его квартиру из двух комнат в частном доме. Он второй год ждёт квартиру из фонда МО. Дочери его: Люба училась во втором классе; а Наташа готовилась в школу. Мария не работала, а Яков – в аэропорту. По словам Марии, Яков стал увлекаться водкой, в свободный день от дежурства вы-

пивал по пол-литра. Лицо его заметно потускнело. Это была последняя встреча с ним. На вторые сутки, после получения телеграммы от Нины я двинулся в Москву, где часа через 2-3 встретил семью. Теперь наступал самый тревожный момент, нужно было завести Валерика в санаторий, а он этого не хотел, хотя мы его давно настраивали. Глядя на него, и нам было тяжело. Вышли мы в Болшево, осталось пройти километра 1,5. Валерик не захотел дальше идти, просил не оставлять его. Тяжелее испытания не придумаешь. Мы видим, что ему стало лучше; врачи рекомендуют закончить обязательно курс лечения, а он не хочет оставаться, так как мы далеко, и до конца года он нас не будет видеть. Нина уже не могла что-то решать, нужно понимать сердце матери. Пришлось мне кое-как уговаривать и потихоньку приближаться к санаторию. Ценой невероятных душевных усилий мы подошли к санаторию – Валерик в слёзы и громко. Вышли сёстры и заведующая, успокоили, уговорили его, а мы с комом у горла поехали на вокзал. Это было последнее посещение Москвы семьёй. В Сталинабад летели самолётом. В гарнизоне жизнь шла своими заботами. Нину уговорила соседка (Лёзина Олимпиада Матвеевна) пойти в хор при офицерском клубе, всё быстрее будет проходить время. Инна росла без признаков болезни. Её подружками были: Наташа Черкасова, Лена Лебецкая и сёстры Мордвиновы.

В полётах нужно было освоить новый вид подготовки – перехват воздушных целей. Для этого нужно было уметь наводить с земли перехватчиков на воздушную цель. Это нужно было начинать мне самому и одновременно учить других офицеров наведения. Сам я опыта не имел, но видел, как это делается, взялся, и сразу получилось хорошо, и постепенно освоил управление самолётами для наведения их на цель. Наступила осень. Однообразная погода несколько месяцев очень надоела и хочется увидеть дождик, просто соскучились за такой погодой. Иногда с запада врывается в долину сильный ветер (афганец), который приносит облака густой пыли. Эта пыль стоит в воздухе неделю, видимость при этом уменьшается до 500-600 метров, солнце через пыль просматривается, как луна. В такие дни бывает очень душно. В зиму нужно было запастись углём, а вместо дров – саксаулом, который не рубили топором, а били о камень – так он хорошо ломался. Заготовка проходила централизованно, осталось самому только сложить в сарай. После ноябрьских праздников пошли на субботник по уборке хлопка. Он уже был собран, но часть осталась в коробочках, из которых трудней выбирать. Труд этот не из лёгких. После окончательной уборки стебли вырывают, и таджики используют их для обогрева. У них в домах нет печей, готовят пищу на очаге во дворе. В доме же по середине – яма, в которой в холодное время на ночь жгут бурьян. Спать укладываются ногами к яме, укрываясь несколькими одеялами. Зимы здесь тёплые. Днём всегда плюсовая температура, а ночью редко доходит до -7-10°. В конце ноября пошли дожди, они здесь тянутся по 5-6 дней, так как облака задерживаются горами, и они здесь стоят, пока не иссякнут. В комнате была плита, и в такие дни мы иногда её растапливали. Подходило время ехать за Валериком, привезти его к Новому году, чтобы начать год всей семьёй вместе. В одну из глубоких декабрьских ночей пришёл посыльный

и передал, чтобы я позвонил начальнику штаба. Это был первый тревожный вызов. С тревогой я шёл к телефону, позвонил. Слышу вопрос:

– Брат в Пензе есть?

Отвечаю:

– Да.

Он говорит:

– Пришла телеграмма: «Умер Яша».

От такой неожиданности я чуть не потерял сознание. Он ещё что-то говорил мне, но я не помнил. Утром я вылетел в Пензу с пересадкой в Актюбинске. Там погоды не было, и я двое суток просидел. Прилетел в Пензу, а похороны уже состоялись вчера. На похоронах был Тимофей, Николай лежал в госпитале. Горе тяжелейшее постигло семью, ему сравнялось 44 года, а Марии – 39. Причина смерти – инфаркт миокарда. Накануне он вёл неприятный разговор о квартире в горисполкоме. Выделили две двухкомнатные квартиры, а 3-х комнатной опять нет. Рано утром он проснулся от боли под ложечкой, а вскоре началась рвота. Подумал, отравление, принял лекарство, а утром, чувствуя опять боль, пошёл в госпиталь. Поднялся к врачу на третий этаж, врач пульса не прощупывал, и вскоре наступила внезапная смерть. На детей назначили пенсию. В нашей большой семье такой тяжёлый случай произошёл впервые. Пять братьев прошли войну, а Яков – две, и все вернулись. И вдруг скоростижно несчастье по незнанию признаков болезни. На второй день поехали на могилу, а на следующий день с Тимофеем выехали в Москву, где переспали в гостинице ночь и расстались навсегда. Он поехал домой в Борисполь, а я – за Валериком в Костино. В Москве в эту зиму стояли морозы до 30°. У санатория вечером встретил Максютлова, он шёл к Валерику. Я переговорил с начальником санатория, увидел Валерика и сказал ему:

– Завтра я тебя заберу, и поедem домой в Сталинабад.

Он очень обрадовался. Ночевать поехал к Максютову. Утром, поблагодарив весь медперсонал санатория, отправились с Валериком в Москву. Поезд наш уходил утром следующего дня, и нам было время походить по магазинам, выполняя заказы. В детском мире уже шло предновогоднее выступление у ёлки, и мы решили здесь побыть больше времени. Купили несколько марок, к сбору которых у него появился интерес, купили, что нам заказывали, и вечером отправились на Казанский вокзал, где провели ночь в зале ожидания для военнослужащих. Утром отправились поездом знакомой уже дорогой на Сталинабад. На четвёртые сутки, накануне 1959 года на вокзале нас встречала Нина в тёмно-коричневой шубе, шёл сильный снег. Теперь вся семья была вместе, закончились испытания. Валерик потихоньку входил в ритм нашей жизни, ему приходилось перестраиваться, и это было заметно на его поведении. Новый год встречали скромно в узком кругу соседей, а затем – в клубе офицеров, где вечер или точнее встреча следующего дня прошла хорошо. Многие пришли в театрализованных костюмах, масках. Так началась новая страница жизни в новом 1959 году. Служба шла нормально, летали в облаках и ночью. Должность освоил в деталях. Когда самолёты гудят регулярно – это привычный рабочий шум, как только на аэродроме гул стих, жёны настораживаются, спрашивая:

– Что-то перестали летать?

И когда снова начинает гул, облегчённо вздыхают. Нелегко ждать мужа с полётов, хотя и привыкают к этому, но всё же ожидание связано с переживанием. Всегда, когда я возвращался с полётов, Нина меня ожидала, не могла заснуть. До моего приезда в полк, зимой 58-го года не вернулся на аэродром старший лейтенант Бондаренко после полёта в облаках. Самолёт нашли летом пастухи в горах, когда погнали туда отары пасты. В нём был и погибший лётчик. В гибели его повинны командиры, которые его спешно готовили, и он сам – из-за слабого знания в пользовании техническими средствами контроля. В первый день нового года было очень тепло, ходили в костюмах. На утреннике в клубе дед мороз в своём облачении, обливался потом, на волейбольных площадках играли в майках. В это время здесь снимают второй урожай капусты, в феврале начинает цвести урюк, сеют ячмень и пшеницу. В конце февраля и март – это сезон обильных дождей. В середине апреля неожиданно предложили санаторную путёвку в Кисловодск. После совещания с Ниной решили ехать. Срок путёвки уже начинался. Летели самолётом семьёй до Минеральных Вод, там я их проводил поездом на Армавир, а сам поехал впервые на курорт. С Ниной договорились о том, что я сразу узнаю возможность её лечения, и она тогда приедет.

Санаторий почти в центре города, корпус с палатами на 4-6 человек. Город расположен в долине ручья, который называют рекой, к которому близко примыкают склоны гор. Вот на этих склонах гор и построили корпуса санаториев, лечебниц и других зданий. Основное лечение – нарзан и дозированная ходьба (терренкур). Ровного места нет, и многие перегружают сердце и портят всё лечение. Нине сообщил всё, что нужно, и она быстро приехала с курортной картой. Квартиру я ей нашёл в самом центре на втором этаже. Время пошло весело и интересно. Особенно в памяти остались вечера, проводимые массовиком. Проходили они весело и разнообразно. Освоили много различных танцев, игр, ездили на экскурсии, посещали знаменитые места этого курорта: храм воздуха, красные камни, красное солнышко, гора – кольцо. Были в театре и кино. Здесь же встретили майские праздники. Память об этом времени напоминают фотографии. Мой срок пребывания истекал, а Нине нужно было ещё остаться на неделю, чтобы закончить лечение. В Армавир я выехал автобусом, а спустя неделю, мы с Валериком встречали Нину на автовокзале (тогда он был на трассе, за городом). В доме был новый человек – Александр Филимонович Дороговцев, второй муж бабушки Сани. Его присутствие сразу стало заметным. Задняя часть двора превратилась из пустыря в огород. В нём горело желание трудиться. К труду его приучили с детства, он брался за всё, что было ему знакомо и незнакомо, трудностей не боялся. За свои планы брался без раскочки. Уроженец станицы Прочноокопской, казак, 1907 года рождения, родом – из Орловской губернии. Тёща им была очень довольна за его хозяйскую хватку и желание больше заработать, добыть. Взгляды на жизнь у них совпали, и они, как молодые, взялись трудиться. Завели хозяйство: коров, свиней, кур, индюков; брали огород под обработку. В общем, работы хватало им и нам во время отпуска. Погода была

холодной, и, к большому сожалению, Инночка простыла и опять заболела ангиной. Состояние её было неважным. Электрокардиограмма показала отклонение, и врач установил диагноз – ревмокардит. Это был 59-й год. Отпуск подходит к концу, предстоял нелёгкий путь, и это нас тревожило.

В плане на отпуск у нас было запланировано посещение моей Родины – Забузана. Это было по пути нам, и мы выехали в Минеральные Воды, чтобы там сесть на Астраханский поезд. В ожидании поездки встретили на вокзале жену Тимофея – Марию Степановну, тоже ехавшую в Астрахань. Ехали мы вместе в одном купе. На этот раз в Астрахани мы остановились у Валентины (дочери Дуси). Она жила в своём доме недалеко от Ивана. Её дочери, Таня и Оля, немного старше Валерика и Инны, хорошо подружились. В Забузане жизнь шла своим чередом. Валерику здесь всё было уже знакомо, а Инна от первого посещения почти ничего не запомнила, и это было для неё всё новым. Стояла тёплая погода, и мы подолгу купались в Бузане. Напротив жил брат Василий. Наши дети познакомились с его детьми по второму браку: Мишей, Аркадием и Леной, время у них проходило интересно в обоих домах. На обратном пути в городе погуляли по набережной Волги, были в парках, где дети хорошо веселились на аттракционах. Это время нам понравилось, и мы хорошо отдохнули. Путь на самолёт опять нас привёл в Минводы, где мы заночевали в гостинице, а утром на Ил-14 отправились в Сталинабад через Баку, Ашхабад. Полёт был длительным и очень изнурительным. К вечеру мы прилетели и ещё долго отдыхали в аэропорту, прежде чем ехать автобусом в Гиссар. Врач Черкасова Таисия Николаевна осмотрела Инну и сказала, что не находит ревмокардита. Это нас несколько успокоило, но вид у неё стал хуже, чем до отпуска. Однажды она оставила игру с подружками, и бледная пришла домой. Нина в беспокойстве просидела с ней остаток дня, не разрешая вставать. Два месяца мы её лечили, применяя различные ухищрения, чтобы она отдыхала днём – ей нужен был щадящий режим.

Дела по службе шли нормально, в лётной подготовке освоили бомбометание ночью, результаты были выше, чем днём. В один из дней я был назначен руководителем полётов на полигоне. Туда, как обычно, улетел на самолёте Як-12 с механиком. После полётов вылетел обратно, было очень жарко. Чтобы перелететь перевал, нужно было набрать высоту метров 800, но мотор не тянул. Не хватало несколько десятков метров высоты, чтобы потом снижаться в долину, где был наш аэродром. Велико было желание преодолеть это препятствие. От большой нагрузки мотор стал греться. Я решил сбавить обороты для охлаждения, и сразу мотор заглох, но винт вращался от потока воздуха. Я перевёл самолёт на снижение в сторону полигона и вдруг мотор снова заработал. Этот случай без видимых признаков неисправности меня очень насторожил. Механик мой сидел бледный (мы были без парашютов). Теперь уже над полигоном я стал снова набирать высоту, но мотор упрямо не тянуло до нужного предела. Решил садиться на площадку полигона. Заход выполнил с запасом высоты на случай остановки двигателя, направив самолёт на выступ глубокого оврага, окаймляющего посадочную площадку. На снижении, когда я убедился, что на площадку попадаю, умень-

шил обороты и сразу мотор остановился полностью, винт не вращался. Самолёт сильно стал снижаться. Сел я на этот спасительный выступ метрах в 10 от обрыва. О случившемся доложил командиру полка по телефону. Там меня ждала семья, и я об этом очень беспокоился, поверит ли Нина. Никогда жёнам сразу не говорят, что муж погиб, а придумывают какую-то версию, а затем, когда уже нельзя скрыть, осторожно говорят политработники. На второй день приехали инженер полка – подполковник Спицын А.И. и инженер эскадрильи – капитан Башмаков Сергей. Они выслушали меня о случившемся и стали копаться в моторе в поисках причины. Затем нужно было облетать, ещё раз проверить и убедиться в надёжности работы мотора. На земле он работал нормально. После запуска я проверил ещё раз и на одном из режимов заметил слабый сбой, повторил, но работал нормально. В самолёте сидел со мной Башмаков. После взлёта, над оврагом, мотор стал давать перебои, самолёт я перевёл на снижение над перепаханым полем. Рычаг управления мотором оставил в положении – полные обороты, и даже упёрся о него на случай приземления на пахоту. Самолёт уже был на высоте одного метра от перевёрнутых пластов земли, как вдруг мотор заревел, выйдя на полные обороты. Я перевёл самолёт в набор, довернул на посадочную площадку и посадил этот капризный агрегат с большим «козлом». Решил больше не экспериментировать. Два раза я был на краю почти гибели, третий раз может быть роковым. Очень будет обидным и нелепым на этом агрегате закончить жизнь. Когда я с Башмаковым скрылся за холмом, Спицын беспомощно опустил на землю и пожалел, что выпустил на облёт. Теперь у всех сложилось единое мнение – не возиться с этим самолётом, так как раньше были уже жалобы на него. Это был для него последний полёт. Его разобрали и списали. За мной прилетел замкомэск Кабельков на новом Як-12. Дома я поделился всем этим с Ниной, а о том, как облётывал самолёт на полигоне, не раз вспоминали с инженером полка, уже с шутками.

В один из июльских дней 1959 года, рано утром прибежал посыльный. Прибыл в штаб, командир мне поставил задачу: подготовить маршрут перелёта группы в Кировабад (через Каспий). Я подобрал комплект карт и сделал расчёт маршрута, доложил командиру, что готов маршрут. В коридоре меня увидел зам командующего ВА генерал Зотов М.С.. Он мне сказал:

– Возьми несколько комплектов карт и дальше, на Багдад.

И добавил:

– Об этом больше никто не должен знать.

Теперь мне стало ясно: вчера вечером сообщалось, что в Ираке произошла революция, на смену королю Фаруху пришло революционное командование. На это событие бурно отреагировал весь Ближний Восток, как сигнал к массовым выступлениям за прогрессивные преобразования, против засилья американского и английского капитала. США начали высаживать морских пехотинцев в Ливане. Наше правительство объявило о проведении маневров войск на юге страны. Для руководства этим были назначены: в Туркестане Маршал Мерецков, в Закавказье – Рокоссовский, в Кишинёв – Конев. Обстановка чрезвычайно обострилась. К завтраку всё было подготовлено для вылета, мо-

лодых лётчиков не брали. Нас предупредили, с собой, в кабину самолёта, взять необходимое: документы и туалетные принадлежности. Погода стояла после «афганца» минимальная по видимости (2-3 км). Мы с командиром вылетели первыми, и за нами – остальные. Первая посадка – Мары. Там подтвердилась напряжённая обстановка – наземные войска ночью по тревоге вышли к границе с Ираном, авиация летит к Каспию. Вторая посадка в Кзыл-Арвате, где базировался полк нашей дивизии, он сидел в готовности. Следующая посадка в Небит-Даге, где сидит авиация ПВО. Сели вечером. Нам отвели казарму, в которой был душ – это уже диковинка в этих местах. Дальше полёт будет выполняться по команде, но её не последовало ни завтра, ни послезавтра, и не в последующие дни. Командира полка и командира дивизии вызвали в Ашхабад. К вечеру вернулся командир полка и объявил:

– Идут армейские учения, завтра утром быть готовыми к вылету по вызову с КП Армии.

Утром мы со штурманом дивизии вылетели парой на разведку района учения и сразу после посадки полетели восьмёркой на поддержку наземных войск. Они вели «бой» со стрельбой и были хорошо видны разрывы снарядов, движение танков и бронетранспортёров. В этот день нас больше не беспокоили, на следующий день так же, и последующие – тоже. Игра закончилась, но никаких команд не поступало на это. Чем-то нужно было занимать лётчиков. Организовали экскурсию на КП полка ПВО, построенный под землёй и оборудованный современной системой наведения и управления истребителей, о которой я получил представление в Академии. Посмотрели город нефтяников, в нём вода для душа и питьевая. Сотрудники КГБ прочитали нам лекцию о создавшемся положении. Острота обстановки прошла, напряженность её пошла на убыль. В этой внезапной ситуации обе стороны выявили свои планы на военное время. На Туркестанском участке Иран развернул всего лишь два батальона, на Закавказском – пять дивизий. После нашего отлёта в нашем гарнизоне пошли панические слухи о начале войны и необходимости быстрее отсюда выезжать, но действий они не вызывали. В Небит-Даге встретил знакомого лётчика – Кочетова. С ним были мы в Краснодаре, Армавире и Майкопе, был у него в гостях дома. Здесь же встретил бывших своих курсантов по Грозному. Затем, где я не бывал в авиационных гарнизонах, везде встречал знакомых. Через несколько дней нам разрешили летать, один день мы летали с аэродрома Кызыл-Арват с перелётом туда и обратно. Неопределённость обстановки вызывала всё большее желание быстрее вернуться домой. И вскоре мы отправились в обратный путь. Опять мы первыми с командиром возвратились на свой аэродром. После заруливания на стоянку я увидел недалеко Нину с Валериком. Подошёл к ним, обнял и расцеловал их. С ними ушёл домой, забыв, что нужно подождать возвращения группы, и получить указания на дальнейшее. Всё обошлось нормально. Приближалась пора учёбы школьников. Валерик знал буквы, цифры, умел держать карандаш, продолжал коллекционирование марок в специальном альбоме. Накануне начала учебного года я был в командировке. Нине одной пришлось провожать сына в школу. Пошли они нарядно одетые с цветами в школу. Она была недалеко.

При подходе к школе Валерик закапризничал и убежал. Его стали ловить, помогал в этом секретарь комитета комсомола полка Греков. Уговорил его. Повела Нина сына снова. Школьники уже стояли в строю по классам. Поставила Нина и Валерика, но он снова сбежал. Мы – я, Нина и Валерик пошли домой. На середине пути сын остановился и согласился идти в школу. Нас встретила директор, она взяла его за руку и завела в класс к опытной учительнице. Его товарищ – Толик Шепатиевский сказал:

– Иди, садись и не вздумай бежать.

Он сел за парту.

На большом перерыве прибежал домой радостный и говорит:

– Там хорошо, и не бьют.

Оказывается, на кануне с ним провёл «работу» соседский мальчик Витя Лёзин. Сказал ему, что в школе бьют палками, ставят в угол на колени с горохом и т.д. Так началась учёба в школе нашего сына. Уроки он готовил без особого желания, вскоре стал в школе шалить, стали выводить на линейку. Мы выслушивали жалобы учительницы. Арифметика ему давалась труднее, не хватало ему усидчивости и желания выполнять аккуратно. В то же время игрушки свои содержал в хорошем порядке и в его уголке всегда был порядок. Нина много внимания уделяла подготовке сына к занятиям, много прощала его небрежностям. Мои замечания об этом не принимались. На следующий год – 1960-й при офицерском клубе были созданы курсы по подготовке игры на аккордеоне. Инициатором созданий их стала жена молодого лётчика, жившего в нашем подъезде – Бунина. Я всегда любил музыку. Будучи ещё дома самоучкой, осваивал балалайку и гитару семиструнную, без нот, на слух. Я мечтал освоить гармошку, затем баян, но война помешала. Мне очень хотелось сейчас, чтобы в нашем доме была своя, рукотворная музыка. Я попросил соседа Мордвинова помочь купить аккордеон, чтобы Валерик мог заниматься дома. До этого он пользовался инструментом только в клубе и первые домашние задания я помогал ему выполнять на полуаккордеоне. Купили мы аккордеон $\frac{3}{4}$ «Вельтмейстер» за 360 рублей, красивый, но он был велик. Приходилось его привязывать к плечам музыканта. Способности и слух Валерик имел, и на первых порах успехи были неплохие, но затем интерес к музыке стал постепенно снижаться, но мы старались его поддержать различными методами.

Весной 1960 года в нашем районе дважды нарушалась воздушная граница. Первый раз в апреле она была нарушена над Памиром. Нарушитель вышел на Балхаш, вышел к Аральскому морю, а затем через Мары ушёл в Афганистан. Никто его не потревожил, так как нечем было его достать на высоте 20 тысяч метров. Переполох был большой, много снимали начальников. По агентурным данным это был высотный разведчик США – У-2, вылетавший с аэродрома Пакистана. 1-го мая, почти всем составом полка, мы были на параде-демонстрации в Душанбе (название города переименовано). А в это время среди дежурных частей шёл переполох – опять с Пакистана пошёл нарушитель. Пост ПВО в Кулябе его обнаружил за 120 километров на высоте 9000 метров и дал информацию в систему оповещения. Погода утром была

нелётная, стоял приподнятый туман с видимостью до 600-800 метров. Нарушитель прошёл над нашим аэродромом в направлении Аральского моря. С Каршей, после переговоров с КП Армии, был поднят на перехват Т-3 (Су-9), но с опозданием. Перехватчик садился в Ташкенте (по погоде). Если бы подняли его своевременно, вряд ли бы нарушитель прошёл до Свердловска, где он был сбит зенитной ракетой. Лётчик майор Пауерс вылез из падающего самолёта, а не катапультировался, как установлено в этом случае. Это было так необходимо, иначе он погиб бы от специальной иглы, чтобы не давал показания. Ему об этом секрете сказал техник самолёта. Пауерс благополучно приземлился на парашюте и был арестован, затем судим, а после отбытия срока, возвращён в США путём обмена на нашего разведчика Исаева. Этот случай нарушения границы вызвал скандал на весь мир. Вскоре началась реорганизация Вооружённых Сил. Было решено сократить армию на 1 миллион 200 тысяч, создать войска стратегического назначения (ракетные). Нашу дивизию сократили, оставив один полк в Кзыл-Арвате, а другие передали в 13 гвардейскую истребительную дивизию. Я вернулся в истребительную авиацию. Из состава полка бывшего, осталось несколько человек. Остальные прибыли из Самарканда, Каршей и Чимкента. Многие авиаторы, особенно инженерно-технический состав, были направлены в ракетные войска ПВО; многих демобилизовали без выслуги лет и естественно, без пенсии. Устаревшие самолёты (МиГ-15, Ил-28) поставили в резерв, часть их пошла на металлолом.

Мы получили МиГ-17 и стали готовиться по курсу истребительной авиации. Теперь основные полёты выполнялись на воздушный бой, на перехват воздушных целей. На меня легли заботы создания основного элемента авиационного истребительного полка – командного пункта (КП) и подготовки штурманов наведения. Наш аэродром требовал ремонта, и мы перебазировались под Термез, где стоял полк нашей дивизию. Там наши офицеры боевого управления, и я с ними, получили практику в управлении самолётами и в наведении их на воздушные цели. При возвращении на свой аэродром, я много тренировался в наведении, и теперь стал учить штурманов наведения их совершенствованию. При первой проверке по перехвату контрольных целей получилось не плохо. Мы продолжали совершенствовать свою работу, и результат постепенно рос. Перехваты контрольных целей нашим полком стали самыми высокими в воздушной Армии, а условия выполнения их были самыми трудными из-за близости гор. Теперь к нам стали приезжать перенимать опыт наведения. По моему твёрдому убеждению, причина успеха заключалась в постоянном внимании, контроле и обучении офицеров наведения. Я летал и наводил, поэтому знал тонкости этой работы, владел расчётами на перехват и свободно руководил действиями всего боевого расчёта КП. Мне командир полка полностью доверял в этом и почти не вмешивался в эту работу.

В семье было нормально, Нина много внимания уделяла детям. Я находил время заниматься с сыном музыкой, мне это очень нравилось, и я надеялся, что сам быстро освою этот замечательный инструмент. Это была моя

мечта, но она не осуществилась, потому что я не проявил настойчивости и целеустремлённости, о чём я всегда теперь жалею. В свободное время много занимался фотографией. Это очень интересное и нужное дело, когда видишь свой труд на формате, испытываешь удовольствие. Инна была на постоянном контроле, и видимых отклонений в её здоровье не замечалось. Ненормальность в работе сердца иногда прослушивалась и теперь её не ограничивали в движениях. Требовалась тренировка без перегрузки. Вот найти эту середину – требовался контроль и постоянная беседа с ней. Нина с этим, по моему, справилась.

Неожиданно к ней пристала ещё одна болезнь – Боткина. Она заразилась от детей, сестёр Кургановых. Что интересно, что одна из них, находясь всё время вместе с больной сестрой, так и не заболела. Начало заболевания было обнаружено своевременно, и я её отвёз в больницу в Душанбе, где она пролечилась всего недели две.

В конце лета мне предложили путёвку в санаторий Судак. Время было неподходящее, так как получалась накладка на сентябрь месяц. Я уговаривал Нину ехать всей семьёй, часть сентября Валерик будет учиться в Армавире во втором классе. Пришлось лететь одному. Прямого самолёта не было, полетел через Ашхабат, а оттуда – на Симферополь. В Ашхабад прилетел в полдень, стояла сильная жара. До вылета оставалось два часа и это время медленно тянулось, хотелось быстрее оставить этот солнечный город, город тепла и зелени. Объявили, что вылет задерживается на два часа, а самолёт стоит на стоянке под солнцем. В тени, не двигаясь, было очень трудно сидеть. Часов около 17, в самое пекло вошли мы в раскалённый самолёт – это была настоящая сауна. Пока он запускал двигатели, выруливал для взлёта, прошла вечность. Все вспотели так, что сухого места в одежде не было. В Симферополь прилетел ночью, а утром от железнодорожного вокзала поехали автобусом в Судак. В Крыму я был впервые, и мне всё хотелось увидеть, то, что так превосходно расписано в книгах и справочниках. Столица Крыма напомнила мне азиатские города с той разницей, что там много глиняных домов, а здесь – из битого камня. Татарский город с кривыми и узкими улицами. За время пути водитель много интересного рассказал об этом крае и познакомил нас с ним. Санаторий располагался на берегу залива у старинной Генуэзской крепости, жили в небольших одноэтажных домиках. Это был захолустный дом отдыха, а море – хорошее. Окрестность этого городка представляла собой голые невысокие горы. Дней через 10-15 получил телеграмму от Нины. Она прилетела за мной к Самгородецким в Гвардейское, где они жили. Она после моего отлёта не могла сидеть и вылетела с детьми. Валерика оставила в Армавире, а с Инной приехала к Самгородецким. Они жили на краю гарнизона, занимая полдома, имели огород и собачку – Бульку. На фотографии это зафиксировано. Туда я выезжал на выходные дни. Перед возвращением на станции Остряково купили за 450 рублей люстру – подарок Нине к 30-летию. Своеобразная, под золото люстра, напоминает музейную редкость. В Армавир возвращались поездом через Керчь с паромной переправой и Краснодар. Это очень утомительный и медленный путь. В Армавире

всё шло нормально. Валерик не мог похвастаться своими успехами в школе. Новая обстановка и отсутствие помощника сказались на результатах. Александр Филимонович трудился без оглядки, как настоящий хозяин, хотя брак ещё не был оформлен. Тёща смотрела на жизнь трезво, далеко вперёд, и оформила дом на своих дочерей. Материально они жили хорошо. Большое хозяйство требовало и большого труда, особенно в добывании корма. К этому труду и мне не раз приходилось подключаться: косить траву, доставлять её домой, помогать обрабатывать огороды и т.д. Впечатление об отпуске осталось хорошее. Мы возвращались в свои края. В октябре мне присвоили звание «подполковник». Это событие отмечали в два приёма. Первый – с участием руководства полка, второй – с друзьями и соседями. В нашем подъезде появились новые жильцы – Люба Мащенко с сыном Аликом.

Задачи по службе усложнялись. Летали больше ночью и днём в сложных условиях парой, звеньями. Условия полётов в этом районе были трудными. Высота облаков достигала до 12 тысяч метров, что в России никогда не бывает, и аэродром находится в долине высоких гор. Многие инспекторы побаивались летать без опыта.

В одном из полётов парой на пробивание облаков с командиром полка произошёл опасный случай с ним. После выхода за облака на высоте 11 тысяч метров развернулись на аэродром, а доклада об этом я не слышал. Вижу, он качает крылом, подошёл ближе. Он машет мне рукой вперёд и показывает на уши. Я запросил по радио – молчит. Ясно, выхожу вперёд и докладываю об этом на землю. Завёл его на курс посадки, пробили облака вниз, и здесь я увидел, что одна стойка шасси у него не выпущена. Сообщил на землю и сел сходу, а он садился с круга на два колеса. Обошлось нормально, помог подвесной бак, который смягчил нагрузку, вместо колеса. Оказывается, у него отказал генератор, и поэтому отказали различные системы и часть приборов.

Как-то пришло указание облетать самолёты по специальной программе. Для этого выделили человек 5. Облётывая самолёт на высоте 9000 метров, заметил, что давление топлива упало, и стали уменьшаться обороты. Я молниеносно перевернул самолёт к земле, не трогая рычага управления двигателем. На пикировании увидел, что давление топлива есть, но ниже допустимого, обороты за счёт скорости были, и я чуть двинул рычаг вперёд, они увеличились, и тогда плавно добавил до требуемых. Тут я вздохнул. Не сделай этого – двигатель остановился бы совсем, и чем бы закончился этот полёт, неизвестно.

На земле об этом рассказал инженерам и технику самолёта, записал в журнал. На второй день я группой полетел в Чирчик сдать самолёты в ремонт, а оттуда получить готовые с ремзавода. Самолёты получили, облетали и ждали разрешения на вылет домой. Вылет задержали, потому, что на нашем аэродроме на одном самолёте остановился двигатель. Я подумал, наверное, тот самолёт, который я облётывал. Моё предположение подтвердилось. Инженеры не устранили неисправность и выпустили в полёт на повторную проверку – облёт над аэродромом для страховки. Полёт выполнял замкомэск. Двигатель остановился, он стал запускать, не запустил. Со вто-

рой попытки ниже установленной высоты с большим трудом удалось ему запустить двигатель. После полёта ему дали неделю отдыха. Были и другие случаи отказов на моём самолёте, но всё обходилось нормально, думаю, благодаря хорошим знаниям, которые вселяют уверенность. Шёл 1961 год. В службе всё шло хорошо. Полк держал уверенно первое место по перехвату контрольных целей. Расчёт КП был опытным и слаженным в работе. Руководить им всегда приходилось мне – это было основной моей обязанностью в период боевой работы. В других полках штурманы полков из-за неподготовленности избегали этой обязанности, перекладывая её на начальника КП. Обо мне стали говорить в дивизии и в Армии по поводу повышения в должности. Предложили перейти зам командиром полка под Термез, отказался – в Мары – начальником штаба полка – тоже отказался, так как места худшие по сравнению с Гиссаром. Я думал о семье, а не о должности, и лучшем месте, а их не предлагали. Инночка постепенно укреплялась, видимо, шло уверенное улучшение здоровья. Может быть, сыграл здесь и климат устойчивый, обилие овощей, фруктов и режим. В этом году отпуск дали в начале лета в санаторий «Дон» в Хосте. Выехали всей семьёй в Армавир, где в это время была Вера с детьми. Как всегда, подключились в работу по уходу за огородами и заготовкой сена. Александр Филимонович работал охранником на пригородном хозяйстве. Там у него была сделана «халабуда» для укрытия от дождя и солнца. Дежурил с ним Дозор. Он пригласил к себе детей и объявил, что это пограничный пост, доверил мальчишкам ружьё, ну а девочки должны выполнять роль санитаров. Дети так увлеклись этим, что никак не заманишь их домой обедать, приходили только вечером. В санаторий решили ехать всей семьёй. Это был наш первый организованный выезд к морю. Такое решение пугало бабушку и Нину: ехать и не знать, где и как устроиться семье? Нам нужно было так поступать, так как срок путёвки истекал к концу отпуска, и мы из Адлера полетим обратно. В день и час нашего отъезда пошёл необыкновенный по силе и продолжительности дождь. Нанятый ЗИМ подошёл по лужам к дому. Мы в него вскочили и поехали на Армавир 11. В одной из луж этот агрегат заглох, а затем ещё несколько раз повторилось, вызывая у нас переживания. Наконец-то мы добрались до станции Армавир-11. К счастью, билеты приобрели сразу в одно купе. В вагоне Нина передела детей в сухую одежду, беспокоясь о том, чтобы не заболели. Утром, как ни в чём не бывало, приехали в Сочи. На вокзале нам предложила женщина свои услуги, и мы с ней отправились в Кудепсту. Квартира – полдомика оказалась рядом с берегом моря и в двух остановках езды автобусом от санатория Дон. Всё получилось хорошо, даже семье повезло, пляж у них был рядом и очень удобный для не умеющих плавать. Здесь я научил Валерика плавать и очень хотел научить этому Нину, но ненужные движения, появившиеся когда-то, мешали освоить простой стиль. Вскоре к нам приехала Вера с детьми и поселилась в той же квартире. Мы вместе побывали в Адлере, посетили там знаменитый парк «Южные культуры», были в Сочи, осмотрели дом-музей Н.А. Островского. В нашу компанию присоединилась ещё одна женщина из Архангельска с дочкой. Об этом времени напоминают фотографии. Отдохнули хорошо. Проводили

Веру в Крым, а через несколько дней сами отправились на Ташкент Ил-18 с пересадкой там на Душанбе. Прилетели в Ташкент вечером, в городе ещё стоял зной. В аэровокзале и на площади все скамейки были заняты. Где-то нужно было устроиваться на ночлег. С наступлением темноты перебрались на территорию аэропорта (аэродрома, и там на лотках устроили детей, сами приютились рядом. Рано утром нас потревожили. Часа через 4 отправились на Душанбе, полёт длится 45 минут. После такого «отдыха» мы сразу после взлёта заснули и очнулись после касания самолёта о бетон аэродрома.

Здесь всё было также зелено и по-своему хорошо, но азиатская обстановка начинала надоедать. Шёл четвёртый год, как мы здесь живём. Таджики – люди неприхотливые и добродушные. Основное их богатство – деньги, заработанные на хлопковых полях, одеяла, подушки и несколько ковров. В магазинах было всё, никакого дефицита, кроме зелёного чая. Они круглый год носят глубокие калоши с узким носом на босую ногу, на плечах – чапан – ватный стёганный халат. Вот и весь гарнитур. Женщины также не отличаются модой – широкое и длинное платье и брюки с повязками у щиколоток. Как-то мы поехали в районный центр – Ханака, зашли в магазин. Русские продавцы жаловались на плохой спрос местного населения и уговорили нас купить два комплекта хрустального набора рюмок, шерстяной джемпер мне и разное другое. Золотые вещи пока не брали. Приближалась школьная пора. 1961 год. Нину пригласили работать в школу с младшими классами, и она пошла. Теперь в школу Валерик уходил с мамой, а Инночка оставалась дома. Она всегда провожала их, ей было скучно, подружки её тоже пошли учиться, и она часто заглядывала в окна школы, уроки физкультуры она не пропускала, уверенно становясь в строй. Месяца через 1,5, когда я пришёл с работы, дочка мне похвалилась:

– А я в школу поступила.

Я удивился. Оказывается, в классе освободилось одно место, и учительница Валентина Семёновна сказала Нине:

– Приводите дочку в класс, ей, наверное, надоело заглядывать в окна.

Вот так Инна оказалась ученицей. Читать она могла, счёт вести умела, а в письме пришлось осваивать и догонять. По арифметике вскоре она была среди передовиков. В занятиях она была старательной, Валерик в отношении к учёбе не изменился. В гарнизоне построили новый четырёх квартирный, двухэтажный жилой дом. Мне командир сказал:

– Выбирай квартиру.

И я выбрал на втором этаже двухкомнатную. Одна комната на восток, вторая – на юг. Рядом поселился Химанин Ю.С. с двумя сыновьями. В южной комнате поставили все кровати, в восточной оборудовали зал с диван-кроватью, круглым столом, трельяжем. Кухня и кладовка были небольшие. Это была наша первая отдельная квартира, правда, все удобства ещё оставались во дворе. Как-то заходит к нам соседский, младший мальчик Миша и нараспев говорит:

– Тётя Нина, а Ваша Инна утонула.

Нина делала пельмени. Руки её опустились и, не говоря ни слова, она быстро вышла из дому. Я за ней, бросились искать дочурку. Не верилось детским

наивным словам, но тревога не покидала нас; да и где можно было утонуть? В арыке, где вода очень холодная и мутная, там не купаются. Поиски в окрестности гарнизона не дали результатов, я убеждал Нину, что это ложная тревога, но дочери не было. Нина в отчаянии села на траву и взялась за голову, не видя ничего вокруг себя, и вдруг подходит Инночка. От такой радостной неожиданности хлынули слёзы, а дочка спрашивает:

– Мама, чего ты плачешь?

С наступлением зимы часть лётчиков, которым нужно было подтвердить или сдать на класс, перебазировались в Чимкент. Здесь условия для полётов в сложных условиях погоды были более благоприятными, чем на нашем аэродроме Гиссар. Расселились в казармах. Город небольшой, но промышленный. Здесь и встретили Новый 1962 год. Погода стояла преимущественно облачная, летали много, и этим все были довольны. Мне приходилось часто летать с лётчиками управления Воздушной Армии. Ташкент был всего лишь в 120 километрах, и они были у нас частыми гостями. В одной из таких встреч Зам командующего ВА по БП генерал-майор авиации В.В. Платов задал вопрос:

– Пойдёшь старшим штурманом во Фрунзе?

Я сразу дал согласие, так как это было повышение, и я много слышал об этом городе, как о самом лучшем месте в Туркестанском Военном округе. Меня он предупредил, чтобы я об этом разговоре нигде не упоминал. Я поблагодарил его и стал терпеливо ждать своей участи. В Чимкенте мы пробыли до середины марта, когда поля уже обозначились яркими красками цветов и среди них сильно выделялись маки. Перелетели домой, и здесь весна была в разгаре. Дома всё было нормально. Дети учились, Нина учила детей, работой была довольная. В конце мая погнал я 8 самолётов в Свердловск через Алма-Ату, Караганду, Кустанай. Этой командировкой я был доволен, так как всегда хотелось быть в новых городах, знать больше о них. В Алма-Ате я встретил сослуживца по Грозному – Н.Д. Храмова. Он был инспектором во Фрунзе, слышал, что я должен приехать к ним. После возвращения из этой командировки пришла долгожданная телеграмма о том, что я назначен во Фрунзе. Радость свою я старался сдерживать. Многие лётчики полка учились во Фрунзе, и все хорошо отзывались об этом стройном, зелёном городе европейского стиля. Двадцать дней я ждал приказа. За это время мой командир приложил много сил, чтобы попытаться самому поехать туда. Я уже начал переживать, но меня убедили, что приказ Командующий не будет переделывать. Во второй половине июня я улетел во Фрунзе согласно приказу.

Город этот выделяется компактностью застроек, прямолинейностью улиц, по которым аккуратные арыки несут воды с южных гор в Большой Чуйский канал, окаймляющий город с севера. Благодаря склону в городе не бывает луж и грязи, а после дождей становится особенно чисто.

Штаб Курсов (так условно называлось это соединение из пяти полков по подготовке иностранцев) располагался в захудалом одноэтажном здании в центре города в двух кварталах от парка имени генерала Панфилова.

Обстановка складывалась так, что в конце августа будет сдан дом рядом с частью, и я там получу квартиру. Это было очень хорошо, приедет семья, и дети с начала учебного года пойдут в школу. Оставалось до этого около полутора месяцев. Характер службы, т.е. обязанности мои изменились. Нужно было сочетать штабную работу по управлению своей службой (изданием документов и осуществлением контроля за их выполнением в полках) с выполнением полётов на 2-3 типах самолётов. Кроме истребителей, в составе курсов были вертолётные, бомбардировочные эскадрильи и транспортные самолёты. У меня теперь есть помощник – штурман по специальности. Вначале на этой должности был Загребин В.В., а затем – Будаев В.М. Они тоже учились в Академии в то время, что и я. Здесь оказалось очень много знакомых по прежним местам службы. Начальник Курсов – генерал Кобяков М.С. и начальник штаба – полковник Скрипнюк С.М. знакомые по Грозному, были здесь мои выпускники. Машкей А.Д. только что принял командование полком в Луговой. Жить устроился в гостинице части, рядом со штабом.

По лётной подготовке я быстро вошёл в строй. Уровень подготовки лётчиков этих курсов имел свою направленность – учить слушателей и курсантов технике пилотирования, а мне, узнавшему боевое применение самолёта и сложные виды полётов днём и ночью, стало скучно и чуть жаль о прошлом. Летать пришлось меньше, больше заниматься разработкой документов, проверять службу в полках и учебный процесс в Учебно-лётном отделе. В свободное время я подходил к дому, где мы будем жить. Сроки подходили его сдачи, а дел в нём было ещё очень много. Меня очень беспокоило то, что к занятиям в школе не перевезу семью. Я выслал проездные документы Нине в Гиссар, чтобы она могла заказать контейнер, а я подъеду к отправке вещей. Из этого плана ничего не получилось. Нине самой пришлось всё делать при помощи Юрия Семёновича Химанина, грузить вещи, а затем самой с детьми лететь во Фрунзе. Накануне отъезда Валерик поломал руку, занимаясь на гимнастическом коне. Это особенно осложнило всё.

О своём прилёте она дала мне телеграмму, которая поступила на имя дежурного по части, и он в спешке заложил её в журнал, не оповестив меня. В этот день во время перерыва я пошёл в магазин. На обратном пути при подходе к штабу, увидел бегущую навстречу мне девочку. Это было так неожиданно, что я сразу и не узнал свою дочку. За ней шла Нина и Валерик с забинтованной правой рукой. Мы пошли в гостиницу «Ала-Тоу», у вокзала, сняли номер из двух комнат, с ванной и телефоном на 5.30 в сутки, в которой прожили чуть больше недели. О распределении квартир нам объявили и сказали, что можно идти принимать, там вас ждёт комендант с ключами. Вошёл я в квартиру из трёх комнат на третьем этаже с балконом, а за мной – моя семья. Они приехали самостоятельно, и их вход был для меня неожиданным. Квартира была в самом центре города. После осмотра сразу пошли разговоры, где, что располагать, кто, где будет занимать. Решили устраиваться основательно. Наша мебель уже не подходила, и решено московскую мебель продать, купить современную гарнитуру и другую более современную обстановку. В квартире пока газа не было, его провели на следующий год, в ванной – титан, который топили дровами.

Принесли вещи, а контейнера всё ещё не было. Вскоре с Ниной пошли покупать мебель. Выбрали румынский спальный гарнитур за 900 с лишним рублей, затем – кушетки, письменный стол и теперь квартира преобразилась.

На лестничной площадке, против нашей двери поселилась семья, которая в новой квартире красили пол. Они до этого жили на частной квартире, хозяина этой квартиры в штабе я пока не встречал, а потом, когда они вселились – познакомились. Это была семья Череп (четверо с его матерью).

В первые дни мы охотно вечерами выходили семьёй в город, чтобы лучше познакомиться с ним. Заходили в парки, на бульвар имени Дзержинского, где лакомились шашлыками. В один из таких вечеров отметили день рождения Валерика.

Детей определили в школу №28, в четырёх кварталах от дома. Инна пошла во 2 класс, Валерик – в 4 класс. Основная забота в первые дни была у нас – научить их правильно переходить улицы, особенно – Инну. Вначале я её провожал и встречал, а потом сама стала уверенно ходить. Валерик продолжал учёбу в музыкальной школе имени Шубина. Настала пора использовать отпуск за 62-й год. В такое время я поехал один к своим родителям и заехал в Армавир. У моих родителей шла удивительно спокойная жизнь по сравнению с Армавиром. Дома встретился со всеми родственниками, как всегда. В Забузани жили два брата (Григорий и Василий), две сестры и 8 племянников и племянниц. Мама занималась домашними делами, ей помогала Дуся, а отец ещё помогал выполнять колхозные заказы по ремонту сбруи для лошадей. Мама жаловалась на частое недомогание, но с пряхой не расставалась. Пряла овечью шерсть и вязала носки и варежки внукам. Из дома я привёз всем валенки, носки и пряжу в мотках. Она хранится ещё и сейчас. Зимы во Фрунзе очень холодные, и тёплые вещи были нужны. В первую зиму мы часто вспоминали бабушку Таню и дедушку Филиппа за их подарки. С соседями постепенно укреплялись взаимоотношения. Анатолий Иванович работал заместителем начальника УЛО, дочка – Лариса поступила в университет. Нина Павловна с Ниной часто обращались друг к другу. Этажом жили Храмовы, знакомые по Грозному. С Храмовым Н.Д. мы на службе сидели в одной комнате, летали в командировку и выполняли полёты. У него был автомобиль «Волга», такой же был и у Анатолия Ивановича. Этой кампанией на машинах мы иногда выезжали за город. В конце мая неожиданно приехал к нам Иван Гаврилович Жирнов. Он во время отпуска побывал в столичных городах Средней Азии. В выходной день мы на двух машинах поехали в горы, откуда хорошо просматривалась вся чуйская долина и город, как на ладони. Город понравился Ивану Гавриловичу.

В июле 1963 года мне дали путёвку в Адлер. Заехали в Армавир и теперь уже смело поехали всей семьёй к морю. Нина с детьми разместилась рядом с домом отдыха. Затем семьёй приехали Самгородецкие к нам с Новой Земли (они там жили без Володи), потом приехали бабушка с бабушкой и в заключение – бабушка и прабабушка Анисия. Все жили рядом, и время проводили вместе на море, в Сочи, в Адлере. Всех мы проводили и сами готовились уезжать. За день до отъезда приехал А.Д. Машкей из Луговой с женой – Лидией Гри-

горьевной. Сына – Игоря оставили в Майкопе. Лида также устроилась на частную квартиру.

На этот раз возвращались прямым самолётом до Фрунзе. В этом же году я переучился на самолёт МИГ-21. Это самолёт нового поколения из реактивных – сверхзвуковой с мощным фансажным двигателем.

Зима в этих краях наступает рано и бывает снежной, за такой зимой мы соскучились и особенно дети. С наступлением зимы в парке стали готовить каток на стадионе, а во дворе дети – площадку, где катались и веселились. Пришлось купить коньки и учить Валерика, а затем и Инну. Они быстро освоили эту технику и вечерами ходили на городской каток (пол квартала от дома). Новый 1964 год встречали в квартире Череп в хорошей обстановке и прекрасной погоде. Перед утром пошли играть в снежки, барахтались в сугробах.

Дети росли и не огорчали нас болезнями. Валерик в учёбе не радовал нас. По музыке уже исполняли хорошие вещи, и было приятно их слушать, но желания заниматься этим не было. А вот Инночка тянулась к музыке и говорила, что будет артисткой и пианисткой. Купили её игрушечное пианино с одной октавой, и она им увлекалась.

Давно мы хотели приобрести автомобиль – моду середины XX века, но не было возможности записаться на его покупку. И вот во Фрунзе такая возможность появилась, тем более, что здесь есть, куда поехать отдохнуть в выходные дни. Очередь оказалась большой, ежемесячно нужно было отмечаться. Весной 1964 года мне предложили через военторг купить Газ-21 «Волгу». Пошли её смотреть всей семьей. Она была тёмно-стального цвета, да ещё в пыли. Нине не понравилась и даже от этого расстроилась. Через день эта машина была продана, а нам эта проблема осложнилась, так как автомагазин во Фрунзе был ликвидирован.

В отпуск в этом году опять выпал на берег Чёрного моря в Чемитоквадже. Приехали, как обычно, в Армавир. Нас пригласил погостить в Краснодар Иван Гаврилович. В гостях мы были дня четыре. В это время у них жила первая внучка – Марина, Галина дочка, ей было немного более года. С городом хорошо познакомились, понравился обилием зелени. Срок путёвки подходил к концу, и был план уезжать в санаторий из Краснодара, но пришлось двумя днями опоздать. Нина была в положении, мы ждали к концу года третьего ребёнка. Вокруг этого события было много разговоров.

Из Армавира в ночь отправился я в санаторий недалеко от Лазаревской. Санаторий только разворачивался на базе доме отдыха с перспективой создания здесь центра отдыха лётного состава и космонавтов. Через комнату жили два космонавта (будущих): Комаров, знакомый мне по Грозному и Леонов А.А. Первый на втором полёте погиб в космосе, а Леонов первым вышел в открытый космос, летал дважды, поэтому стал дважды героем Советского Союза.

Здесь много придавали физической подготовки лётчиков и проводили её по особой программе. Мне понравились занятия на батуте, раньше с этим снарядом не встречался. Лодки нам давали свободно. В общем, организация мне здесь очень понравилась, и отдых незаметно пролетел.

В Армавире жизнь приобретала новое русло деятельности. Александр Филимонович решил заняться очень доходным делом – протезированием зубов. Его очень поддерживала и способствовала этому Александра И. Гавриловна, её родственники работали по этому делу. Он приобрёл литературу, получил небольшую подготовку у родственников и стал смело брать работу. Необходимое для этой работы мы покупали во Фрунзе, и отправляли им. К этому времени они расписались, и теперь бабушка стала не Кумейко, а Дороговцева.

Желание приобрести «Волгу» не давало мне покоя, я искал эти пути, и вскоре нашёл в Алма-Ате с помощью командира учебного полка. Мне дали справку о том, что я служу и проживаю в этом полку. Таким образом, я записался в очередь в конце 1964 года. В этом же году Инна поступила в музыкальную школу при Доме офицеров по классу фортепиано. Поступила она вместе со своей подружкой по Гиссарам-Наташей Черкасовой. Её отец Алексей Васильевич демобилизовался и приехал жить на свою родину к родственникам. Музыкой Инна вначале взялась заниматься усердно. Купили ей пианино за 600 рублей. Теперь музыка льётся из-под клавиш по полдня – приятно слушать.

В конце ноября Нину направили в роддом по рекомендации врача, но она через неделю вернулась, так как вроде врач ошиблась сроком. Переночевала ночь. А утром почувствовала тревогу – сроки наступали. Я забеспокоился и пошёл за машиной, но Нина отказалась от этого, и я её повёл. Нужно было пройти кварталов 6, и я беспокоился, при каждой остановке я смотрел на автомашины и на Нину, но она упорствовала и потихоньку продвигались к тому дому, даже когда подошли к нему, то и не сразу пошла к двери, а ещё прошли дальше метров 50. Здесь она почувствовала, что дальше терпеть нет возможности. Её положили на раскладушку часов в 12 (не было места в палате), но минут через 30 она доказала, что это не для неё место – нужен стол; часов в 14 появилась дочка, вопреки предсказанию врача, кандидата медицинских наук. Мне об этом сообщила Нина Павловна часов в 16. Когда дети пришли из школы, эту новость я им сообщил, они восприняли без заметной реакции. Это был декабрь, четвёртый день. Стояли холода, в доме не было тепла, так как наш дом ещё не был подсоединён к ТЭЦ. Для создания тепла маленькому, купил электрообогреватель с отражателем. Через неделю я поехал на «Победу» в роддом. Это было моё первое посещение за своим дитя, так как первых двух брали родственники в Армавире в моём отсутствии. Под бабушкиным надзором начинались их первые дни жизни, теперь мы это будем делать самостоятельно.

Нина с новорождённой разместились в спальней, Валерик с Инночкой – в детской, а я в зале. Поздно вечером я вошёл к Нине, думая оказать какую-либо услугу. Она держалась за голову, а дочка спокойно ворочалась, разглядывая ковры на стенах. Я поинтересовался состоянием Нины, она ответила мне: – Иди спать!

Долго я не мог заснуть после такого диалога. Нина представила себе всю тяжесть забот по уходу за ребёнком, и поэтому было такое настроение. От таких забот уже отвыкла, Инне исполнялось 10 лет. Дочурка росла хорошо,

очень подвижная. Это нас радовало и обязывало сразу следить за ней, так как могла перекачываться. Когда ей было 4 месяца, она упала с кровати. Вопрос об её имени обсуждался необыкновенно бурно с участием широкого круга родственников Нины и соседей. Решать окончательно должна была Нина, а она всё не решалась. Дитя жило без имени. Прошёл месяц, пришёл вызов из ЗАГСа, там забеспокоились. Необыкновенный случай – родился ребёнок месяц назад, а до сих пор не зарегистрирован. Нина опять определённого ничего не говорит. Ей нравилось имя Оля. Инна стояла твёрдо – назвать Ларисой. Соседская дочь Лариса часто заходила к нам, она всем нравилась, и имя было звучное. В Армавире это имя отвергалось, так как среди родных уже есть имя и не одно. Вот в такой разногласии я пошёл в ЗАГС и зарегистрировал дочку с именем Лариса. Теперь все мнения затихли и можно называть дитя своим именем. Кроваток в продаже не было, и мы купили б/у, и были очень рады. Матрас я сшил. Ларисе уже было 4-5 месяцев.

Наступил Новый 1965 год, Ларисе купили детскую деревянную кроватку, а затем – санки. После работы и в выходные дни я выходил с ней гулять, держа её в запазухе меховой лётной куртки. Так она в тепле подолгу спала. Взрослые дети стали постепенно к ней привыкать, всё больше на неё заглядывать. Теперь наша семья стала жить заботами о маленьком человеке. С наступлением тёплых дней Инна охотно катала коляску с сестрёнкой, очень часто этим занималась и Инна Павловна. Во Фрунзе было, где погулять, чаще всего мы выходили на бульвар имени Дзержинского, подобной улицы я нигде не встречал. Там мы впервые фотографировались с малышкой. Она росла хорошо, не болела, очень подвижная. Заботы за ней мы с Ниной не делили, а всё выполняли вместе, тем более, что в ванной была постоянно горячая вода. Купали доченьку только вместе со мной. После купания Нина шла с ней в спальню, кормила, а я стирал пелёнки. Лариса засыпала, Нина шла на помощь мне. Доставалось Нине, но я летал, и мне нужно было создать условия. Обстановка складывалась так, что на время отпуска мне не было смысла далеко уезжать, поэтому я решил отпуск провести в азиатских краях. Мне предложили путёвку в дом отдыха в Алма-Ату – это совпадало с моими планами. В очереди за автомашиной я был в числе первых, и поэтому нужно было там бывать чаще.

Дом отдыха располагался на южной окраине города недалеко от катка «Медео». Предгорье здесь покрыто лесами и это придаёт очень красивый вид, какого не встретишь нигде больше в Средней Азии. Поэтому это место называют казахской Швейцарией. Мне посчастливилось участвовать в походе по этому пологому ущелью к вершине или точнее, к перевалу Суюк-Ту на высоте 2700 метров. На этой высоте лес закончился, и были видны голые заснеженные вершины Заилийского Ала-Тау. В этом широком ущелье, сразу за катом «Медео» велись работы по наращиванию предохранительной плотины, защищавшей город от селевого потока. В 1963 году она с трудом выполнила своё назначение, хотя не здесь шёл основной поток селя. Одновременно разворачивались работы по сооружению подвесной канатной дороги. В доме отдыха остановилась группа старших офицеров округа и из корпуса (Душанбе), от

которых я узнал, что здесь будет разворачиваться Армия на базе этого корпуса, а затем, наверное, и округ. На этом направлении почти отсутствовали войска, а отношения с Китаем ухудшились. Находясь здесь, я частенько заходил в автомагазин, чтобы хорошо знать обстановку да и войти в доверие, что я местный житель. Очередь хорошо продвинулась, и стала реальная возможность купить «Волгу». Дома всё шло хорошо. Лариса в 8,5 месяцев начала ходить, а в 10,5 бегала бегом, и теперь за ней ещё больший требовался надзор, потому что всё интересовало, а боязни ещё не было. Нина решила её сфотографировать по этому поводу в парке. Фотографу пришлось проявить всё своё искусство, чтобы этот беспокойный маленький клиент мог остановиться на секунду. Но заснял он её бегущей. У меня спрашивали: сколько ей месяцев, узнав – удивлялись. С музыкой у старших детей дела пошли хуже. Инну пришлось заставлять садиться за инструмент, желание у неё исчезло, Валерик продолжал кое-как заниматься. Было ясно, что музыка в нашем доме скоро прекратится. Новый 1966 год встречали с семьёй Череп, в кругу своих знакомых. Лариса их училась в Красноярске на биохимическом факультете.

В начале февраля 1966 года в составе комплексной комиссии я был в Алма-Ате и в конце недели зашёл в автомагазин, к директору. Он достал книгу и спросил:

– Будешь брать?

Я от неожиданности молчал, а затем ответил:

– Буду брать!

А сам ещё не видел машины, не знал, что они есть, и денег не было у меня. Во дворе стояли две новые серые «Волги», одна из них почти пепельного цвета. После осмотра зашёл к директору и сказал, что завтра буду оформлять. Поехал в полк с одной мыслью, где достать денег для этой покупки. Требовалось почти 5700 рублей. Собрать у знакомых эту сумму я не надеялся и поэтому пошёл к начфину батальона, у которого находился наш начфин из Фрунзе. Я обратился с просьбой к ним завтра дать мне такую сумму, а через три дня, т.е. в понедельник, я привезу из Фрунзе долг. К моей просьбе они отнеслись с пониманием, и на следующий день я с кассиром поехали в банк, а оттуда – в магазин. Накануне позвонил Нине и поделился такой новостью. На этот раз она ответила неопределённо:

– Решай сам.

Я уже решил брать. В этот день члены комиссии возвращались самолётом во Фрунзе, а я попросил Андропова В.И. перегнать мне автомобиль во Фрунзе. Перед вечером мы выехали и к наступлению темноты заехали в часть, зашли домой поужинали с обмывкой машины и первой дороги. Утром пришли всей семьёй смотреть свою машину. Всем понравилась моя покупка. Гараж уже был как год назад, и теперь нужно было освоить езду, получить права и освоить уход и эксплуатацию этой техники. Первым моим учителем стал Храмов Н.Д., а затем консультировал Анатолий Иванович. В июне сдал на права и получил их, но твёрдой уверенности в вождении ещё не было.

Теперь мы могли поехать семьёй за город, на природу. Семья тоже ждала этого дня, чтобы сесть в машину на правах хозяев, а не гостей. Мы стали вы-

езжать за город, в соседние населённые пункты: Георгиевку, Карабалты и др., ездили к детям, когда они были в лагере, на сельхозработках. Стало привычкой – в выходной день выезжать за город. Особенно нравилось быть в предгорье, откуда хорошо просматривался весь город с окрестностями. С наступлением летних каникул А.В. Черкасов предложил путёвку в пионерский лагерь Григорьевка на озере Иссык-Куль. Мы с удовольствием это приняли и отправили туда Валерика. Через несколько дней я прилетел к нему на выходной день. Вода в озере очень чистая, и воздух здесь на высоте 1600 метров прозрачный, солнце постоянно светит и греет незаметно. Ночью бывает очень прохладно из-за близости и высоты гор. В это же лето и Инночка была в лагере за городом, но это был больше не лагерь, а просто база отдыха для детей. В конце июля мне предложили впервые семейную путёвку в дом отдыха в Кобулету (недалеко от Батуми). Давно нам хотелось отдохнуть по семейной путёвке, но Ларисе ещё не было и 2-х лет. На кого её оставить? Решили брать путёвку и ехать в Армавир, там всё решим. У нас взрослые дети, которые могут следить за малышкой, да и бабушка – основная надежда. До Минеральных Вод самолётом летели. Лариса перенесла полёт хорошо, в Армавир приехали поездом. В это время гостила Вера с детьми, на неё была вся надежда. Мы с Ниной уехали в Кобулету, а потом вызвали ребят Володю и Валерика. Устроили их на турбазу рядом с нами. Время шло своим чередом, знакомились с Грузией, а точнее с Аджарией. Побывали в Батуми в ботаническом саду в Чакве. Знакомились с жизнью и бытом аджарцев, многое было нам известно, а много нас удивляло. Примерно за неделю до конца срока нашего пребывания вызвали нас на переговорную и сообщили, что Ларису положили в больницу с очень тяжёлой формой ангины, с ней в больнице находилась и Вера. Проводил Нину я в этот же вечер в Армавир, а мы потом вместе возвратились. Лариса была уже не тем шустряком, а более спокойной, болезнь очень ослабила её. До конца отпуска оставалось немного времени. Я должен был известить своих родителей, с ними я не виделся почти два года. Билеты во Фрунзе заказал в Пятигорске телеграммой и теперь мог спокойно ехать в Забузан. Дома шла также спокойная жизнь. Маме и папе шёл 86-й год, Дуся полностью ухаживала за ними. Мама часто тревожно проводила ночи, жаловалась на нехватку воздуха, на боли в груди и под лопатками. Отец обходился без жалоб, он ещё немного трудился, днём всегда отдыхал. По какому-то особому чувству я понимал, что маму вижу в последний раз. Она как-то мне говорила, что пора отправляться, тяжело стало жить на этом свете, хотя она не лежала и всегда без дела не сидела, чинила, пряла шерсть, вязала носки, варежки внукам и правнукам, а их тогда было 34 (25 и 9). А потом продолжила разговор и сказала, что здесь вроде тяжело жить в болезнях, но и туда ложиться не хочется. Ведь никто не вернулся оттуда и не рассказал, как там. Она меня просила, чтобы на могиле был не памятник, а обыкновенный крест, красивый с именем. Необыкновенно трудно вести такой разговор с самым дорогим человеком о скором расставании навсегда, ком в горле не позволял говорить, и только отвечал однозначно, чтобы не выдать своего душевного состояния. Так я расстался с мамой. В Астрахани я поделился с

такими мыслями с Иваном и другими родственниками. В Армавир приехал перед концом отпуска, и отправились в обратный путь, до Минеральных Вод – на такси, а там – самолётом. Вот так прошёл наш очередной отпуск.

Дети пошли в школу, и опять потекла обыкновенная жизнь со знакомыми заботами и обязанностями. Вечерами всегда мы ходили гулять с Ларисой, старшие держались уже своих друзей и подруг. Как-то после прогулки, перед входом в подъезд, Нина попросила меня принести минеральной воды из магазина. Минут через 8 я вернулся и у входа в квартиру почувствовал тревогу. Нина была в постели и металась, стонала от сильной боли, скорую помощь уже вызвали. От такого резкого изменения состояния я не сразу сообразил, что происходит, что случилось. Внезапная боль, опоясывающая ниже лопаток с тошнотой до рвоты. Доктор скорой сделал укол, стало немного легче, а глубокой ночью всё повторилось, и опять укол. На этот раз предупредил, что если повторится, то придётся взять в неотложку на операцию. Врач установил диагноз – желчнокаменная болезнь. Утром боли прекратились, а на следующий день Нина пошла в поликлинику и началось, как всегда, с анализов. Диагноз подтвердился, но лечения, кроме пожеланий, не назначили. Зима в 1966 году наступила рано, уже в середине ноября выпал снег и начались морозы до 15-20°. В конце ноября я сильно простудился и заболел, и в это время получил телеграмму – «умерла мама». Такое известие почувствовалось ударом по всему телу, но в присутствии семьи я удержался от расслабления. Я решил лететь, но самолёта в ближайшие два дня не будет. Нина молчала и советов пока никаких не давала. Я искал пути улёта через Алма-Ату или Ташкент, но эти варианты не подходили. Самочувствие моё было неважное. На второй день, я понял, что лететь я не могу, здесь подключилась Нина. С большим трудом составил телеграмму, что по болезни вылететь не могу. Было небольшое утешение, что летом я с мамой простился, а было очень и очень жаль её.

В феврале 1967 года опять начались приступы болезни у Нины, и так продолжалось до апреля. Скорая помощь увозила её два раза в больницу, но каждый раз в разные. Если бы она попала повторно в ту же больницу, то ей бы сделали экстренную операцию по удалению желчного пузыря. Это операция сложная и не всегда даёт положительные результаты в последующем. После таких приступов Нина неожиданно пожелтела вся и опять в больницу с подозрением на болезнь Боткина, но этот диагноз был опровергнут. Полежала в больнице и с каждым днём ей стало лучше. Её выписали с рекомендацией готовиться к плановой операции. Поскольку приступы не стали беспокоить, то и лечиться таким путём не было желания. В конце апреля 1967 года я с группой лётчиков поехал переучиваться в Липецк на самолёт СУ-7 сроком не более месяца. Самолёт этот ударного назначения, немного больше МИГ-21 с более мощным, но капризным двигателем. Город этот маленький и знаменит тем, что здесь Пётр-1 начал создавать флот для похода на Азов против турок. На майские дни слетал в Пензу, навестил Марию с детьми (Любой и Наташей), после переучивания заехал в Ленинград к Николаю. С ним не виделся 12 лет, в Москве зашёл к Снегирёвым в общежитие. Виктор учился в

бронетанковой Академии, а Светлана работала там же, в библиотеке. В общем, использовал возможность увидеть всех родственников, и я был этим доволен. Дома было хорошее настроение у всех и самое главное то, что Нина себя чувствовала нормально. Ей лечиться всё равно нужно было. Я попросил своего доктора, чтобы к осени заказал нужную путёвку. В отпуск опять пришлось ехать в Армавир, так как мне предложили санаторий Чемитоквадже. Из Армавира Нина с детьми не пожелала ехать на море. Там обстановка была очень хорошей, двор весь утопал в зелени, рядом были два озера, наполняемые из Кубани, но купаться они ходили очень редко. В Чемитоквадже отстроили семиэтажный спальный корпус и клуб-столовую. Хотя числился в разряде санатория, но лечебного здесь было мало, кроме физ. терапии. На этот раз космонавтов было больше, и я не интересовался ими. В Армавире Нина поделилась своей болезнью с матерью и родными. Все говорили, что только операция избавит от мучительных болей. Хотелось, чтобы боли не возникали снова и не подвергали нас неприятностям. Нина старалась соблюдать диету, и всё вроде шло нормально. В октябре удалось мне достать путёвку для Нины в санаторий «Тамга» на озере Иссык-Куль. Она впервые поехала лечиться, а я остался с детьми дома. Очень много этому способствовала Нина Павловна, так как она согласилась помочь нам, иначе я не мог бы управляться на службе и с детьми, тем более Ларисе было около 3-х лет. Правда, мне удалось её устроить в садик, недалеко от дома, по пути к месту службы, но всё равно забот хватало. Самое главное, что Нина лечилась, и процедуры ей были необходимы. После таких приступов ей нужно было хоть на небольшое время сменить обстановку и послушать мнение других врачей. В день пятидесятилетия Великой Октябрьской Социалистической революции во Фрунзе проводился парад войск. Раньше войска и на демонстрации не привлекались, так как их в городе не было. К этому времени прибыла знаменитая дивизия имени Панфилова. Здесь она формировалась в 1941 году. Мне было доверено на параде нести знамя курсов (так именовалась наша часть). Об этом торжестве транслировали по радио и передавали по телевидению. Нина, находясь в санатории, услышала мою фамилию – знаменосца по радио и, по её словам, была довольна и рада.

Весной 1968 года Нина опять попала в неотложку, но обошлось без операции. Нужно было ложиться на детальное обследование и решить, что дальше делать, как лечиться. Положили её в республиканскую клинику и после непродолжительного обследования стали готовить к операции по удалению желчного пузыря. Пробы и анализы Нина перенесла очень трудно, рентген не дал чёткой картинки о наличии камней в желчном пузыре. Назначили операцию. Я с тремя детьми пришёл к 10 часам в клинику. Своё волнение старался не показывать детям, накануне ночь прошла очень тревожно. Разные мысли беспокоили меня в эту ночь. Хотя я не допускал неблагоприятного исхода, но тревога за здоровье Нины не покидала меня. Сильно беспокоился за детей. Нет большего горя для них, чем лишиться мамы. Они об этом не думали, я их подготовил на хороший исход. Только мы пришли в клинику и к нам навстречу выходит Нина весёлая и говорит: «операции не будет». Мы об-

радовались этому, подождали несколько минут и вместе с ней возвратились домой. Оказывается, врачи не были уверены, что камни есть в пузыре и главному хирургу на обходе неуверенно докладывали. Эта неуверенность насторожила Нину и, когда её спросили о согласии, она ответила, что если вы не уверены в том, что есть ли камни, тогда зачем делать операцию? Тогда они и отказались лечить и сказали: «Пусть живёт». Они сразу выписали Нину. Вскоре мать ей прислала письмо московского врача, который препаратами изгоняет камни из желчного пузыря. Фамилия Соллертинская Вера Романовна с Ново-Лесной улицы. Она попросила выслать ей анализы и заочно назначила лечение из трёх туров по 3-4 месяца каждый. В начале лечение проводилось медикаментами, а затем – травами с оливковым маслом. Нужно сказать, что Нина выполняла всё точно, и результат каждый раз подтверждался точно по описанию врача, т.е. камни шли. Отпуск в 1968 году опять пришлось проводить в Чемитоквадже, только на этот раз Нина с Ларисой были в Армавире, а ко мне приехали Валерик и Инночка. Я им нанял квартиру, и фактически отдыхали вместе. Ездили в Сочи, проводили время на пляже, в кино.

В конце отпуска заехал в Забузан. После того, как умерла мама, я не был там. Автобус проходил мимо кладбища, и я попросил остановиться, чтобы зайти на кладбище, а потом пойти в село. На кладбище не было никого. При входе я сразу увидел на красивом кресте фотографию дорогого мне человека – мамы. Мы встретились взглядами, я не выдержал и заплакал, как никогда. Стесняться мне некого было, и выплакался вволю. Дома встретил меня отец и Дуся. Я им сказал, что заходил к маме. Дуся мне рассказала о последних днях и часах жизни мамы. Отказало сердце, и не сразу, а в течение 2-х дней осложнялось. Отец скучал за мамой, но очень редко вспоминал о совместно прожитой жизни, наверное, чтобы не волноваться, а прожили они вместе 66 лет. Он больше молчал, не привык он делиться своими переживаниями из-за скромности.

В октябре 1968 года мне прислали приглашение в Академию на юбилейное торжество по случаю 40-летия штурманского факультета. В этой поездке планировал прозондировать возможность перемены места службы из Азии в Европу. Перспективы в службе дальше не было, годы шли к закату лётной службы. Нужно было перебираться ближе к родным местам, чтобы потом после демобилизации без особых забот остаться там жить. По пути в Москву заехал в Пензу. Мария длительное время находилась в больнице (ей сделали 4-ую операцию). Дома с её детьми – Любой и Наташей – жила её тётка из Астрахани. Состояние было Марии неважное. В Монино собрались выпускники от старших штурманов дивизий, начальников кафедр и выше. Здесь встретились с Азизовым и жили с ним в одном номере. Некоторые мои однокурсники уже списались с лётной работы и обосновались вокруг Москвы и в ней. Через них я вошёл в управление кадров учебных заведений ВВС. Встреча или точнее церемония встречи выпускников включала торжественную часть, воспоминание истории факультета, посещение музея Академии, фотографирование и в заключение – банкет. На следующий день поехал в Москву, в управление кадров. Встретили

меня не плохо, с пониманием, но начальник в заключение беседы сказал: «Пока летаешь, возможности перевода нет!». Наш направлонец (по Азии) посоветовал мне списываться, а я в свою очередь просил, чтобы после списания не остаться в Азии. Ещё я попросил при появлении возможности перевода сообщить во Фрунзе, а я спишусь с лётной работы. С такой неопределённостью и маленькой надеждой я вернулся во Фрунзе. Всё складывалось так, что полёты нужно оставлять и переходить на более спокойную и безопасную работу.

В декабре 1968 года мне удалось выбить путёвку для Нины в Пятигорск. Это очень необходимо ей после лечения травами, как советовал врач. Там она и встречала Новый 1969 год, была на свадьбе у двоюродного племянника – Александра, сына Анны Степановны Долговой. Вернулась она посвежевшая и в хорошем настроении. В марте я получил сигнал из Москвы на списание. Об этом только пока догадывался начальник ОК – Зарванский. Всё пока решалось тайно, без лишней огласки. В эту операцию был подключён в Краснодаре Иван Гаврилович, и ему я весьма благодарен. Там вводилась новая должность, заместителя начальника штаба училища. Он и сообщил мне об этом и предложил мою кандидатуру.

Мне пошёл 43-й год, и каждый раз на медкомиссиях признавался годным без ограничения. Теперь нужно было пройти комиссию при полном обследовании, в госпитале, в Ташкенте. Там я сразу сказал, что мне нужно списаться и таким путём уехать из ТУРКВО ближе к дому и стал жаловаться всем врачам на здоровье. О том, что я списался, узнали до моего возвращения во Фрунзе, и это было воспринято, как сенсация. Накануне моего возвращения погиб лётчик и штурман на самолёте Ан-2, а пассажир-техник вертолёта, находясь в кабине, отделался тяжёлым ушибом и воспалением лёгкого. Погибли из-за небрежности. Вошёл в облака над горами, а потом стал снижаться и столкнулся с горой. Так что мне сразу пришлось подключиться в работу по расследованию причин катастрофы. Это первая катастрофа в частях, где я был начальником штурманской службы более 11 лет. Пришлось поволноваться, так как косвенно могли приписать и мне вину, и главное, что волновало меня, не отразится ли это на моё новое назначение. Всё обошлось, по справедливости. Я теперь с нетерпением ждал приказа из Москвы. Скрывать уже больше было ни к чему, и подключил начальника отдела кадров. Всё это происходило, минуя кадры Воздушной Армии, напрямую с Москвой; в этом был заложен успех операции. Вскоре Москва запросила на меня характеристику. Начальник курсов – генерал Кобяков – планировал меня здесь пристроить, и теперь я ему всё рассказал и попросил его содействия, т.е. характеристику.

В конце июня неожиданно получил телеграмму из Борисполя: «Умер Тимофей». Я вылетел прямым рейсом Фрунзе-Киев и прилетел на следующий день после похорон. Там были Николай, Дуся и племянница Валентина (дочь Василия). Это уже третий брат ушёл из жизни. Ему было 58 лет. Остались дети взрослые: Георгий после окончания института работал в Ворошиловограде, а Вера училась в институте швейной промышленности на факультете моделирования изделий. Квартира у них прежняя, без коммунальных удобств, в домике с садом.

После возвращения во Фрунзе мой вопрос ещё не был решён. В это время началось формирование нового округа – Средне-Азиатского и Воздушной Армии при нём в Алма-Ате. Кадры требовались, особенно такие, как я. Неспokoйно и тревожно тянулись дни, и вдруг – долгожданная телеграмма о моём откомандировании в Краснодар. Такому исходу со мной завидовали все. Я быстро рассчитался, купил билет на ближайший рейс, оставался один день до отлёта. Зашёл проститься к товарищам в лётную группу, а они все в один голос говорят: «Смывайся быстрее, пока не вернули, за тебя получили дыню Кобяков и Зарванский за то, что отпустили тебя без разрешения и информации Воздушной Армии. Только что звонил Долгушин (Зам командующего ВА) и интересовался тобой. Мы ответили, что ты уже уехал». В этой обстановке я быстро распрощался с сослуживцами и в ночь вылетел на Ростов, а затем поездом в Краснодар.

Проезжая Кубанские поля, мне казалось, что я отсюда не уезжал, всё так хорошо знакомое и приятное, как будто я приехал домой. С вокзала заехал к Жирновым, позвонил Ивану Гавриловичу. За мной прислали машину начальника штаба училища полковника Лопатина Ю.И. – моего теперь непосредственного начальника. Он принял меня сразу, а на второй день началась работа, выделили отдельный кабинет, и пошла работа без раскочки, с увеличением объёма работы. Свободного времени не оставалось. Я быстро и довольно легко вошёл в строй и в коллектив, а здесь было много знакомых по службе в разных местах. Первые дни я жил у Жирновых. Иван Гаврилович с Шурой ожидали вызова в Алжир на два года, Лариса оставалась одна. Вскоре они уехали, а я поселился в гостинице при части. Так удобнее было. Примерно через месяц привезли самолётом Ан-12 мою машину и «Москвич» покойного штурмана Ан-2. Теперь появилась у меня забота с автомобилем. Жизнь в Краснодаре мне не понравилась. По сравнению с Фрунзе, где в магазинах было всё, здесь же господствовал блат, спекуляция, протекционизм и т.д. На рынке всё дорого. На службе проявлялись больше не служебные отношения, а приятельские. Многие держались за Краснодар обеими руками и за это платили подхалимажем. Всё это крутилось вокруг моего начальника. Я это понял и занял позицию, основанную на уставных положениях. Это правильное и верное направление в отношениях с людьми разных категорий. Это сразу дало о себе знать, мне говорили, а может быть, льстили, но люди тянулись ко мне и чувствовалось их уважение искреннее.

Главный вопрос был – квартирный. Квартир пока не было. Строительство начнётся только в следующем году. Нужно ждать, когда освободится, если кто-либо будет переведён в другой город. После моего отъезда из Фрунзе многие стали искать пути перевода в эти края. Наши хорошие знакомые и друзья тоже решили выбираться. Для этого Нина Павловна прошла комиссию в окружном госпитале и получила заключение о необходимости переезда в Европейскую часть страны. Я им сообщил, что Начальник УЛО (Иван Гаврилович) уезжает и должность освобождается. Это пошло по кадровым каналам и вскоре Анатолий Иванович получил назначение в Краснодар. В октябре освободились две квартиры, одна из них 3-х комнатная на 4-м этаже. Её предложили мне. Она

мне не понравилась, но выхода я не видел. Жить в гостинице больше не хотелось, и срок ожидания слишком большой – больше года. Для службы можно и в этой квартире жить, а потом отселиться в город. Из городка демобилизованных отселяли. После многих раздумий я решил эту квартиру брать, она очень напоминала квартиру во Фрунзе. В 1969 году Валерик закончил среднюю школу и подал заявление для поступления в политехнический институт города Фрунзе на факультет промышленного и гражданского строительства. Он состоял в сборной юношей республики по ручному мячу, и успехи его в команде были неплохими. Соревнования на первенство страны в Ереване совпадали с началом вступительных экзаменов, на подготовку у него времени не оставалось. Таким образом, он стал студентом. Отпуск в 1969 году мне дали в середине ноября, т.е. когда выполнили всю работу по подготовке к новому учебному году. За этот отпуск нужно было решить с перевозом семьи, потому что с квартирой я окончательно не принял решения, хотя ремонт её с моим надзором шёл.

Во второй половине ноября поехал в отпуск. Стояла необыкновенно тёплая погода в Краснодаре, а я был одет по-зимнему, так как возвратиться мне нужно после нового года. Заехал в Астрахань и в Забузан. Отец жил с Дусей, и особых признаков болезни не было заметно, но было видно, что сдал дедушка Филипп, как высказывались многие знакомые. Завещание о наследстве он сделал на Дусю, как и было решено раньше, при жизни мамы. В разговоре с ним чувствовалась безысходность, и это сказывалось на моём настроении. Фрунзе встретил лёгким морозцем. О своих впечатлениях о доме, о Краснодаре я поделился с Ниной, и после семейного совета, с участием Нины Павловны, решили ехать в Краснодар, квартиру сдать. А с Валериком решили так: я договорился с тем, кто должен был вселяться в мою квартиру о том, что до июля, то есть весь первый семестр Валерик будет жить в одной комнате. Если он не согласен, то квартиру сдавать не будем и в Краснодаре не будем получать. Мне тогда придётся ещё жить одному там более года. Этот товарищ согласился на это условие, и всё пошло по плану. Надзор и какую-либо помощь обеспечивала Нина Павловна. Вот из такого положения был найден выход. На первом курсе переводов не делают, и общежитие не было возможности выхлопотать.

После Нового 1970 года отправили контейнеры и, оставив Валерика на попечение Нины Павловны, 7 января улетели в Краснодар с дочерьми. Остановились временно у Жирновых, где хозяйничала Лариса одна. На второй день осмотрели квартиру, авиагородок и город. Всё, по сравнению с городом Фрунзе, моей семье не понравилось. На улицах грязь, в магазинах и на рынке скудно и дорого. Контейнеры ждать недолго пришлось, и мы стали устраиваться в своей квартире в доме №16. До службы всего 3 минуты ходьбы. Машина стояла временно в гараже знакомого рядом с домом. Нину оформили в школу №33, 10 минут ходьбы и тоже не без препятствий. Это в Краснодаре было очень заметно. Любой вопрос начальник или просто деятель тормозит по своей инициативе, чтобы узнать, чем ты ответишь на это, т.е. клонит к вымогательству. Вслед за нами получил направление и Анатолий Иванович. Это нас очень обрадовало. Он сначала обосновался в гостинице, там произошёл сильный приступ язвенной болезни, его госпитализировали, приехала

Нина Павловна по вызову и остановилась у нас. После выздоровления Анатолию Ивановичу дали однокомнатную квартиру рядом с нашей, в которой жили до получения квартиры. Летом из Москвы приехала к нам гостить Лариса, их дочка. В конце февраля, когда окончательно устроились, всей семьёй поехали в Армавир, где нас давно ожидали. Теперь родные рядом (210 км) – 3 часа езды на машине. Обстановка в Армавире была очень деловая, трудились, не покладая рук. Уж очень велик был объём их деятельности. Держали коров, свиней, различную птицу, летом брали огороды. В общем, забот было много на двоих, и нам теперь предстояло регулярно помогать.

Нина поделилась своими впечатлениями с матерью о Краснодаре, о хороших воспоминаниях о Фрунзе, о том, что она жалеет и скучает за сыном, на каких условиях оставили его там. После обстоятельного разговора в Армавире настроение Нины стало нормальным, и не стала больше говорить, что жалеет о переезде.

В дальнейшем наши поездки в Армавир через 1-1,5 месяца стали нормой. Там мы никогда не праздновали, а трудились, помогая в хозяйстве. Приходилось выезжать в соседние станицы, решая хозяйственные проблемы.

У меня оставалась очень важная проблема – строительство гаража. Участок я получил осенью в 1969 году (перед отпуском), а строить начала в марте. Стройматериалы мне помогли достать на службе, а потом пошли мелочи, которые тормозили работу. Поручить кому-то было нельзя. Я в этом убедился, нужно было постоянно присутствие и контроль. В августе гараж был готов, и машина стала на своё постоянное место. Теперь нужно было выбрать время, чтобы съездить на море. До него всего 120 километров. В один из выходных дней мы выехали семьёй, надеясь, что остановимся под деревьями на берегу моря и будем наслаждаться, купаясь в нём. Приехали в Джубгу, а там всюду запрещающие знаки. Нам удалось на окраине обратиться к берегу, но купаться было там очень неудобно. Решили искать лучшего места, оказалось везде такая проблема. Проехали Лермонтово, не понравилось, народу очень много. Такого скопления на берегу мы никогда не видели. В посёлке Новомихайловском, почти по бездорожью, прорвались к морю и решили остановиться. Берег был пустынный и нас это устраивало. Погода стояла тихая и облачная. Здесь мы пробыли до конца дня. Перед концом пребывания появился работник ГАИ и предложил убрать все автомобили. Море нам понравилось, но порядки его пользования нас удивили. После приезда домой уставшие и довольные мы увидели, что тела наши при облачной погоде сильно обгорели.

Закончил свои записи младший сокол из гнезда Михиных. Я поймал себя на мысли, что читал их взахлёб, не отрываясь. И вроде бы простой, незамысловатый, не писательский слог у Германа Филипповича. Но что-то не давало мне отвлечься, притягивало к себе своим содержанием. Да, правда, содержание записей мне было крайне интересно, думаю, потому, что они не всегда, но часто, касались близких мне людей. Но не только людей! Всё, что описывал Герман, связанное с бытом, вызывало у меня не меньший интерес. И как осваивали общежитие с одной кухней на несколько семей, и как покупали телевизор, ши-

фоньер, стиральную и швейную машины, и множество других бытовых мелочей, всё это было дорого мне, всё это видел я много раз у близких мне людей, через это прошёл и сам.

Дороги эти воспоминания своей правдой, искренностью и какой-то железной необходимостью, которой должен быть проникнут каждый нормальный мужчина. Без таких забот, как будто утверждают записи, мужчина не может носить высокое звание настоящего мужика. Не говоря уже о заботах и любви к жене, детям, родственникам. А сколько дружелюбия исходит от воспоминаний о сокурсниках во всех учебных заведениях, от одноклассниках в родном селе до слушателей в военной академии в Монино Многих он помнит даже по фамилиям, имени и отчеству!

Очень тронули меня и отношение Германа к родственникам жены. Для него – они такие же родные и близкие, как отец и мать, как все «птенцы» его родного гнезда. В этом я вижу одно из самых важных проявлений любви к своей жене. Он очень серьёзно шёл к построению своей семьи, но определившись, сделал сразу же её монолитной. Исчезли для Германа ныне «я» и «она». Вместо них появилось незыблемое «мы». Так всю жизнь прошли вместе, решая совместно возникающие проблемы. И всё же как ни важны семейные дела, на первом месте – работа, т.е. служба. Первым делом – самолёты, а семейные дела при нём. Да, не потом, а при нём – так мне кажется правильным в рифму переделать известную песню авиаторов, если её адресовать персонально Михину Герману Филипповичу.

Читаю записи давно минувших дней.

Они полны неважными делами,
Невидимыми встречами неведомых друзей,
Но что-то вырастает между нами –

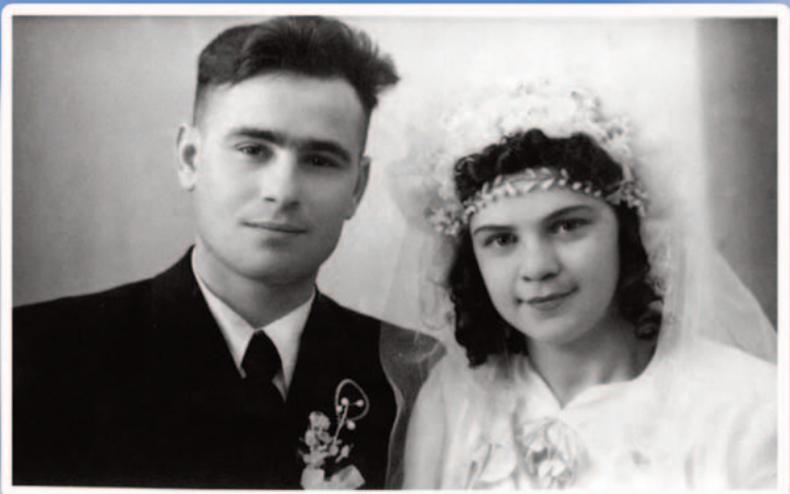
Между написанным и сердцем. И душой
И новым поколеньем, то есть – мной.

Поймал себя на мысли, что ловлю
Любое слово, повороты жизни
Не отрываясь, я как верный пёс слежу
Как предан дядя был семье, друзьям, отчизне

Как он войну встречал, как стал летать,
Как самолёты разных типов покорять.

Читал я до зари написанный душой трактат,
Проникнутый любовью к женщине, родителям и детям
И понял, что лишь тот по-настоящему богат
Кто для других живет на белом свете.

Всю жизнь питало лётчика крестьянское гнездо,
Друзья, жена и дети, и настоящее мужское ремесло.

7. Разные судьбы

Только что подробно, почти под микроскопом, мы проследили судьбу младшего сына из Забузинского крестьянского гнезда Михиных.

Давайте, насколько это окажется возможным, проследим жизненный путь остальных птенцов этого гнезда.

Многие моменты, включая военный период в жизни каждого члена семьи, были изложены в первых главах этой книги. Поэтому здесь проследим, главным образом, жизнь членов «гнезда» в послевоенный период.

Безусловно, в жизни каждого члена семьи были схожие моменты, обусловленные особенностями послевоенного времени. После записок Германа нет необходимости рассматривать детали каждой судьбы в этот период столь подробно. Почти наверняка, были схожие бытовые проблемы, связанные с техническим прогрессом и появлением в семьях велосипедов, стиральных машин, телевизоров, мебели и прочее, прочее. А вот всё остальное – это как отпечатки пальцев, сугубо индивидуальное.

Что же я могу сказать об этом индивидуальном? Только то, что видел, только то, что слышал.

Николая Филипповича и его семью я видел несколько раз, слышал о нём рассказы от отца и матери, от брата Геннадия и старшей дочери Василия Филипповича – Бородиной Валентины Васильевны, которая была близка по возрасту к Герману и Николаю. По личным впечатлениям и рассказам у меня сложилось вполне определённое мнение.

Николай – красивый, статный, спортивного склада мужчина, жизнелюб, не пропускающий возможность быть навеселе. Помню, как с замиранием слушал я его рассказы о самолётах, лётчиках, совсем особенной, сказочной, по мнению деревенского паренька, жизни этих людей в безумно красивой форме. Мой отец и мама были лет на 10 старше Николая Филипповича, умудренные жизненным опытом, так что было видно, что ему тоже интересно с ними. Он же вырос в этих же условиях. Мои родители всегда были очень хлебосольны, не допускали случаев, что бы на столе заканчивалась выпивка или закуска. Поэтому, а так же потому, что создавалась аура неподдельного здорового и обоюдного интереса, такие встречи длились за полночь. Меня, в таких случаях, родители не укладывали спать, понимая важность взрослых разговоров для моего кругозора. Долгое время для меня имя Николая Филипповича вызывало ощущение праздника. Человек – праздник, образец для подражания – вот кем был для меня всегда Николай Филиппович. Он, вместе с Германом, приезжал на похороны мамы, которая

остаток жизни провела в Подмосковье, в Кучино. Там она и похоронена на кладбище в Пуршево, в лесу, в сосновом бору.

В семье Николая в Пушкино под Ленинградом я был один раз, когда в очередной раз был в этом изумительном городе. У меня оказался свободный денёк, и я посчитал своим долгом навестить своего дядю. Этот визит я хорошо запомнил. Теперь я был уже не ребёнком, а взрослым человеком. Что-то уже сделал на научной ниве в своей отрасли. Ощущение праздника не получилось. Его жена, Мария, не позволила мне выставить коньяк на стол и ограничила нас чаепитием. При этом слишком очевидным было его желание поговорить под коньячок и слишком очевидна второстепенная роль Николая в семье. Когда мы расставались, он пошёл меня проводить до первого этажа и извинялся за получившийся холодный приём. Я убеждал его, что всё прекрасно, что мы хорошо поговорили, что я бесконечно благодарен, но он понимал, что этот визит вызвал во мне разочарование и даже жалость к герою-лётчику при самолётах и «поджавшему хвост» мужчине при жене. По-видимому, это заслужено, объективно. Так в жизни бывает.

Николай Филиппович в послевоенные годы, когда уже семья жила под Ленинградом, подолгу службы, часто бывал в Крыму, в Феодосии. По-видимому, что-то тянуло семью в Крым, и они решили переезжать туда. Время переезда из-под Ленинграда в Крым совпало с временем смерти Николая. В Крым с семьёй переехала урна с его прахом. Так, по-своему трагически, ушёл из жизни Николай Филиппович. Сколько и как в Крыму жила его жена Мария – не знаю. Знаю, что там, в Крыму пустили свои корни дочери Николая – Ирина и Татьяна. Ирины уже нет в живых, а у Татьяны семья, два сына – Сергей и Юрий.

Единственный из соколов, кто вернулся в Астрахань после войны, был Иван Филиппович. Его я помню, как исключительно скромного, тихого, даже застенчивого человека, умелого на все руки. Не мудрено, что скорее не он женился, а его женили. Опять же, думаю, не без участия бабаныки. Основатели крестьянского «гнезда» Филипп и Татьяна имели свою агентуру в областном центре – Астрахани в лице той самой тёти Кати, ушедшей в монахини по воле судьбы и её верной подруги бабы Дуни. Они и сосватали Ивана Филипповича, в семью которого всегда заходили братья по дороге в родной Забузан, куда и он, часто вместе с ними, наведывался. Я не помню супругу Ивана Филипповича, но знал его дочку Татьяну, которая прислала свои воспоминания, дополнив мои скудные знания о жизни её семьи. Последний раз с Таней мы виделись в Астрахани, когда она была студенткой технического института, а я деканом строительного факультета этого института, перед отъездом в Москву. После этого, уже будучи в Москве, я слышал о распределении Татьяны на Дальний Восток, как судьба закинула в Биробиджан – уютный, чистый городок, столицу Еврейской автономной республики, а затем в Тикси, где, как утверждает Татьяна, не мало астраханцев. Вот они – записки Павлюковой (Михиной) Татьяны Ивановны.

Я – Павлюкова (Михина) Татьяна Ивановна родилась в городе Астрахани. Отец мой – Михин Иван Филиппович, 1918 года рождения. Прошел всю войну, имеет многочисленные награды, в том числе Орден боевого Красного Знамени.

После войны вернулся в город, где женился на моей матери Хохловой Ольге Евгеньевне. Она работала хирургической медсестрой сначала в больнице, затем в поликлинике. Бабушка моя была батрачкой, работала в людях. Жизнь у нее была очень тяжелая. Дедушка мой по маме Хохлов Евгений Иванович был обедневшим дворянином из Пензы. Как он оказался в Астрахани, я не знаю. Его сестра жила в Баку, куда мы с мамой один раз ездили. Дедушка занимался коммерцией, что-то перепродавал. Раньше это называлось спекуляцией. На него доносили и его арестовывали с конфискацией имущества. Потом они сняли квартиру в частном доме, где жили до самой смерти. Бабушка умерла от рака груди. А дедушка отравился мышьяком. Они поехали в гости в район, где у них были какие-то родственники, и некая невестка хотела кого-то отравить и добавила в творог мышьяк. А дедушка протирал через сито творог и пробовал его, в результате чего умер. В детстве я часто ездила к своим бабушке (бабанька) и дедушке Филиппу по папе в село Забузан. Окончив школу, я поступила в РыбВТУЗ на отделение «Ихтиология и рыбоводство». Закончила его в 1973 году, и с подружками поехали на Дальний Восток. Я попала в г. Биробиджан в рыбинспекцию. Там я познакомилась со своим будущим мужем Павлюковым Мартыном Мартыновичем. Он из многодетной семьи. Мальчики у них все умирали, а он один выжил. Шесть сестер и он один брат. В 1975 году умер мой папа. Я приезжаю его хоронить. Очень жалею, что он так рано ушел из жизни. Он работал на многих предприятиях, надеясь получить квартиру, но так и не получил. Хотя работал он хорошо: имел благодарности, награды. У него случился инсульт, и всегда, в общем-то, было повышенное давление. Я вернулась в Биробиджан, где вышла замуж. У меня родилась дочь Светлана. Были проблемы с жильем, а у мужа сестра работала в Тикси. Я написала в «ТиксиСтрой». И мужа вызвали в строительную организацию бетонщиком – архитектором. Потом я туда выехала и быстро устроилась на работу в «Гидрометцентр» техником – микробиологом. Потом в 1980 г. У меня родилась вторая дочь – Марина. Было тяжело – метели, пурга, морозы. Мотались по квартирам. Потом нам дали 2 комнаты в коммуналке. Тяжело было с яслями. Почти год работали в разные смены. Жизнь налаживалась. Думали, что 3 года проживем на севере, заработаем на квартиру и уедем, а прожили 27 лет. Несколько лет спустя получили квартиру 2-х комнатную. Дети учились. Я подрабатывала в заповеднике, в «ТиксиСтрой» развалился в 90-е годы. Муж работал взрывником, потом ушел на ТЭЦ. Когда мы приехали, поселок был цветущим. В 90-е годы начало все разваливаться. Люди уезжали, дома заколачивали. В 2006 году мы приехали в Астрахань. Мама умерла в 2003 г. Мы продали ее дом и купили 2-х комнатную квартиру. Старшая дочь Света закончила в Москве финансовую академию. Там в 2002 году у нее родился сын Андрей. Но жизнь у нее не получилась, и она вернулась в Астрахань и жила с нами. Устроилась работать в Главное управление МЧС России по Астраханской области бухгалтером.

Там уже работала моя младшая дочь Марина в отделе безопасности людей на водных объектах (она закончила филологический факультет в степени магистр Астраханского Государственного университета).

Марина вышла замуж, у нее родилась дочь Мария. С мужем она потом развелась и стала жить с нами. А Свете дали служебное жилье. Мы купили дачу на реке Кривая Болда, два участка. Есть там небольшой домик. Летом спасаемся там от жары. Сажаем овощи, фруктовые деревья. Вот так и живем. Лечим свои болячки и надеемся на лучшее. Надежда у нас на внуков. Андрей закончил 9 классов и поступил в мореходку. А Маша учится в школе для одаренных детей. Очень много читает. Умница.

Приглашаем всех родственников в гости! Наш адрес: 414021 г. Астрахань ул. Боевая 83 кор. 1 кв. 11

Иван, единственный из братьев, кто, выпорхнув из сельского гнезда, осел в Астрахани. У него останавливались все братья из разных концов страны, когда приезжали в отпуск к родителям. Поэтому он всегда был в курсе дел всех членов семьи, сам часто навещался в родное село.

Забузанским жителем, за исключением Дальневосточного периода, был его брат Василий Филиппович. О его детях, их судьбе, много, что можно добавить. Василий Филиппович Михин – единственный из братьев, который вернулся в родное село из дальних странствий по стране. И не по доброй воле – жизнь заставила. Поскольку о его судьбе уже много было сказано выше, то остановлюсь на судьбе его детей, внуков, правнуков. Ведь Василий оказался самым плодовитым из всех «птенцов» крестьянского гнезда. Семеро детей. Всего на два меньше, кому удалось состариться из крестьянского гнезда.

Старшая находилась в непосредственной близости от крестьянского гнезда после возвращения с Дальнего Востока, конечно же, стала связным с внешним миром, куда не могли по физическим данным простираться действия хозяйки «гнезда» – бабаньки. У Валентины вскоре выработались навыки в переговорах, и она быстро из посыльного превратилась в министра иностранных дел семьи. Президент – бабанька, дед – серый кардинал. Это была наиболее эффективная структура семейной власти, учитывающая как особенности того времени, так и особенности людских характеров в семье. Не боясь повторения, отмечу, что Бородина (Михина) Валентина Васильевна была сосватана бабанькой без её ведома, узнала об этом по дороге с работы домой, прошла в селе путь колхозница – рисосеятель – агроном-член правления колхоза, а достигнув пенсионного возраста, уехала с семьей в Ульяновск и живет там, похоронив мужа, с одним из своих сыновей – Евгением. Младший сын Николай построил свою семью в Серпухове в Подмосковье, а старший сын Геннадий – в Ставрополе.

Второй ребёнок у Василия – Борис закрепился в Астрахани и стал близким родственником Григория Филипповича, своего дяди, ещё и по линии жены Лаврешкиной Лидии.

Надежда Михина, выросла в очень красивую женщину и после окончания техникума осела в районе Великого Новгорода, в сердце России.

Екатерина Колеченко (Михина), закончив кулинарный техникум, была направлена в Восточную Сибирь, откуда её муж Кольченко Виктор вернул её снова в Астрахань, а затем и в Ульяновск. Екатерина в семье Михиных стала ядром притяжения в Ульяновске. Именно магия Екатерины и Виктора пере-

ташили из Забузана семью старшенькой – Валентины, некогда министра иностранных дел семьи.

Младший сын Екатерины и Виктора – Юрий живет и работает с ними в Ульяновске, а старший – Олег – в Москве. Он закрепился в Москве, вернувшись из Тайваня, где проработал несколько лет.

У Василия Филипповича дети от второй жены Анфисы Захаровны все остались в родных краях. Михаил Васильевич живёт и работает в районном центре, в Красном Яру, где учились в своё время некоторые из братьев Михиных, откуда взял в жены и увозил по воинским частям страны свою жену Марию Тимофеевичу, где провёл и я свои лучшие школьные годы, проходя заочные и любовные университеты. У него сын Виктор и две дочери – Ольга, Екатерина.

Аркадий Васильевич Михин взял в жены Куранову Александру Ивановну, т.е. в Забузана образовалась ещё одна пара Михиных-Курановых. Первой такой парой были мои отец и мать. Они живут в центре села. Крепкая, зажиточная, хлебосольная семья – в крестьянских терминах всех времён и народов. Выросли два сына Юрий и Сергей.

Любопытно, что и младшая дочь Василия Филипповича – Михина Елена вышла замуж за Куранова Анатолия Ивановича, образовав третье кольцо Курановых-Михиных. Они тоже крепкая, зажиточная и хлебосольная семья. У них дочка Наталья. Брат с сестрой Михиных соединились с братом и сестрой Курановых, образовав родственные семьи и размножив фамилии Михиных и Курановых в родном селе.

Пустили в Забузана свои побеги и корни крестьянского гнезда по линии старшего сына Григория. Мне посчастливилось заполучить чёрным по белому записанные искренние чувства одного из этих «побегов». Впрочем, судите сами.

Я, Михин Василий Геннадиевич. Мне 69 лет. Я давно хотел написать, или вернее описать, где я родился, как мы жили в детстве, учились, играли, чему радовались, что нас огорчало, что веселило и т.д. Хотел написать, потому что к старости мне стало очень интересно как жили мои предки дедушки, бабушки, отец с мамой и стало горько, что спросить уже не у кого. Подумав, может моим внукам тоже будет интересно когда-нибудь как жили мы и тоже будет не у кого спросить, а при том вранье, которое сейчас печатают, они если узнают, то далеко не правду. Вот сажусь и начинаю писать. Почему сейчас? У нас в селе каждый пацан имел свою кличку. Кто-то обидную, кто-то горделивую, причем она как правило изменялась. Вот Николай Осминин (депутат). У него вместо портфеля была папка, потом превратился в «дзепу» и т.д. Был у нас и уважаемый пацан, постарше нас, башковитый. Кликуха – «Куранчик». Вот это «Куранчик» ныне доктор наук, директор института, крупный предприниматель Куранов Николай Петрович пишет книгу примерно о том же, о чем и я хотел рассказать своим внукам. И в приказном порядке дал мне несколько дней, что бы я что-то написал о своих воспоминаниях для своей книги, которую он пишет. А хороший пинок в задницу никогда не мешает. Поскольку уважение к нему я испытываю и даже гордость, что из

нашего села вышел такой умница, да и его желание соответствует моему, поэтому сажусь писать. Пишу только правду – как я ее вижу. Врать мне ни к чему, мне уже ничего ни от кого не надо, это просто воспоминания. Наверно, будет написано сумбурно, не по порядку, тогда уж извините.

Начну со своего рождения и родословной, что знаю. Я родился 23 февраля 1950 года, вечером. Отец рассказывал, что в этот день было праздничное собрание, он делал доклад, так как работал парторгом. Его отозвали и доклад он продолжил сообщением, что у него родился второй сын. Отец - Михин Геннадий Григорьевич. По рождению Бородин Геннадий Дмитриевич. Его отца тяжело ранили во время восстания казаков в Астраханском кремле. Он умер от ран, когда отцу было несколько месяцев. Дед родился в семье коренных казаков Бородиных. У деда было 5 братьев. Он, Дмитрий, Павел, Иван, Гавриил, Алексей. Сестра одна – Анастасия. Их отец Петр Никифорович, дед – Никифор Михайлович. Дед был прислан из Воронежской губернии, когда астраханский казачий полк усиленный стрельцами, переведенными в разряд казаков, укрепляли донскими казаками. Так что мой отец казачьего сословия. Моя бабушка Бородина Лидия Васильевна, насколько я знаю, в девичестве Елизарова, ее мать Елизарова Ольга, в девичестве Рудинская, была дочерью то ли действительного статского советника, то ли просто статского советника Рудинского, сосланного за какие-то провинности в Астраханскую губернию. Таким образом моя бабушка имеет дворянские корни, что она тщательно скрывала. Была полностью за советскую власть, в отличие от всех родственников ее первого мужа, которых уже я хорошо помню, ни один из них уже в 50-е годы не работал на общественном производстве.

Бабушка Лидия Васильевна после смерти мужа вышла замуж за Михина Григория Филипповича, из большой семьи Михиных, переехавших с Ахтубинского района вовремя «голодного времени» в Забузан. Я позже встречал выходцев с этих мест, знавших семью Михиных по старому месту жительства в селе Сокрутовка. Бабка моя имела характер властный и хотя была старше деда, рулила в семье полностью. Дед усыновил моего отца. Таким образом отец стал Михиным Геннадием Григорьевичем. Деда отец уважал и хотя уже в 60-е годы его родственники по линии Бородиных настоятельно советовали отцу сменить фамилию опять на Бородин – он отказался, сказав, что не хочет обижать отца. Мой отец всегда звал деда отцом и вместе с ним часенъко подтрунивал над командующей бабкой. Надо сказать, что семья Михиных бабку мою в семью не приняли, да и отца моего не жаловали, да и меня внуком не считали. Только с возрастом я понял, что при такой огромной семье там и родных то внуков забудешь, как звать. Дед Филипп был человеком молчаливым, даже нелюдимым, бабушка Таня полная ему противоположность. Мой дед Григорий с возрастом стал полной копией деда Филиппа как внешне, так и по характеру. Дед из своих братьев, как я помню, поддерживал хорошие отношения только с братом Василием, который жил в Забузане и которого я хорошо помню, часто бывал у них дома, дружил с его сыновьями Михаилом и Аркадием. Я не знаю почему, но почему то боялись когда убегали на берег и дядя Вася нас пугал, что сейчас приедет Хошемин и вас за-

берет. Мы пулей летели домой. Нахрена нам сдался этот Хошемин – до сих пор не пойму. Я не знаю, кем работал дед Григорий по молодости. Хорошо только помню, что он работал бакенищиком, но уже в Казахстане. Бабка была активисткой, работала председателем Забузанского сельского совета. Кстати, на эту должность избирался и мой отец, а потом и я, в начале восьмидесятых.

Дальше о себе. В нашем селе Забузан была школа восьмилетка, в которой я и начал учиться с 1957 года. Учился хорошо, любимыми предметами были история, литература, география, т.е. рано выявилось что я гуманитарий в отличие от моего старшего брата Николая, который любил математику участвовал в различных олимпиадах даже областного уровня. Сейчас я понимаю, что основная черта моего характера это – неусидчивость и до сих пор я не могу сидеть на одном месте и выполнять мелкую работу. Но что поделаешь – таким родился. Я рано начал много читать, причем все подряд. Когда матушка утром приходила меня будить, то из-под подушки обязательно выпадали три-четыре книжки. За это часто «получал на чай, на сахар». Бить то конечно меня не били и в угол не ставили (что толку я бы там и минуту бы не простоял – просто бы смылся). Но мокрой тряпкой попадало. Ей не нравилось, что я читаю не то, что задают в школе. Потом после какого-то родительского собрания ей по видимому сказали, чтобы она меня за читку не ругала и до сих пор помню, как она принесла мне из Красного Яра книгу «Три мушкетера». Это был такой праздник! Русский язык у нас преподавала Турченко Эмма Петровна, наш директор. Я учился в четвертом классе, а брат Николай в шестом, но сидели мы одном классе, т.е. в одном помещении. Было такое в те годы. Считалось, что объясняя что-то старшим классам, мы тоже что-то уловим, а объясняя нам – старшеклассники что-то повторяют из пройденного. Как-то Эмма Петровна принесла пластинку и проиграла какую-то классическую музыку, потом дала нам задание чтобы и мы и шестиклассники написали сочинение как мы понимаем эту музыку какие чувства она у нас вызывает. Я до сих пор помню, как я писал это сочинение. Был словно в тумане, я не видел класса, парт, учеников - писал и все. На второй день она пришла взволнованная к нам в класс и сказала, что сейчас она прочтет одно сочинение, а вы попробуйте написать ученик какого класса мог это написать. Она стала читать, я конечно узнал свою писанину. Потом она читала его учителям, носила его в Красный Яр в районо. Вообще, моим любимым занятием было писать сочинение. В это время я не помнил сколько времени прошло, кто что говорил, ничего вокруг не видел и не слышал. Наверно, это звучит как похвальба, но так было. Сильно то учиться я не любил, не было у меня никакого терпения брал все на память, но восьмилетку закончил на пять и четыре. Общественную работу тоже не любил, кроме школьной жизни была, конечно, более интересная жизнь – на улице. Но эту жизнь я опишу позже, внукам. Среднюю школу я оканчивал в Красном Яру, не блестяще, но после школы только шесть из тридцати двух поступили в институты, в том числе и я. Поступил на естественно географический факультет Астраханского пединститута. Отец в это время работал председателем сельского совета с зарплатой что-то

около семидесяти рублей. Мама работала на выращивании помидор, как тогда говорили «на секции». Работа тяжелая, все лето на солнце, зарплата тоже не великая. Говоря о родителях, надо сказать, что отец мой всю жизнь проработал, как тогда говорили, «в начальниках». Был парторгом, заместителем председателя колхоза, председателем колхоза, председателем сельского совета, опять заместителем председателя колхоза. По сути, он всю жизнь проработал с Курановым Петром Ивановичем, но они были разные. Петр Иванович был довольно жестким человеком, хозяином. Отец был более мягким, покладистым. Их в селе так и звали «вон папа с мамой поехали». Папа – Петр Иванович, мама – мой отец. Отец умер в 58 лет, внезапно, на ходу, от обширного инфаркта. Его смерть для меня была огромным ударом и я где-то в течении двух лет ходил ежедневно к нему на кладбище, хотя сказать, что при жизни мы были близки - не скажешь. Матушка только после его смерти перешла работать заведующей складом стройматериалов. Я в 1972 году окончил институт. Считаю, что получил хорошее разностороннее образование, поскольку изучал физическую географию, экономическую географию, геологию, топографию, химию, климат, зоологию, ботанику и т.д. Работал на практике на трубопрокатном заводе, был на практике в Махачкале, Баку, Красноводске, Ашхабаде, Алма-Ате, Фрунзе, был в горах Тянь-Шаня, Ала-Тоо, на озере Иссык-Куль, на Урале. Видел восстановленный после землетрясения Ташкент, Аральское море. Впечатлений от учебы было и осталось множество. Закончил институт и в сентябре женился на самой красивой девчонке нашего села, соседке Наде. Начал работать в Новоурусовской средней школе Красноярского района зам директора по воспитательной работе и учителем географии. И жили мы тогда в бане, где вместо котла была вмонтирована плита. В мае 1973 года ушел в армию, служил в радиотехническом полку инструктором политотдела по комсомольской работе. В ноябре этого же года меня демобилизовали в связи с рождением двоих детей. Появились в нашей семье двое прекрасных детишек. Дочь Леночка старшая и сын Сережка. Радость была неопишуемая. Особенно дед на каждом углу гордо рассказывал, что у него внуки двойняшки. В декабре начал работать в своей Забузанской теперь уже средней школе. Работал пионервожатым т.к. учительских вакансий не было. В июле 1974 года был назначен зам директора по учебной работе, в этой должности проработал до сентября 1979 года. Работа в общем то особого удовлетворения не приносила, сказывалась черта характера – неусидчивость. И потом все-таки я был крестьянином по натуре. С учениками у меня были отличные отношения, особенно со старшеклассниками. Душу отводил, работая все три месяца каникул в производственных бригадах. Тогда была такая форма общественной нагрузки, ученики по одному месяцу каникул работали в таких бригадах. Так как у меня с детьми эта работа получалась, то меня и посылали работать на все каникулы давая отпуск в учебное время. В 1978 году ездил в качестве руководителя областной делегации участников производственных бригад на всероссийский слет таких бригад в Ставрополь. Для меня это была интересная работа, потом на заработанные деньги мы с учениками все зимние каникулы ездили по разным городам союза.

В сентябре 1979 года меня перевели на работу в организаторский отдел Красноярского района КПСС, т.к. к тому времени я уже был членом КПСС. Я не хотел туда переходить, т.к. у нас уже была в Забузане своя квартира на берегу реки, дети учились. Но тогда был принцип – партия сказала надо. Когда сейчас говорят, что в КПСС вступали одни карьеристы то я считаю, что это чушь. Сколько ребят со мной работало – никто из нас и думать не думал ни о какой карьере. Прошло много лет, но я ни разу не пожалел и, тем более, мне никогда не было стыдно что я был членом КПСС. В феврале 1980 умер отец, о чем я уже писал. После этого я решил уйти в сельское хозяйство. И поступил в Волгоградский СХИ. Да и работа, в большей степени, была связана с сельским хозяйством. Через два года был избран председателем Забузанского сельского совета и был переведен туда на работу. Это единственная работа в моей жизни, которую просто ненавидел. В то время - пустая никчемная работа.

Сидеть в пустом кабинете, подписывать справки, проводить сессии, которые никого ни к чему не обязывали. В общем, по большому счету - пустая трата времени и это в 32 года!

В апреле 1985 года меня вновь перевели в райком партии заведующим отдела агитации и пропаганды. В этом же году 28 октября был назначен директором совхоза «Маячный». Передо мной там сменились два директора, последнего убрали за пьянку.

Совхоз занимался производством молока и выращиванием арбузов. Это была моя работа! Работники совхоза на 85% состояли из казахов и, поначалу, было просто очень тяжело. Семья моя переехала в поселок Алча, население которого на 100% состояло из казахов, а дети мои были единственными русскими учениками в средней школе. Конечно, им было очень тяжело, но они молодцы не плакали, держались. Село вообще было своеобразно. Где-то в 30% семей были судимые. Но потихоньку мы привыкли, уже в 1987 году нас отметили на ВДНХ, я получил серебряную медаль, а совхоз получил в награду УАЗ.

В 1989 году на совхоз дали 4 автомобиля Жигули. В общем, я получал огромное удовольствие от работы. Но всегда есть «но». Чтобы успешно работать, нужна была дисциплина, порядок. Это, конечно, не всем нравилось. А здесь еще в прессе началось наступление на руководителей всех уровней: «красные помещики» в селе, в городе - «красные хозяева». Сколько хороших, умных людей угробили. Тогда пресса воспринималась как истина и мало кто понимал, сколько там подлецов. Писали и на меня, мол «тиран», все решает сам, никого не признает, самодур и т.д. Я хочу сказать, что именно в это время я получил самое большое признание, чем я горжусь и никогда об этом не забуду. Под влиянием этих статей собрали общее совхозное собрание где был первый секретарь РК КПСС, прокурор, начальник управления сельского хозяйства, в общем, все руководство района. Дали мне слово объяснить все мои прегрешения. Стал я объясняться и тут встает работник, уже немолодой казах: «Геннадич, ты сядь, мы сами разберемся»

Потом такой шум поднялся с требованиями больше ко мне не приставать, а дать спокойно работать, а товарищей руководителей сначала послу-

шать их, а потом делать выводы. А потом опять дали слово мне. Говорить я не мог, слезы душили. Я никогда не мог представить себе, что казахи, имея руководителем русского, так будут заступаться за него, причем зная о себе, что ангелом я не был, и доставалось многим и по разному поводу. Я до сих пор не могу об этом спокойно вспоминать, тогда понял, что люди все простят, и нагоняи и бессонные ночи и слова, которые часто проскакивали, если видят, что это не просто ради дела, а еще ради того, что строятся квартиры, кладется асфальт на дороги, ребяташки стали поступать в институты, много чего еще.

Потом дикие девяностые. Мы еще работали, но уже было понятно, что разрушить хозяйство - была команда свыше и не в наших силах было с этим бороться. В 1994 году нам дали грант на покупку четырех машин Волга и четырех машин УАЗ. Но денег на это у людей уже не было.

Настроения у людей были разные. Кто-то радовался развалу хозяйства, кто-то хотел оставить все как есть. Кто-то начал уходить из совхоза, создавать «фермерское хозяйство». В основном это были болтуны, любящие выступать на собраниях с критикой. Все это в прошлом, хозяйства эти быстро развалились, остались несколько работяг, которые и живут в саманных или даже рытых землянках, живут разведением скота. Нет техники, топливо купить не в состоянии. У этих хозяйств нет никакой перспективы, кто из детей согласится жить и работать в таких условиях?

В начале 1995 года я подал заявление на увольнение, это был первый случай, когда директор совхоза уходит по собственному желанию. Вызвано это было тем, что я прекрасно понимал, что хозяйства, причем все, разваливаться, а собак навешают на руководство. Я предложил разделить совхоз на три хозяйства, разделить скот, технику. Было еще две с половиной тысячи скота, более трехсот единиц техники. Хотя бы одно хозяйство с самыми работоспособными людьми могло выжить. Но меня не поддержали, предлагая работать по старому, и я ушел. Потом так и произошло, как я говорил. Что-то продали, чтобы платить людям. Но в основном все растащили, разворовали. Несколько месяцев я проработал директором местного кирпичного завода, который был уже в нерабочем состоянии. Его купили дельцы из Астрахани. Обещали провести полную реконструкцию, но все это оказалось только слова. Много в те годы я увидел подлости, вранья, даже в тех людях, которых я вроде бы хорошо знал.

Приехал мой друг, работающий на астраханском газовом комплексе Доронин А.А.

Грубо говоря, взял меня за шиворот, заставил написать заявление об уходе и увез к себе.

Когда то, еще работая в школе, закончил я экстерном красноярское профтехучилище, получил рабочую профессию механизатора широкого профиля. Вот это и помогло. Работал много где, много тогда было сокращений, слияний и т.д. В 2000 году перевели меня начальником отдела ТЭР (топливно-энергетических ресурсов) большого транспортного управления, где было более 1200 единиц техники. Вот там я и работал до самой пенсии.

В 2009 году умерла мама, не дожив трех дней до 83 лет. О предках со стороны матери я практически ничего не знаю. Знаю только, что выросла в казачьей семье.

Дети мои к тому времени выросли, крепко стояли на ногах.

Сын Сергей окончил Астраханскую школу милиции, потом Ростовский институт МВД, стал подполковником, начальник ГИБДД одного из районов Астраханской области. Женат, хорошая жена, хорошая мать нашим внукам. У него двое детей. Дочь Анастасия студентка, сын Валерий учится в техникуме при Астраханском техническом университете, отличник.

Дочь Елена окончила физико-математический факультет Астраханского пединститута с отличием, экономический факультет строительного института в Москве с отличием, аспирантуру МГУ. Замужем, муж ее у нас как второй сын. Сейчас Леночка воспитывает детей, которых у нее трое. Старший сын Максим в этом году заканчивает школу, большой умница. Вторым сын Сан Саныч учится в четвертом классе. Я бы так сказал, характеризуя его – в жизни не пропадет. Доченька Анна, самая маленькая в нашей семье, ей три годика. Обожаемый ребенок в нашей семье. Всем мужским населением семьи крутит, как хочет.

Рассказывая о себе любимом, совсем потерял нить и рассказываю о своем брате и сестре.

Брат Николай окончил Астраханское речное училище, но по специальности не работал. Работал на трикотажном комбинате начальником цеха. В сентябре 2000 года он умер от обширного инфаркта. У него двое детей. Сын Александр живет и работает в Москве. Женат. У него дочь работает стюардессой, замужем. Сейчас в декретном отпуске.

Дочь Николая – Ольга. Замужем, у нее трое детей. Сын студент, две дочки учатся в школе.

Сестра Елена. Живет в Астрахани, сейчас на пенсии. У нее двое детей, дочь Галина и сын Геннадий. Галя замужем, Гена женат. У Гены двое сыновей. Живет он тоже в Астрахани рядом с мамой. Так что забот у сестры хватает.

Вот это не совсем коротко, но все. Я совсем по-другому задумывал этот опус, но зато понял, как мне написать, потом чтобы внукам было интересно. Петрович тогда выбери, что нужно можешь переделывать, как хочешь и бери только то, что тебе нужно.

Я в срок уложился, это подчеркиваю.

Вася! Я почему-то не сомневался, что ты, давший слово, сдержишь его. Не сомневался, хоть мы с тобой не виделись более полувека! Спасибо за искренность, которой пронизаны твои воспоминания!

Когда разговор заходил о детях и внуках Якова Филипповича, у меня возникает вполне определенное чувство вины, которое поселилось во мне после того, как я побывал на могиле Якова в г. Пензе. Я тогда понял, что могила не заброшена, что за ней кто-то ухаживает.

Я сделал запрос в адресный стол города Пензы и получил сообщение, что мой запрос удовлетворён, мои координаты переданы по адресу и если адресат

захочет связаться со мной, то он это сделает. Если не будет связи, то это значит, что не желательны контакты со мной. Я был очень рад, что кто-то найден и вскоре раздался звонок, из которого я понял, что со мной говорила дочка Якова Наташа. Я очень обрадовался, представился, что я младший сын сестры Якова Екатерины. На это я услышал недоверчивый ответ, что, мол, мне мама много рассказывала о малой родине папы – Забузане, и его родственниках, но у тётки Кати не было сыновей и я не могу быть её сыном. Я стал в трубку горячо объяснять, что здесь какая-то ошибка, что у тётки Кати целых три сына и только одна дочка. Что я при встрече всё расскажу. Однако понял, что недоверие осталось, и тогда я стал в трубку говорить всё, что я знаю о Якове. В частности, спросил, знает ли она что-нибудь о своей родной сестре – дочери Якова от первого брака Ларисе. И тут встретил еще большую настороженность, мол, у Якова никогда не было первой и второй жены, у него была только единственная жена – это её мать. Я понял, что невольно «заехал» куда-то не туда, усилил недоверие и попросил контакты, по которым мы бы могли более основательно поговорить. Мне скинули адрес электронной почты, по которому я несколько раз писал, но так и не получил никакого ответа. Получилось так, что я тут же потерял, что нашёл. Но что-то подсказывало мне, что потерял не навсегда. Довоенная семейная история Якова Филипповича полна тайн. Даже в записках Германа, которые отличаются педантичностью, указывается на первую дочь Якова Ларису, а затем запись о том, что он приезжал в отпуск в 1940 году в Забузан с маленьким сыном. Может быть от первого брака было двое детей и куда они потом делись? Какую роль в их жизни играл их отец, т.е. Яков, если о них ничего не знают дети от второго брака? Теперь уже вряд ли кто разгадает этот жизненный ребус, связанный с одной стороны с признанием жены Якова врагом народа и героическим военным прошлым самого Якова. Во всяком случае, я не сомневаюсь, что первая дочь Якова – Лариса не миф, а реальность, с которой взаимодействовала, по её рассказам, и Валентина Васильевна Бородина (Михина), как не миф и две дочки Якова от второго брака. Не миф и его внучки, ухаживающие за его могилой в г. Пенза.

Тимофей Филиппович – старший забузаский сокол, асс в вопросах авиационной связи. Несколько личных эпизодов в моей жизни, связанных с Тимофеем. Первый эпизод – он гость в нашем доме, несколько младше моих родителей, степенный не грамогласный в отличии от отца. Разительное отличие беседы родителей с ним от бесед с Николаем. Дядя Тимоша, так чаще всего называли родственники Тимофея Филипповича, первым проложил дорогу в авиацию, став профессиональным военным. Так вот, дядя Тимоша не горячился в споре. Степенность, основательность, продуманность фраз были его фирменным знаком. Это про таких говорят: молчание – золото, а с золотом он не спешил расставаться. Из всех приезжих двоюродных я больше всего встречался с сыном дядя Тимоши Георгием и дочерью Верой. Жорка – так мы звали Георгия, был несколько старше меня, с заметной сутулостью, учил нас, младшеньких покуривать. Взрослым я его не видел, но если что и слышал о нём, то совсем не в превосходной степени. Он оказался на службе русской болезни, называемой пьянством и этот прискорбный факт, по-видимому, рано увёл его из жизни в

Борисполе под Киевом. Его сестра Вера была почти моя ровесница. За короткое время пребывания в Забузане я успел влюбиться в неё, вернее, в её какой-то совершенно небесный образ, который она производила своей непохожестью на наших девчонок. Она была очень современной. Я до сих пор поражён, что у такой девушки не было семьи, и ведёт замкнутый образ жизни, не общаясь не с кем. Может в юности была слишком современной девушкой? И еще один эпизод врезался мне в память, когда дядя Тимоша умер. На похороны бабанька отправила тётю Дусю и ту же Валентину Бородину – своего адъютанта. Перед смертью Тимофей прислал письмо Валентине с просьбой, что бы она приехала и похоронила его. Они и рассказали, что Тимофей Филиппович закончил жизнь в бедности, неухоженности, без малейшего внимания со стороны семьи и только сослуживцы Бориспольского аэропорта, где он до конца жизни работал по линии связи, достойно проводили его в последний путь с орденами и медалями впереди, среди которых выделялся орден Ленина. Вернувшись домой, посланцы рассказали обо всём бабаньке и они с дедом решили организовать пышные поминки у себя в доме в Забузане. Созвали почти всё село и я сам лично своими ушами слышал слова моей незабвенной бабушки: «Вспоминайте Тимошу, вспоминайте радостно, пойте – только не танцуйте». Я был поражён этими словами. Для меня тогда, в молодости смерть в любом возрасте воспринималась не только как ужасная трагедия, а как катастрофа. Только гнетущая тишина и слёзы могут сопровождать эту катастрофу. А сейчас и я был бы рад, если бы меня в последний путь провожали пением. В возрасте смерти не стоит бояться, она придёт, как завтрашний день. День уходя из жизни – это памятный день, в который люди, знающие и любящие тебя, обращаются к воспоминаниям о тебе. Как правило, к лучшим твоим чертам, к лучшим моментам жизни. И здесь более чем уместна музыка, пение, смех, веселье – по-моему, это и есть память, настоящий гимн человеческой жизни. Этому научила меня моя бабушка поминками своего сына Тимофея Филипповича Михина. А за что получил Тимофей орден Ленина – не знаю. Знаю лишь, что заслужено, не бравировав этим, как и положено человеку, для которого само дело превыше любой награды. Сейчас понимаю, это фирменный знак «птенцов» крестьянского «гнезда». Да и не мудрено. Ведь то, к чему они с детства привыкли, их тяжёлый детский труд за выживание не только себя, но и всей семьи, не предполагал никаких наград, кроме доброго взгляда родителей. Не ждали они наград и за военные, и за ратные подвиги. У них с детства к этому делу выработался иммунитет.

Ну, а что же сестры, те самые, оставшиеся в селе, не обремененные грамотностью, но знающие все тонкости семейной жизни с детского возраста? Как складывалась их послевоенная жизнь?

О потомках Екатерины Филипповны (моей мамы) я уже многое изложил выше. Поскольку её судьба и судьба детей, внуков и правнуков Екатерины Филипповны мне доподлинно известны, то у меня есть возможность написать об этом чуть более подробно.

У Екатерины Филипповны в это время в живых было три сына (младший я, родился 15 декабря 1945 г.), и дочка. Дочка старшая – Зинаида. Никогда не забуду историю ее имени. Родилась 17 ноября 1929 года и подрастала девочка,

но все недосуг было зарегистрировать ее (получить метрику!), поскольку надо ехать в районный центр. Подвернулся счастливый случай, сосед по своим надобностям собрался в Красный Яр, и мама попросила его заехать в ЗАГС и получить метрику! «Как назвать-то?» – спросил сосед. «Да назови как-нибудь по святкам – там знают, только не Зинаида». Зинаида была покойная моя бабушка – мать отца. Первенца они назвали в честь покойного дедушки – Иваном, и он умер в младенчестве. Поэтому дочку свою мама до ужаса боялась назвать в честь покойной бабушки Зины. Это, мол, плохая примета, ребенок будет не жилец. А сосед, когда управился со своими делами, вспомнил, что надо заехать в ЗАГС, сделать метрику Катюшкиной дочке. Когда же его спросили: «А как назвали дочку?» – он и не вспомнил слова мамы, только и помнил, что она что-то там про Зинаиду говорила. Так и появилась, к ужасу родителей имя моей старшей сестры – Зинаиды Петровны Курановой. Веселая, красивая, жизнерадостная – «Зиночка-картиночка!» – так звали ее на селе. Она была первой девочкой на селе, которая закончила 10 классов, каждый учебный день по проторенной тропинке Забузан – Красный Яр – Забузан. Об этом родители часто жалели. «Не надо девок было учить, правильно делали наши родители, тогда бы они при нас в селе оставались, а не развеялись бы по всей стране». Зина же после школы закончила финансовый техникум и, по распределению, оказалась на Дону в городе Серафимовиче, бывшей станице донских казаков Усть-Медведецкой. Вышла там замуж за участника войны, молодого, красивого донского казака Кумова Александра Дмитриевича, который остался жив, как и мой отец, только благодаря тому, что ему оторвало ногу в бою. А вторую ногу ранило, и ее пришлось отрезать уже в 1960-ые годы, спустя 20 лет после окончания войны. Трудную, но счастливую жизнь на Дону прожила моя сестра, народив сына – Валентина и дочку – Татьяну. Но всю свою жизнь она скучала по родному дому, по той семейной атмосфере, которая царила в семье ее родителей Петра и Екатерины, в семье ее деда Филиппа и бабушки Тани. Всю жизнь скучали по дочери и ее внуках Петр Иванович с Екатериной Филипповной. Несмотря на то, что Зина с семьей почти каждый день год приезжали в Забузан, все же отец и мать, а особенно, конечно, мама глубоко сожалела, что позволила отцу учить их ненаглядную дочку. Для того времени это была правильная жизненная позиция, идущая из глубокого прошлого. Дочерей не наукам надо учить, умению быть нужной, любимой, необходимой мужу и детям. Поскольку в каждой деревне Смольного училища не было и не могло быть, то такого рода теоретические занятия, как в Смольном, заменялись практическими занятиями, которые несли не только функции обучающие, познавательные, но и, главным образом, практически полезные.

А вот послевоенная жизнь старшего сына Петра и Екатерины – Геннадия складывалась по сложившемуся в селе шаблону. Не хочешь учиться – иди работай. Отец хорошо понимал пользу учения для сыновей. Но еще лучше он знал, что если сын не хочет, то не надо его заставлять что-то делать насильно. Надо просто отдать его в трудовую бригаду, в данном случае – в рыболовецкую, и там жизнь, труд, сами расставят все по своим местам. Вкусив 13-летним пареньком тяжелый рыбацкий труд, у Геннадия появилось желание учиться. В

результате он стал в послевоенные годы зоотехником, а после армии – закончил курсы бухгалтеров. Работал бухгалтером в колхозе, потом председателем колхоза. Уйдя на пенсию, работал заместителем главного врача одной из крупных больниц г. Астрахани.

Еще один сын Екатерины – Юрий, учился в школе, в профтехучилище, плавал на судах по Волге, закончил индустриальный техникум и до пенсии работал старшим мастером, обучая ребят мастерству в работе и в жизни.

Я в первые послевоенные годы за неимением детских садов, проходил индивидуальные суточные курсы. Правда не долго, до 5 лет, а потом работал на сенокосе и на поле при лошадях. Учился в университете, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, получил звания доцента и профессора, работал деканом, директором научного института, генеральным директором и председателем совета директоров акционерного общества.

По примеру Германа Филипповича, попробую чуть детальнее описать то, что касается непосредственно моих потомков. Так лучше отразится различие времени и проблем разных поколений крестьянского гнезда. Кое-что о каждом из «меньших братьев», т.е. о детях и внуках, я уже писал. Но, конечно, вскользь, и связанное с конкретным содержанием повествования. Здесь же постараюсь только о них, о следующих поколениях как таковых, как они видятся мне с той громады лет, на которую я забрался...

Начну со старшей дочери, которая подарила мне преемственность в деле бизнеса.

Елена Николаевна Леонова (Куранова) родилась 9 декабря 1969 г. в г. Астрахани. В этот период молодая семья Курановых работала после окончания Саратовского университета в Астраханском Техническом институте (Астрыбвтуз). Жили в общежитии. При зарплате 105 рублей в месяц, с крышей над головой, с безопасностью потерять работу чувствовали себя если не хозяевами положения, то уж точно – уверенными в завтрашнем дне. Когда потребовали жизненные обстоятельства, спокойно переехали в село, где в нашем присутствии нуждались мои родители и, прежде всего, больной отец. Поэтому детские годы Елена Николаевна – Алёнка, как я её называл и называю иногда до сих пор, провела в деревне, где в одном доме жили мы с родителями. В том самом доме, где родился я. Поэтому её самые ранние воспоминания, думаю, связаны с Забузаном. Это были счастливые годы для моих родителей, для нас. Наш дом был всегда полон гостями – родственниками, друзьями. Это не могло не сказаться на характере Алёнки. Смотрю на неё сейчас и вижу, как она закономерно стала центром притяжения всей семьи, включая родственников. Шашлыки на их даче стали традицией сбора современного семейного клана. Узнаю преемственность поколений от дедов к внукам с шумом, гамом, неподдельным весельем от «мал-мала до аксакалов». Это было тогда, 50 лет назад в моей деревне. Это есть и сейчас, конечно, в другой форме, но всё с тем же содержанием у дочери на даче. Главное сходство в том, что это нравилось моим родителям, это нравится и ей. Но ей присуща и углублённая задумчивость, молчаливое обдумывание ситуации. Ей не скучно самой с собой, а, иногда это даже необходимо. Это, по видимому, результат образования – Мехмат МГУ – серьёзная прививка от

скуки. Голова научилась быть занятой анализом чего-нибудь, а что-то для анализа подворачивается всегда. На это жизнь богата! В школе Алёнка была лидером, в университете лидеров хватало и без неё, что, как мне кажется, положило ещё один крепкий кирпич в её фундамент. Она умеет брать на себя ответственность, если другого лидера не находится, но и без излишних моральных издержек отдаёт лидерство, если есть кому. В своей семье, зная хорошо сильные и слабые стороны каждого члена семьи, умеет точно выбрать линию поведения в каждом конкретном случае, что позволяет ей сохранить семью, иметь безграничное доверие дочери даже в самый сложный подростковый возраст. Образование и личные качества помогают ей в работе на всём пути от главного бухгалтера и финансового директора компании до Генерального директора. Она один из признанных лидеров компании по заслугам, а не потому, что компания создана её отцом. За более чем 25 летний её опыт работы в фирме мне ни разу не пришлось краснеть за дочь, за её профессиональные и личные качества, за поведенческую линию в коллективе. Мне импонирует её копания в своих недостатках, часто не замечая свои достоинства.

Елена Николаевна представляет собой нетипичный образ российского бизнесмена, который готов потерять прибыль ради достижения справедливости, честного поступка. Прочтите этот текст. «Папочка, дорогой! У нас все отлично. Началась весна – и это главное! Вот-вот зацветет наша кривенькая вишенка с вкусными-вкусными плодами, на японской айве собираются почки – выдаст куст вдруг такую расцветку – и нерозовая и не алая... нет тому названия. Под сосной нашли массу «подсосенок» – будем растить датские сосны сами для красоты. Сижу в беседке – горит огонь, будем жарить шашлыки, потом в баню. В доме муж и дочь. Дочкина голова, склоненная над химией на втором этаже, блестит светлыми волосами. На соседнем участке гогочут гуси, лают собаки – каждое утро слушаем их неспешный, сварливый, как предполагаем, о природе...». Не веет этот текст духом современного бизнесмена!

Она не может ради прибыли шагать по костям. Совесть – это качество, которое она не готова потерять при ведении бизнеса. Для бизнеса это не всегда хорошо. Для человека, занимающегося бизнесом, это очень трудно, но прекрасно. Особенно, для бизнеса в творческой, в данном случае, научной, строительной и проектно-изыскательной сфере.

Трудно объективно судить о детях. С одной стороны ты вроде бы знаешь о них все нюансы, а с другой стороны – ты ничего о них не знаешь, поскольку все их недостатки утопают в родительской любви, где преломляются до неузнаваемости. Поэтому о недостатках детей говорить не буду. Не потому, что не хочу, а потому что не очень отчетливо вижу их. Они (недостатки) для меня, по-видимому, тоже являются их достоинствами.

Елена довольно близка со своим братом Петром, несмотря на абсолютную несхожесть характеров. Петр Николаевич Куранов родился 23 октября 1976 года в Астрахани, но уже с трехлетнего возраста стал проживать в Москве, куда родители перебрались в связи с приглашением меня на работу в институт ВОД-ГЕО. Обычный путь советской детворы: садик, школа, пионерия. Характерное свойство сына – молчаливость или, точнее, не болтливость, часто принималось

окружающими за замкнутость. Однако замкнутым он не был никогда. Он всегда с удовольствием проводил время в коллективах семейных, с друзьями, но никогда не торопился высказываться, быть на виду. Молчать и слушать других – замечательное его свойство. Он прекрасный собеседник для тех, кто любит поболтать – есть, кому послушать. В знакомой компании Петр забывает о своей молчаливости и легко превращается в обычного, а иногда и в болтливую собеседника. В незнакомой компании он отвечает на вопросы или вступает в разговор, выдерживая паузы, которые ему необходимы будто бы для обдумывания того, что хочет сказать. Петр идеально выдерживает принцип: «Прежде чем что-то сказать – обдумай это!» Но, пожалуй, главное свойство Петра – целеустремленность. Он умеет ставить себе цели, т.е. знает, чего он хочет. Он умеет выбирать пути для достижения цели, умеет идти по этому пути, допуская лишь сомнения, которые помогают, а не мешают достижению цели. Не могу сказать, что я, как отец, внёс в становление этой черты хоть какую-то толику. Может, это врождённое свойство, или он подглядел кое-что в семье, на стороне. Но мне кажется, он сам воспитал это свойство в себе.

Не следует путать целеустремленность с упёртостью. Целеустремленность подразумевает и корректировки жизненных задач, которые вызваны соответствующими обстоятельствами. Помню, как он не хотел поступать в аспирантуру. Это не входило в его тогдашние цели. Но аспирантура позволяла ему не идти в армию, чего он никак не хотел, поскольку понимал, что военный из него никакой. Не создан он для этих целей. Пришлось скорректировать цель – в армию не пойду, поэтому буду учиться в аспирантуре. Именно учиться, а не отбывать срок в аспирантуре. В результате получился молодой перспективный кандидат технических наук, как и сестра – Елена Николаевна. Достигнув одной цели, он ставил себе другие, опираясь на реальную платформу, которая у него имеется в этот момент. Это и есть, на мой взгляд, целеустремленность. Как выяснилось позже, он поставил себе цель – поработать в англоязычной стране, поскольку полюбил этот язык, с удовольствием им занимался. Я об этом долгое время не знал, хотя думал, что знаю хорошо своего сына.

Не знал не потому, что сын не доверял мне, а потому, что он не любил и не считал нужным болтать о своих мечтах, когда они оставались мечтами. А когда мечты обретали формы реальности, тогда только я узнавал о них. Так было и с разводом в его семье, так было и с написанием докторской диссертации, так было и с должностью Генерального директора фирмы, с написанием докторской диссертации, так было и с отъездом в Канаду. Он знал, что некая интимность его замыслов, не может обидеть меня, но может помешать этим замыслам, поскольку я мог в связи с особенностями своего характера, нарушить или внести сомнения в самом зачатке, в становление мечты. Знал он и то, что если его мечты обретали формы реальности, то я их всегда поддержу, помогу, чем сумею. Пока, как я понимаю, все поставленные ранее цели Петр достиг. Теперь его цель – надёжно, достойно укрепиться в Канаде, стать известным в мире специалистом в своей области, обеспечить достойное будущее своим детям. Это я так думаю, т.е. бесцеремонно влез в его «интимность», в его святая святых. Впро-

чем, теперь моё вмешательство не опасно. Он твёрдо стоит на ногах, я ему уже ничем не могу помешать или помочь, да ему и не нужна моя помощь! Можно сказать с уверенностью, что мы с ним купаемся в любви и уважении друг к другу, а помощь...это совсем из другой «оперы»!

Моя вторая дочь, Громова (Прокофьева) Мария Валентиновна, родилась 19 февраля 1980 года. С ней я познакомился в 7 лет, перед первым классом, но успел на первый в её жизни школьный звонок. Вторая моя дочка досталась мне очень легко – ночами за ней малышкой ухаживали другие, другие ей меняли пелёнки, распашонки. Я даже портфель в школу не носил. Хотя я и стал ей неформальным отцом в семь лет, но стал жить с ней под одной крышей лишь с 14 лет. Понятно, что мое влияние на становление и воспитание дочери не велико. Только она сама может сказать, сумел я что-то ей дать или нет. Я, понимая, что передо мной уже почти взрослый человек, не пытался воспитывать Марию, становиться её другом. Я стал её отцом и предоставил ей возможность быть моей дочерью. Как мне кажется, она интуитивно правильно поняла меня и без каких-либо сложностей у нас выстроились отношения, которые вполне ложились в канву отношений дочери с отцом. Не сразу эти отношения были предельно доверительными, но всегда уважительными.

В формировании моих отношений с младшими детьми я многое почерпнул у моего тестя Прокофьева Владимира Леонидовича, добрейшего человека большой души. На протяжении моей жизни с семьей Прокофьевых он неоднократно показывал мне пример деликатного, заботливого и внимательного общения с людьми разного возраста и характера, умея при этом найти тот единственный путь, который необходимо выбрать для выхода из сложной ситуации. Он заслуженно был центром семьи Прокофьевых и я благодарен судьбе, что она связала меня с таким человеком.

Прошло не так много времени, как возникли и вполне близкие отношения между отцом (мною) и дочерью (Марией). Это не трудно мне было понять, поскольку наиболее сложные свои проблемы она пыталась решить, советуясь со мной. Это продолжается и по сей день, несмотря на то, что Маша стала уже многолетней матерью, которая сама теперь проходит университеты воспитания детей, сплочения семьи и т.п. Мария блестяще закончила МГУ – филологический факультет (факультет «невест»), овладела испанским, английским, отчасти – французским языками, хорошо разбирается в мировой и отечественной литературе, музыке, культуре народов мира. Являясь глубоким, разносторонне образованным человеком, Маша чутко, тонко и бережно воспитывает своих трех дочек. К каждой она имеет свой подход, каждой умеет при необходимости сказать те нужные слова, которые помогут решить её проблему, оставляя при этом полную самостоятельность в выборе решения.

Мария выросла в большой московской семье, впитала в себя ее устои, уважение к старшим, помощь и поддержку друг друга. Эти свойства ее характера проявляются во всем. Она не навязчиво, аккуратно контролирует ситуацию, как в своей семье, так и в моей. Я чувствую ее поддержку, готовность всегда прийти на помощь в случае необходимости. Это очень греет и ласкает меня, создает ощущение счастливой и спокойной старости.

Я горжусь, что среди моих детей есть многодетная мать – это большой труд и главное предназначение женщины. Я уверен, что Мария всегда будет счастлива, окруженная заботой и любовью детей и мужа.

Когда я говорю о своем втором сыне, Прокофьеве Владимире (он родился 19 февраля 1980г), вспоминаю слова жены: «Мне очень повезло в жизни: рядом со мной всегда находились незаурядные, умные, внимательные и нежные мужчины: отец, муж и сын».

И это истинная правда. Мой тесть – умнейший человек, интеллигент до мозга костей, умел в легкой непринужденной форме обсуждать и решать любые вопросы. К нему тянулись все, от «мала до велика».

Мой сын, Прокофьев Владимир Валентинович, очень похож на своего деда. Та же широта души, та же деликатность, то же умение прийти на помощь. Очень показательным является то, что дети ходят вокруг него «табунами», это дорогого стоит, потому что дети безошибочно чувствуют добро. Владимир – поэт и мечтатель в душе. Обычная повседневность зажала его в своих рамках. Он, как все, учился в школе, окончил геологический факультет МГУ с красным дипломом и пошел на работу в офис. Но тут наша страна исчезла, и мы стали жить в новом государстве, которое дало возможность людям изменить жизненные устои. И Владимир сразу сделал это. Он больше не мог запереть себя в четырех стенах душного офиса. Он уехал на самый «край» земли – Шпицберген (Свальбард – по-норвежски) и стал там работать гидом-экстремалом. Он живет и работает в трудных условиях – 4 месяца кромешной темноты (полярная ночь), 4 месяца – полярный день, частые снега и дожди, холод. Но душа поэта и мечтателя нашла здесь приют. Владимир говорит: «Несмотря ни на что, я люблю этот сумасшедший край со всеми его испытаниями». Трудности работы и быта компенсируются тем, что он встречает людей со всего мира. По сути, он сейчас не россиянин, не норвежец, а человек мира! Туристы, приезжая с разных концов света, часто не представляют, куда они приехали, неподготовленными идут в горы в ледяные пещеры, или морскими маршрутами на каяках в ледяной воде. Владимиру часто приходится не только демонстрировать профессиональные навыки, если с кем-то случается беда (обморожение, упадок сил и т.п.), но и выступать в качестве психолога, давая человеку возможность почувствовать, что он может сделать то, на что решился. Сейчас уже Владимир хорошо известен многим в Лонгиере, городе, в котором он живет. Побывав в Лонгиере, я почувствовал не только особую атмосферу этого места, но и уважение людей к сыну за его порядочность и честность. Его уважают также как специалиста и настоящего друга.

Мы сейчас встречаемся редко – раз в год проводим отпуск вместе. Владимир – прекрасный рассказчик. Мы слушаем истории о походах, белых медведях, песцах, северном сиянии, штормовом ветре, людях, живущих рядом и приезжающих туристах. Рассказы обычно сопровождаются шутками, тонким юмором и забавными историями. В какой-то момент прибегают дети и уводят его в свой детский мир. И мы слышим счастливый детский смех, радость общения и полный восторг (Володя – мастер на придумывание детских игр!). Вот так

живет мой сын – незаурядный человек с душой, готовой обнять весь мир. Он пошел своим, очень трудным, но очень достойным путем, презрев все проблемы нашей бытовой жизни, повернувшись лицом и сердцем к природе, миру, отдавая им тепло своей неумемной души. Я сразу не смог понять, что мой сын – человек большого полета, пытался давать ему советы, действуя в рамках повседневной жизни. Теперь я этого не делаю. Я просто смотрю, как он идет своим путем, радуюсь за него, за его самостоятельность, успехи, уверенность в завтрашнем дне.

Каков мой вклад в воспитание и становление сына? Можно сказать – большой (по меньшей мере – обеспечил материальную основу для учебы и поиска себя), а можно сказать – малый, поскольку «яблоко от яблони далеко упало». Не мое это дело – отвечать на подобные вопросы. Но факт есть факт: он по всем сложным жизненным проблемам советуется со мной. Более того, в своих речах он часто, как никто, использует фразы, которые когда-либо услышал от меня. У меня даже создается иллюзия постоянного присутствия при нем!

Вчера малыши, нынче взрослые люди
Невозможно принять, невозможно понять!
Лишь вчера папа с мамой подносили на блюде
А сегодня не дай бог советы давать!

Они лучше, продвинутей, много умней,
Но беспомощны кажутся в море проблем.
Мы подставить плечо днём и ночью готовы,
Понимая никчёмность замшелых затей!

Лишь молиться, безбожники, можно за долю,
Чтоб полегче, честнее, без бойни была,
Чтоб корысть не сломала, а «вольному – воля»
В вас не только вселилась, но прочно жила!

Вчера малыши, нынче взрослые люди!
Мы замшелые стали, а вы «на коне»!
Как прекрасно задумана господом богом
Эстафета бессмертия здесь, на земле!

Да и мы Вам нужны – в этом сила и правда.
Вам не помощь нужна – наш уют и покой.
Так-то легче проходят невзгоды и кривды:
Ведь сквозняк на земле – быть и слыть сиротой!

В заключение этой главы мне хочется поместить те чувства, которые я, пусть неумело, передал бумаге по поводу рождения моих внуков и их праздников.

На сегодня у меня набралось пока шесть внучек! Это Ксюша Леонова, Громовы – Настя, Света и Аня, Курановы – Кира и Ульяна! Так уж повелось, что

первой своей внучке – Ксюше – я каждый год в день рождения писал песню. А потом в день ее семилетия – перед школой – выпустил домашний сборник, который помещаю ниже.

Песни Деда

(1998-2006 гг.)

Москва

27 мая 2006 года

Маме

Я спою тебе, дочь, как когда-то
Напевал колыбели твоей:
“Станешь, знаю, ты очень богатой,
Если сможешь прожить для друзей!

И для мужа, для близких душою,
Для всевышних – отцов и детей” -
Пел тебе это, помнишь, весною,
Когда с школой прощалась своей,

И когда ты прошла “универы”,
По любви стала мужней женой.
А когда стала мамой с любовью и верой
Я пошел уже вслед за тобой

Я спою тебе дочь как когда-то
Напевал колыбели твоей...
Твой отец сейчас очень богатый:
Научилась ты жить для людей!

К рождению внучки

27.05.1998

Сначала всех нас поздравляю! -
Родной явился человек!!
Ему любить, страдать, стремиться
И объезжать грядущий век!!!

Теперь поздравлю я себя -
Ведь снова возмужал “мальчонка”.
Сказали: “Ты живешь не зря!” -
Набатом Ксенины ручонки.

Конечно ж, поздравляю папу -
Ты стал, как ни взгляни, скала,
Универсальный трансформатор
Житейских бурь в ростки добра!

И, наконец, про маму – дочку:
Я за тебя безумно рад.
Вошла уверенной походкой
В самый волшебный в мире сад!

Песнь Деда-1

27.05.1999

Я Вас люблю! Я жду, ловлю улыбки,
От Ваших рук я воспаряю в небеса.
Ваш чудный стан с походкой нежно-зыбкою
Со мной творят, как Боже, чудеса!

Припев:

Мадам, за Вас пойду на преступленье!
Мадам, за Вас героем стану я!
Мадам, я предан Вам до исступленья,
И жизнь без Вас мне просто не нужна!

Вот снизошли, кокетливо склонились,
Ваш взор хрустальный подарили мне,
И я ожил, цветы чрез мох пробились,
Целебной плесень стала вмиг в душе.

Песнь Деда-2

27.05.2000

Качели-карусели,
И даже обезьянки,
Степашки, Хрюши, белки,
И в небе самолёт.

Всё это так забавно,
Но есть уже на бланке:
“Пока мыслитель дремлет,
Характер так и прёт!”

Припев:

Не надо! Всё, что сказал – не надо!
Прикажешь что – не буду,
Не буду никогда!

Не надо! Всё, что сказал – не надо!
Прикажешь что – не буду,
Не буду никогда!

Пока-пока, игрушки, пока-пока, все книжки,
Гулять на электричке готова, как всегда!
И в гости к Пете-Свете не так чтоб часто слишком,
Но шорох там наводишь, конечно, это да!

И милые улыбки, и хитрые слезинки –
Все это в ход пускаешь, как в этом есть нужда.
Спасибо папе-маме, что ты живёшь с смешинкой!
За день один с тобою убавлю год иль... два!

Песнь Деда-3

27.05.2001

Я встретил Вас у краешка метро,
В него вошли с присущим Вам восторгом.
Мне рассказали, где живёт оно,
И что сегодня будет деда долгом.

Припев:

Конфета чупа-чупс и чудо-карусель
Под шашлычок в кафе, под обезьянку с ламой.
И целый день как миг, как белка в колесе.
А завершенье – хнык: “Мне дайте папу с мамой!”

И вот уже вранья пошли штрихи,
Которые Вы внятно раздаёте!
И есть, как у всех женщин, и грешки,
Но Вы их неохотно признаёте.

Мне прелесть Ваша – истинный бальзам!
Вы песнь моя – не больше и не меньше.
Я за улыбку – честь свою отдам,
И в этом – назначенье женщин!

Песнь Деда-4

27.05.2002

Ты теперь своенравна, привольна
Хохотушка, болтушка, юла!
Может, это от песни раздольной,
Что от Волгушки мама взяла.

Может, это с просторов Донбасса,
Что вобрал в себя строгий отец.
Ты открыта для радости, счастья,
Ты у нас и для всех – молодец!

Припев:

Ксюша! Ты девушка весенняя!
Ксюша! Моя ты в воскресенье!

Но и скромность тебе не противна:
Ты задумчива очень порой.
Может, это пока что пассивно
Математика просится в бой?
Может, спит в тебе медик-светило,
Может, дремлет учёный большой?
А пока что ...Пока что ты просто красива!
Как мила ты нам, Господи мой!

Припев.

Песнь Деда-5

27.05.2003

Прошли года – уж не сосёшь ты соску,
Уж учишь всех – как жить и почему.
И мастеришь пред зеркалом прическу
И глазки строишь, чаще одному.

Припев:

Мадам Леонова, Вы мой бальзам,
Адреналин всегдашний.
За вздох теперь я жизнь Вам не отдам -
Я буду с Вами жить как дух животворящий!

Теперь ты больше всё в делах:
То садик, где талант в английском,
То дома в уголке при куклах как друзьях,
То в пенье втихаря вкушаешь Божью искру.

Ох, Ксюша! Пусть же Бог тебе
Дарует в жизни трудную удачу.
Свою любовь оставлю я себе,
Тебе ж, когда захочешь, тачку, дачу!

Песнь Деда-6

27.05.2004

Припев:

Ксюша, Ксюша! Что за дама!
Полюбилася реклама.

1.

Папа с мамой в раздумье
Как рекламу победить,
Ну, а дочь – она на стуле
Никогда не усидит.

Вечно вертится волчком,
Хоть глаза в рекламе.
Ей запреты нипочём,
А как в слезы – к маме.

Припев:

Ксюша, Ксюша, Ксения
Полюбила пение.

2.

И поёт везде, всегда
Детские и взрослые.
Беспокоится страна -
Молодёжь несносная.

Ну, а ей всё нипочём -
Пусть страна не сердится!
Ксюша любит кувырком -
Земля ж тоже вертится!

Припев:

Ксюша, Ксюша! Ты кремень!
К попе просится ремень.

3.

Папа любит это дело –
Ксюшу в строгости держать.
И она на это смело
Не посмела наплевать.

К папе ключик подобрался -
Только папа за ремень,
Соглашение готово!
На минутку – не на день.

Припев:
Ксюша, Ксюша! Так держать!
В детстве надо баловать!

Песнь Деда-7

27.05.2005

(Предверье школы)
Вы снова – как малыш с беззубым ртом,
Но светятся глаза игривым блеском.
Наполнен взор мыслительным процессом,
И любишь говорить о том, о сём.

Припев:
Повсюду Вам разбросан интерес:
От роликов до песен по-английски.
Хоть в Вас вошёл технический прогресс,
Но, слава Богу, и друзья Вам близки.

Вы в танцы, Вы в бассейне, на коньках,
Не знаете совсем Вы слова “скука”.
И в Вас блаженство той душевной муки,
Что губит равнодушие в сердцах.

Что Вам сказать в преддверье школьных лет?
Я Вас люблю! И бородой колючей
Желаю Вам здоровья, быть везучей
И видеть звёзды чаще, чем браслет!

Песнь Деда-8

27.05.2006

Уже первый класс позади,
Познали устройство наук.
Ваша слава у Вас впереди,
А сейчас “кнопки жмёт” ноутбук.

И подружки у Вас – хоть куда,
И поклонников целый вагон.
Вы в гастрольных поездках. О, да!
Петербург Вам дарует поклон.

Есть ли кляксы в тетрадках у Вас -
Знает только учитель и Бог!
За тобой, ей же ей, нужен глаз,
Чтобы ангелу малость помочь.

А закалка у Вас -хоть куда:
Вы купаетесь вместе с моржом!
Значит, чёрт не возьмёт никогда
Верх над светом, что вносите в дом.

Ваша нежность не знает границ:
Все парит, лишь коснётся рукой.
Дедам вы продлеваете жизнь,
А отцам не даёте покой...

Вот уже первый класс позади,
Вы познали устройство наук.
Что же ждёт, Ксюша, Вас впереди?
Пусть поможет Вам Бог и ... ноутбук!

Начало юности

(11 лет – 27 мая 2009 г.)

Вот уже и закончилось детство:
«Надоело, быть взрослой хочу!»
Все игрушки теперь как наследство,
Лишь компьютер, да волос в цвету.

И уроки как будто не нужны.
Лишь морока от них да слеза.
«Я хочу быть свободной от службы
И хочу всем понравиться я!»

Юность в Ксюше ростки пробивает
И в фигуре, во взгляде, в труде.
И дед с радостью все принимает,
Даже двойки в твоём дневнике.

Ведь есть чувства и виден характер.
Перемелется – будет мука.
Здравствуй, внучкина юность –
Всеможущий трактор.
Он умеет пахать облака!

Юность, детство – все равно:
Днем живет сегодняшним.
И вчера в них – так давно!
Завтра, точно, Бог бы с ним!

Ксюше я продолжаю что-то писать в каждый ее день рождения, стремясь сохранить традицию. Надеюсь, что не все затерялось, кое-что сохранилось в ее семейном архиве. Например:

Вам 19 лет

«Вам 19 лет, у Вас своя дорога» -
Звучит набатом из манящей старины.
Да, мне не всё теперь в Вас близко и знакомо -
Решает это бог, не мы, увы, не мы.

Но тем дорожке редкие мгновенья,
Когда, как солнце, деда озаришь,
И где-то в глубине возрастают превращения:
Уходит старость, снова жить спешишь!

Ты выбрала не лёгкую дорогу –
Как все из тех, что корнями зовут.
Зато, тебе характер на подмогу,
И корни многие твоими же заботами живут.

Их жизнь всегда подбрасывает в изобилии -
Таков земных удел и этому, конечно, быть!
Вам 19 лет, и впереди – успехов шпили,
Но главное уже освоено – умеешь ты любить!
27 мая 2017г.

Теперь вам уже 20

Прошёл лишь год. Иль целый год прошёл?
Все слышали про относительность времён:
Кто и за жизнь свою дорогу не нашёл,
А ты их тех, кто ищет, кто находками силён!

Кого невзгоды не страшат, а закаляют!

Успехи с неудачами ты плавить научилась.
Тебя это не губит – только развивает.
И в результате – ты преобразилась!

Как птица феникс – в нидерландку!
Нам неизведанны пути господни.
Что напророчит Вам в пути шарманка?
Но в том уверен, Ксюша, я сегодня,
ЧТО СЧАСТЬЮ БЫТЬ!
Ведь ты по-прежнему умеешь всех **ЛЮБИТЬ!**

27 мая 2018г.

Этот же обычай я пробовал перенести на других внушек. Не все получилось – то ли годы уже не те, то ли множественность внушек придавила остроту ощущений. Но кое-что сохранилось!

Например, по линии Громовых жена задумала ежегодно создавать фотоальбомы, которые мы назвали «Бабушкины сказы». В этих сказах, кроме наборов фотографий под разными рубриками, присутствуют вступления, заключения. Некоторые из них приведем ниже.

Бабушкины сказы.

Сказ 1 (Настя, 27.01.2010).

В некотором царстве в некотором государстве родилась необыкновенная девочка – Настенька! И были у нее папа – высокий красавец мужчина, мама – изумительной красоты, нежности и заботы дама и множество бабушек, дедушек, дядей и тетей.

Думала – подумала Настенька: как же мне их всех любить? И придумала! Буду-ка я красивой и веселой, забавной и счастливой – ну, то есть разной, и очень хорошей. И тогда все будут улыбаться и любить меня, и я им буду улыбаться и любить всех.

Сказано-сделано! И вот что из этого получилось.

Сказ 2 (Настя, 27.01.2011).

Вы, конечно, помните тот замечательный сказ №1 бабушки Леночки о том, что в некотором царстве, некотором государстве родилась необыкновенная девочка – Настенька, которая решила всех любить и всем улыбаться!

Вот я и есть эта прекрасная девочка Настенька!

Шли годы ... Целых два! Один годик и один годик. Вот прошел один годик и Настенька начала ходить. Зимой ходить трудно, комбинезончик тяжелый, а ножки еще идут нетвердо, но Настенька – молодец, она справилась!

А весной – так просто побежала!

А когда наступило лето, Настеньке так захотелось поболтать, что она за болтовней и не заметила, как сменились лето и осень и наступила зима.

Вот вам один годик и один годик! Настенька не только всех любит и улыбается, Настенька все умеет и все про вас всех знает.

А кто не верит – прошу пройти за мной в альбом, я там покажу вам себя и всех моих мамок – нянек!

Пойдемте, пойдемте в мой второй год жизни!

Так начинался фотоальбом, а заканчивался сказ каким-либо напутствием или эпилогом. Например, в виде росказней Ди Ди (так часто называют меня малыши).

Росказни Ди Ди.

27.01.2011

Теперь Вы собеседница, мадам!
Теперь вас на мякине не проманешь.
Вы остро чувствуете фальши и обман.
И без таланта – просто так – Вас не заманишь

Ни на прогулку без желанья,
Ни есть, ни спать без выкрутас.
Вы, мое милое созданье,
Как Станиславский нам сейчас.
Мы учимся актерскому искусству,
Чтоб Вас одеть, Вас накормить.
Чтоб Ваши прихоти и буйства
Вам не мешали сладко жить!

Ах, как же сладостно живется
Актерам Вашим, режиссер!
Ведь все из сердца это льется –
В душе и счастье, и простор!

Мы с Вами, Настя, будто дети –
Достаточно взглянуть в альбом.
Как хорошо на белом свете,
Когда любовью полон дом!

Вам, Наночка, два годика всего,
А столько счастья Вы посеяли вокруг!
И нет дороже в жизни ничего,
Чем Ваших ручек вокруг шеи круг.

Сказ 3 (Настя, 27.01.2012).

Дорогие мои мамочка и папочка!

Посмотрите, какая я уже стала взрослая! Я люблю прыгать на матрасе под испанские песенки, играть в машинки и строить домики, я люблю кататься на

коньках и плавать с мамочкой в бассейне, я люблю читать книги и наклеивать в них разные картинки, я люблю красить и рисовать!

Я очень люблю когда мамочка берет меня на ручки и обнимает, люблю с папочкой чинить разные штучки.

Я люблю, когда все собираются вместе и играют со мной. Вот это здорово!

В этом году я в первый раз увидела море и много солнца и заняла третье место в детском конкурсе. Там была моя любимая собачка Смайли, очень интересный детский клуб и тетя Сара, которая показала мне много интересного на сцене. Теперь я люблю ходить в ресторан и играть там в новые игры. Вот какая я большая!

А еще я скажу, что я вас очень люблю! Вы мои самые любимые, добрые, нежные и ласковые мамочка и папочка!

Приведу несколько цитат из самого альбома:

За едою могу давать интервью.
Заявляю с трибуны: «Еду не люблю».
Каверзные вопросы задают мне всегда ...
Компотика налейте! Вот этого, да!

Коньки и лопатки вместо палок для лыж –
Инновация, вишь!
И снова на гору, а,
Может, и горку!
Я в спусках побольше других
Знаю толку!

Эх, кино, мой таинственный дар –
Я гусаром была и Чаплиным тоже!
Улыбайтесь почаще и где-то в душе
Оставайтесь-ка в нем как можно подольше!

Спорт – он ведь в каждом из нас!
А я вот и морж, и бегун – водолаз!

Мы с мамой порой спорим о моде:
Голубой нынче в моде? –
Вроде бы, вроде ...

А мы похожи с мамой моей!
Сон нам – как повод набраться идей!

Ну а в творческом порыве
Все ведь средства хороши!
Я – в оранжевом комбезе,
Ты вот так и запиши!

Беру совок, включаю Солнце
И маму выведу гулять!
Мне надо многое проверить,
А больше всех – все раскопать!

С высоты мне виднее –
Нет, не прожитых лет!
Вы повыше залезьте –
Вот попроще совет!

Дни проходят быстро и спешат куда-то,
Только я скажу им: «Высыпаться надо!»

Садись со мной, и будем пассажирами,
Разглядывать через окно дорогу.
Я покажу тебе и звезды, если хочешь,
И можем ездить хоть всю ночь, ей – Богу!

Игра на природе – это по мне!
Мама ударилась в детство.
Я возвожу многоэтажный проект,
Мама – из трубочки мыльное «тесто».

Как все испанцы, мы ужинаем с вином
И потом идем на танцы.

Помню, как накатит ностальжи
По макаронам там или пельменям,
Так тесто раскатаю на коржи
И позабуду напрочь я про время ...

И сидя в кресле цвета свежести февральской,
Автограф оставляя на столе,
Я вам скажу: «Какое ж это счастье –
Принадлежать ... принадлежать Себе!»

Дни все бегут и спешат друг за другом,
Время застыло, но вроде идет.
Вместе с моим дружно – плюшевым зайцем
Будем с улыбкой шагать мы вперед!

Росказни Ди Ди

Настя

27.01.2013

День морозный, мне – 4!
Я ведь старшая сестра!
Мама дремлет, улыбаясь,
Я с сестренкой обнимаюсь!
Много я чего умею –
Петь, плясать, подать идею,
Приготовить распашонку
Моей маленькой сестренке.
Я катаюсь на коньках
И витаю в облаках.
Но могу и быть упрямой –
Всех «построить», даже ... маму.
У меня это пройдет,
И тогда поймет народ,
Что я лучшая на свете
Из толпы по кличке «Дети»!
И еще один рассказ
Про кафе «Бабленин сказ» -
Вот где сердцем отрываюсь,
Даже если всю ночь маюсь!
Всем спасибо, дорогие,
Что поздравили с рождением!
Громова Анастасия
Будет личность. Без сомненья!

Настя

27.01.17

Вы глубокая стали девица,
Красота Ваша вдруг ожила,
Интерес Ваш повсюду пробился
И теперь ты по жизни пошла!

Школа, как ни крути – дверь во взрослость,
Ты ее отворила шутя,
Папа с мамой сложили фундамента плоскость,
Сестры тоже добавили в топку огня!

Они стали как будто твои ученицы,
Не всегда послушаньем известны они.
Но зато увлеченность для них – это птица,
Что приносит, учитель, Вам счастья дары!

Беззаботное детство ушло, испарилось,
Но зато много можешь ты брать на себя,
И уроки учить, «зажигать», чтоб искрились
У родных от улыбки твоей их глаза.

Сказ 1 (Света, 23.08.2013)

Что такое? Что случилось?

Что произошло на нашей планете?

А вы не догадываетесь? Это я родилась!

Пришла на землю из другой системы и Очень обрадовалась!

Ведь у меня такие красивые и добрые папа с мамой!

И у меня еще есть Настя!

Да, да – моя сестренка Настя, которая меня смешит, и радует, и целует. И мне хорошо!

Посмотрите в мои глаза, на мою улыбку и ...вы улыбнетесь сами!

Вот такая я улыба!

Сказ 2 (Света, 23.08.2014)

Начало, начало, полвека откачало ...

Был мне годик, теперь два.

Мне, конечно, полегчало.

Я большая! Я большая!

Правда, мамочка моя?

Говорите: «это правда!»,

А не то – не сдобровать.

Уж теперь – то, уж теперь – то

За себя могу (Еще как могу!)

Я постоять!

Некоторые выдержки из альбома:

Вот что люблю, то уж люблю.

Гулять, играть, играть, гулять,

Сама с собой, и с мамой

Со старшей сестрой, и бабушкой Леной,

И с младшей сестрой и, редко, с папой!

Люблю с подружками, люблю и с няней!

Гуляйте все со мной всегда,

Вам – благодарность от меня.

Я в семейной обстановке
Словно рыба в океане,
Словно птичка на сосне.
Хорошо, признаюсь, мне!

Света

23.08.15

Мы споем сейчас для Светы
Песню, песенку про Свету.
Как девчушка хороша,
Как красива и мила.

Как она сестренку любит –
Настю с Аней. Не балует!
Папу с мамой бережет,
Дедушке поспать дает.

Ну а с мамой – неразлучна,
Никогда нам с ней не скучно.
Поздравляем с днем рожденья,
Пожелаем всем веселья.

Эту песенку споем,
Поиграем, а потом
Будем торт – вкусняшку есть,
Ей три годика уж есть!

Света

23.08.16

Ну скажите мне на милость,
Кто блистает красотой?
Это Громова Светлана
С кастинга спешит домой!

Кто на море любит волны
И песок бросать в глаза?
Это Громова Светлана
Разошлась как егоза!

Кто сестренкам подражает
Старшей, младшей – как когда?
Это Громова Светлана.
Она нынче – стрекоза!

Не дает в обиду свинок
Громова Светлана.
Вытирает нос, ботинок
Младшей сестре Ане.

Любит с дедом «обжиматься»
С горки ездить на санях
Еще может обижаться,
Рада торту при свечах.

Ты хорошая девчонка,
Громова Светлана.
Хочешь братика мальчонка,
Попроси у мамы.

Сказ 1 (Аня, 02.04. 2015)

Если три сына, то третий –
Иван – дурак, Иванушка!
Если три дочери,
То третья – царица!

Родители, помните это, запоминайте крепко!
Подрасту – устройте соревнование, которое пусть выиграет Иванушка!

Некоторые выдержки из альбома:

Я девочка семейная,
Но муж пока не нужен мне,
Я папе с мамой отдана
И сестрам век буду верна.

Аня

02.04.2015

У кого здесь день рождения?
У Ани Громовой, конечно!
Кто красива и беспечна?
Аня Громова, конечно!
Кто с улыбкой во весь рот?
Аня Громова, конечно!
Кто сестренку целовал?
Аня Громова, конечно!
Кто на маме день и ночь?
Аня Громова, конечно!
Мы ее сейчас поздравим,
Свечи в торт ее поставим.
Пусть задует Аня свечи
И здоровой будет вечно!
Кто здоровой будет вечно?
Аня Громова, конечно

Аня

02.04.2016

Взгляд обычно деловой:
Всех на свете радует,
А устанет – головой
На подушку падает.
Две минуты полежит
И куда – то заспешит!

Первой хочет всюду быть
Правда, на минутку,
Всех ей хочется любить
Всерьез, не на шутку.
Вот какая наша Аня,
Прямо взрослая такая.

Любит петь про «Капитана»
И российскую кадрили:
«Дед, смотри на пальчик прямо,
Дирижер я!» Это был –
Мол, как пальчик покажу,
Так замолкни. Накажу!

И штаны почти не мочит –
Мама, ты не карауль!
А мультфильмы смотреть хочет
Про щенячий, про патруль!
Крутится как белка в колесе,
Младшая, а как все!

Аня, милое дитя! Ты как свет в окне,
Многодетная семья стала при тебе.
И живете дружно.
Папе с мамой трудно,
Но зато они богаты –
У них полные «палаты»!

Три сестры

Июнь – август 2016

Хорошо летом на даче. Каждый просыпается, когда захочет, завтракает – когда захочет, если, конечно, у мамы терпения хватит. А если мама не в духе – можно убежать в летний домик к бабушке с дедушкой. Там дедушка сделает горячие тосты, бабушка еще чего-нибудь придумает и под мультики можно и завтракать, и баловаться. К полудню завтрак заканчивается, мультики выключаются и можно делать что угодно. Мама с папой любят велосипедные прогулки. Аню и Свету сажают себе на велосипеды, а Настя садится на свой велосипед и все вместе катим в Здравницу или Жаворонки, в лес или «Помпончик». Хорошо! А потом с бабушкой или мамой – гулять на большую дорогу. Но это – после обеда или до обеда, если без велосипедной прогулки.

Большая дорога – так называем мы нашу тупиковую улицу. Это название придумали не мы. Ее так называли и тогда, когда мама была такая же, как мы. А ее бабушка была очень строгая и не отпускала маму с ее братиком дядей Вовой (а они – двойняшки) никуда. Гулять можно было только на большой дороге, а на велосипедах кататься только до второго колодца. А наша бабушка Лена совсем не строгая, а очень даже хорошая. Она никогда нас не ругает, как мама. Мы, конечно, ее очень любим и, как говорит дедушка, любим «садится ей на шею». А ей это нравится! Только иногда, когда мы уж совсем «сядем ей на шею», она начинает нас журить. Но все же это здорово, когда бабушка так тебя любит! А дедушка – он почти никогда серьезным не бывает, подшучивает над нами или поет песни. И мы научились песни петь и часто под дедушкин баян на даче поем и танцуем у беседки. Особенно, когда к нам приходят гости – Яромир с Росей, а тем более Кира с Улей – наши двоюродные сестры, которые год назад уехали в Канаду, там живут, а на лето приезжают в Россию, в Москву, вернее – на дачу. Бабушка с дедушкой в такие дни устраивают разные шоу с играми, песнями, танцами, шампанским и тортом.

А еще бывают на даче особенные дни – традиционные праздники. Например, детский праздник, праздник Ивана Купалы, день свадьбы бабушки с дедушкой, когда бабушка надевает свое свадебное платье, день рождения Светы – он как раз летом. В эти дни собираются взрослые и дети все вместе и что-нибудь интересенькое выдумывают.

Да, лето – это прекрасно. Еще и купаемся часто. То у себя на даче под поливалкой, то в нашем озере, то на Москве-реке. А яблок, малины, крыжовника, смородины черной и красной, жимолости, сливы завалились. Даже клубника, черешня, вишня – и те есть.

А сразу после лета – тоже очень здорово. Нас папа с мамой везут куда-нибудь на море. Чаще всего – в Испанию. Мама очень любит Испанию, хорошо говорит на испанском языке. С нами всегда на море бывают бабушка Лена с дедушкой Колей, приезжают туда же Вова с Сигне, иногда и Кира с Улей. Вот веселуха тогда бывает. Мы все три сестры очень любим море, а мама с папой считают море еще и полезным, хоть оно и соленое.

Возвращаемся домой уже осенью и сразу – Аня и Света в садик, Настя в школу! Начинается наш труд осенний, зимний и весенний – до лета. Но так трудиться нам тоже должно нравиться – так наша многодетная мама говорит. Мы согласны с мамой, только вот не всегда это получается! Но мы стараемся. Уступаем, не всегда правда, нашей меньшей – Анечке. А средняя – Света многому учится у старшей – Насти. А Настя учится заботиться и об Ане и о Свете. Вот так мы и живем – три сестры.

Интересно, а как мы будем жить – быть, когда вырастим?!

Кое-что, написанное черным по белому сохранилось и для сестер Курановых.

Внучке Кире:

Мне уже годик! Боже, как спрессовано время при взгляде назад! Мама в беременности была прелесть. Изумительное спокойствие, внешняя уверенность, как будто Я у нее под сердцем уже в пятый раз. А у папы – ни капли строгости, всегда какая-то детская улыбка на лице. И вот уже роддом. Первый взгляд на мир не дальше одеяла, первая поездка на авто, которое дед забыл обмыть шампанским. Маршрут роддом – отчий дом – позади. Первая высота взята. Пошли размеренные будни. И вот уже первая улыбка на лице, а вот и поползла Я, Кира Петровна Куранова, сама села, встала на ножки, побежала, обмыли первый зубок. А вот уже и первый шаг во взрослость – врач разрешил общий стол, и бабушка Наташа не успевает жарить сырники, в моду вошел второй ужин из папиной тарелки после работы, мама вынуждена заменить всякие там брокколи на любимую картошку. Но не хлебом единым....

Танцевать научилась раньше, чем ползать. Из пения предпочитаю дуэт папы с мамой. Романсы и русские народные песни быстро приводит в ступор, а потом сразу же в сон. Правда иногда, под настроение, могу сама слушать эту тягомотину и не пикнуть. Не спасть, а слушать! Пожалуй,

что из серии « не хлебом единым», предпочтение все же отдаю собственной музыке, которую включаю, где только могу: в книжках, велосипедах, машинках, игрушках. Самый кайф – включить музыку и поплясать под нее.

Люблю путешествовать. Ежедневно часами путешествуем с мамой по Тропаревскому парку: осенью, зимой, весной и летом. Ой, нет, нет! Летом путешествуем по даче. Здесь и освоили способ перемещения ногами. По вечерам пристрастились к самовару у деда. А однажды маршрут путешествия проложили даже на Селигер. Дачу заволокло такой гарью от пожаров, что папа решил сбежать с дачи, из Москвы и спастись на Селигере.

Впервые я купалась в открытом водоеме, да еще каком! Это было в Осташкове на Селигере, где и берегов-то не видно. Впервые здесь и ощутила туристический дух на полу в гостинице. Ощутила этот дух и им заразилась.

Как иначе понять, что сегодня у меня день рождения, сегодня мне уже год, а завтра я лечу на самолете в Грецию, на остров Крит, в это пристанище богов от Зевса до..., в общем, много там всяких, наверное.

Все, заканчиваю свое годовалое жизнеописание. И вот она моя первая подпись... Да! Как же мне подписаться-то? Мама и бабушка Наташа зовут меня Кирпетровочкой. А ведь я уже крещеная. И крестили меня на маминой родине, в самом главном храме. И путешествовала я в Сергиев-Посад много раз, к дедушке с бабушкой в гости. И я всех люблю. И Тошку – тоже, хоть он меня и грубо лапает. Я от него убегаю, но и играю с ним – ушастым и ужасно хорошим. Все! КПК – вот!

Ну что за прелесть эта тайна -
 Рожденье жизни на земле.
 Ни что здесь вовсе не случайно
 И ты, мой ангел, как и все –
 Вмиг появилась ниоткуда,
 И стала главной в жизни вдруг.
 Твоя улыбка озарила,
 Все стало праздничным вокруг.
 Тебя прижмешь-помолодеешь,
 Рукой коснешься-окрылишь,
 С тобою спляшешь – ошалеешь,
 И все грехи себе простишь.
 Будь счастлива, мой светлый ангел!
 Живи в распашку, как Бог дал.
 И пусть звезда твоя на небе
 Твой освещает пьедестал.

Я – большая!

Мне уже два! Два годика! Боже, как я люблю мир вокруг меня, как я люблю всех вас! Пока я не могу все это сказать, только показать жестами. Но вы меня

понимаете! Мне вполне достаточно: маами, паапи, бааби, диди, спасибо, Фуфа, еще, ав-ав и еще с десяток, не больше, слов. И все же я могу разговаривать с вами на любые темы. И мне от этого так хорошо! Прижмусь к маме, запущу свою ручку к груди, поглажу свою сестренку в мамином животе. Я сяду к папе на колени и съем его порцию шей и буду с ним летать, летать, летать. Я распишу себе лоб от радости, что приехала баби, буду бегать по квартире из угла в угол. Я заставлю диди спеть мне все песни на свете...

Я живу полной жизнью, я счастлива – как умеют только дети! И я люблю всех вас, как умею любить только я!

Ваша Кира Куранова; 11.09.2011г.

Как часто слезы на глазах от умиления
Умеешь ты, моя родная, извлекать.
Одним своим прикосновеньем
На небеса седьмые посылать!!!

По вечерам – я в райских куцах,
Когда с тобою мы вдвоем,
И каждый шаг, и каждая улыбка
Душевный трепет вызывают в нем,

В выдавшем виды моем сердце!
И потому – счастливый я!
Ты – бриллиант, ты – изумруд, ты – мое солнце,
И все мы есть – одна семья!

Поздравление с Днем Рождения.

11.09.2012.

Это кто здесь без оглядки
Каждый день играет в прятки?
Каждый знает – это Кира
Из 11 квартиры.

Это кто всегда поет
И игрушки всем дает?
Каждый знает – это Кира
Из 11 квартиры

У кого сестра Уляша
Чуть стоит, но уже пляшет
Каждый знает – это Кира
Из 11 квартиры

У кого жених Максим,
Он дерется! Пусть! Бог с ним!
Он хороший, он при Кире
Из 11 квартиры.

Ты считаешь, буквы знаешь
Любишь всех, захлеб играешь,
Молодец-девчонка Кира
Из 11 квартиры

Славный пес, сестра и мама
Папа, бабушка и баба
Все они всегда при Кире
Из 11 квартиры.

Ни мороз тебе не страшен, ни жара!
Будьте счастливы всегда
Дорогая внука Кира,
Все, все, все в твоей квартире!

Ульяна-4

Была девочка Уля,
А стала сегодня Ульяна!
Кто отгадает: «Почему?»
Как Уля вдруг стала Ульяна?!

Да потому что день рождения!
Сегодня стало 4 года!
Подарки, песни, угощения,
Улыбки и дары природы!

Ульяна, славное дитя!
Ты так серьезна и взрывная
Ты любишь в сказках доброту,
Но и бываешь озорная!

Ты с Кирой – не разлей – вода
С любимой своей сестренкой!
А свой характер иногда
Ты укрощаешь втихомолку!

Мы поздравляем всех – и папу с мамой
И Киру, Тошу, и тебя
Будь счастлива, красива, своенравна
И не меняй характер никогда!

Две сестренки

Анапа, сентябрь 2016
Утром – сонные тетери:
Завтрак – тяжкая работа.
Только со стола слетели –
Навалилися заботы.
Нужно это, нужно то –
Закрутилось колесо.
Одна станет рисовать
И другой дай краски.
А легенды сочинять
Из вчерашней сказки.
Могут врозь и могут вместе
В них они – жених с невестой.
Обсуждают горячо
Кто из них есть кто
И не слышат никого,
Мир вокруг для них – ничто.
Они создали свой мир,
В нем любовь, разлуки, пир.
Но ужасное – обед!
Снова кислый вид.
Без мультфильма – сущий бред
И живот болит.
А с мультфильмом – можно жить,
Даже – рыбу проглотить.
Спать? Вы что – с ума сошли,
Столько дел – хватит на всех!
В дело кулаки пошли,
Слезы, крик и смех.
Виноват, не виноват –
Мы друг другу друг иль враг!?
Но смотрю – опять в мечтах
Где-то там, на облаках,
В тридевятом царстве, что ли,
Разгулялась мысль на воле.
Так в иллюзиях весь день,
Им ни чуточки не лень!
Но пришла пора ...

Просто так, по пустякам,
На ногах стоят едва,
Но виною – не игра.
Это бабушка любимая
Заставляет спать, ворчливая.

Анапа – отдых

25.08 – 12.09.2016

Ветер по морю гуляет
И в Анапу залетает,
Там на пляже на песке
Встретил наших налегке.
Уля, Кира, баба, деда
Здесь бывают до обеда
В море свои попы мочат,
На тарзанках, коль захочат.
Все же больше – на песке,
Здесь фантазия вполне
Может целый день держать.
Но команда: «Отдыхать!»
Лишь под вечер, под закат
Возвращается отряд
И до ночи – «стуки – стуки»!
Разве место есть здесь скуке?
Море, солнце, пляж, игра –
Ежедневная работа
И прожить с такой заботой
Все готовы без конца!
Ну, а вечер? Где отряд?
В парке выстроились в ряд
Музыкальные фонтаны –
Там, конечно, наши дамы!
Дед, конечно, тоже там.
Под оркестр, под фонтан
На скамеечке сидит
И на внучек все глядит
Как они очами блещут
И от радости трепещут,
Вальс танцуют не шутя,
Вот такие вот дела.
А потом – аттракционы:
Расстреляли все патроны,
Перелопали шары,
Автодромы все прошли.

Жаль, что спать пора ложиться.
Баба может рассердиться.
Для порядка внучки хнычут
Баба сказку им в постель,
Сладкий сон пришел теперь.
Так вот каждый день в Анапе –
Дед доволен: «Дело в шляпе!»

Не обижайтесь, внучки, на меня,
Что так не много дед Вам дал.
Дал я что смог, что потянул.
От Вас поболее я хлебнул!

Пригоршнями я брал, беру,
У Вас на старость про запас
Вашу наивность, чистоту,
Любовь и смех. Ваш мастер-класс
Открыл мне тайный смысл бытия.
Я стал богат как никогда!

Евдокия Филипповна, тётя Дуся! На неё, довольно глубокую, скромную женщину легла судьба обманутой девушки, определившую всю её жизнь – жизнь сиделки со своими родителями до самой их смерти. Вот так видится жизнь тёти Дуси, её дочери и внучки с «колокольни» нашего времени одной из её очаровательных внучек Ольги Ивановны Олейниковой.

Меня родили 24.07.53 в г. Ленинград, мою сестру Татьяну там же, но раньше причём 31.12.49г. в 10 вечера к новогоднему столу, а в документах записали 01.01.50г.

Хотели второго мальчика, а родилась «тьфу» опять девчонка – это была я и мне об этом рассказали. Всю жизнь я знала, что меня не хотели, поэтому в детстве интуитивно, а потом сознательно старалась свои вопросы решать сама и не навязывать свое общество. Правда, очень часто это получалось далеко не идеально, и даже ошибочно, сказывалось отсутствие опыта. Все люди мне долгие годы казались родными, а все вокруг казалось розовое и голубое. Мне кажется, наивность и до сих пор меня не совсем покинула. Но, скорее всего, мое предположение о своей ненужности семье были не верными. Вот только в семье между родителями было много проблем, поэтому меня такие мысли и посещали.

Отец служил в Ленинграде, а скоро его перевели в Германию. Мама с Татьяной были с ним в Германии, я была там, но не долго. Этого я не помню. Помню, что у нас было много детских вещей из Германии, посуда, мама запаслась надолго.

Помню с того момента, когда мы жили с мамой и Татьяной в Астрахани в маленьком одноэтажном доме в старом районе Больших Исад, ул. Чебоксарская д.30. Но это был не весь дом, а его половина. Планировка такая же,

как у наших родичей в деревне, но размеры меньше, особенно прихожая и кухня. Маленькой я болела часто, три раза ежегодно лежала в больницах с сердечными делами. Еще помню, как в первом классе болела корью. Короче, была дохлятиной. Бабуся даже возила меня к какой-то бабке, она заговаривала конфеты, мед. И это все досталось мне одной! Интересно, что та бабушка прочитала где-то, что я поступлю в храм наук. До этого было далеко, а вспомнила, когда поступила. Отец в это время служил в Калининграде. Мы ездили к нему два раза, а он приезжал к нам в отпуск раз в год. Потом его перевели на Урал в Шадринск Свердловской области. Там мы были с Татьяной однажды на каникулах. В нашей жизни отца, как члена семьи, практически, не было. Скорее он был гостем.

В школу пошла чуть позже на два месяца, чем все дети, потому, что была дохлятиной и мама хотела меня отдать в школу через год, но учительница ходила к нам домой и уговорила маму не ждать еще год. Дети уже писали чернильными ручками, так что как пишут в школе карандашом, я не знаю. В школе 47 проучилась 5 классов.

Потом мама заняла денег у Бабаньки с Дедынькой на первый взнос и вступила в жилищный кооператив. Дом строили на Комсомольской набережной д.11, кв.26. Пока строили новый дом, старый продали и вернули долг. А мы жили у т. Оли (она наша родственница, но не знаю кем доводится) в районе драмтеатра. В кооператив мы платили 15 лет по 15 руб. ежемесячно плюс к оплате услуг. В новой квартире встречали новый 1965 год. И с нового учебного года я перешла учиться в 56 школу им. Пушкина, ее и закончила в 70г. Закончила с почетной грамотой по химии, физике, истории. Сразу после школы сдать экзамены в педагогический институт на факультет биохимия не смогла, а очень хотела. На экзамене по химии подготовилась раньше всех и меня слушала не вся комиссия, а отсадила в сторону одна дама-преподаватель. Мучила меня три часа, у меня была одна мысль, чтобы меня только отпустили с этого экзамена живой, а она не могла понять, что я очень волнуясь. Видимо, тогда я была не боец. Класная руководительница в этом же 1970г. устроила меня на работу в школу лаборантом по химии и физике, школа была маленькая – по одному 9 и 10 классу. С осени пошла на подготовительные курсы в пед, которые вела та же дама-преподаватель, удивлялась, что моих знаний достаточно для поступления без подготовительных курсов, а я хожу на курсы.

Потом в нашей семье наступили совсем трудные времена, и вместо института, я поступила на работу на завод. Мне до 18 лет оставался месяц, и меня взяли ученицей монтажницы радиоаппаратуры, по этой профессии могли работать только совершеннолетние сотрудники (техбезопасность, пальник и т. д.) Моя наставница, которая учила меня профессиональным навыкам Хмелевская Верочка Петровна, в моей жизни стала не только профессиональным наставником. Она научила меня обязательной трудовой дисциплине, навыкам качественной работы, ответственному отношению к труду, к людям, к жизни. Цех тогда очень даже передовой был с численностью сотрудников до тысячи человек, а на заводе с филиалами до 13 тысяч. Завод

выпускал вычислительную технику для оборонки. Изготовленную продукцию сдавали как ОТК, так и представителям заказчика. При всех строгостях и требовательности к качеству через полтора года мне был присвоен третий разряд, выше разряд был только у тех монтажников, которые работали на изготовлении блоков, я работала на изготовлении печатных плат. Цех выпускал готовые изделия. Производство было очень серьезно организовано.

У нас в цехе была большая комсомольская организация численностью 700 человек, заводская организация имела права райкома. Мне было все интересно: профессиональные соревнования, самодеятельность, отдых на заводской базе отдыха, вечера. По итогам года мне дважды присваивали звание ударника коммунистического труда. В итоге меня избрали секретарем цеховой организации и членом заводского комитета комсомола. Потом меня приняли кандидатом в члены КПСС. С благодарностью и глубоким уважением ко всему коллективу завода того периода отношусь и сейчас.

Однажды по заводскому радио прозвучало объявление, что завод направляет молодых сотрудников на обучение в Таганрогский радиотехнический институт на подготовительное отделение с последующим поступлением на первый курс. На весь период обучения выплачивалась стипендия в размере 46 рублей. (простая стипендия была 40 руб.). Моя наставница Верочка настаивала, чтобы я сходила и все узнала подробно. Именно она рекомендовала мне ехать и учиться. Родители считали, что у меня хорошая зарплата и большего добиваться не надо. С нашего завода в тот год поехали поступать четверо человек, прошли собеседование и поехали домой дожидаться вызова. Вызов мне пришел осенью.

Так началась моя студенческая жизнь. После сдачи экзаменов на подготовительном курсе, нас зачислили уже без вступительных экзаменов и без конкурса на обучение на первый курс факультета автоматики и вычислительной техники. Сразу начались сюрпризы для меня. На доске объявлений висел список групп и написано, что я староста группы. У меня одной был трудовой стаж 2,7 года и положительная заводская характеристика. На удивление всех преподавателей за весь период обучения, было назначено старостой лицо женского рода. Может быть, потом и назначали девчонок, но до меня нет. Так декан начал привлекать меня по всем фронтам. На первом курсе института меня приняли из кандидатов в члены партии.

Мы жили в общежитии № 4. В выделенной нам комнате мы сами перед вселением сделали ремонт и надеялись остаться жить там долго. Но, когда мы перешли на третий курс, деканы двух факультетов решили поменяться общежитиями и сделать женское общежитие нашего факультета отдельным. Конечно, о переселении заговорили в деканате, а я там бывала часто и одна девчонка, была заметна на общем фоне, поэтому у меня была возможность рассказать об общем нежелании переезжать в другое не обустроенное общежитие. Декан Иван Николаевич Попов сказал, что если мы не согласны, то должны обосновать. Мы с моей подругой Натальей (мы и сейчас с ней тесно общаемся) пошли в общежитие № 3 и написали целый список. Вот это все мне и поручил переделать Иван Николаевич, обещая помощь во всем. Меня

оформили комендантом общежития, а прозвучало это поручение, как партийное. Сразу я не понимала, во что меня опять занесло. Собрала надежный студсовет, ремонтную группу из ребят, которые уже были в студенческих отрядах, необходимых сотрудников, и все, что хотели, сделали, по дороге пришел «аппетит», и мы захотели большего, декан помогал во всем. Перед началом следующего учебного года ректор института с проверкой в сопровождении всех четырех деканов и др. свитой ходил по общежитиям, проверял готовность к учебному году, без предупреждения. Я первый раз видела именитых руководителей института, да еще всех вместе, да еще и у нас в общежитии. Ректор нам тогда подарил цветной телевизор и приглашал меня по любой необходимости. В то время калькуляторы были только на слуху, расчеты мы все делали с помощью логарифмической линейки, а у нас появился цветной телевизор. Мне хватило возможностей декана, к ректору я не обращалась. Учеба мне давалась не просто, семь пядей во лбу у меня не было, а программа была сложной. Но всегда старалась учиться без замечаний, но и без особых достижений. На первом курсе у нас был предмет введение в специальность. Преподаватель Леонтий Константинович Самойлов, доктор технаук, профессор, стремился заинтересовать нас и однажды пригласил в перспективе приходить к нему на кафедру заниматься его научными экспериментами. Ждать у меня времени не было, мне надо было обеспечивать свое существование. На перемене я спросила у него разрешения начать уже сейчас. Он был удивлен (позже я узнала о его негативном отношении к женской половине студентов, считая сомнительным наличие у них мозгов). Слегка иронично спросил, что я имею, а я имела третий разряд монтажницы. На следующий день я уже имела запись в трудовой старшего лаборанта и полставки, в рублях это 44. Все время обучения я у него работала и на кафедре, и в лаборатории, мне разрешалось работать и в общежитии, паяла его схемы на платы. В дипломной работе у меня была уже своя схема и собранный мной образец лабораторного прибора. В кадрах не знали, как оформлять студента дневного отделения и лаборантом и комендантом общежития. Летом у нас была практика. Мне можно было выбирать, где ее проходить, но я выбрала студенческие строительные отряды. Девчонок брали только поварами. Я быстренько нашла себе наставника, кормить целый отряд, это не то, что готовить для своей комнаты. В институтской столовой был профилакторий, там работала повар с высоким разрядом, Валентина Ивановна. Она разрешила мне приходить к ней помогать и заодно учиться. С ее легкой руки меня взяли поваром.

1-й отряд 1975г. в количестве 35 человек и два повара, в составе сводного отряда нашего института, работал в Казахстане на строительстве водопровода. Мы работали на строительстве очистных сооружений. Ребята заработали по 1 тыс. руб, поварам заплатили по 800 руб. Эти деньги я привезла домой, и мы отдали их отцу, чтобы не делить с ним квартиру. В то время у нас уже жила Бабуся.

2-й отряд 1976г. был 250 человек поваров 4 человека, работали на строительстве завода «Атоммаш» в Волгодонске. Утром и вечером мы кормили

ребят. А обедали они на стройке, т.к. жили мы далеко от стройки в клубе.

3-й отряд 1977г. 320 человек и 8 поваров, работали по суткам в две смены. Ребята работали на строительстве домов в Северодвинске

4-й отряд 1979г. 40 человек и два повара. Работали на строительстве домов в поселке Ростовской области.

Из заработанных денег мне пришлось возмещать сестре за взносы в кооператив за время моей учебы. Студенческие годы в моей жизни были очень насыщены разными событиями. Все помню, помнят их и те, кто был рядом со мной, с кем они проживались. Так случилось, что мне часто приходилось быть в центре этих событий. У всех студенческие годы вспоминаются, как лучшие. Но мало у кого так активно они проходили, как у меня. С некоторыми потерялись, а со многими и сейчас на связи и общаемся, благодаря интернету. Многие благодарят меня за те сумасшедшие годы, но я часто не по своей инициативе оказывалась на передовой. Много благодаря судьбе, звездам, но большая заслуга в этом Ивана Николаевича, нашего декана. Я в его жизни уж точно не была главным человеком, а вот он на мою жизнь сильно повлиял. С глубокой благодарностью вспоминаю его. После окончания института 1979г. я вернулась на свой завод в Астрахань и привезла с собой и Наталью, она и сейчас в Астрахани с семье живет. Отдел кадров направил нас, как молодых специалистов в конструкторское бюро лаборантами. С зарплатой в 90 руб. Я уже не понимала, как на такие деньги жить. Возмущенные, мы пошли к зам. директора по кадрам. После беседы, нас направили в мой цех производственный мастерами. Наталья была мастером на участке по выпуску блоков для вычислительных машин, а я на их отладке. Отработали там по три положенных года и решили уходить, т.к. это не очень то, чему нас учили. Но оказалось не так просто уйти с завода, это было на уровне ЦП, т.к. увольнялись два молодых специалиста. Нам разрешили перейти на участок отладки вычислительных машин.

Но мне неожиданно сделали предложение перейти на работу в отдел технической обработки информации, там работали со специальным допуском. В итоге там у меня была должность ведущего инженера, зам. начальника отдела. Ничего не предвещало проблем, но социализм приказал долго жить, развалилась целая страна, завод сейчас насчитывает 50 чел. сотрудников. Осталось только название, некоторые площади. Так закончилась вся история завода.

За эти годы пережили ваучеризацию, приватизацию, бесконечные сокращения сотрудников, закрылся и наш отдел, профиль его деятельности стал никому не нужен. Директор предложил мне перейти в отдел кадров, другой работы просто не было. Или идти на рынок торговать. Мы тогда надеялись, что еще можно будет удержать завод на плаву. Наши старания не были успешными. Стараний было много и можно написать книгу о тех событиях. По факту директор не стремился сохранить завод. Но было и хорошее в это время. Я вышла замуж. Как только мы с мужем это поняли, что завод уже в пропасти, то приняли решение уходить с завода. Но куда? Решили уехать в Москву. Приобрести в Москве квартиру не хватило средств, купили в г. Элек-

тросталь МО, сначала комнату в коммуналке, потом по ипотеке двухкомнатную квартиру, в ней и живем. Работала в Москве на строительстве Москвасити, но больше года не смогла ездить на электричке на работу и обратно, это испытание не для меня. Работала начальником отдела кадров, очень жаль было уходить, но не судьба было там долго работать. В г. Электросталь 2004г. тоже нашла работу в кадрах в турецкой фирме по фасовке чая. Какие разные мы люди! Две руки, две ноги, а менталитет совсем другой, совершенно не срастается с нашим пониманием природы вещей, отношений... В мае 2009 года ушла на пенсию.

Сейчас немного подрабатываю секретарем в дачном товариществе.

Мой муж Соколов Николай Михайлович 28.07.1954г. рождения. Мы познакомились, когда работали на заводе я в отделе кадров, он устраивался к нам на работу. Сейчас он работает в Москве на теплоэлектростанции № 20 на ул. Вавилова, мастер по ремонту газового оборудования.

Отец Олейников Иван Федорович, демобилизовался в чине капитана. Закончил службу, когда мы переехали в новую квартиру в 1965 году, очень ему понравилась квартира. Ушел из семьи 1973г., когда я получила уведомление из института, что зачислена. Так что отец у нас был очень короткое время. И это время вспоминаю с ужасом. Он часто пил, но не много, всегда устраивал скандалы, часто бил маму. Я только начала работать, пришла домой, а мама с разбитой головой. Я развернулась и направилась к двери, чтобы пойти и позвонить в милицию. Он оттащил меня за волосы от двери. Мама, хотя сама была в плохом состоянии, смогла оттолкнуть его от меня. Я позвонила и вскоре приехала милиция, мама со слезами рассказывала о его поведении. Милиционер пояснил, что за это его могут посадить на 2 года, но мама его пожалела и не стала писать заявление, его тогда определили на 15 суток. Но это была не единственная травма головы у мамы. Мы жили еще на старой квартире, это было до 1960 года, я еще не училась. Отец прислал письмо, что болеет и некому ему подать воды. Мама срочно поехала к нему в Калининград, а нас оставила с Бабусей. Мы думали, что мама у него, а она лежала в больнице в Москве. Она приехала, а с ним живет женщина, мама сразу и уехала. Поезд через Москву, в Москве пересадка. Она была очень расстроена и при переходе ее сбил троллейбус (много позже мне сказали, что она сама так поступила из-за отца, не знаю правда ли это). Эти многочисленнее травмы, а особенно головы, бесконечные издевательства отца, вызвали у нее нервное заболевание. Страшно вспоминать, как ее забирали в больницу, как много она пережила мучений. Татьяна тогда уже закончила музыкальное училище и отработывала в Воладаровке. Вот в этой ситуации я получила уведомление, что принята в институт. Последнее, что мог сделать отец — это уйти из семьи, он это сделал. Если бы надо было только ехать сдавать экзамены, я бы не поехала, а не поехать, когда уже поступила, я не смогла. Помощь мне обещали на заводе друзья из заводского комитета комсомола. Решили, что с мамой будет жить квартирантка и ухаживать за ней, они обещали найти хорошую женщину. Татьяна тогда собиралась замуж и на нее рассчитывать я не могла. Но Татьяна осталась дома. А я закончила инсти-

тут. Мама ушла, когда я закончила третий курс.

День ее рождения 6 февраля, так же как у Бабуся День смерти 03 сентября, так же как и у Татьяны. Когда ушел отец, нам не сообщили, боялись, что мы будем претендовать на наследство.

Так Ольга рассказала о своей судьбе и судьбе близких ей людей. Она откликнулась и на мою просьбу поделиться воспоминаниями о Евдокии Филипповне, которую Ольга называет бабусяю.

Может потому, что мне самому дороги все воспоминания о прошлом моих родственников, я не мог не попросить Ольгу поделиться её первыми детскими воспоминаниями. Вскоре я был вознаграждён новым углублением Ольги в уголки её памяти.

Воспоминания о детстве, это скорее осязание того времени с закрытыми глазами, так достовернее видится. Очень хочется обнять всех родных, всех помню, люблю.

Мой отец офицер, служил в Германии, мама с Татьяной были с ним, а меня в два или три года оставляли в Забузани на долго. И вот однажды бабушкин голос сообщил, что приехала мама. В доме два окна выходили на улицу, я побежала к левому окну, взобралась на стул, но никого там не увидела. Они были уже в доме. Вот это окно и стремление встретить маму помню четко. Потом дарили подарки. Мне привезли медведя, он был одного роста со мной и еще рычал. Долго меня уговаривали, что это игрушка, поверила позже, когда он стал становиться меньше, а я выше, тогда он стал моим любимым медведем, с ним я играла, спала, это был мой надежный друг. А мне очень хотелось братика, т.к. сестру в деревню отправляли реже, чем меня, она училась музыке.

А братик родился у Бородиных, его называли Коленькой. Маленький, в пеленках, в кроватке спал. Я очень сильно уговаривала т. Валю, чтобы его нам отдали. Но она согласилась только на обмен. Тогда я вернулась к Бабаньке, она то понимала, что взрослые шутят, но все равно дала мне целую пачку облигаций, они хранились в сундуке. Ценности их я не знала, но поняла, что это деньги. Шла одна, было уже темно и мне было страшно, но дошла и выложила аргумент, против которого у взрослых не нашлось ответа, все просто были обескуражены. Вот только уговорили меня, что отдадут Коленьку утром, потому, что он уже спал. Видимо утром этому никто не придавал значения, но я помню, что он мой братик не только по крови, но и за деньги. Эти взрослые и позже надо мной смеялись.

Смеялись в другой раз, когда я с берега Бузана бежала что есть мочи спасаясь от гусей, а гуси, вытянув шеи бежали за мной и шипели. Все взрослые сидели на рундуке и от смеха никто встать не смог мне на помощь.

Там же на берегу часто стоял верблюд Мусишкиных, привязанный веревкой за ногу к столбу. Его запрягали в повозку, это была его работа. А у магазина была его стоянка. Все его обходили стороной. Меня предупредили, что он сильно плюется, отмыться потом невозможно, так и присохнет. А кто

бы добровольно подошел без опаски к незнакомому верблюду? Вот все его и обходили, а я дальше всех. Он с гордостью и свысока поглядывал вниз на прохожих и что-то всегда жевал.

Магазин, а напротив через дорогу школа, это был центр деревни. Наш дом находился на противоположном углу через дорогу от магазина. Дорога была центральная и грунтовая. Так этот грунт разбивался летом в пыль. Пыль эта была ну как мука, только серая, собиралась особенно вдоль дороги и поднималась от любого ветерка. Хорошо, что тогда было мало машин. За целый день могла проехать одна машина, ну и одна телега, а потом очень долго оседало все это облако пыли.

На улицу выходили два окна, а из коридора на улицу открывалась дверь и там, был выход на рундук. На нем часто отдыхали и Дедынька и Бабанька, все сельчане, проходя мимо в магазин, здоровались, часто сидели рядом, спрашивали совета по жизненным ситуациям у более опытных, обсуждали новости, это было достовернее новостей по радио. Оно висело в горнице между окнами, было круглое в виде большой тарелки, так его и звали. Оно сообщало время, играло гимн, хотя в доме, как и положено, были часы с кукушкой, они висели над столом в другой комнате. Вот и весь дом. В комнатах из мебели было две кровати, буфет, два стола, по столу в каждой комнате, трюмо, сундук, шифоньер, у печи висел на стене посудник. Конечно, в красных углах двух комнат были иконы с лампадами. В Центре дома была русская печь с лежанкой. Дедынька зимой там часто грелся.

В магазин меня посылали за хлебом, его привозили не каждый день и покупали впрок. Белый был, но мой любимый был серый хлеб. Душистый, мягкий, с корочкой, а мякиш был плотный, но пористый и маслянистый. Из него получались самые вкусные на свете печенки, это хлеб политый заваркой, потом его обмакивали в сахар песок, с ним надо бежать на улицу и там наслаждаться вкусом. Сейчас хлеб хотя и пористый, но пустой. Сахар был и кусочками, но большими. Пили чай вприкуску с этим сахаром, его крошили специальными щипчиками. Утром пили калмыцкий чай, сваренный с молоком, Дедынька пил такой чай с топленым бараньим жиром и подсоленный, в него крошил еще и хлеб. Я на такое блюдо так и не решилась. Он был молчун. Часто за весь день от него можно было услышать: «Ну, давайте завтракать», потом обедать, потом ужинать. После завтрака он читал газету. Зимой в магазин мне очень нравилось ходить в Бабусином теплом платке. Он был светло коричневого цвета, покрывался на голову, один конец укладывался на грудь, а второй обворачивался вокруг шеи и подтыкался под него. Мне казалось это модно, моднее некуда, а Бабуся ворчала, что я хожу как все в деревне, а я городская, мне не хотелось быть городской. Зимой катались на коньках на замершей речке. Лед гладкий, потрескивал. Катались до посинения всех частей тела, только щеки были алыми как мак. Тогда плелись на коньках домой, на пороге обметали снег, в коридоре снимали коньки и тут уже бегом, раздеваясь на ходу, забирались на печку отогреться. Там на печи мы с Татьяной пили горячий шоколад. Топили конфеты в игрушечной кастрюле и пили из игрушечных чашек. Впрочем, летом купались тоже до посинения, но печь

тогда не топили. Я каждые выходные, каникулы, праздники стремилась в Забузан. У меня там было много братьев, но кто кому и кем доводится не имело значения. Моя тетя Лена была младше меня и это нас веселило. Мы бегали купаться в реке, ловили рыбу. Однажды я была в доме у т. Фины, случайно или Мишка, или Каська из ружья выстрелил, рядом со мной в полу образовалась дырка, т. Фина побледнела, а мы всей кучкой побежали купаться, мы не понимали что могло быть хуже, чем побледневшая т. Фина

Играли в прятки между домами т. Фины и их соседей Мусишкиных, я искала и всех нашла, а вот Яшку не могла найти. Он спрятался за пучком сена и сидел передо мной, я его не видела, а вся компания умирала со смеху.

А каких мы ловили раков! Под обрывистым берегом около сада за деревней. Мальчишки ловили и выбрасывали их на берег, мне было поручено собирать их в кучку. Но не все раки были послушны своей судьбе и уж никак не хотели быть сваренными и съеденными. Конечно, один уцепил меня своей клешней, я от неожиданности закричала так, что все ловцы выпрыгнули из воды спасти меня. И рыбалка была замечательная, рыба сама искала крючок и ловилась в большом количестве. Мы с ребятами весной на лодках переплывали на остров. Там после разлива оставались запруды, в которых была рыба. Ее просто глушили палками, вытаскивали руками и варили уху там же. Костер и уха были за мальчишками, т.к. они считали, что уха это не женское дело. Были у меня и подружки, это соседки Тайка и Надька Мусишкины. У них часто пила чай со сливками, сидя на ковре на полу, так было принято по национальным традициям. Когда Яшка был в армии, к его возвращению семья делала ему в подарок ковер из овечьей шерсти. В доме разложили на полу шерсть разных цветов по рисунку, потом закатали в рулон, потом запарили горячей водой и прокатывали этот рулон по полу с помощью веревок. Так делали несколько дней, потом получился ковер в национальных традициях. Но я его приезда уже не застала, сама уехала учиться в Таганрог, но это уже было позже. А пока вечерами мы все ходили в кино в клуб, по входным и на танцы, конечно, когда уже были старше. Вечер заканчивался в 11,30 час, потому что надо было до 12 добраться домой. В 12 часов в деревне выключали свет. Конечно, мы никуда не спешили, в темноте то мы уже научились ориентироваться. Но мои Бабуся и Бабанька всегда требовали, чтобы я после танцев, зашла домой и покушала. Голодной всю ночь гулять не разрешалось, остальное не контролировалось потому, что никто ничего плохого мне причинить не мог. Двери в доме закрывались только на вертушку, чтобы ветер не открыл и не намело песку. А лихих людей в деревне не было. Однажды я приехала, а в доме нет никого. Бабуся- то могла выйти из дома, но и мои Дедынька и Бабанька странным образом отсутствовали. Оказалось все ушли в клуб на выборы, туда и я отправилась. У клуба играл духовой оркестр и, Бабанька ходила по кругу, приплясывая. Уж больно веселая музыка и не след упускать такой случай. Бабанька ворчала иногда на Дедыньку, и в сердцах называла его старый хрыч, я еще была маленькой и не понимала, что это она его ругает. Однажды собирались ужинать, а Дедыньку не могли найти, так я им сказала, что старый хрыч ушел закрывать окна. Это развеселило моих

обожаемых до слез. Но и Бабанька не осталась без «подарка». У родителей была статуэтка, на ней изображена избушка и рядом баба яга. Бабанька ходила чуть согорбившись опираясь на палочку и я ей сделала комплемент, что она как та баба яга. Она сразу выпрямилась и сказала, что дождалась от внучки радости.

А радость была во всем. Даже в рассказах о прошлом. Бабуся рассказывала, что я единственная из всех детей и внуков, которую Дедынька держал на руках. Времени нянчить деток не было, ему надо было работать и кормить большую семью. Но видимо для меня это тогда не было аргументом. Говорят, что я тогда только ползала по комнате, и тут вошел Дедынька, вот по штанам я на него и заползла. Еему пришлось меня взять на руки, что бы я не упала. Он держал меня на руках и почесывал затылок. Бабаньку отпаивали водой, ей эта картина была очень удивительна. Дедынька рассказывал мне, как в Астрахани устанавливали советскую власть. Я тогда училась в пятом классе и нам на уроках истории рассказывали про революционный порыв масс. А Дедынька был участником тех событий, и мне очень хотелось услышать грандиозный рассказ. Он мне пояснил, что к ним в казармы пришли агитаторы с вопросами били ли их офицеры, если да, то пошли бить их. Все солдаты из казарм поднялись, пошли в крепость, пришли, а там уже всех поббили. Вот и все. Мне было удивительно, что действительность была такой простой. Еще Бабанька рассказывала, как они поженились. Она была красивая и у нее было много женихов, а пришли сваты за Филиппа сватать, который с бабками сидел на завалинке и лужгал семечки. Разочарование оставило ее у порога, никакие уговоры отца пройти под образа или хотя бы на середину комнаты не дали результата и ее с Филиппом благословили на пороге. Так решил отец. После того, как ушли сваты, за непослушание ей досталось коромыслом по спине, рассказывала, что коромысло сломалось. Мне очень было жаль Бабаньку, сломать коромысло трудно и ей было тогда очень больно. И ее слова: «Женихов то уже никого нет в живых, а мы с Филиппом все живем». Мне кто-то из них рассказывал, что у них всего родилось 19 детей, но многие не выжили. Не знаю, так ли это, но именно эта цифра осталась в памяти. А как они мной гордились, когда я принесла им заработанные в колхозе деньги. Ездили на прополку, нам платили по 3 рубля в день не зависимо от выработки. Так приучали к труду. Потом вместе со всеми учениками работала на сборе помидоров. Но только мы больше лукались ими и приезжали все в помидорном соку и семечках, бежали купаться, потом ужинать. А потом на танцы! С Дедынькой меня посылали сажать картошку. Колхоз выделял землю за селом на берегу реки, как только весной сходила вода, ее распахивали, делили на участки и все село сажало там картошку. Дедынька копал, а я под лопату бросала картошку, которую оставляли в ямке на посадку с прошлогоднего урожая. А осенью ездили на телеге ее выкапывать. Вот где брали лошадей, не знаю, тогда в хозяйстве ее не было, видимо в колхозе.

Дедынька с Бабанькой стали жить в Забузане с семьей не сразу. Забузан был казачьей станицей и, там было много неиспользуемой земли. Когда они поженились, то жили с родителями и старшим братом Дедыньки, он был

уже женат. И когда в семье не стало матери, то старшей хозяйкой стала старшая сноха. Бабанька рассказывала, что хозяйство, а значит и доход в семье был общим. Но старшая сноха больше внимания и средств уделяла своим детям. Тогда Бабанька убедила Дедыньку переехать, вот так и выбрали Забузан. Но обиды не было, т.к. потом в их семью отдали дочь от первого брака, Марусю. Она воспитывалась со всеми детьми наравне. Они первыми в станице стали сажать бахчу, семья большая и кормить всех надо было круглый год. До них молодухи только лузгали семечки, сидя на заваленках. Со старшими сыновьями Дедынька во время путины рыбачил, чем и зарабатывал на жизнь семьи. Все это знаю от них по рассказам.

Любопытно, как рассказы в детстве и их восприятие создают версии, легенды, в которых присутствует объективно личностная интерпретация событий.

Привлекали меня в помощь на покос травы для заготовки сена скотине на зиму. Не знаю была ли от меня помощь, но присутствие было. Сено косил Дедынька, потом переворачивали для сушки, вот в этом сене я копошилась. А уж когда оно высохло, его на лодке перевозили в деревню. Лодка от груза почти вся уходила в воду и, проплывая вдоль крутого берега, я оценивала, смогу ли доплыть до противоположного берега, если что. Но это вряд ли. Боязно не было, со мной был дед. Он сидел на веслах, было спокойно, вода в реке была тихая. Я где-то там нашла посадку арбузов, один удачно прихватила с собой, за это меня отругали. Да и арбуз оказался совсем белый, но сладкий. Только мы убрали сено, как стеной на деревню налетел летний ливень. Сильный, теплый и короткий. Больше никогда не видела, как наступает стена дождя. Весной к пасхе мыли дом. Моющими средствами были мочалка и хозяйственной мыло, потом промывалось чистой одой. Мыли и потолок, и стены, и полы, конечно и окна. Перестирать надо было и все белье. Стирали в бане, а полоскали на речке, летом это удовольствие, а зимой испытание. Баня была во дворе у задней калитки. Топили ее по субботам, в воду приносили в пятницу, наполняли котел, встроенный в небольшую печь, а в углу был второй котел с холодной водой. Топили жарко, была там и полка, на которой парились. Я мылась толь в тазике, парится мне не нравилось, уж очень жарко. Мылись все по очереди, очередь по возрасту, потом чай и обед. Еще весной Дедынька смолил лодку, разжигался костер, на нем в ведре грелась смола и мочалкой, которую привязывали на длинную палку, промазывалось все дно. Нас близко не подпускали, и ребетня нюхала запах смолы издали, сидя на крутом берегу у магазина.

В хозяйстве тогда была корова, теленок и несколько барашков. Вот они это сено за зиму и съедали. А уж нам доставалось молочко, сметанка с маслом. Они хранились в ямке. Очень мне нравилось, когда меня посылали туда слазить и достать что велено. Ну а там раздолье: крынки с молоком, сверху в каждой уже были отстоявшиеся сливки – это верх удовольствия, хотя и наверху никто мне не отказывал, ешь и пей сколько влезет, но за столом. А там, на глубине и в холодке было вкуснее.

Был и трагический случай, когда Бабуся и Бабанька уехали на похороны брата и сына. Я не помню, с кем тогда прощались. Меня оставили на хозяй-

стве присматривать за Дедынькой. Я старалась встать пораньше и приготовить завтрак, натаскать воды с речке. Он же считал, что ребенка с ним оставили, и тоже старался встать раньше и приготовить завтрак и натаскать воды. У него получалось раньше, но готовил он густую лапшу с картошкой, это был суп без бульона. А воду мы уже на перегонки носили с речки.

Я никогда не могла носить воду на коромысле, сельские ребята считали меня городской и не приспособленной. И вот утром рано, я встала и пошла за водой с ведрами и коромыслом. Пыталась все это объединить, но носить на коромысле воду оказалось не просто и очень больно. Так я все отдельно принесла и воду и коромысло. Больше не притрагивалась к коромыслу, он так и весел в амбаре.

Не помню весной или летом, а может и ранней осенью, но было тепло, заготовливали кизек. Во дворе у загона для овец месили солому с навозом, потом это формовали, им топили печи зимой. Хорошо, что я не брезгливая, да никто и не интересовался этим, меси да меси и все тут.

А ведь их чуть не раскулачили в начале колхозного бытия. Старший сын Григорий Филиппович, тогда Гришка «спутался» с Лидой Васильевной, у нее были дети, видимо от первого брака. Бабанька с Дедынькой были против их отношений, мало ли девок в селе и отправили Гришку подальше от нее в Красный Яр. Она узнала об этом и на телеге догнала его на переправе. В то время она была в сельском совете и, пользуясь своим положением, пригрозила, что если и дальше будут стоять у них на пути, то семью раскулачат. Решили, что пусть пропадает один, чем вся семья. Но об этом мне рассказала Бабанька позже. А до этого меня Лида Васильевна увезла к себе в деревню погостить. Я была сначала рада, для меня поездка в деревню это волю молока, купанья и все др. удовольствия. Ан не вышло. Молоко продавали, а что стечет из бидона в чашку, доставалось мне. Главное блюдо – отварная старая, сухая рыба готовилась через день. Они были уже пожилые люди и видимо, им кушать не хотелось. Чай пили весь день со свежей заваркой индийского чая. Халва к чаю лежала в печке, причем свежая задвигалась дальше, а та что тверже – на стол. Я быстро поняла, что мне срочно надо в Забузан и д. Гриша через неделю меня отвез на лодке. Вот тут-то я поняла, кто мне роднее всех, и не только из-за угощений, они просто так жили, а я явление временное. В Забузানে же меня всегда ждали с любовью и все вращалось вокруг меня. И каждый раз Бабанька командовала: «Дуська, неси молоко». Бабуся и без напоминания старалась меня угостить всегда лучшим. Для меня это было естественно, а сейчас очень дорого. Приехала как-то поздно вечером и сразу улеглась спать. Под окнами, но ближе к магазину, стояла небольшая компания деревенских ребят с гитарой, они что-то пели. Меня разбудила Бабанька со словами: «девка, вставай и иди гулять, женихи пришли». Я отвечала, что мол мало ли кто ходит по улице. Она в ответ, что к ней ни разу никто не пришел песни петь под окном. Так и настояла, чтобы я отправилась на улицу гулять. Обычно я приезжала днем, однажды решила поехать в пятницу вечером и передала через Татьяну Мусишкину (она тогда училась в городе. А Мусса – это имя, а не фамилия. Я долго не знала об этом), что бы меня встретили

Геннадий и Женя, это мои закадычные братья. Автобус делал две остановки. От Красного Яра было идти далеко, и я вышла у старого кладбища, даже не думала бояться, меня же должны встречать. Автобус уехал, вокруг темно и никого нет. Страшно, а идти то надо. Прохожу мимо кладбища, а они из-за могил на мотоцикле с ярким светом и ревом вылетают, я просто онемела. Ребята сами испугались, что меня испугали. Погрузили на мотоцикл, привезли в деревню, сдали меня бабушке и умотали по добру, по здорovu.

С братьями мы ездили часто кататься на великах, вернее на одном : Гена крутил педали, Женя на раме, я на багажнике. Однажды заехали незнамо куда, а педаль и отвалилась. Пешком возвращались в деревню со страшными рассказами, это бала ночь. Если бы было не так темно и страшно, может я бы не запомнила.

В воскресенье надо было возвращаться в Астрахань, всем надо кому в школу, кому в техникум, кому и в институт, а автобус то не резиновый, да и последний рейс. Все собирались на переправе у Красного Яра. Автобус разворачивался и высаживал приехавших пассажиров. Вот тут и начался штурм автобуса через окна. Конечно лезли мальчишки и занимали места девчонкам. А сами если и стояли, то на одной ноге. Потом при движении все как-то утрясались. Помнится среди них был и Николай Куранов тот, что на фото в середине сверстников такой светленький. (а ты его помнишь?, узнаешь во взрослом Николая Петровича?) Когда доезжали до парома, после переправы в автобус помещались все. Любимыми были все Бородины, Курановы, Михины... Генка, Женька, Кольки, Каська, Мишка, Ленка, тогда эти имена были сокращенными от полных имен. Сейчас это имена ласкательные слуху и душе. Почему-то все выросли и стали жентиться. На свадьбах гуляло все взрослое население, все были или от стороны жениха, или со стороны невесты. Но привозили жен невесть откуда, и называли их невестами. Столы ставили на улице под шатрами. Гуляли по два дня. Не знаю сколько пили и ели, но плясали до упаду, весело под гармонь. И пели на все деревню. Традиция накрывать столы в шатрах и рядом со столами ставить лавки для сидения гостей в Забузани была не сразу. Шатры ставили для защиты от комаров. Сначала в шатре ставили два стола, один для напитков, другой для закусок. Не все гости выдерживали путь от напитков до закусок, т.к. в середине шатра на пути к закускам, играла гармошка и все пускались в пляс. Это рассказывала Валентина Куранова (Уфимцева). Ей был не под силу путь с чей-то свадьбы домой, непреодолим оказался водогон. Именно после этого случая уже на их с Геннадием Курановым свадьбе, первыми в Забузани они поставили столы и к ним лавки. Закуски были под стать рыбацкому селу: рыба красная в разных вариантах, икра черная в изобилии. Деликатесом была колбаса. Кто бы сейчас отказался в этом меню все поменять местами? Под гармошку гости просто плясали кому что хотелось. А вот на свадьбе у Николая Куранова все парами танцевали кадрили и жена у него была городская. Очень жаль, что беззаботное детство прошло быстро. Ушли мои Дедынька и Бабанька, иначе я их никогда не называла и очень долго удивлялась, что их имена

Татьяна и Филипп, а Бабуся – Евдокия, она до конца своих дней жила с Татьяной в городе. Прощаться с ними я не поехала потому, что не могла смириться с мыслью, что их нет, не хотела категорически видеть их не живыми. И сейчас вижу их дом, а на рундуке сидят Дедынька и Бабанька, Бабуся же хлопочет по хозяйству. Пусть так и остается. Обнимаю всех.

На другой день после того, как по электронной почте пришли воспоминания от Ольги получаю письмо-раздумье.

Дорогой Николай Петрович! Наши мужчины в любом возрасте и любом статусе всегда наши защитники! Женщины мечтают быть за своим мужчиной, как за каменной стеной, а мы всегда должны мотивировать и стимулировать любую вашу деятельность. Наступает День защитника отечества. Поздравления от моей семьи твоей семье, ее сильной половине. Пожелания самые мирные, добрые. Чтобы жизненный процесс у всех поколений был длинный и естественный, мирный. Чтобы это всегда ценилось и было надежно защищено. А вам, дорогие, здоровья, удачи, благополучия. Ну и жизнеутверждающее: «Красная Армия всех сильней!», на нее и надеемся, главнокомандующий утверждает, что это так. Я ему верю.

Мы вместе с оттепелью выезжали на свой участок, впечатления замечательные. Гулять хорошо. В удовольствие немного поработали. С воспоминаниями о прошлой жизни оказалось не все просто. Тебе писала коротко, а вспоминала подробнее, несколько ночей просто спать не могла. Довоспоминалась до повышенного давления, мужу сказала, что на погоду, хотя у меня давление высоким не бывает. В норму, кажется, вернулась, но болеть не хочется. Буду вспоминать только хорошее. Ты в своей работе, если будешь писать о нашей семье не пиши так подробно о плохом (хотя это правда), напиши обтекаемо. Отец был офицером, ушел из армии в звании капитана. Фронтовик, участвовал в боях за Сталинград, был на Орловско-Курской дуге. Оттуда его послали на краткосрочные курсы артиллеристов. Дальше служил в дальнбойной артиллерии. Закончил войну в Германии. Служил в Ленинграде, Калининграде, на Урале. Призывался в армию из Красного Яра вместе с односельчанами и с забузанцами. Первые бои были вместе с д.Сеней, отступали до Сталинграда. У кого были пулеметы, тех оставили оборонять город. А с пустыми руками отправили на передислокацию, так они и расстались. Поэтому д. Сеня и Эмма Петровна Турченко были крестными родителями у Татьяны. У отца было ножевое ранение в мягкие ткани ноги, его он получил при отступлении. Его с группой посылали за языком, там в столкновении его ранили. В Сталинградской битве он отморозил пальцы на руках, крайние фаланги пальцев у него были круглыми. Еще его оглушило от постоянных взрывов, от работы наших орудий, хотя всегда во рту держали или карандаши, или просто палки, чтобы перепонки не лопнули. Говорил громко, всегда с охотой пел, хотя музыкального слуха у него не было, и в ноты он не попадал. Он как раз из тех, кому на ухо медведь наступил. Ритм он чувствовал, танцевал хорошо, но мимо музыки. А у Татьяны был абсолютный слух. Это ей от мамы досталось. У нее был замечательный голос. В Германии она пела в хоре солистом. А меня на праздник Победы на параде использовали, как статую солдата с ребенком

на руках. Эту «статую» везли на машине, солдат был наш военнослужащий, а ребенком была я. Мама рассказывала, что я сидела на руках у солдата, как на памятнике. Вот только где был парад- не знаю.

Но это все придания минувших дней. А из настоящего тебе и всем твоим огромный привет от Женечки Бородина, конечно Николаевича (это я за компанию с Мишей и Аркадием его окрестила Васильевичем) Мы с ним разговариваем часто. т. Валечка приболела, хочется, чтобы не тяжело и долгих ей лет. Кажется она сейчас самая старшая из наших родичей. Еще раз с праздником. Обнимаю. Оля

Спасибо, тебе Оля за откровения, и познавательные, и трогательные.

Разные судьбы птенцов гнезда Филиппа и Татьяны, но есть и общее, идущее от традиций многодетной крестьянской семьи.

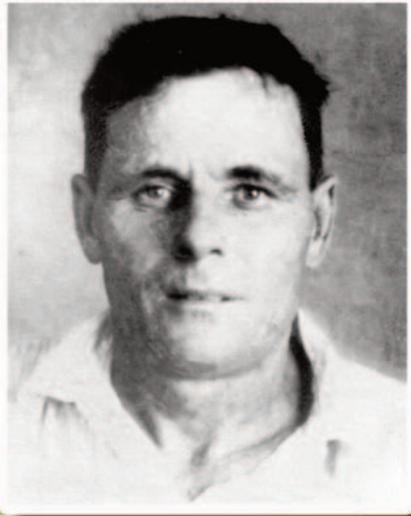
Как складывается жизнь, кто правит балом?
Нам говорят, что это ДНК,
Что гены, может, самых древних предков.
А кто-то скажет просто, мол – судьба.

Когда на тот вопрос найдут надёжные ответы,
Тогда в пробирке будут делать судьбы эти.
Боюсь, что потеряем мы тогда в пробирке то,
Что человечеству несло крестьянское гнездо.

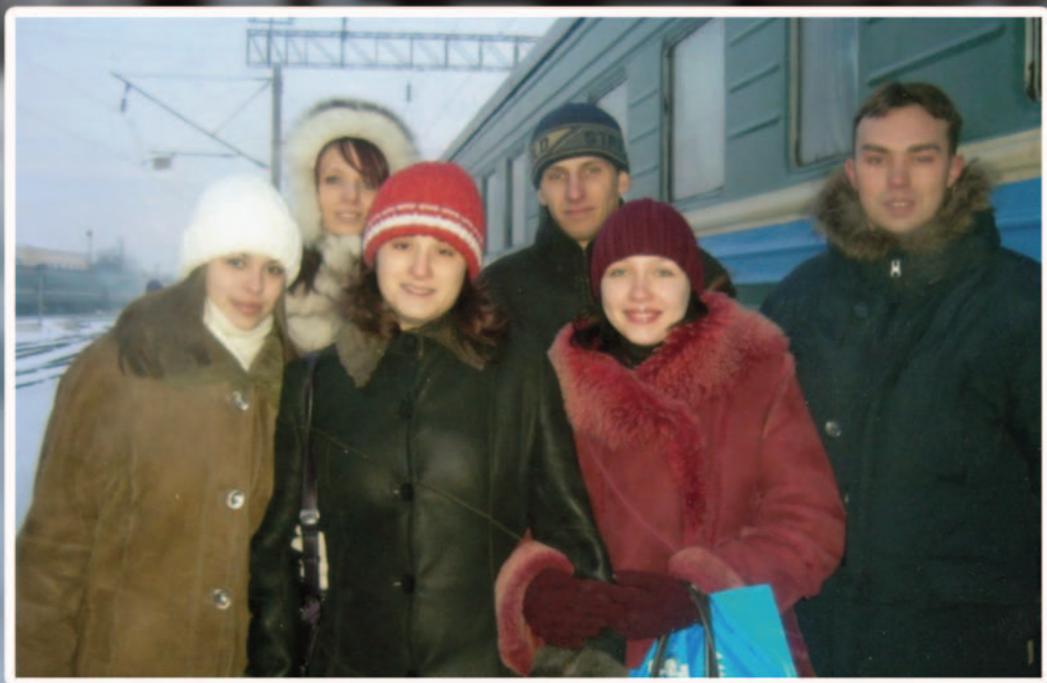
Взаимовыручку, любовь к тому, что окружает нас,
Заботу друг о друге, труд и ласку брата, мамы,
Всё то, что кажется немислимым подчас,
В дорогах жизни растерять мало-помалу.

А ведь теряется. Ворует у себя же человек,
Себе отчёта не даёт, что сокращает век.
И одиночество, как старость, подступает,
А как вернуть утраты – не умеет и не знает.

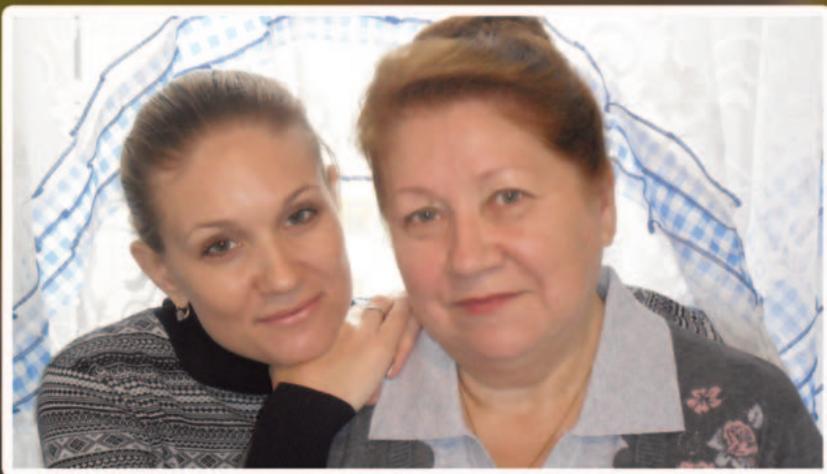
Пробирки не помогут в этом, думаю, усугубят,
Поэтому и гимн пою крестьянскому гнезду.
И не пробирки вам желаю, а семейный дружеский подряд,
Он гарантирует нам всем достойную судьбу!

8. Вместо эпилога

В Забузани сохранился, правда, в видоизмененном виде родовой дом крестьянского «гнезда» Михиных Филиппа и Татьяны. На Забузанском кладбище они лежат рядышком и рядом с ними один из их сынов Василий. Обычная русская семья, вобравшая традиции своих отцов, уходящие во времена крепостного права на Руси и передавшая эти традиции своим детям. Что это за традиции, в чём их животворящие свойства – хорошо видно из подробных записок их младшего сына Германа. Необычность, я бы сказал, исключительность крестьянского «гнезда» Филиппа и Татьяны состоит в том, что из этого «гнезда» вылетело пять «соколов», пять представителей советской авиации. И это тогда, в тот период, когда авиация только-только зародившись, начинала развиваться, крепнуть, в том числе, усилиями детей Филиппа и Татьяны.

Прочные основы семьи и труда, заботы о близких, любовь к жизни, заложенные ими, дали плоды во всех отраслях производства. На семейном дереве Филиппа и Татьяны уместилось множество профессий от крестьян и рабочих, председателей колхозов и директоров предприятий, военных разных родов и званий, кандидатов и докторов наук, доцентов, деканов и профессоров.

Если посмотреть географию, где «наследили» птенцы крестьянского «гнезда» то окажется, что это вся территория огромной России и не только.

Попробую назвать эти места, где жили, работали, служили и воевали потомки Татьяны и Филиппа:

Забузан, Красный Яр, Красноярский р-он, Астрахань, Астраханская обл, Волгоград, Краснодар, Ставрополь, Крым, Борисполь. Ленинградская обл, Псковская обл, Карело-Финская автономная обл, Ульяновск, Монино, Серпухов, Электросталь, Московская область, Сталинобад (Душанбе), Фрунзе (Бишкек), Армавир, Майкоп, Грозный, Омск, Тикси, Биробиджан, Владивосток, Пенза, Харьков, Волгоград, Серафимович, Мурманск, Северодвинск, Саратов, Иваново-Франковск, Великий Новгород, Москва, Германия, Голландия, Канада, Шпицберген, Монголия, Тайвань и т.д. и т.п.

Мне кажется, что о многих местах, где жили-были потомки Татьяны и Филиппа они сами даже никогда и не слышали.

Я горжусь дедушкой и бабушкой, питаю большое уважение к ним, к их неграмотному, но мудрому учению на собственном примере, показывающем как надо жить в многодетной семье. Как выживать, не унывая, и даже в полуголодном состоянии оставаться деятельным жизнелюбом и счастливым человеком.

Написал я эти строки и перечитал Тургенева «Дворянское гнездо» с их глубокими человеческими переживаниями. Они не показались мне мелкими в сравнении с тем, что было в жизни Татьяны и Филиппа и их обитателей. Но

вместе с тем переживания крестьянского гнезда показались мне поистине величественными, и я порадовался за себя. Порадовался, что вырос не в дворянском, а в крестьянском гнезде.

Забужанцы с уважением относились и относятся к своим землякам из крестьянского гнезда Михиных Филиппа и Татьяны. Администрация села приняла деятельное участие в установке обелиска военному лётчику Михину Якову Филипповичу, совершившему два воздушных тарана в двух войнах и оставшемся в живых. Для своих земляков Яков Филиппович был и остаётся дважды Героем Советского Союза.

Куранов Николай Петрович
Крестьянское гнездо

Подписано в печать 12.04.2019
Бумага офсетная.
Печать офсетная. Формат 60х90/8. Усл.печ.л. 31
Гарнитура Century Schoolbook
Тираж 50 экз.

Отпечатано в ООО «КЛУБ ПЕЧАТИ»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, д. 40, к. 1
Тел.: +7 (495) 669-50-09
www.club-print.ru